

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Founder: Perm State University

Научный журнал издается
Пермским государственным
национальным исследовательским
университетом с 2010 г.

Тематика статей журнала отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований.

Subjects of articles of the journal reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles.

Издание включено в Перечень ВАК РФ по следующим научным специальностям, по которым принимаются статьи:

- 09.00.01 Онтология и теория познания
- 09.00.11 Социальная философия
- 09.00.03 История философии
- 09.00.13 Философская антропология, философия культуры
- 19.00.01 Общая психология, психология личности, история психологии
- 22.00.01 Теория, методология и история социологии
- 22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы
- 22.00.08 Социология управления

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и
массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС77-66481
от 14 июля 2016 г.

Подписной индекс журнала
«Вестник Пермского университета. Философия.
Психология. Социология» в Объединенном
каталоге «Пресса России» — 41011

© ФГБОУ ВО «ПГНИУ», 2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Александр Юрьевич Внутских (чл.-кор. РАЕ, докт. филос. наук, профессор, Пермь)

Заместитель главного редактора

Александра Юрьевна Бергфельд (доцент, канд. психол. наук, Пермь)

ФИЛОСОФИЯ

Владимир Васильевич Миронов (чл.-кор. РАН, профессор, докт. филос. наук, Москва), *Олег Александрович Барз* (акад. МАИА, докт. филос. наук, профессор, Пермь), *Наталья Ириковна Береснева* (докт. филос. наук, профессор, Пермь), *Владимир Николаевич Железняк* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Сергей Владимирович Комаров* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Лева Асканазович Мусаелян* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Сергей Анатольевич Никольский* (профессор, докт. филос. наук, Москва), *Сергей Владимирович Орлов* (докт. филос. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Александр Владимирович Перцев* (акад. РАЕН, профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург)

ПСИХОЛОГИЯ

Юрий Петрович Зинченко (акад. РАО, профессор, докт. психол. наук, Москва), *Виктор Дмитриевич Балин* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Елена Васильевна Левченко* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Наталья Анатольевна Логинова* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Ирина Анатольевна Мироненко* (докт. психол. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Людмила Александровна Мосунова* (докт. психол. наук, профессор, Киров), *Александр Октябрьевич Прохоров* (профессор, докт. психол. наук, Казань), *Елена Евгеньевна Сапогова* (профессор, докт. психол. наук, Москва)

СОЦИОЛОГИЯ

Зинаида Петровна Замараева (докт. социол. наук, профессор, Пермь), *Евгения Анатольевна Козай* (профессор, докт. филос. наук, Курск), *Наталья Александровна Лебедева-Несевря* (докт. социол. наук, профессор, Пермь), *Елена Леонидовна Омельченко* (докт. социол. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Галина Ивановна Осадчая* (акад. РАСН, чл.-кор. РАЕН, профессор, докт. социол. наук, Москва), *Татьяна Николаевна Юдина* (акад. РАСН, профессор, докт. социол. наук, Москва)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Дмитрий Иванович Широканов (акад. НАН Беларуси, профессор, докт. филос. наук, Минск, Беларусь), *Александр Алексеевич Строканов* (доктор наук, профессор, директор Института русского языка, истории и культуры, университет Северного Вермонта, США), *Дьёрдь Сарвари* (доктор философии, директор Bardo Consulting Organizational Development Office, Венгрия), *Джорджио Де Маркис* (доктор наук, профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплютенсе, Испания), *Стивен Д. МакДауэлл* (доктор наук, профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, США), *Майкл Э. Рьюз* (доктор наук, профессор философского факультета, университет штата Флорида, США), *Пол Эйткен* (доктор наук, адъюнкт-профессор факультета бизнеса, Университет Бонд, Австралия)

Адрес редакционной коллегии

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15. Тел. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru.
Web-site: <http://www.philsoc.psu.ru/vestnik>

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Alexander Yu. Vnitskikh (Associate member of RANH, Doctor of Philosophy, Professor)

Deputy Editor-in-Chief

Alexandra Yu. Bergfeld (Associate Professor, Ph.D. in Psychology)

PHILOSOPHY

Vladimir V. Mironov (Associate member of RAS, Professor, Doctor of Philosophy, Moscow), *Oleg A. Barg* (Academician of IAIA, Doctor of Philosophy, Professor, Perm), *Natalya I. Beresneva* (Doctor of Philosophy, Professor, Perm), *Vladimir N. Zheleznyak* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Sergey V. Komarov* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Leva A. Musaelyan* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Sergey A. Nikolsky* (Professor, Doctor of Philosophy, Moscow), *Sergey V. Orlov* (Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg), *Alexander V. Pertsev* (Academician of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Yekaterinburg)

PSYCHOLOGY

Yury P. Zinchenko (Academician of RAE, Professor, Doctor of Psychology, Moscow), *Viktor D. Balin* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Elena V. Levchenko* (Professor, Doctor of Psychology, Perm), *Natalya A. Loginova* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Irina A. Mironenko* (Doctor of Psychology, Professor, Saint Petersburg), *Lyudmila A. Mosunova* (Doctor of Psychology, Professor, Kirov), *Alexander O. Prokhorov* (Professor, Doctor of Psychology, Kazan), *Elena E. Sapogova* (Professor, Doctor of Psychology, Moscow)

SOCIOLOGY

Zinaida P. Zamaraeva (Doctor of Sociology, Professor, Perm), *Evgeniya A. Kogai* (Professor, Doctor of Philosophy, Kursk), *Natalya A. Lebedeva-Nesevrya* (Doctor of Sociology, Professor, Perm), *Elena L. Omelchenko* (Doctor of Sociology, Professor, Saint Petersburg), *Galina I. Osadchaya* (Academician of RASS, Associate member of RANS, Professor, Doctor of Sociology, Moscow), *Tatyana N. Yudina* (Academician of RASS, Professor, Doctor of Sociology, Moscow)

EDITORIAL COUNCIL

Dmitri I. Shirokanov (Professor, Doctor of Philosophy, Academician of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus), *Alexander A. Strokanov* (Professor, Director of the Institute of Russian Language, History and Culture, Ph.D., Northern Vermont University – Lyndon, USA), *György Sarvari* (Ph.D., Ddirector of Bardo Consulting Organizational Development Office, Hungary), *Giorgio De Marchis* (Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising, Ph.D., Complutense University of Madrid, Spain), *Stefan D. McDowell* (John H. Phipps Professor of Communication, Ph.D., Florida State University, USA), *Michael E. Ruse* (Lucyle T. Werkmeister Professor and Director of the History and Philosophy of Science Program, Ph.D., Florida State University, USA), *Paul Aitken* (Adjunct Professor of the School of Business, Ph.D., Bond University, Australia)

Address of Editorial Board

Perm State University, Bukirev str., build. 15, Perm, Perm Krai, Russia, 614990

Tel. +7(342) 2396-305.

E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru

Web-site: <http://www.philsoc.psu.ru/vestnik>

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

- Человек и технизированный мир:
экологический вектор философского
осмысления 181
Невелева В.С., Соломко Д.В. *Vera S. Neveleva, Dmitry V. Solomko*
- Статус «квалиа» в натуралистических
теориях сознания 192
Ускова Е.В. *Ekaterina V. Uskova*
- Формационный синтез.
Возвращаясь к старой проблеме 203
Корякин В.В. *Vyacheslav V. Koryakin*
- Когнитивные основания
информационного взаимодействия
в процессах культурной коммуникации 215
Сидоренко В.А. *Vladimir A. Sidorenko*

ПСИХОЛОГИЯ

- Стили делового общения как модель:
феномен стиля, подходы, исследования,
открытые вопросы. Часть 2 223
Толочек В.А. *Vladimir A. Tolochek*
- Особенности извлечения информации
и подходы к ее пониманию:
психологический аспект 238
Папакица Е.К. *Elena K. Papakitsa*
- Психометрический анализ и содержание
опросника «Структура деятельности
директора школы» (ОСДДШ) 247
Горбунова И.В. *Irina V. Gorbunova*
- Взаимосвязь ответственности
и прокрастинации личности в раннем
юношеском и позднем юношеском
возрастах 259
Черкевич Е.А. *Elena A. Cherkevich*
- Двухмерная классификация
механизмов психологической защиты 270
Пилюгина Е.Р. *Elena R. Pilyugina*

СОЦИОЛОГИЯ

Социальная стратификация в социологической теории Алена Турена <i>Батуренко С.А.</i>	281	Social stratification in Alain Touraine's sociological theory <i>Svetlana A. Baturenko</i>
Преступность несовершеннолетних: развитие и кризис (западной) криминологической теории <i>Кузнецов А.Е.</i>	291	Juvenile crime: the rise and crisis of criminological theory <i>Alexander E. Kuznetsov</i>
Толерантность к иностранным студентам в российских вузах (на примере ПГНИУ) <i>Балезина Е.А., Форостян В.В.</i>	307	Tolerance to foreign students in Russian universities (a case study of Perm State University) <i>Ekaterina A. Balezina, Veronika V. Forostyan</i>
Влияние социальных характеристик профессиональной занятости в сфере культуры на внедрение проектных форм деятельности в селах Удмуртской Республики <i>Власова Т.А.</i>	317	Social characteristics of occupation in the sphere of culture and their influence on the project activity introduction (a case study of rural settlements of the Udmurt Republic) <i>Tatiana A. Vlasova</i>
Города Мордовии: идентичность в медийном дискурсе <i>Пакшина И.А., Руськина Е.С.</i>	328	Cities of Mordovia: identity in media discourse <i>Iraida A. Pakshina, Elena S. Rus'kina</i>
Информация для авторов	344	Guidelines for English-speaking authors

---

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1:572.026

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-2-181-191

**ЧЕЛОВЕК И ТЕХНИЗИРОВАННЫЙ МИР:
ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕКТОР ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ***Невелева Вера Сергеевна**Челябинский государственный институт культуры**Соломко Дмитрий Витальевич**Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет)*

В условиях технизации практически всех сторон жизни и жизненного мира человека экология непосредственного, живого переживания им отношений со всеми элементами мира есть проблема, связанная как с реальным существованием современного человека, так и с теоретическим знанием о нем. В статье представлен опыт философской рефлексии, необходимой при поиске оптимального пути решения ряда принципиальных вопросов, ставших вновь актуальными: как возможен человек в технизированном мире? каково общее (т.е. философское — на предельно общем уровне его осмысления) основание отношений человека с технизированным миром? как возможно знание о человеке, каким оно должно быть в новых условиях технизированного мира? Человек в технизированном мире возможен как человек — необходимо развивать и укреплять экологический способ их взаимоотношений, сохранять/воспроизводить эти отношения в целом как отношения естественного и искусственного, «живого» и «неживого». Экологический подход строится на основе логики взаимосоразмерности человека и мира, на удержании соразмерности, соотнесении возможностей полноценного воспроизводства и развития каждого «начала» — человеческого и технического — в их ориентации друг на друга. Экологический подход — это подход, основанный на принципе оптимальности в отношениях между сторонами, когда создаются наилучшие возможности для развития, реализации внутреннего потенциала каждой из сторон. Экологический подход имеет методологическое значение в теоретическом и практическом смыслах: может быть рассмотрен и как подход в теоретических исследованиях, и как подход в организации и осуществлении практических отношений человека с технизированным миром.

Ключевые слова: человек, техника, технизированный мир, экологический вектор, экологическое измерение, экология бытия человека, экогуманистика.

**THE HUMAN AND THE TECHNICAL WORLD: THE ECOLOGICAL
VECTOR OF PHILOSOPHICAL COMPREHENSION***Vera S. Neveleva**Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts**Dmitry V. Solomko**South Ural State University (National Research University)*

Under technicalization of practically all aspects of a person's life and the vital world, the ecology of a person's direct experience of their relations with all elements of the world is a problem both in the real

existence of modern man and in theoretical knowledge about him. The article presents the experience of philosophical reflection necessary for finding the optimal way to solve a number of fundamental issues that have become relevant again: How is a person possible in a technical world? What is the general (i.e. philosophical — as a general level of understanding) basis of human relations with the technicalized world? How is knowledge about man possible and what should it be like in the new conditions of the technical world? A person in the technical world is possible as a person, so it is necessary to develop and strengthen the ecological way of their relations, to preserve / reproduce them as relations between the natural and the artificial, the «living» and the «nonliving». The ecological approach is based on the logic of the inter-proportionality of man and the world, on maintaining proportionality, correlating the possibilities of full reproduction and development of each of the «origins» — the human and the technical — in their orientation towards each other. It is based on the principle of optimality in relations between the parties, when there are created the best opportunities for development and realization of each of the parties' internal potential. The ecological approach has a methodological significance in theoretical and practical senses: it can be considered both as an approach in theoretical research and as an approach to organizing and implementing practical relations of a person with the technical world.

Keywords: human, technology, technical world, ecological vector, ecological dimension, ecology of human being, ecohumanism.

Введение

В настоящее время человечество находится в ситуации, которую нередко обозначают, с одной стороны, как постчеловеческую и характеризуют как конец человека, потерю им своей идентичности (Р. Барт, Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида, М. Фуко, А. Кожев, В.А. Кутырев и др.), с другой — как время трансчеловеческого, время перехода к *homo novus* или время проточеловеческого (Н. Бостром, Ж. Делез, Д.И. Ицков, Ф. Фукуяма, М.Н. Эпштейн). Ситуация для человека действительно новая; эта ситуация, заложником которой стало современное человечество, есть логичное следствие общего вектора деятельности человека западной культуры (включая американскую и российскую в значительной степени). Его стандарты «прижились» и в других странах мира в последние два столетия, породив основания как для опасений, так и для выявления позитивных тенденций и антропологических перспектив [Глобальное будущее..., 2014].

Уникальность человека как особого рода сущего проявляется в способности универсального существования. Человек — существо, творящее по меркам любого вида [Маркс К., 1974] и выстраивающее в процессе самотрансцендирования, «размыкания» вовне множество отношений к миру собственно человеческий мир. Если исходить из формулы Маркса о том, что человека можно определять через человеческий мир, то необходимо не только осознавать со-

держание этого мира в его полноте, но и учитывать современное его состояние.

Мир современного человека становится техническим. Современная техника и технологии опосредуют уже практически любые отношения человека со всеми составляющими его мира (даже самые приватные сферы межличностного общения людей) и уже сейчас способны многое менять в самом человеке, ставя под вопрос представления о границах возможного и допустимого, сущего и должного. Самотрансценденция как свойственный человеку способ существования оборачивается созданием особой антропосоциотехнической среды, тенденции развития которой демонстрируют выход человека за свои границы, в данном случае — за границы человекомерности. Вопрос о таких границах актуализируется по отношению не только к миру человека, но и к нему самому: как существо незавершенное, возможное человек XXI в. становится способным «раздвигать» границы своих возможностей не только за счет изменений внешнего мира, но и за счет пересечения границ собственной природы, антропологической границы вообще.

По мнению М.Н. Эпштейна, сегодня позиция человекомерности (как основа того варианта гуманизма, который исходит из принципа антропоцентризма) есть позиция оборонительная, отступающая перед «идеологией техноцентризма и футурологией искусственного разума, который уже в обозримом будущем обещает превратить человека, как “естественный разум”,

в архаический придаток саморазвивающейся киберцивилизации» [Эпштейн М.Н., 2017].

На наш взгляд, позиция человекомерности сегодня по-прежнему актуальна, однако есть необходимость вновь вернуться к вопросу о мере человеческого в новой ситуации человека. Здесь важно учитывать две стороны вопроса: насколько человеческим является мир и что такое мера сама по себе (человек как мера), которую следует переопределять в новых антропосоциотехнических условиях. Позиция человекомерности, связанная с представлением о человеке как субъекте (особенно — абстрактно понимаемом), многократно критиковалась в философии XX в. С этим представлением связывают идеологию превосходства человека над другими формами бытия и «высокомерия» по отношению к ним, а также практические последствия ее воплощения в действительности. Своеобразный антропологический поворот к исследованию и осмыслению человека реального в его нелинейных отношениях к реальному миру предполагает осознание заново как содержания, алгоритмов, механизмов отношения человека с миром, так и характеристик сторон этого отношения.

Одним из принципиальных становится вопрос о субъект-объектном характере отношений человека с техницированным миром. Следует учесть, что в современной философии эта «схема» отвергается как единственно возможная либо существенно корректируется, конкретизируется за счет преодоления одномерности представлений о человеке-субъекте и мире-объекте. Кроме этого, человек в XX–XXI вв. все чаще оказывается в позиции объекта внешнего воздействия со стороны элементов им же созданного мира. Сегодня многими исследователями констатируется, что отчужденность человека в его собственном мире не преодолевается, а, напротив, возрастает и существует в новых формах. Вопрос о субъектности актуализируется именно потому, что существует слишком много того, что ставит ее под сомнение [Жукова Е.А., 2014]. На фоне внешней решимости и активности очень многих людей в новых условиях виртуального существования ответственная субъектная позиция человека по отношению к своим действиям, их целям, смыслу, наоборот, нередко снижается [Смирнов С.А., 2018]. Между тем именно такая позиция явля-

ется весьма значимой в современной ситуации, в которой переплетаются схемы линейности и нелинейности взаимодействия, имеет место многофакторность, опосредующая как отношения между людьми, так и любые отношения человека с его миром.

Мир человека как техницированный мир очень неоднороден, противоречив и многомерен. Технициация мира связана не только с количественным распространением техники как совокупности предметно-вещественных средств деятельности, но и с изменениями в содержании деятельности, расширением в ней элементов схематизации, алгоритмизации, формализации. Последнее обстоятельство, безусловно, оправдано необходимостью справляться со стремительно возрастающим объемом информации, однако все это ведет и к качественному изменению деятельности. Технициация представляет собой как *процесс* внедрения технических средств и технически рациональных способов деятельности практически во все сферы жизни человека, так и *атрибутивную характеристику* его современного мира. При этом следует различать технициацию в разных видах отношений: человека с вещной средой, человека с человеком (с учетом разноплановости этих межчеловеческих отношений), человека со знаково-символической реальностью и др.

В связи с этим возникает ряд самостоятельных, но взаимосвязанных проблемных вопросов. Каково общее (т.е. философское — на предельно общем уровне его осмысления) основание отношений человека с техницированным миром? Ставит ли ситуация техницированного мира под вопрос способы существования человека в том виде, в котором они оформились в ходе его социокультурной эволюции? Каковы возможности и перспективы существования человека как рода сущего в техницированном мире?

Человек и техника: проблема отношения и соотношения

Следствием ставки на расширяющиеся возможности техники и технологий в качестве основного средства социального прогресса может стать своеобразное «переворачивание» ключевых характеристик мира человека: он сам будет определяться как техносоциоантропный, а содержательные его компонен-

ты — как создаваемые не столько по меркам человека, сколько по меркам техники. Современные люди буквально очаровываются достижениями технико-технологического прогресса и все больше нуждаются в них. Н.А. Бердяев бы сказал, что это одно из прелещений современного человека, который редко останавливается, чтобы «подумать, что здесь с помощью технических средств готовится наступление на жизнь и сущность человека» [Хайдеггер М., 1991, с. 108]. Такое «бегство от мышления» (по Хайдеггеру) создает для человека угрозу «отречения» от своей уникальной сущностной способности к осмысляющему раздумью. Способности же к вычисляющему, калькулирующему мышлению, в формате которого человек не задумывается о смысле происходящего, существующего, легко заменить, потому что технические устройства в этом смысле превосходят людей. В этом люди уже не уникальны.

В связи со сказанным возникает проблема отношения между человеком и техницированным миром и их соотношения как в реальном существовании современного человека, так и в теоретическом знании о нем. Суть этой проблемы заключается в том, что созданный человеком техномир (непосредственно мир техники как специальных предметно-вещественных средств, инструментов) постепенно начинает приобретать черты субъектности и самостоятельности (со своей собственной логикой развития). Конечно, это только одна из возможных перспектив, тенденция к которой, однако, уже проявляется. В таком случае как может быть определено отношение между человеком и техницированным миром? Следует ли полагать, что это отношение равноправных, равнозначных субъектов?

О технике как реальности, развивающейся по своим собственным законам, — законам так называемой техноэволюции — писал, например, С. Лем [Лем С., 2008]. Техницированный мир демонстрирует человеку свою способность в перспективе обойтись и без него, быть независимым от воли своего создателя и грозит в не столь отдаленном будущем кенозисом — самоопустошением человека в новейших технологиях [Эпштейн М.Н., 2017]. Самоопустошение, по мнению М.Н. Эпштейна, есть процесс, связан-

ный с передачей человеком своих способностей (прежде всего интеллектуальных) машине.

Отсюда новая ситуация вновь требует ответить на вопросы «что такое человек?», «есть ли ему место (и каково оно) в той реальности, которую все чаще пытаются обозначить как постчеловеческую?», «действительно ли новая постчеловеческая реальность есть реальность конца человека, свидетельствующая о том, что достигнут предел возможностей его развития, или же постчеловеческое есть возможность проточеловеческого как преддверия появления новой формы человека и/или нового способа его существования?», «как возможно знание о человеке в этих условиях?».

Поставленные вопросы — философские, мировоззренческие. Для ответа на них важно определиться с фундаментальными исходными установками. Выведение этих вопросов с конкретно-научного уровня на уровень философской рефлексии требует не только критического осмысления (включая его аксиологическую составляющую), анализа сложившейся ситуации, но и «проектности», предложения вариантов оптимального пути решения актуальных проблем человеческого бытия-в-мире.

Человек и техника: варианты философской рефлексии. Экологизация и/или техницизация человека

Варианты ответов на обозначенные вопросы в современной философии есть, но они не являются однозначными и исчерпывающими. Из существующих точек зрения для обозначения периметра современного философского осмысления данных вопросов можно выделить две диаметрально противоположные позиции.

Первая — позиция известного российского философа В.А. Кутырева, отличающаяся резкой критикой техногенного мира, который, по его мнению, создает безжизненные миры постчеловеческой цивилизации, т.е. «цивилизации целиком искусственной, технологической, информационной» [Кутырев В.А., 2006, с. 16]. Это означает «конец собственно (исключительно) человеческого времени, вступление цивилизации в человеко-машинное состояние» [Кутырев В.А., 2006, с. 110]. Термин «техногенный мир», который использует В.А. Кутырев, не случаен: техногенность проявляется в том, что техницированный мир об-

ладает «генетическими» способностями — он, фактически, порождает соразмерную своим свойствам постчеловеческую реальность.

Вторая — позиция филолога и философа М.Н. Эпштейна, опровергающая идеи о конце истории и смерти человека. По его мнению, ситуация «пост-» есть ситуация перехода, а не конца, перехода к «прото-», понимаемого в качестве эмбриональной формы будущего вообще и формы человека будущего в частности. «Теперь эта эпоха “пост-” сама уже позади. Мы вступаем в век “прото-” — зачинательных, возможностей форм общественного сознания» [Эпштейн М.Н., 2017]. Оба автора исходят из того, что новый мир, новая цивилизация — уже факт, смысл которого может быть определен в его отношении к перспективам человека. Это *первое основание*, в понимании которого оба автора принципиально расходятся, — оценка ситуации технико-технологического прогресса.

Вступая в дискуссию, В.А. Кутырев в этом вопросе, оставаясь на позициях традиционной антропологии, отдает предпочтение «био», живому началу, утверждая, что перспектива, нарисованная М.Н. Эпштейном, так же, как и позиция постмодернистов и трансгуманистов, указывает на идею конца человека и замены его постчеловеческим (техническим). Иными словами, «всечеловек», о котором рассуждает Эпштейн, — это человек из техносферы, а не из биосферы. Именно это обстоятельство разводит позиции двух авторов, обостряя вопрос о человеческой идентичности, поскольку, с точки зрения Кутырева, «человек не из биосферы» — неживой по определению и «не имеет права и оснований называться человеком. В нем превышена всякая мера потери идентичности. Надо прямо сказать: это и есть смерть человека» [Кутырев В.А., 2006, с. 54]. Это *второе основание* расхождения позиций — вопрос об идентичности человека в ситуации технико-технологического прогресса.

В разворачивающейся дискуссии авторы сходятся в понимании того, что в человеке есть естественное, биологическое начало. Однако если у Кутырева «био» — это живое начало, которое должно быть сохранено, то у Эпштейна это начало, которое должно быть превзойдено или же вынесено за скобки. Таким образом, *третье основание* различий —

перспективы человека в ситуации технико-технологического прогресса.

В качестве перспектив развития человеческой цивилизации оба автора обозначают тенденции, каждая из которых указывает на несоответствие авторских приоритетов: «экологизация человека» (Кутырев) и «технизация человека»/«гуманизация техники» (Эпштейн). Рассмотрим, как исследователи характеризуют указанные тенденции.

С точки зрения Кутырева, вопрос «как сохраниться человеку?» является не столько философско-теоретическим, сколько имеющим непосредственно практическое значение. К сожалению, в отличие от трудов М.Н. Эпштейна, в работах В.А. Кутырева определенной в содержательном смысле программы развития человека на перспективу в новых технико-технологических условиях не обнаруживается, а это в современной ситуации преобладания ценностей изменения (не сохранения) крайне важно [Апухтина Н.Г. и др., 2019]. Суждения об экологизации человека представлены Кутыревым как общие теоретические положения о том, что должно быть в человеке сохранено, обеспечивая его идентичность как человека.

М.Н. Эпштейн не исключает вектор экологизации человека, однако понимает его только как вариант сохранения биологического человека в «резервациях» мира техновселенной. Биологическое в человеке может сохраниться особым способом — оно будет музеефицировано. Музеефикация человеческого интерпретируется как естественно-исторический процесс и охватывает множество видов и способов деятельности. Для подобных тезисов действительно есть основания: результатом цивилизационного развития человечества является утрата людьми многих прежде значимых навыков, связанных с добыванием пищи, устройством жилища, способами передачи культурно и социально значимой информации и т.д. Сегодня только в музеях можно увидеть множество еще не так давно использовавшихся людьми предметов, получить представление о применявшихся технологиях.

Эпштейн обосновывает позицию о возможной трансформации человека как биологического вида, где человек является ограниченным и несовершенным (страдающим, физически несовершенным, биологически и интел-

лектуально ограниченным смертным существом): создавая искусственные формы жизни и разума, он в своих творениях превосходит самого себя, становясь «сверхчеловеком». Здесь необходимо отметить, что все это — хорошо известные тезисы трансгуманизма и им-мортологии в том числе [Барышников П.Н., 2014; Болонкин А.А., 2007; Бостром Н., 2017; Вишев И.В., 2008; Казеннов Д.К., 2011].

Для Эпштейна очевидно, что перспектива развития человека связана с его технизацией как существа, но при этом такой, которая ему бы не угрожала. В этом суть так называемого техногуманизма, для которого быть человеком — значит выходить за грань «человеческого, слишком человеческого». Концепция нового человека, по Эпштейну, — это концепция *инклюзивная*, поскольку человек «интегрирует в себя много новейших технологий — медицинских, перцептивных, информационных, коммуникативных — и переступает границы своего биовида, становится киборгом» [Эпштейн М.Н., 2017]. Это не ситуация смерти человека, это новый, постбиотический этап в его развитии: человек «потенциально становится вездесущим, всемогущим и бессмертным», когда он становится «соразмерным всему» — технологии «срастаются с его организмом и служат продолжением его мозга и органов чувств, включая электронные сети как расширение его когнитивных способностей» [Эпштейн М.Н., 2017]. Позиция ученого такова, что современный мир побуждает человека искать способ быть соразмерным всему, для этого он технически и технологически преобразует себя. И, стало быть, он не столько делает свой мир себе соразмерным, сколько сам старается соответствовать меркам этого мира. Один из вопросов, на который при этом трудно дать ответ, — это как раз вопрос об идентичности — «как быть и вполне машиной, и вполне человеком, не убивая в себе одного другим?» [Эпштейн М.Н., 2017].

У М.Н. Эпштейна и В.А. Кутырева ответы на вопрос «как возможен человек?» даны исходя из различных принципов. По Кутыреву, это принцип «борьбы» противоположностей, где человек должен противостоять покорению его со стороны техники, чтобы остаться живым, человеком как таковым. По Эпштейну же, отношения между человеком и техникой

строятся на принципе их взаимодополнения (тенденции технизации человека и гуманизации техники) с перспективой человека как киберсущества и полной замены или вынесения в резервации техновселенной биологического, «доэлектронного» человека.

Резюмируя, отметим, что в дискуссии двух авторов о перспективах человека биологическое противопоставляется техническому как естественное — искусственному. Однако человек как уникальный род существа никогда не был чисто биотическим существом. Он особый род живого, у него изначально особая биология, опосредованная социальностью и культурой. И его живое, естественное начало не может реализовываться, он не может существовать по-человечески, не создавая искусственного и находясь вне созданного мира. Человек как живое существо и его мир «требуют» друг друга, чтобы быть; их естественные отношения — это отношения взаимообусловленности и взаимопосредования. «Человекомерность» мира предполагает «миросоразмерность» человека. Когда какая-либо из сторон этого отношения претендует на лидерство, характер отношений изменяется: логика покорения нарушает логику взаимосоразмерности. Поэтому экологический подход было бы целесообразно применять с учетом диалектического характера соотношения естественного и искусственного (именно потому, что это противоположности), фиксируя все моменты отношений противоположностей: их тождество, различие, взаимообусловленность и взаимопереход. Необходимо удержание соразмерности, соотнесения возможностей полноценного воспроизводства и развития каждой стороны без абсолютизации противостояния сторон — естественного и искусственного — в их ориентации друг на друга. Технический мир (искусственный, созданный) может быть (и нередко остается пока что) соразмерным человеку и ориентированным на него как на естественное существо. Многие виды техники, многие технологии создаются для того, чтобы поддержать, укрепить, усилить естественные возможности человека. Иное дело, если эти технологии и техника становятся самоценными и самодостаточными.

Обозначенные проблемные вопросы актуализируют и вопрос о том, каким должно быть знание о человеке с учетом его совре-

менного положения в этом новом мире и возможных перспектив их взаимоотношений. По этим вопросам дискуссия данных авторов продолжается.

Новое знание о человеке

М.Н. Эпштейн предлагает теоретически разработать целый ряд совершенно новых дисциплин гуманитарного знания, которые будут заниматься осмыслением и решением проблем подобного рода перспектив. Понятно, что потребность в этих дисциплинах связана с необходимостью отвечать на онтологические и аксиологические вопросы о человеке. Для этого данные дисциплины должны представлять собой более широкое учение о человеке, чем «традиционная» антропология. В качестве основного дисциплинарного поля предлагается гуманология, понимаемая как «гуманитарное мышление о негуманитарном», т.е. как совокупность гуманитарных подходов к негуманитарным предметам [Эпштейн М.Н., 2016]. Под «негуманитарными» понимаются те предметы (в том числе и человек), которые традиционно изучаются негуманитарными науками, например естественными (физика, химия, биология и т.п.). Под «гуманитарными» — предметы (культура, язык, искусство), которые традиционно изучаются гуманитарными науками: культурология, лингвистика, искусствоведение и т.п. Различие проводится на основании того, объектами какого рода наук те или иные предметы являются. Гуманитарное мышление движется к смыслообразующим возможностям, которые «раскрываются за каждым фактом» [Эпштейн М.Н., 2004]. Оно, по Эпштейну, стремится исследовать смысл сущего (движение к знанию) и вместе с тем расширить сферу возможномыслимого (движение от знания к творчеству). То есть вопрос о смысле — из сферы устойчивого знания, но требуется шаг от этого в сторону возможного, открытого для новизны.

В таком случае предметом гуманитарного мышления может быть и техника (традиционно являющаяся предметом негуманитарных наук), но не как совокупность дополнительных внешних средств деятельности, а как способ овещствления человеческого живого начала во всем его содержательном разнообразии (интеллекта, эмоций, воли, способов деятельности и др.), т.е. техника, рассмотренная не с пози-

ции отчуждения. И в теоретическом знании — экологии человека (экогуманистике) — овещствление и отчуждение должны быть содержательно и по существу различены.

Эпштейн выделяет два параллельных направления гуманологии, — техногуманистику и экогуманистику — отражающие соответственно тенденции технизации и экологизации человека как «двунаправленную эволюцию самого человека» [Эпштейн М.Н., 2016]. Следовательно, изучаются разные аспекты одного и того же: то, что в человеке остается биологическим, исследуется преимущественно в экогуманистике, а то, что является техническим или же биотехническим, — в техногуманистике. Таким образом, в любом случае это знание о человеке, своеобразная новая антропология, но первое ее направление связано с идеей музеефикации (т.е. гуманистической идеей, которая базируется на принципе сохранения и обращена к прошлому), а второе — с идеей всечеловека (тоже гуманистической, но базирующейся на принципе преобразования и обращенной в будущее).

Кутырев же отстаивает и защищает позиции «традиционного» философского знания о человеке — антропологии, одновременно понимая те трудности, которые существуют для нее в ситуации, когда постмодернизм «разворачивается как идеология всего человеческого мышления <...>. Он хочет быть парадигмой, эпистемой, единым и единственным мировоззрением современности» [Кутырев В.А., 2006, с. 22]. С точки зрения ученого, гуманология «переступает» через антропологию. В ней «обобщаются, оформляясь в качестве дисциплины, разного рода и уровня постчеловеческие концепции (не)бытия, некой “позитивной смерти”» [Кутырев В.А., 2006, с. 54], ее основные идеи предполагают ликвидацию человека, т.к. он не может быть одновременно и машиной, и человеком. В этом смысле технические приспособления (с которыми предлагается интегрироваться человеку), расширяющие возможности органов тела, возможности передвижения, восприятия, мышления и т.д., на самом деле не способствуют развитию духовного и физического потенциала естественного человека.

В этой части дискуссии Кутырев в какой-то степени «увлекается» критикой позиций своего оппонента, понимая гуманологию как учение о человеке в ряду «живых и искусствен-

ных форм разума» [Эпштейн М.Н., 2017]. Но ведь Эпштейном гуманонология определяется как «гуманитарный подход к “негуманитарным” предметам» [Эпштейн М.Н., 2017]. В таком случае то, что имеет в виду Кутырев, относится к техногуманистике. Стоит отметить, что ни в техногуманистике, ни в экогуманистике человек как биовид не отрицается. В экогуманистике сконструирован образ человека, безопасно доживающего свои дни в «резервациях» техносреды. Техногуманистика рассматривает человека как часть технически формируемой среды, не исключительно как биовид, но и как биовид в том числе. Человек Эпштейном ставится в ряд искусственных форм разума (антропоморфных машин, киборгов, гомутеров) как творец среди своих созданий. Однако в отдаленном будущем его технизация связывается все-таки с преодолением биочеловека, выходом за его границы, с появлением природно-искусственного существа — всечеловека (киборга), где природное = биологическое/телесное.

Но почему Эпштейном используется именно этот термин — «всечеловек»? В каком значении употребляется префикс «все-»? «Все-» = «обще-», общечеловеческое есть общее для всех?

В тексте статьи «Всечеловек» «Проективного словаря...» Эпштейна можно обнаружить следующее определение: всечеловек — это человек, который «объемлет и совмещает в себе свойства многих индивидов» [Эпштейн М.Н., 2017]. Автор поясняет, что существование такого индивида возможно за счет интеграции в человека множества новейших технологий (медицинских, информационных, перцептивных). Всечеловек за счет сращивания себя с техникой переступает границы своего биовида, становясь «киборгом». Логика автора соответствует схеме силлогизма: всечеловек = киборг, киборг = всемогущий, следовательно, всечеловек = всемогущий.

Во всечеловеке ограниченность человека, его «слишком человеческое» преодолевается с помощью не расширения вовне, а соединения внутри его существа того, что есть у него самого, с тем, чем он ранее не обладал. Это синтез, за счет которого без всяких собственных усилий человек становится всемогущим; в нем все есть сразу: все в нем одном, и нет необхо-

димости выстраивать сложную систему внешних отношений, чтобы обеспечить себе всемогущество.

Далее делается еще одно значимое уточнение: всечеловек не высокомерен, но соразмерен всему и «объемлет и примиряет собой все человеческое», которое ему не чуждо: «мудрость и неразумие, дерзание и ничтожество, открытия и заблуждения, игру и страсть» [Эпштейн М.Н., 2017]. Подобное понимание всечеловека принципиально отличается от того, что имел в виду Теренций: «Я — человек! Не чуждо человеческое мне ничто» [Теренций, 1985, с. 115]. В статье «Всечеловечество» уточняется, что для всечеловека не чуждо не только все человеческое, но и «все внечеловеческое» [Эпштейн М.Н., 2017]. Остается предположить, что «внечеловеческое» — это и есть то самое техническое, посредством которого человек, преодолевая свою биологическую природу, становится всечеловеком.

Кутырев полагает, что человек как биовид невозможен в принципиально ином, несоразмерном ему технизированном мире. Несоразмерность связана с тем, что человек «начал проникать за пределы реальности, данной ему как телесному существу и воспринимаемой его органами чувств» [Кутырев В.А., 2006, с. 11], — в микро- и мегамиры. Впрочем, и в макромире (или мезокосме — на самой Земле) в условиях формирования новой информационно-компьютерной реальности (виртуальной реальности) человек может присутствовать фактически без участия своего тела, «наблюдая или играя в хоккей по телевизору» [Кутырев В.А., 2006, с. 13] или надевая 3D-очки. Возможность бестелесного присутствия в мире — один из признаков несоразмерности.

Однако означает ли это, что человек не контролирует свое бестелесное присутствие в этом мире? Ответ вряд ли может быть однозначным. Бестелесно человек присутствует в мире, когда, например, пользуется языком математики, создавая иную, знаковую реальность, заменяя формулами действительность. Это тоже искусственный мир, несоразмерный непосредственно телесности человека. Но при этом он не перестает быть живым, не умирает, поскольку все эти формулы соразмерны другому живому и естественному началу в человеке — абстрактному мышлению. По Эпштей-

ну, бестелесное присутствие человека в мире (даже в виртуальном, созданном посредством компьютерных технологий) вовсе не означает смерть человека, поскольку человеческое не сводится им к биологическо-телесному.

Новая антропосоциотехническая реальность требует вновь ответить на вопросы «что следует понимать под соразмерностью человека его миру?», «в чем заключается мера человеческого, позволяющая оценивать существующую действительность так или иначе?», «какие качества, которые и делают человека человеком, незаменимы и невозпроизводимы?».

Заключение

Рассмотренная выше дискуссия представляет собой современный вариант обсуждения проблемы соотношения естественного и искусственного. Конкретно-историческое содержание ее менялось, но суть всегда оставалась одной и той же. В настоящее же время эта проблема, касаясь бытия человека, получает явно аксиологический характер. Однако почему именно с техникой, особенно с современной, связаны такие опасения по поводу перспектив человека? Проблема отношения естественного и искусственного в современном технизированном мире прямо выходит на судьбу человека, фактически через отношение «живое – неживое» актуализирует вопрос о бытии и небытии, жизни и смерти человека как особого рода сущего. И в этом смысле, конечно, категоричность позиции Кутырева оправдана в качестве своеобразной попытки «остановить» человека, как призыв к «осмысляющему раздумью» [Хайдеггер М., 1991] о собственных возможных перспективах.

Вариант отношения человека к технике только как к средству, предлагаемый Кутыревым (и обозначенный Хайдеггером в речи «Отрешенность»), может оказаться неадекватным современной ситуации. Во всяком случае, есть основания полагать, что необходимо вновь осмыслить это отношение, его характер, статус и место каждой из его сторон с учетом новых реалий, «воли» техники и готовности человека к сосуществованию с ней как с «центром силы». Это означает, что существует необходимость в новом варианте философии человека — философии человека в технизированном мире.

Новым знанием о человеке и его существовании в условиях технизированного мира может стать экогуманистика, но не в чисто эпштейновском понимании ее как заботы о человеке — «рудименте» полудикой стадии развития разума, выпадающей «в осадок» [Эпштейн М.Н., 2017]. Для формирования такого нового знания о человеке важно осознание того, что возможности и мощь современной техники актуализируют потребность экологического измерения отношений между человеком и технизированным миром. При этом экологически-ориентированный взгляд не предполагает отказа от внутренней логики развития этих отношений. Экологический подход — это подход, основанный на *принципах координации (согласованности) и оптимальности* во всей совокупности отношений между сторонами, когда отношения являются формами взаимодействия, обеспечивающими наилучшие (максимально допустимые в сложившихся условиях) возможности развития, реализации внутреннего потенциала каждой из сторон. При этом очень значимым является факт взаимозависимости каждой из сторон, поддержание их сосуществования для обеспечения возможностей сохранения континуума «человек – технизированный мир». Любое нарушение в порядке существования одной стороны может обернуться сложно предсказуемыми, но едва ли позитивными изменениями в порядке существования не только другой стороны, но и целого. Экологический подход рассматривает с точки зрения ценности взаимосберегающего воспроизводства части и целое в их отношениях друг с другом, взаимориентации друг на друга.

Список литературы

- Апухтина Н.Г., Дыдров А.А., Емченко Е.П., Соломко Д.В. Экологизация человека как диалог ценностей сохранения и изменения // Социум и власть. 2019. № 1(75). С. 102–111.
- Барышников П.Н. Типология бессмертия в теоретическом поле французского трансгуманизма // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2014. № 1(7). С. 98–127.
- Болонкин А.А. Бессмертие людей и электронная цивилизация: сб. статей. N.Y.: Lulu Press, 2007. 130 с.

Бостром Н. FAQ по трансгуманизму. URL: <https://coollib.com/b/326779/read> (дата обращения: 19.03.2020).

Вишев И.В. Современная научная революция: переход от смертнической парадигмы к парадигме бессмертнической // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2008. № 6(106).С. 112–116.

Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты: материалы Первой Всерос. конф. (Белгород, 11–12 апреля 2013 г.) / под ред. Д.И. Дубровского, С.М. Климовой. М.: Канон+: Реабилитация, 2014. 352 с.

Жукова Е.А. Высокие технологии под углом зрения экологии человека // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 11(152). С. 199–205.

Казеннов Д.К. Концептуальные основания трансгуманизма: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2011. 19 с.

Кутырев В.А. Философский образ нашего времени (безжизненное пространство постчеловечества). Смоленск: Изд-во СГУ, 2006. 301 с.

Лем С. Фантастика и футурология: в 2 кн. Кн. 1. М.: АСТ: Хранитель, 2008. 591 с.

Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1974. Т. 42. 536 с.

Смирнов С.А. Антропологическая платформа для национальной технологической инициативы (приглашение к дискуссии) // Философская антропология. 2018. Т. 4, № 2. С. 69–80. DOI: <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2018-4-2-69-80>

Теренций. Самоистязатель // Теренций. Комедии. М.: Худ. лит-ра, 1985. С. 109–190.

Хайдеггер М. Отрешенность // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: сб. М.: Высш. школа, 1991. С. 102–111.

Эпштейн М.Н. Знак пробела: о будущем гуманитарных наук. М.: Новое лит. обозрение, 2004. 864 с.

Эпштейн М.Н. От знания к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. М.; СПб.: Центр гуманист. инициатив, 2016. 480 с.

Эпштейн М.Н. Проективный словарь гуманитарных наук. М.: Новое лит. обозрение, 2017. 609 с.

Получено 08.04.2020

References

Apukhtina, N.G., Dydrov, A.A., Emchenko, E.P. and Solomko, D.V. (2019). *Ekologizatsiya cheloveka kak dialog tsennostey sokhraneniya i izmeneniya* [Human ecologization in terms of conservation and change value]. *Sotsium i vlast* [Society and Power]. No. 1(75), pp. 102–111.

Baryshnikov, P.N. (2014). *Tipologiya bessmertiya v teoreticheskom pole frantsuzskogo transgumanizma* [A typology of immortality in the theoretical field of French transhumanism]. *Filosofskiye problemy informatsionnykh tekhnologiy i kiberprostranstva* [Philosophical Problems of IT and Cyberspace]. No. 1(7), pp. 98–127.

Bolonkin, A.A. (2007). *Bessmertnye lyudey i elektronnyaya tsivilizatsiya: sb. statey* [Immortality of people and electronic civilization: collected papers]. N.Y.: Lulu Press Publ., 130 p.

Bostrom, N. *FAQ po transgumanizmu* [FAQ on transhumanism]. Available at: <https://coollib.com/b/326779/read> (accessed 19.03.2020).

Dubrovskiy, D.I. and Klimova, S.M. (eds.) (2014). *Global'noe budushee 2045: Antropologicheskiy krizis. Konvergentnye tekhnologii. Transgumanisticheskie proekty: materialy Pervoy Vseros. konf. (Belgorod, 11–12 aprelya 2013 g.)* [Global future 2045: anthropological crisis. Converged technologies. Transhumanist projects: Materials of the First All-Russian conf. (Belgorod, April 11–12, 2013)]. Moscow: Kanon+ Publ., Reabilitatsiya Publ., 352 p.

Epshteyn, M.N. (2016). *Ot znaniya k tvorchestvu. Kak gumanitarnye nauki mogut izmenyat' mir* [From knowledge to creativity. How the humanities can change the world]. Moscow, Saint Petersburg: Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ Publ., 480 p.

Epshteyn, M.N. (2017). *Proektivnyy slovar' gumanitarnykh nauk* [Projective dictionary of the humanities]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obzrenie Publ., 609 p.

Epshteyn, M.N. (2004). *Znak probela: o buduschem gumanitarnykh nauk* [Space bar: The future of the humanities]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obzrenie Publ., 864 p.

Heidegger, M. (1991). *Otreshennost'* [Detachment]. *Razgovor na proselochnoy doroge* [Country Path Conversations]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., pp. 102–111.

Kazennov, D.K. (2011). *Kontseptual'nye osnovaniya transgumanizma: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Conceptual foundations of transhumanism: Abstract of Ph.D. dissertation]. Saratov, 19 p.

Kutyrev, V.A. (2006). *Filosofskiy obraz nashego vremeni (bezhiznennoe prostranstvo postchelovechestva)* [The philosophical image of our time (lifeless space of post-humanity)]. Smolensk: SSU Publ., 301 p.

Lem, S. (2008). *Fantastika i futurologiya: v 2 kn. Kn. 2* [Fiction and futurology: in 2 books. Book 2]. Moscow: AST Publ., Khranitel' Publ., 591 p.

Marx, K. (1974). *Ekonomicheskoye-filosofskie rukopisi 1844 goda* [Economic and philosophical manuscripts of 1844]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 42, 536 p.

Smirnov, S.A. (2018) *Antropologicheskaya platforma dlya natsionalnoy tekhnologicheskoy initsiativy (priglaseniye k diskussii)* [Anthropological platform for national technological initiative (invitation to discussion)]. *Filosofskaya antropologiya* [Philosophical Anthropology]. Vol. 4, no. 2, pp. 69–80. DOI: <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2018-4-2-69-80>

Terence (1985). *Samoistyazatel'* [Self-Tormentor]. *Terentsiy. Komedii* [Terence. Comedies]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., pp. 109–190.

Vishev, I.V. (2008). *Sovremennaya nauchnaya revolyutsiya: perekhod ot smertnicheskoy paradigmy k paradigme bessmertnicheskoy* [The modern scientific revolution: the transition from the mortal paradigm to the immortal paradigm]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnyye nauki* [Bulletin of the South Ural State University. Series «Social Sciences and the Humanities»]. No. 6(106), pp. 112–116.

Zhukova, E.A. (2014). *Vysokie tekhnologii pod uglom zreniya ekologii cheloveka* [High technologies from the point of view of human ecology]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin]. No. 11(152), pp. 199–205.

Received 08.04.2020

Об авторах

Невелева Вера Сергеевна

доктор философских наук, профессор,
заведующая кафедрой философских наук

Челябинский государственный институт культуры,
454091, Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36а;
e-mail: vsneveleva@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6820-3707>

Соломко Дмитрий Витальевич

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии

Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет),
454080, Челябинск, пр. Ленина, 76;
e-mail: dimiurg85@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2318-7643>

About the authors

Vera S. Neveleva

Doctor of Philosophy, Professor,
Head of the Department of Philosophical Sciences

Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts,
36a, Ordzhonikidze st., Chelyabinsk, 454091, Russia;
e-mail: vsneveleva@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6820-3707>

Dmitry V. Solomko

Ph.D. in Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department of Philosophy

South Ural State University
(National Research University),
76, Lenin av., Chelyabinsk, 454080, Russia;
e-mail: dimiurg85@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2318-7643>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Невелева В.С., Соломко Д.В. Человек и технизированный мир: экологический вектор философского осмысления // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 2. С. 181–191.
DOI: [10.17072/2078-7898/2020-2-181-191](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-2-181-191)

For citation:

Neveleva V.S., Solomko D.V. [The human and the technical world: the ecological vector of philosophical comprehension]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 2, pp. 181–191 (in Russian). DOI: [10.17072/2078-7898/2020-2-181-191](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-2-181-191)

УДК 141.1:159.9

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-2-192-202

СТАТУС «КВАЛИА» В НАТУРАЛИСТИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ СОЗНАНИЯ

Ускова Екатерина Викторовна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Статья посвящена анализу натуралистических теорий сознания в рамках аналитической философии. Выбор данных теорий обусловлен монистической трактовкой сознания в этих теориях. Данная позиция представляется, с одной стороны, логически обоснованной, а с другой стороны, имеющей достаточную объяснительную силу. Однако и у этой позиции имеются слабые стороны, часть из которых рассмотрена в статье. Одна из очевидных сложностей для любой теории сознания, а особенно натуралистической, — это трактовка квалиа, или качественной окраски наших ментальных состояний. Почему эта окраска вообще существует и каков ее практический смысл — вот те вопросы, которые стоят перед учеными. Мы находим возможные ответы на них в теориях Дж. Сёрля, Н. Хамфри и Ф. Петерса. Каждый из них соглашается с тем, что сознание порождено мозгом, но расходятся они в трактовке онтологического статуса сознания. При этом их понимание эпистемического статуса сознания сходно: оно заключается в том, что соотнесение между собой взглядов на сознание с позиции третьего и первого лица всегда проблематично. Вместе с тем как само сознание, так и его качественная окраска могут и должны объясняться в рамках эволюционного подхода. Совершенно очевидно, что ни одна из натуралистических теорий сознания еще не дала ответов на все вопросы (если это вообще возможно), однако поиск этих ответов, на наш взгляд, должен осуществляться именно в пределах этих концепций.

Ключевые слова: аналитическая философия, теория сознания, сознание и бессознательное, квалиа, феноменальное сознание, ментальные состояния сознания, физикализм, натурализм.

THE STATUS OF QUALIA IN NATURALISTIC THEORIES OF CONSCIOUSNESS

Ekaterina V. Uskova

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

The article analyzes naturalistic theories of consciousness in the framework of analytical philosophy. The choice of these theories is due to the monistic interpretation of consciousness in them. This position seems, on the one hand, to be logically sound, and, on the other hand, to have sufficient explanatory power. However, there are weaknesses in this position, some of which are considered in the article. One of the obvious difficulties for any theory of consciousness, especially the naturalistic one, is the interpretation of qualia or the qualitative scope of our mental states. Scientists are faced with such questions as: «Why does it even exist?» and «What is its practical meaning?» We find possible answers to them in the theories of J. Searle, N. Humphrey, and F. Peters. Each of them agrees that consciousness is generated by the brain, but they differ in the interpretation of its ontological status. Nevertheless, their understanding of the epistemic status of consciousness is similar: correlation of views on consciousness from the position of the 3rd and 1st person is always problematic. At the same time, both consciousness itself and its qualitative scope can and should be explained within the framework of the evolutionary approach. It is obvious that none of the naturalistic theories of consciousness has yet

given answers to all questions (if it is even possible), but the search for these answers, in our opinion, should be carried out precisely within this approach.

Keywords: analytical philosophy, theory of consciousness, consciousness and the unconscious, qualia, phenomenal consciousness, mental states of consciousness, physicalism, naturalism.

Введение

В этой статье мы рассмотрим теории, описывающие и объясняющие сознание в рамках аналитической философии, и остановимся на концепциях биологического натурализма и статусе квалиа в них. Прежде всего, необходимо отметить, что современная философия сознания изобилует разного рода теориями сознания, каждая из которых при всех своих объяснительных возможностях всегда обладает некоторым набором слабых положений, подвергаемых критике ее оппонентами. В этом смысле не являются исключением и натуралистические теории. Поэтому мы ставим своей задачей продемонстрировать действительно сильные места этой концепции и попытаться ответить на ставшую уже традиционной критику. Среди приверженцев биологического натурализма мы также не найдем единомышленников: позиции его сторонников сильно различаются. Более пристально мы будем рассматривать философский вариант натуралистической теории сознания Дж. Сёрля и два ее научных варианта, созданных в рамках психологии и нейрофизиологии, — от Ф. Петерса и (более известный) от Н. Хамфри.

Но прежде обрисуем проблемное поле исследования. Все теории сознания разделяются на дуалистические и монистические.

Дуалисты в отношении сознания полагают, что есть две несводимые друг к другу субстанции, или сущности: материальная и идеальная, «протяженная» и «мыслящая» (по Р. Декарту). Современный вариант дуализма — это интеракционизм (К. Поппер), дуализм свойств, или эмерджентный дуализм (Д. Чалмерс), и другие. Дуалисты исходят из того, что сознание невозможно объяснить в рамках известных нам физических законов, его нельзя рассмотреть с позиции третьего лица и т.д. Основная теоретическая трудность дуалистической позиции по отношению к сознанию состоит в объяснении причин и механизма взаимодействия сознания с материей и взаимовлияния сознания на материю (проблема ментальной каузальности).

Монисты (материалисты) в отношении сознания полагают, что есть единственная материальная сущность, а сознание в этом смысле либо материально (материалисты и физикалисты), либо производно от нее, т.е. в конечном итоге тоже материально. Это вариант натуралистического монизма. Еще один вариант в рамках этого подхода — это редуктивный натурализм, т.е. уверенность в иллюзорности или кажимости реального существования сознания как чего-то дополнительного по отношению к материальному, когда оно представляет собой своеобразную иллюзию, вера в которую укоренилась очень давно. Этой позиции, в частности, придерживается Д. Деннет [Dennett D., 1991], П.М. Черчленд и П.С. Черчленд. Монизм может иметь и идеалистическую природу, когда мы исходим из первичности и единственности идеального или сознательного по отношению к материи.

Отдельный вариант натуралистического монизма представляет собой биологический натурализм, на самом деле являющийся нередуктивным натурализмом, т.е. такого рода теоретической позицией, которая пытается представить сознание в качестве естественного с точки зрения науки феномена, но не сводя его к другим, уже известным нам, а выделяя его специфику и уникальность и не постулируя при этом его как отдельную онтологическую сущность. Особенность этой теории сознания состоит в утверждении того, что мы, безусловно, отталкиваемся от законов науки при описании реальности, но живые существа представляют собой совершенно отдельную часть этой реальности, организованную по своим правилам. Конечно, согласно физикализму, все биологические взаимодействия можно свести к химическим, а их, в свою очередь, к физическим. Но не потеряется ли тогда вся специфика биологических взаимодействий? Наука о живом претендует на описание именно биологической части реальности, и в ней существуют уже сформулированные законы о живом, в частности закон эволюции Ч. Дарвина, закон наследственности Ж.-Б. Ламарка и многие другие. Все живые системы движутся, питаются и размножа-

ются, а также обладают способностью к обучению и развитию. Вот эти принципы и кладутся в основу биологического натурализма в отношении сознания, на их базе и строится теория сознания. Не менее разработанной и популярной версией философского натурализма, но уже в редуктивном его варианте является функционализм как теория сознания, представители которой полагают, что сознание — это особое состояние или функция материи, причем материальный субстрат может быть различным (биологическим или механическим), а функциональные взаимосвязи элементов дадут нам новое качество, которое мы и сможем трактовать как сознание.

Монистические теории сознания, натуралистические в частности, бесспорно, сталкиваются с рядом трудностей. Так, их можно обозначить как проблему природы квалиа, проблему феноменального сознания, проблему природы индивидуальности «Я» и проблему каузальной способности феноменального сознания. Например, проблема природы чувственных качеств (квалиа) состоит в том, что «эти качества, очевидно присутствуя в нашем чувственном восприятии, тем не менее полностью отсутствуют в составе научной (физической) картины мира» [Иванов Е.М., 2019, с. 16]. И действительно, красный цвет, например, представляет собой волну электромагнитного излучения определенной длины, которая воспринимается нашими органами чувств именно как красная. Само название красного цвета, а тем более восприятие нами этого цвета как энергичного, побуждающего к действию и даже, может быть, вызывающего уже вторично по отношению к физической природе самого феномена цвета, но для людей важной оказывается в первую очередь именно эта его характеристика.

Такого рода критика натуралистических теорий сознания является традиционной. На наш взгляд, этот аргумент не учитывает того, что в данном случае физика и ее теории берутся в качестве базовых и универсальных. Да, безусловно, это так. Но когда мы говорим о сознании, о квалиа или других отличительных характеристиках человека или живого существа, то физические особенности отходят на второй план и на первый выходят те качества, которые являются значимыми с биологической точки зрения, а одной из ключевых черт окружения

биологического существа и является, в частности, цвет. Он может быть сигналом опасности или свидетельством особи того же вида, наличия пищи (наряду с запахом) и т.д.

О тех же самых проблемах натурализма говорит и Д.Э. Гаспарян, называя их провалами в объяснении сознания, свободы, смысла и субъективности [Гаспарян Д.Э., 2014]. С точки зрения автора, натуралисты так или иначе не могут встроить сознание в мир вещей, оно к нему не относится, но его наличие в мире требует объяснения. Отсюда они либо приходят к выводу об иллюзорности сознания, либо вынуждены объяснять его в терминах предметного позитивного знания как возникшее супервентное свойство на базе естественного физического, а точнее биологического основания (так полагает, в частности, Д. Чалмерс). «В случае достижения договоренности в вопросе о том, что указанные сущности не есть иллюзии, хотя и не находятся в мире наряду с прочими предметами и фактами, можно допустить, что их онтология отличается от онтологии вещей. Самое важное в их способе данности то, что они являются структурными условиями наблюдаемой реальности, и потому реальность в том виде, как она дана, есть уже результат и продукт системных требований, в предметной реальности ненаблюдаемых» [Гаспарян Д.Э., 2014, с. 62]. Данное замечание кажется нам очень ценным, а указание на системные требования отсылает нас к проблеме соотношения онтологии и эпистемологии, реализма и релятивизма, раскрываемых, в частности, в статье Р. Вергауvena и Е.Н. Ищенко «Проблема квалиа: онтологические и эпистемологические следствия» [Вергаувен Р., Ищенко Е.Н., 2018]. На наш взгляд, подход, предлагаемый данными авторами, представляет собой отдельное направление исследования и будет рассмотрен нами в следующих работах.

Прежде всего перечислим необходимые составляющие любой теории сознания. На наш взгляд, необходимо в рамках этой теории дать определения таких понятий, как «ментальное», «сознание», «феноменальное сознание», «интенциональность», «квалиа», «субъективный опыт», «опыт от первого лица», «опыт от третьего лица». Вся аналитическая философия является англоязычной, поэтому необходимо соотносить между собой ее ключевые термины, а это

прежде всего «mind» и «consciousness». Для английского слова «mind» мы не найдем русского эквивалента, наиболее близкими по смыслу будут слова «ум», «разум». Что касается понятия «consciousness», то оно переводится как «сознание». При соотнесении друг с другом русских вариантов английских терминов у нас вряд ли могут возникнуть разночтения или какие-либо варианты толкований. В частности, очевидно, что ум предполагает сознание, согласно всем известному вопросу: «Ты в своем уме?» Это по своей сути есть вопрос о вменяемости или сознательности индивида. Точно так же и разум предполагает сознание. Однако в рамках современной философии и психологии сознания принято говорить о так называемых ментальных состояниях сознания (верованиях, желаниях, намерениях, эмоциях, переживаниях, восприятиях и т.д.), которые могут быть как сознательными, так и бессознательными. Очевидно, что не все то, что происходит с нами на ментальном уровне, может и должно осознаваться.

Получается, что сознание — это одно из двух сторон ментальных состояний, вторым из которых является бессознательное. Далее, неотъемлемыми характеристиками сознания являются его феноменальный характер, интенциональность и квалиа. Феноменальный характер сознания — это и есть его самая загадочная и трудная с научной точки зрения проблема, поскольку сознание мало того, что является собственностью исключительно человека и только он есть его единственный носитель, оно еще и недоступно другим и неизмеримо с точки зрения современной науки. Сознание каждого — это отдельный мир, населенный своими особыми сущностями, природа которых еще ждет своего открытия. Оно интенционально, т.е. всегда является «сознанием о»: если мы находимся в сознании, то мы всегда можем сказать о том, что мы видим, что ощущаем, слышим, о чем думаем и т.д. При этом не важно, находятся ли эти объекты в реальном или воображаемом мире. И, наконец, квалиа, или качества, делают наше сознание неповторимым. Все объекты, которые осознаются нами, имеют качественные характеристики: мы слышим не просто звуки, а шум машин или пение птиц, мы не просто пьем чай, а ощущаем его вкус (он нам кажется сладким или не очень), мы смотрим на картину, и она нам нравится или нет. По

сути дела, ни одна из теорий сознания не может обойти эти самые квалиа, поэтому необходимо объяснить, что они представляют собой, откуда возникли и зачем нужны. Есть еще два понятия, постоянно используемые в любой теории сознания, а именно: опыт от первого лица — субъективный опыт и опыт от третьего лица — объективный опыт. Проблема современной философии сознания заключается в соотнесении опыта от первого лица — моих знаний о моем собственном сознании с опытом от третьего лица — объективных, т.е. научных, знаний о сознании. Очевидно, что доступ к своему сознанию имеет только его носитель и наука пока не в состоянии с помощью современных технических средств ответить на вопрос о том, что мы, например, представляем сейчас или о чем мы думаем в данный момент. Однако современный уровень нейрофизиологических исследований уже позволяет выделять отдельные нейроны, отвечающие за кодировку, а затем и узнавание определенных картинок: Мэрилин Монро, Эйфелевой башни и т.д.

Наш выбор натуралистических теорий сознания обусловлен несколькими причинами. Во-первых, мы полагаем, что возможности современной науки позволяют дать, пусть и общие, ответы на вопросы о принципах работы сознания. Любая из дуалистических теорий сознания сталкивается с множеством трудностей, одна из которых заключается в объяснении причинных взаимодействий физической сущности с нефизической, поскольку в известном нам с вами мире действуют только причинно-следственные связи, описывающие взаимодействия материальных тел.

Во-вторых, мы не плодим сущности без лишней необходимости, если есть возможность объяснить явление на базе имеющихся в нашем распоряжении законов, уже открытых наукой.

В-третьих, биологический натурализм, на наш взгляд, является наиболее адекватной версией физикализма и, соответственно, позволяет ответить на те вопросы, которые в рамках этого направления оказываются неразрешимыми.

И вместе с тем основной фокус исследования этих теорий будет направлен нами именно на место и трактовку понятия «квалиа» в них. Вопрос о квалиа — это камень преткновения для любой теории сознания, а тем более натуралистической, потому что качественная при-

рода феноменального сознания представляет собой неразрешимую проблему. Но так ли это? Постараемся разобраться.

Перечисленные преимущества натуралистической философии сознания мы хотим продемонстрировать на примере теории сознания Дж. Сёрля. Кроме того, дадим и критику этой теории, представленную, в частности, одним из самых известных российских философов, работающих в рамках аналитической философии, — В.В. Васильевым, а также менее известные варианты натуралистической теории сознания уже от имени ученого сословия, а именно Н. Хамфри и Ф. Петерса.

Биологический натурализм Дж. Сёрля

Итак, рассмотрим позицию Дж. Сёрля. Собственно, он является одним из тех, кто предложил понятие биологического натурализма для обоснования своего представления о сознании. Название обусловлено тем, как определяет феномен сознания сам автор. «На самом фундаментальном уровне сознание является биологическим феноменом в том смысле, что его причинами являются биологические процессы, оно само по себе является биологическим процессом и оно взаимодействует с биологическими процессами. Сознание является биологическим процессом как пищеварение, фотосинтез или выделение желчи» [Searle J.R., 2008, p. 155]. Эти же идеи исследователь развивает в статье о биологическом натурализме (2007) [Searle J.R., 2004] и во многих других своих работах.

Исследование сознания и психофизической проблемы ученый начинает с констатации некоторого рода истин, которые, с одной стороны, поддерживаются и разделяются всеми здоровыми людьми, с другой — доказаны наукой. А именно: 1) «...все наши сознательные состояния каузально порождены процессами в мозге» [Searle J.R., 1999, p. 51], 2) сознание — это особый феномен, и оно принципиально субъективно, его нельзя описать с позиции третьего лица, 3) ментальные состояния — это особые свойства мозга. Таким образом, «все формы сознания каузально порождены поведением нейронов и реализованы в системе мозга, которая сама состоит из нейронов» [Васильев В.В., 2009, с. 49].

Вот эти положения и составляют основу теории Дж. Сёрля, которую необходимо отне-

сти либо к дуализму, либо к монизму. Однако это не так просто сделать, потому что сознание хотя и оказывается производным от нейронных процессов в мозге, но не тождественно им. При всей своей изобретательности позиция ученого оказывается достаточно уязвимой для критики. В частности, В.В. Васильев замечает, что если взять три взаимосвязанных положения его теории, а именно: (1) сознание влияет на поведение, будучи (2) высокоуровневым свойством нейронных процессов, (3) но это свойство онтологически отлично от этих процессов, то легко можно увидеть, что третье утверждение противоречит второму, а это разрушает всю теорию в целом [Васильев В.В., 2009, с. 53]. Основная проблема в данном случае — это непереносимое желание Дж. Сёрля подчеркнуть особый онтологический статус сознания. Такая позиция в большей степени близка к дуализму свойств, т.е. к эмерджентному дуализму. Что же касается квалиа и их трактовки Дж. Сёрлем, то он рассматривает их как непереносимые атрибуты сознания, которое принципиально субъективно, и говорит о том, что «все квалиа представляют собой сознательные состояния, все сознательные состояния — это квалиа» [Searle J.R., 2004, p. 327]. Вопрос о природе этих качественных состояний исследователь оставляет без ответа, полагая, что в перспективе он может быть найден представителями естественных наук.

Итак, суть позиции Дж. Сёрля, на наш взгляд, сводится к тому, что он следует здравому смыслу при ответе на вопрос о сознании, считая его производным от мозга, полагая вместе с тем, что его феноменальный характер — это большая загадка и будет ли она объяснена наукой — не известно.

Позиция понимания сознания как высокоуровневого свойства мозга [Волков Д.В., 2017] многим кажется логически достаточно противоречивой, и более традиционным в рамках аналитической философии видится им представление о сознании как супервентном на физическом.

Натурализм Ф. Петерса

Для сравнения предлагаем посмотреть на трактовку биологического натурализма от представителя научного сословия, нейрофизиолога австралийского университета Ф. Петерса. Он спе-

циализируется на психологии, в своих работах размышляя о статусе сознания и его значении.

В статье под названием «Не нужно путать сознание с квалиа» [Peters F., 2014] Ф. Петерс дает характеристику квалиа как свойств сознания. А именно: квалиа 1) субъективно, т.е. воспринимается частным порядком, это знаменитое «Каково это быть...?» Т. Нагеля [Nagel T., 1974], 2) имеет особый качественный характер ментальных событий, или когнитивный контент, и 3) эпистемическое измерение квалиа — непосредственный доступ или знакомство [Peters F., 2014].

Относительно первой и второй характеристики Ф. Петерс высказывает соображение об их двойственном характере: и субъективность сознания, и его когнитивный контент могут быть в равной степени сознательными или бессознательными. Образно говоря, в обычной жизни мы не задаемся вопросом о том, что значит быть человеком, слоном или летучей мышью, каждое существо просто проживает жизнь, находясь в своем теле. Осознание своей уникальной природы доступно немногим живым существам, возможно, только человеку. То же самое мы можем сказать и о когнитивном контенте: он может осознаваться совершенно в разной степени и в зависимости от задач, стоящих перед живым организмом. Отсюда ученый заключает, что ни субъективность сама по себе, ни когнитивный контент не могут быть отличительными признаками как квалиа, так и сознания вообще, поскольку они одновременно характеризуют и наши бессознательные состояния. Но именно эпистемическое измерение квалиа, т.е. то, каким образом они нам даны в опыте, позволяет говорить об их особом статусе по отношению к сознанию.

Эпистемическое измерение квалиа трактуется Ф. Петерсом как непосредственное знакомство, или прямая осознанность, иначе — рефлексивность. «Сознание — это состояние, которое я осознаю», — формулировка принципа транзитивности Д. Розенталя [Peters F., 2014, p. 83]. И, конечно же, возникает неизбежный вопрос: что представляет собой осознанная рефлексия, если в мозге есть только электромагнитные импульсы?

Ф. Петерс предлагает следующие варианты ответов на этот вопрос. Во-первых, нам может только казаться, что мы действительно осозна-

ем себя и мир, но насколько действительно высок этот уровень осознанности и рефлексивности, т.е. не переоцениваем ли мы свою способность к рефлексии? Ведь на самом деле очень велик объем той информации о мире, которую мы не осознаем. Во-вторых, сознание может быть понято как вариант саморефлексии и саморегуляции, т.е. как иной вариант гомеостаза. Здесь имеется в виду, что все живое стремится к поддержанию биологического равновесия в каждом отдельном организме, многие системы отвечают за это и по большей части это происходит на бессознательном уровне, хотя и регулируется мозгом. Но с усложнением окружающей среды, изменением условий обитания и т.д. возникает необходимость в приспособлении или в изменении привычного поведения как условия выживания. За выполнение этих задач и начинает отвечать сознание.

Если мы посмотрим на отечественные исследования физиологов, то увидим в их работах утверждения о рефлексах и цепочках рефлексов как простейших элементах сознания. В частности, И.М. Сеченов писал: «Все акты сознательной и бессознательной жизни по способу происхождения суть рефлексы» [Сеченов И.М., 1947, с. 176]. Рефлексы замыкают в нервную цепочку, например мышцы и моторные нейроны, в мозге, и электромагнитный импульс, многократно проходя по одному и тому же кругу, превращается в рефлекторный. Далее высказывается гипотеза о том, что циркулирование большого количества информации требует ее обработки, выставления приоритетов и в конечном итоге команд к дальнейшим действиям. Основным тогда становится вопрос о необходимости именно сознательного реагирования на поступающую извне информацию. Зачем нужно сознание — это самый сложный вопрос, особенно в рамках биологического натурализма.

Ф. Петерс полагает, что сознание мы не можем рассматривать только в качестве просто субъективности, т.е. феноменального «Я» (осознания того, что это именно мое сознание и тело и мое видение мира), но оно представляет собой тот уровень эмпирической реальности, которая подвергается когнитивной обработке, т.е. рефлексии. Получается, что чем выше уровень осознанности, тем больше информации о себе и окружающем мире мы можем учесть и обработать, а значит, и принять более обосно-

ванные решения о своем поведении в будущем. Не случайно одной из характеристик сознания является эта возможность предвосхищения событий и, как одно из глобальных следствий, представление о собственной конечности. Многие исследователи интеллекта животных полагают, что это им недоступно, хотя, возможно, не всем. На основе этой идеи можно сделать предположение о наличии разных уровней сознания и самосознания соответственно. А это, в свою очередь, делает возможным его измерение и градуацию, что очень важно при изучении маленьких детей, не владеющих речью, или животных.

В заключении Ф. Петерс высказывает соображения о полезных свойствах сознания. Оно нужно: 1) для собрания воедино мультимодального, мультисенсорного опыта «Я» (но в отношении этого мнения есть разные версии: некоторые ученые полагают, что нет никакого реального центра переработки информации в мозге, но имеют место различные потоки и приоритет отдается большим по объему, т.е. более значимым информационным поводам), в противном случае было бы трудно делать выбор, 2) непосредственного удостоверения в своем существовании, т.е. в сознательном состоянии вы не можете ошибиться относительно того, что это ваш опыт и ничей иной, потому что знание себя находится, как бы ни было это странно, за пределами чувственного знания, оно непосредственно; а отсюда — возможность регулировки, корректировки и изменения своего поведения, т.е. самоконтроль, 3) в качестве формы самовосприятия и саморефлексии и 4) гарантии невозможности спутать себя с другим существом (тесты на узнавание себя в зеркале для животных и маленьких детей), а также того, что мы бодрствуем и находимся в сознании. [Peters F., 2014, p. 89–90].

Нужно отметить, что, строго говоря, взгляд Ф. Петерса на квалиа не является традиционным, поскольку обычно на первый план выходит именно субъективный характер квалиа и их когнитивный контент — та самая уникальная окраска нашего субъективного опыта, которая так восхищает ученых и философов и одновременно ставит их в тупик. Но именно то, что мы можем это осознавать (а также бесконечное множество другого), и должно стать предметом изучения.

Теория сознания Н. Хамфри

Наконец, для сравнения предлагаем рассмотреть взгляд Н. Хамфри на природу сознания и его роль. В статье под названием «Изобретение сознания» [Humphrey N., 2017] он следующим образом объясняет появление сознания. Ученый не случайно отталкивается от значения английского слова «изобретение». Первое значение этого слова — «приспособление или процесс, появившиеся в ходе эксперимента для удовлетворения практических целей», а второе — «создание ума, то, чего нет, предназначенное для угождения и убеждения». И то, и другое значение может быть применено по отношению к сознанию. В первом случае сознание будет «когнитивной способностью, эволюционировавшей благодаря естественному отбору, предназначенное для того, чтобы помочь нам осмыслить себя и свое окружение», во втором это «фантазия, созданная мозгом, предназначенная для изменения того, как мы оцениваем наш опыт» [Humphrey N., 2017].

Точно так же, как и многие ученые и философы, Н. Хамфри соглашается с тем, что качественный характер — это самое удивительное в феномене сознания, однако полагает, что квалиа как неотъемлемая часть нашего субъективного опыта добавляет очень мало или почти ничего к познавательной способности как таковой. Под сознанием исследователь понимает непосредственно «то, что осознается», т.е. ментальные состояния, субъектом которых человек является в каждый отдельно взятый момент времени и которые доступны ему благодаря интроспекции [Humphrey N., 2017]. Сознание имеет качественный характер и обладает функцией единства или «Я», которым оно становится благодаря процессу роста и эволюции организма. Появляется тот центр, в который собирается вся информация извне и изнутри и в котором затем эта информация обрабатывается и принимаются решения. Еще одна функция сознания связана с его возможностью делать предметом изучения само себя, т.е. с самосознанием, а оно, в свою очередь, позволяет делать предположения о других людях, их поведении, мыслях, желаниях и т.д. и взаимодействовать с ними на основе этих предположений.

Итак, говоря о сознании, Н. Хамфри еще раз подчеркивает, что квалиа — это его централь-

ная характеристика и если ученые избегают ответов на вопрос о сущности этого феномена, то происходит это, скорее всего, из-за кажущейся или действительной его необъяснимости для науки — уникального феноменального опыта, доступного только его носителю. На данный момент существует только две осмысленные альтернативы в трактовке квалиа: можно быть реалистами, т.е. считать их реально существующими, либо иллюзионистами, т.е. полагать, что они лишь кажутся нам, но не существуют на самом деле. Ученый причисляет себя к последним. Основным аргумент, который он выдвигает в пользу этой позиции, состоит в противоречивости позиции реализма, приводящей к умножению сущностей, не объяснимых в рамках известных физических законов. Вариант иллюзионизма, который предлагает Н. Хамфри, выглядит следующим образом. Нам дается аналог голографического принципа по отношению к сознанию. Этот физический принцип гласит, что «мир, имеющий n измерений, может быть репрезентирован поверхностью с a в степени $(n-1)$ — измерениями»; таким образом «4-мерный мир сознательных квалиа с успехом может оказаться иллюзией, порожаемой 3-мерным мозгом» [Humphrey N., 2017].

Далее Н. Хамфри предлагает свой вариант ответа на вопрос о появлении такой 4-мерной картины мира, т.е. сознания. Он начинает с далеких времен, полагая, что сознание не появилось одномоментно, а представляет собой результат длительного процесса эволюции. Когда-то давно плавали в океане существа, обладающие некоторой сентенцией (или «чувствительностью», как это называл А.Н. Леонтьев [Леонтьев А.Н., 1983] в рамках отечественной психологической науки), и они реагировали в ответ на внешние вредные или полезные раздражители, могли ориентироваться относительно части своего организма, которая подвергалась воздействию, и т.д. Информация об окружающей среде была значима для этих простейших организмов, но они не обладали сознанием и не были способны оценить ее значение. Однако эволюция продолжалась, и возникло некое «прото-Я», способное оценивать входящую информацию, извлекая ее значение из входящих моторных сигналов, посылаемых для получения рефлексивного ответа. На этой стадии появился чувствующий субъект, но еще не существовало феноме-

нального поля. Чтобы понять этот этап, нужно еще раз посмотреть, что же произошло. Рефлексивные ответы — это явные телесные действия, происходящие в результате стимуляции на поверхности тела. Постепенно организм предков реальных живых существ стал более сложным, и эти явные телесные действия оказались неуместными и даже неудобными. И тогда существа столкнулись с проблемой: как убрать ставшие ненужными очевидные реакции организма, но сохранить информацию о поступающих раздражителях? Естественный отбор действовал изобретательно: моторные сигналы были интернализированы или приватизированы и информация о них теперь достигала не реальной поверхности тела, а посылалась на его карту, расположенную в мозге. Это означает, что в мозге появилась виртуальная карта тела. Далее Н. Хамфри, по сути дела, развивает идею о цепочках, которые связывают моторные и сенсорные отделы головного мозга. Такого рода активность может быть стабилизирована некоторым аттрактором, обладающим дополнительным измерением. Это всего лишь гипотеза, но автор полагает, что она может быть вполне жизнеспособна. Развивая ее далее, мы можем предположить существование некоторого аттрактора, обладающего феноменальным полем, по сути и ставшего сознанием. Исследователь понимает его как «невозможное состояние мозга, которое создается им самим» [Humphrey N., 2017].

И, однако, по-прежнему остается вопрос о том, зачем же понадобилось сознание в ходе эволюции. И тут нам не обойтись без экскурса в историю человечества и актуализации роли сознания в ее ходе, ведь сознательный опыт действительно изменил способ жизни людей на Земле. Мы можем говорить и о появлении и изменении психологии людей благодаря квалиа, а также их представления о себе самих и своем месте в мире. Общество и культура — весь мир, созданный людьми, есть неоспоримое свидетельство преимуществ обладания сознанием, которое есть у *Homo sapiens*, полагает Н. Хамфри [Humphrey N., 2017].

Обсуждение результатов

Итак, из обзора представленных вариантов теорий биологического натурализма относительно сознания мы можем увидеть, что вопрос о сущности сознания и квалиа хоть и не оказывается

вполне решенным, но имеет в рамках этого подхода несколько вариантов ответа на него. Дж. Сёрль настаивает на особом онтологическом статусе сознания и ставит его качественную характеристику на первое место, сомневаясь, однако, в способности науки ответить на вопрос о природе этой характеристики. Ф. Петерс полагает, что особенность сознания заключается в его эпистемическом статусе — рефлексивности, при этом качественная его характеристика отходит на второй план, не являясь его отличительной чертой. Что касается Н. Хамфри, то он также полагает, что проблема квалиа как неотъемлемого свойства сознания не является самой главной. Наука должна стремиться ответить на вопрос не только о механизме работы сознания, но и о его необходимости в мире с точки зрения биологической эволюции. Мы полагаем, что избежать логических трудностей позиции биологического натурализма отчасти можно, если придерживаться взгляда на сознание как на существующее в материальном мире, т.е. материальную сущность, предстающую перед нами в разных эпистемических измерениях. С точки зрения науки мы можем регистрировать мозговую активность и получать картину событий, происходящих в нем, но одновременно имеем доступ к интроспективным отчетам о самонаблюдении за этим же мозгом благодаря его обладателю, который является сознательным. При этом, безусловно, сознание оказывается продуктом деятельности мозга, не будучи отдельной материальной сущностью. Далее в рамках этой теоретической позиции можно проводить более подробное теоретическое и практическое изучение отношений между мозгом и сознанием, пытаясь разрешить трудную проблему сознания, сформулированную Д. Чалмерсом [Чалмерс Д., 2013].

Выводы

В статье был сделан краткий обзор монистических и дуалистических теорий сознания в современной аналитической философии, а также обозначен круг понятий любой теории сознания и дана краткая их характеристика. Это такие понятия, как «сознание», «ментальные состояния», «феноменальное сознание», «квалиа», «отчет от первого лица», «отчет от третьего лица». Отмечено, что как дуалистические, так и монистические теории сознания сталкиваются с очевид-

ными фактическими и логическими противоречиями, которые по-своему стараются разрешить представители различных концепций в отношении понимания сознания. Мы рассмотрели некоторые аргументы противников и сторонников натуралистических теорий сознания, остановившись на подробном анализе статуса квалиа в них. Среди различных версий натурализма в отношении сознания мы полагаем позицию биологического натурализма самой выигрышной.

Данная теоретическая позиция может быть также продемонстрирована в таких философских терминах, как «онтология» и «картина мира». Если мы примем в качестве точки отсчета единую онтологию, т.е. представление о том, что есть в мире, мы тем не менее, сможем говорить о различных эпистемических измерениях или картинах, которые получаем в зависимости от нашего взгляда. Мы имеем в виду прежде всего научную картину мира, и она может отличаться в зависимости от того, какую науку мы рассматриваем в качестве базовой. Если основной наукой становится физика, то это будет физическая картина мира, а сам способ описания — будет именоваться физикализмом, если же это, например, биологическая картина мира, то это будет биологизм, или биологический натурализм, если это психологическая картина мира, то психологизм. Очевидно, что такие науки, как физика и математика, описывают универсальные отношения в макро- и микромире независимо от наличия человека в нем, в то время как другие, например биология, социология, психология, не имеют смысла и источника своего существования без наличия жизни как биологического начала и человека как одного из представителей живых существ. Поэтому при рассмотрении таких феноменов, как сознание и квалиа, на первый план должна выходить именно их биологическая и психологическая природа. При этом никто не отменяет достижений физики как науки, но сведение биологических феноменов к ее уровню приводит к редукции этих феноменов и невозможности их адекватного объяснения.

Список литературы

- Васильев В.В.* Трудная проблема сознания. М.: Прогресс–Традиция, 2009. 272 с.
Вергаувен Р., Ищенко Е.Н. Проблема квалиа: онтологические и эпистемологические следствия

// Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2018. № 4(30). С. 38–49.

Волков Д.В. Решение проблемы ментальной каузальности в биологическом натурализме Дж. Сёрля // Философская мысль. 2017. № 2. С. 1–12. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=21743 (дата обращения: 02.04.2020). DOI: <https://doi.org/10.7256/2409-8728.2017.2.21743>

Гаспарян Д.Э. Бои за эпистемическое первенство: трансцендентальные границы современного натурализма // Вопросы философии. 2014. № 12. С. 58–68.

Иванов Е.М. Тупики натуралистических теорий сознания и выход из них // Философская мысль. 2019. № 6. С. 13–38. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30360 (дата обращения: 02.04.2020). DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2019.6.30360>

Леонтьев А.Н. Проблема возникновения ощущения // Избранные психологические произведения: в 2 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 1. С. 143–183.

Сеченов И.М. Избранные философско-психологические труды. М.: Госполитиздат, 1947. 647 с.

Чалмерс Д. Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории / пер. с англ. В.В. Васильева. М.: Либроком, 2013. 509 с.

Dennett D. *Consciousness Explained*. Boston, MA: Little, Brown and Company, 1991. 511 p.

Humphrey N. The invention of consciousness // *Topoi*. 2017. Vol. 39, iss. 1. P. 13–21. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2Fs11245-017-9498-0.pdf> (accessed: 02.04.2020). DOI: <https://doi.org/10.1007/s11245-017-9498-0>

Nagel T. What Is It Like to Be a Bat? // *The Philosophical Review*. 1974. Vol. 83, iss. 4. P. 435–450. DOI: <https://doi.org/10.2307/2183914>

Peters F. Consciousness should not be confused with qualia // *Logos & Episteme*. 2014. Vol. 5, iss. 1. P. 63–91. DOI: <https://doi.org/10.5840/logos-episteme20145123>

Searle, J.R. *Biological Naturalism* // *The Blackwell Companion to Consciousness* / ed. by M. Velmans, S. Schneider. N.Y.: Wiley-Blackwell, 2004. P. 325–334.

Searle J.R. *Mind, Language, and Society: Philosophy in the Real World*. N.Y.: Basic Books, 1999. 192 p.

Searle J.R. Why I am not a property dualist // *Philosophy in a new century* (Selected essays). Cambridge:

Cambridge University Press, 2008. P. 152–160. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511812859.010>

Получено 08.04.2020

References

Chalmers, D. (2013). *Soznayuschiy um: v poiskakh fundamental'noy teorii, per. s angl.* V.V. Vasil'eva [Conscious mind: in search of a fundamental theory. Trans. from Eng. by V.V. Vasiliev]. Moscow: Librokom Publ., 509 p.

Dennett, D. (1991). *Consciousness explained*. Boston, MA: Little, Brown and Company Publ., 511 p.

Gasparyan, D.E. (2014). *Boi za epistemicheskoe pervenstvo: transtsendental'nye granitsy sovremen-nogo naturalizma* [Fights for epistemic primacy: the transcendental boundaries of modern naturalism]. *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], No. 12, pp. 58–68.

Humphrey, N. (2017). The invention of consciousness. *Topoi*. Vol. 39, iss. 1, pp. 13–21. Available at: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2Fs11245-017-9498-0.pdf> (accessed 02.04.2020). DOI: <https://doi.org/10.1007/s11245-017-9498-0>

Ivanov, E.M. (2019). *Tupiki naturalisticheskikh teoriy soznaniya i vykhod iz nikh* [Deadlocks of naturalistic theories of mind and the way out]. *Filosofskaya mysl'* [Philosophical Thought]. No. 6, pp. 13–38. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30360 (accessed 02.04.2020). DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2019.6.30360>

Leontiev, A.N. (1983). *Problema vozniknoveniya oschuscheniya* [The problem of sensation]. *Izbrannyye psikhologicheskie proizvedeniya: v 2 t.* [Selected psychological works: in 2 vols]. Moscow: Pedagogika Publ., vol. 1, pp. 143–183.

Nagel, T. (1974). What is it like to be a bat? *The Philosophical Review*. Vol. 83, iss. 4, pp. 435–450. DOI: <https://doi.org/10.2307/2183914>

Peters, F. (2014). Consciousness should not be confused with qualia. *Logos & Episteme*. Vol. 5, iss. 1, pp. 63–91. DOI: <https://doi.org/10.5840/logos-episteme20145123>

Searle, J.R. (2004). *Biological Naturalism*. *The Blackwell Companion to Consciousness*, ed. by M. Velmans and S. Schneider. New York: Wiley-Blackwell Publ., pp. 325–334.

Searle, J.R. (1999). *Mind, language, and society: philosophy in the real world*. New York: Basic Books Publ., 192 p.

Searle, J.R. (2008). Why I am not a property dualist. *Philosophy in a new century (Selected essays)*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 152–185. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511812859.010>

Sechenov, I.M. (1947). *Izbrannye filosofsko-psihologicheskie trudy* [Selected philosophical and psychological works]. Moscow: Gospolitizdat Publ., 647 p.

Vasil'ev, V.V. (2009). *Trudnaya problema soznaniya* [A hard problem of consciousness]. Moscow: Progress–Traditsiya Publ., 272 p.

Vergauven, R. and Ischenko, E.N. (2018). *Problema kvalia: ontologicheskie i epistemologicheskie sledstviya* [The qualia-problem: ontological and epis-

temological consequences]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series «Philosophy»]. No. 4(30), pp. 38–49.

Volkov, D.V. (2017). *Reshenie problemy mental'noy kauzal'nosti v biologicheskom naturalizme Dzh. Serlya* [Solving the problem of mental causation in the biological naturalism of J. Searle]. *Filosofskaya mysl'* [Philosophical Thought]. No. 2, pp. 1–12. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=21743 (accessed 02.04.2020). DOI: <https://doi.org/10.7256/2409-8728.2017.2.21743>

Received 08.04.2020

Об авторе

Ускова Екатерина Викторовна

кандидат философских наук, доцент кафедры
Управления персоналом и психологии

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: uskova80@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4531-7285>

About the author

Ekaterina V. Uskova

Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
of the Department of Personnel Management
and Psychology

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin,
19, Mira st., Ekaterinburg, 620002, Russia;
e-mail: uskova80@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4531-7285>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Ускова Е.В. Статус «квалиа» в натуралистических теориях сознания // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 2. С. 192–202. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-2-192-202

For citation:

Uskova E.V. [The status of qualia in naturalistic theories of consciousness]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 2, pp. 192–202 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-2-192-202

УДК 316.323

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-2-203-214

ФОРМАЦИОННЫЙ СИНТЕЗ. ВОЗВРАЩАЯСЬ К СТАРОЙ ПРОБЛЕМЕ

Корякин Вячеслав Владимирович

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Ключевой проблемой общественного развития является единство и многообразие его стадийных переходов. В марксистской литературе второй половины XX в. данный вопрос пытались решить в рамках концепции феодального синтеза. Конкретное воплощение данной концепции было реализовано в медиевистике в концепции феодального синтеза. Однако исторический материализм во многом тяготел к абстрактно-всеобщему диалектическому плану анализа исторической действительности, при котором описание и объяснение общего в развитии сопровождалось умалением внимания к конкретному многообразию особенного в ней. Злоупотребление абстрактно-всеобщей теорией породило ряд существенных трудностей при конкретном анализе исторического процесса, в том числе трудностей при анализе конкретных переходов к новой формации. Примечательным стал тот факт, что многообразие этапов общественного развития в целом описывалось в ущерб многообразию отдельных обществ, и наоборот. Вместе с тем в советском марксизме были сделаны эмпирические и концептуальные обобщения, позволяющие перейти на уровень конкретно-всеобщего диалектического анализа исторического процесса. В частности, возникла возможность описания формационного перехода как процесса взаимного превращения способов производства обществ, находящихся на разных этапах развития, что, в свою очередь, позволяло раскрыть единство стадийного и синхронного многообразия исторической действительности.

Ключевые слова: исторический процесс, общественно-экономическая формация, формационный синтез, исторический закон, единство и многообразие истории, центр и периферия.

FORMATION SYNTHESIS. REVISITING THE OLD PROBLEM

Vyacheslav V. Koryakin

Perm State University

The key problem of social development is the unity and diversity of its staged transitions. Marxist literature of the second half of the 20th century tried to solve this issue within the framework of the formation synthesis concept. A concrete embodiment of this concept was implemented in medieval studies within the feudal synthesis concept. However, historical materialism largely gravitated to the abstract universal dialectic plan of historical reality analysis in which the description and explanation of the general in development was accompanied by a diminution of attention to the specific variety of the special in it. The excessive use of abstract-universal theory created a number of significant difficulties in the concrete analysis of the historical process, including difficulties in the analysis of specific transitions to a new formation. It is noteworthy that the variety of social development stages as a whole was described to the detriment of the diversity of individual societies, and vice versa. At the same time, empirical and conceptual generalizations were made in Soviet Marxism, which made it possible to go to the level of a concrete universal dialectic analysis of the historical process. In particular, it became possible to describe the formation transition as a process of the mutual transformation of the production methods of societies at different stages of development, which in turn made it possible to reveal the unity of the staged and synchronous diversity of historical reality.

Keywords: historical process, socio-economic formation, formation synthesis, historical law, unity and diversity of history, center and periphery.

Одной из традиционных, но не теряющей актуальности проблем социальной теории в целом, социальной философии в частности остается вопрос о стадийном переходе в общественном развитии. Для современной науки, как представляется, ключевой трудностью является описание и объяснение единства стадийного перехода вообще (в движении общечеловеческой истории) и всего многообразия особенных стадийных переходов в развитии отдельных обществ.

Для классической философии приоритетной была задача описания общего хода человеческой истории, общего в развитии отдельных обществ. Вольтер, А. Тюрго, Ж.А. Кондорсе рассматривали социальный процесс как прогрессивное движение от невежества к просвещению, по которому следует как человечество в целом, так и каждое общество в отдельности. Впрочем, классики признавали своеобразие развития отдельных народов, но в теории к нему относились по-разному. Большинство отождествляло общее и особенное в истории, полагая отличия в развитии непринципиальными. Д.Б. Вико, напротив, попробовал учесть многообразие отдельных народов в развитии, но, в сущности, механически совместил их циклическое движение с общим прогрессивным ходом истории человечества. Г. Гегель, будучи диалектиком, первым попытался раскрыть единство общего и особенного в социальном развитии, но акцентировал внимание лишь на тождестве и различии общего хода истории и движения немногих, так называемых исторических народов. Реальное многообразие истории, представленное «неисторическими» народами и их отношением к народам «историческим», по сути, выдающийся диалектик оставил без внимания.

Неклассическая философия приоритетное внимание уделила анализу конкретного многообразия истории. Единство и поступательный характер общественного развития, общее в нем либо были подвергнуты отрицанию (различные концепции локальных цивилизаций), либо объявлены непознаваемыми (экзистенциализм). Впрочем, в неклассической философии и методологии истории можно отметить течения, которые признавали и учитывали единство и прогресс в общественном развитии, общее в нем,

но тем не менее главную свою задачу видели в анализе особенного — конкретных этапов социального процесса, конкретных обществ, стран и регионов (школа «Анналов»). Неклассическая философия, исторически первой заострив проблему конкретного многообразия социального процесса, существенно продвинула гуманитарную науку, но не дала накопленному ею эмпирическому материалу содержательного определения и объяснения. Главная причина этого крылась в том, что особенное в истории неклассическая наука преимущественно рассматривала как нечто самодостаточное, уникальное, отличное от другого особенного и поэтому невыразимое через это другое, в конечном счете неопределенное.

Исторический материализм уже в период своего формирования выработал общее понимание исторического процесса, его материальных (объективных) сущностных и субстанциальных основ, творчески переработав наследие классической философии, сохранив и пересмыслив ее базовую проблематику. В дальнейшем видение истории в материализме уточнялось и конкретизировалось в тесной полемике как с классической философией, так и с неклассическим ее ответвлением. В общем виде история предстала как единый закономерный объективный поступательный процесс, предполагающий внутреннее многообразие (во многом этому способствовал диалектический характер исторического материализма). Однако вплоть до середины XX в. в марксизме приоритет отдавался анализу общего в истории, ее единству (генетическому и функциональному), ее сущностным основаниям, в результате чего конкретное многообразие общественной жизни преимущественно рассматривалось в связи с этим общим, и порою в этом общем растворялось, т.е. не выступало в качестве относительно самостоятельного предмета исследования. По сути, в советском марксизме абстрактно-всеобщий план анализа исторического процесса, при котором описывается общее в развитии за вычетом многообразия особенного, довлел над конкретно-всеобщим диалектическим планом, предполагающим описание как общего, так и в сжатом обобщенном плане всего многообразия особенного в развитии.

Не случайными в данной связи стали разного рода соображения о том, что формация — это некая абстракция, которая лишь в предельно общем виде охватывает содержание истории, некая идеализация, которая в реальности никогда не существует, а является лишь неким приближением в понимании к социальной действительности. В советском марксизме, например, отчетливо видны симптомы сведения онтологической исторической проблематики к гносеологической, сведения формации как конкретного этапа общественного развития к понятию формации, что неизбежно должно было породить внутренние противоречия отечественного исторического материализма, обострить проблему отношения сознания к бытию и привести к вопросу о степени соответствия теории общественно-экономических формаций социальной действительности. Затруднения особенно проявились в ходе дискуссий конца 40-х – начала 80-х гг. XX в. о периодизации истории, об отношении единства и многообразия в истории, о неравномерности исторического процесса, об отношении базиса и надстройки, о роли природных условий и оснований в социальном развитии, которые шли как в зарубежной, так и в отечественной марксистской науке [Корякин В.В., 2019]. Во второй половине XX в. проблема единства и многообразия истории, которая в качестве квинтэссенции содержала в себе вопрос о единстве стадийных переходов в развитии человечества в целом и каждого общества в отдельности, стала для марксизма проблемой выживания, творческого обновления и дальнейшего развития.

Наиболее полезными в плане концептуального углубления материалистической теории развития и решения проблемы стадийного перехода нам представляются исследования взаимодействия обществ, находящихся на разных этапах формационного развития. Важным творческим результатом данных исследований стало формирование концепции формационного синтеза.

Отправным пунктом анализа взаимодействия обществ стало положение о неравномерности исторического развития. Первым на неравномерность общественного развития как на исторический закон указал еще В.И. Ленин, исследуя состояние капитализма [Ленин В.И., 1969, с. 353–354]. В середине XX в. историче-

ская наука эмпирически доказала наличие неравномерности в развитии на всех этапах социального процесса. По мнению ряда авторов, такая неравномерность в развитии отдельных обществ существовала уже с периода позднего палеолита, четко проявившись с переходом от присваивающего первобытного хозяйства к производящему [Елисеева С.А., 1969, с. 106; Фархийев Р.Д., 1978, с. 62–63; Массон В.М., 1983, с. 8, 10–11].

Неравномерность исторического развития стала рассматриваться как основание, причина и одновременно следствие взаимодействия отдельных обществ. Большинство авторов, занимавшихся исследованием связей между обществами, пришли к выводу, что это взаимодействие играет существенную роль в формировании специфики каждого из обществ, но не является определяющим фактором становления их специфики. Исследуя соотношение внешних и внутренних факторов развития, отечественные авторы встали на диалектические позиции, полагая, что внутренние факторы в их единстве с внешними являются ведущими [Глезерман Г.Е., 1978, с. 18; Барг М.А., 1970, с. 266, 271–281, 1984, с. 132; Жуков Е.М., 1978, с. 39–40; Вильчек В., 1993, с. 181–182]. Внешним воздействиям со ссылкой на выводы Ф. Энгельса [Энгельс Ф., 1965, с. 417] была отведена роль стимулирующего или тормозящего внутреннее развитие отдельного общества фактора [Елисеева С.А., 1969, с. 111; Жуков Е.М., 1975, с. 14–15, 1978, с. 39–40]. В частности, взаимодействием обществ многие авторы попытались объяснить зафиксированный исторической наукой феномен перескакивания отдельными странами через отдельные формации или внутрiformационные ступени в своем развитии. Однако подобные прорывы в развитии отдельных стран, по мнению отечественных методологов, могли осуществиться лишь в том случае, если отстающее общество имело к тому предпосылки, а передовое воздействующее на него общество изжило в себе старое социальное устройство [Елисеева С.А., 1969, с. 106–107; Фархийев Р.Д., 1978; Глезерман Г.Е., 1978, с. 18].

Анализ отношений между обществами простимулировал начавшиеся в отечественной науке в середине XX в. исследования в области типологии исторического развития. Метод типологии предполагает существенный момент

конкретно-всеобщего диалектического понимания действительности, поскольку в некотором приближении фиксирует общее и особенное в сопоставляемых объектах, однако в целом он всегда произведен от общей философской методологии и является ее конкретизацией. Типологические исследования в отечественной исторической науке второй половины XX в. демонстрируют их явную зависимость от абстрактно-всеобщего видения социальной действительности. Формация, на основе представления о которой выстраивалась типология общественного развития, была понята предельно общо. По большому счету все многообразие сторон формации как этапа общественного развития оказалось сведено лишь к общему в ней.

Стремясь выяснить, как общее в развитии всех стран проявляется в каждом из обществ, одни отечественные методологи истории пришли к выводу, что лишь немногие страны обладают типическими чертами определенной формации, другие авторы оказались склонны полагать, что в «чистом» виде ни одна формация не реализуется в конкретном обществе [Барг М.А., 1970, с. 261, 1984, с. 57; Барг М.А. Черняк Е.Б., 1979; Жуков Е.М., 1975, с. 13; Жуков Е.М., 1979, с. 34, 36; Поршнев Б.Ф., 1975, с. 30–31]. Одновременно было обнаружено, что новая формация первоначально складывается в локальном очаге, отдельной стране или группе стран [Глезерман Г.Е., 1978; Фархив Р.Д., 1978, с. 62–63; Жуков Е.М., 1979, с. 36]. Данный феномен был определен близкими по смыслу понятиями «формационный центр», «передовое общество», «центр истории». В отношении к обществам — формационным центрам остальные общества были определены как «формационная периферия», или «периферия формации». Было установлено, что периферия формации во многом развивается под действием формационного центра [Поршнев Б.Ф., 1975, с. 30–31; Фархив Р.Д., 1978, с. 62–63; Барг М.А. Черняк Е.Б., 1979, с. 130; Илюшечкин В.П., 1987, с. 38; Ершов Ю.Г., 1990, с. 61, 69–70; Марксистско-ленинская теория..., 1981, с. 72–73; Семенов Ю.И., 1978, с. 71–82]. Анализ взаимоотношений центра и периферии в отечественной исторической науке получил широкое эмпирическое обоснование на примере древней и средневековой истории [Перво-

бытная периферия..., 1978; Васильев Л.С., 1968; Козлова М.Г. и др., 1968].

Существенные эмпирические данные, обнаруженные при исследовании взаимодействия отдельных обществ, их частные обобщения выявили особый план проблемы конкретно-всеобщего в общественном развитии. Отчетливо обозначилась проблема соотношения всемирно- и локально-исторического процессов. Одним из первых на проблему данного соотношения обратил внимание Б.Ф. Поршнев, особо отметив, что она является ключевой для анализа перехода к новой формации [Поршнев Б.Ф., 1975, с. 27]. Наверное, одной из самых продуктивных попыток решения проблемы соотношения всемирной истории (развития человечества в целом) и локального исторического процесса (развития отдельных обществ) в отечественной и зарубежной материалистической методологии истории стала концепция так называемого формационного синтеза.

Наметки данной концепции были сформулированы еще К. Марксом при анализе отношений между обществами в период войн. Согласно родоначальнику материалистического понимания истории, при любых завоеваниях возможен тройкий исход: общество завоевателей в отношении к побежденному обществу может навязать свой способ производства, общество завоевателей может сохранить способ производства побежденного общества и ограничиться взимаемой с него данью, в результате завоевания может произойти синтез способов производства обоих участвующих в конфликте обществ, что, например, проявилось в период германского завоевания Рима [Из рукописного наследия К. Маркса, 1958, с. 723–724].

В отечественной методологии истории концепция формационного синтеза была раскрыта в основном на примере генезиса феодализма, т.е. в форме концепции феодального синтеза. Положение о феодальном синтезе встречается в работах Ф. Энгельса, в середине XX в. это положение прокомментировал Е.А. Косминский, в 1964 г. более подробный комментарий к нему дал Б.Ф. Поршнев [Поршнев Б.Ф., 1975, с. 27]. При этом Б.Ф. Поршнев, в частности, был склонен видеть в формационном синтезе закономерность, реализующуюся при переходе к любой формации в любом регионе Земли [Порш-

нев Б.Ф., 1975, с. 39; Новосельцев А.П. и др., 1972, с. 93; Фархив Р.Д., 1978; Барг М.А. Черняк Е.Б., 1975, с. 65]. Первое крупное обсуждение проблемы феодального синтеза на примере европейской истории состоялось в 1966 г. на научной сессии «Итоги и задачи изучения генезиса феодализма в Западной Европе» [Итоги и задачи изучения..., 1966, с. 9–45], второе — в 1970 г. в Москве на XIII Международном конгрессе историков [Гутнова Е.В., Удальцова З.В., 1975, с. 114], после чего как в отечественной, так и в зарубежной марксистской медиевистике данный подход к изучению раннефеодального западного общества основательно утвердился. Одно из крупных академических изданий «История Европы» свидетельствует о том, что актуальность концепции феодального синтеза сохранялась для отечественной медиевистики вплоть до конца ее советского периода [История Европы, 1992]. Главными разработчиками этой концепции стали А.Д. Люблинская [Люблинская А.Д., 1968], Е.В. Гутнова, З.В. Удальцова [Гутнова Е.В., Удальцова З.В., 1975; Удальцова З.В., 1975, 1983], В.Д. Королюк [Королюк В.Д., 1975]. А.Р. Корсунский в соавторстве с Р. Гюнтером выдержал в рамках данной концепции свою последнюю монографию, посвященную эпохе варварских вторжений и королевств [Корсунский А.Р., Гюнтер Р., 1984].

Согласно концепции феодального синтеза, в ходе варварских вторжений в Римскую империю произошел синтез разлагавшихся позднеантичных рабовладельческих и первобытных германских общественных структур, приведший к возникновению феодализма. В тех регионах, где соотношение позднепервобытных и позднеантичных элементов было оптимальным, феодализм утвердился раньше других стран и в наиболее полном, «типическом», классическом виде (Франкское королевство, VI–VIII вв.). В регионах, где превалировал античный элемент (Италия, Византия, Испания, Южная Франция), процесс феодализации шел медленнее и обнаруживал нетипичные черты, сохраняя множество унаследованных от рабовладельческого общества структур. В странах, где элементы античности были незначительными, подавленными варварским первобытным началом или таковых не было вовсе (так называемый бессинтезный путь развития), феодальный способ производства утвердился позже, чем в осталь-

ных регионах, и также приобрел нетипичные черты, обнаруживая многие элементы первобытности (Центральная, Северная и Восточная Европа).

Положение о бессинтезном пути становления и развития феодализма, продиктованное эмпирическими данными, не позволяет с уверенностью сделать вывод о феодальном синтезе, шире — о формационном синтезе как закономерности перехода к новой формации, на чем настаивали многие авторы концепции. Формационный синтез в таком плане выглядит в лучшем случае как дополнительный механизм развития, стимулирующий становление нового способа производства в отдельных странах и определяющий в какой-то мере специфику его проявления. Согласно авторам концепции, формационный (в частности, феодальный) синтез не порождает нового способа производства, поскольку к синтезу оказываются способны лишь те общества, в которых предпосылки перехода к новому способу производства уже вызрели. Наличие синтеза, либо его отсутствие, обеспечивает лишь темпы развития одного и того же способа производства в отдельных странах, разницу количественного отношения одних и тех же элементов разных способов производства в них.

Главной чертой абстрактно-всеобщей теории является то, что она различает общее и особенное в их единстве, но не различает по существу особенное между собой. Особенное в рамках этой теории понимается абстрактно, как особенное вообще, тождественное другому особенному. В концепции феодального синтеза данный характер абстрактно-всеобщей диалектики отчетливо виден. Идея о том, что феодализм может вызревать при разложении как рабовладения, так и первобытности, содержит в себе «след» способов производства, из которых он непосредственно возник, механически сочетает эти «следы» при взаимодействии обществ разного феодального генезиса, имплицитно игнорирует содержательное различие формаций, каким бы парадоксальным это ни казалось.

Первобытность, рабовладение и феодализм — это последовательно сменяющие друг друга формации. Данная последовательность — основание единства и содержательного различия исторических форм общества. Формации как особенное различаются по степени сложно-

сти, как простое и сложное, низшее и высшее. Полагая, что феодализм может возникнуть на основе первобытности, авторы концепции феодального синтеза, по сути, ослабили идею генетического единства этапов развития, которая является основанием содержательного их различия. В результате первобытность, рабовладение и феодализм были поняты как некие вполне самобытные, замкнутые в себе, а не строго генетически связанные образования, которые лишь в разной пропорции механически (т.е. без взаимного проникновения, взаимного преобразования) сочетаются друг с другом, определяя специфику каждого отдельного нарождающегося феодального общества.

Сведение формационного синтеза к механическому взаимодействию и сочетанию элементов разных способов производства также стало следствием умаления их генетического единства. Авторы концепции не учли, что разные по сложности элементы взаимодействуют различным образом: высшее всегда определяет низшее и влияет на его трансформацию в большей мере, чем низшее на высшее. Стало быть, одним количественным отношением разных элементов содержательную специфику отдельных обществ объяснять недостаточно. Не случайно, у некоторых авторов сложилось впечатление, что механизм формационного синтеза до сих пор еще не раскрыт [Ершов Ю.Г., 1990, с. 105–106].

Общий кризис советского исторического материализма [Корякин В.В., 2019] привел к постепенному угасанию исследовательского интереса к концепции формационного синтеза к концу XX в. Первоначально авторы концепции сменили общетеоретические основания, перейдя с позиций материализма на позиции, по сути, неклассической (по своему содержанию идеалистической) философии. Например, одна из авторов концепции феодального синтеза Е.В. Гутнова стала говорить о синтезе не способов производства, а элементов культуры, все больше акцентируя внимание на духовной культуре [Гутнова Е.В., 1993, 1995]. Но поскольку на неклассических основаниях проблема закономерного поступательного движения общества в принципе не может быть решена, а без нее идея синтеза находящихся на разных уровнях развития обществ лишается всякого смысла, концепция феодального (и форма-

ционного в общем) синтеза в итоге из исторической науки ушла.

Вместе с тем концепция феодального синтеза содержит в себе эмпирические данные и некоторые теоретические обобщения, которые выходят за пределы абстрактно-всеобщего понимания исторического процесса. Наиболее значимой представляется догадка Б.Ф. Поршнева о формационном синтезе как всеобщем законе общественного развития. Впрочем, автор также не заметил, что синтез этот необходимо понимать конкретно-всеобщим образом, учитывая локально-исторические (особенные) различия в нем в единстве с общим его характером. Концепция феодального синтеза также эмпирически зафиксировала, что в процессе формирования феодализма, во всяком случае в странах, первыми вступивших на путь его развития, обнаруживается сочетание античных и первобытных элементов. Крайне важными стали соображения авторов этой концепции о разных, более или менее типичных формах феодализма, представленных в отдельных обществах, что удачно согласуется с выводами исторической науки о наличии центра и периферии общественного развития.

Многочисленные эмпирические данные свидетельствуют, что переход к новой формации не имеет фронтального характера: первоначально она складывается в отдельном обществе, причем на периферии предыдущей формации. Некоторые авторы видят в этом определенную закономерность общественного развития [Семенов Ю.И., 1995, 1998; Корякин В.В., 1998, 2008, с. 313–325]. Особенностью периферии является ее многоукладность: наряду с развитыми формами общественной жизни на ней продолжают существовать и развиваться различные архаические формы.

Переход к первобытному обществу с производящим типом хозяйства (неолитическому обществу) ранее всего начался в зоне так называемого Аридного полумесяца в IX–VIII тыс. до н.э., т.е. далеко от центра формирования предыдущего первобытного типа общества с присваивающим хозяйством. В нем обнаруживаются многие нетипичные для предшествующей эпохи черты: специализация в охоте на мелких животных, в собирательстве — на злаковых культурах. Переход к обществу с азиатским способом производства начался первонач-

чально в Южном Двуречье в IV тыс. до н.э. В непосредственно предшествующей Шумерской цивилизации убейдской культуре наряду с неолитическим способом производства существенное значение имел предшествующий тип хозяйства: относительно развитое земледелие и животноводство сочеталось с охотой и собирательством. Переход к рабовладению начался на окраине азиатского мира в VII–VI вв. до н.э. в Греции, которая в предшествующий крито-микенский период представляла собой слабо-развитое общество с азиатским способом производства с существенными элементами первобытности неолитического типа: относительно небольшое дворцово-храмовое хозяйство соседствовало с достаточно независимой племенной общиной. Переход к феодализму начался в Северо-Восточной Галлии в III–IV вв., где римская вилла сосуществовала с полуразложившейся галльской племенной общиной. Наиболее ранние устойчивые формы капитализма стали складываться в Англии (зачатки аграрной революции, проявившиеся в ранних огораживаниях отчетливо прослеживаются здесь с XII в.). Весь средневековый период крупное феодальное баронское поместье находилось в непростых отношениях с хозяйствами мелких рыцарей и зажиточных крестьян и в постоянном противостоянии с общинами. Становление новой формации в локальном очаге предшествующей формации позволяет четко различить так называемые формационный центр и периферию, которые находятся в постоянном диалектическом взаимодействии: относительно совпадают друг с другом, переходят друг в друга и друг друга опосредуют в развитии.

Появление нового типа общества на периферии предыдущего однозначно свидетельствует о том, что многоукладность является необходимым условием образования новой формации, а сама эта формация является своего рода синтезом предшествующих форм жизни общества. Примечательно, что новая формация, возникая в локальных исторических условиях, в конечном итоге полностью разлагает предшествующие уклады, являя себя в типических формах. Напротив, попадая в ходе экспансии на периферию, она вынуждена уживаться с различными архаическими формами общества. В связи с этим можно сделать вывод, что в рамках формационного центра синтез предше-

ствующих способов производства идет по пути их взаимного превращения, а на периферии — возможно, взаимного дополнения и взаимного развития.

В первом случае предшествующие формы общественного развития как самостоятельные исчезают, превращаясь в третью форму, и интегрируются в нее. Например, античные и первобытные формы общежития в Галлии в ходе взаимного проникновения превратились в феодальный способ существования, все, что было положительного наработано в предшествующие эпохи, стало неотъемлемой частью новой формации, составляющей ее сущности. Рабовладельческая вилла эволюционировала в феодальное поместье, а племенная община — в крепостную крестьянскую общину, органически связанную с поместьем.

Во втором случае старые формы общественной жизни сохраняют свою определенность и относительную самостоятельность наряду с появляющимися в ходе экспансии формационного центра новыми формами. Новое и старое оказываются в соотношении, которое не меняет их общей сути, но приводит к их дальнейшему изменению, развитию сообразно друг другу. Усиление новой формы жизни сопровождается повышением вариативности архаических форм. В качестве примера можно привести экспансию феодализма в регионах Европы, расположенных восточнее Эльбы. Феодальное поместье здесь появилось достаточно поздно (по сравнению с Северо-Восточной Францией) и оказалось в окружении свободной племенной общины, с которой весь период Средневековья оно с переменным успехом боролось за средства производства (землю) и рабочую силу. Тотальной феодальной зависимости крестьян, развитого условного землевладения, что было типично для Западной Европы, в странах Центральной, Восточной и Северной Европы никогда не наблюдалось. Ситуация изменилась к концу эпохи феодализма и уже с рождением капиталистической формации, когда поместье, вооружившись всей мощью государства, перешло к масштабному захвату земли и рабочей силы крестьян. Столь радикальных форм крепостничества и одновременно усиленного воспроизводства и консервации крестьянских общин классический феодализм не знал.

Формационный синтез, таким образом, будучи необходимым механизмом (а скорее всего, законом) общественного развития, обнаруживает всеобщий характер (присущ любому обществу и обладает для всех стран общими чертами), но одновременно в нем присутствуют особые различия. В качестве его особенных форм можно выделить так называемый центр-формационный синтез и колоссальное многообразие форм периферийного синтеза. Многообразные формы периферийного синтеза можно различить по содержательному (качественному) и формальному (количественному) признакам.

Содержательное многообразие обуславливается степенью разрыва в развитии взаимодействующих производительных сил, принадлежащих разным формационным этапам. Чем сильнее историческая дистанция между сложными и архаическими производительными силами взаимодействующих обществ, тем более устойчивыми и менее подверженными изменениям оказываются сложные формы. Напротив, простые формы становятся нестабильными, теряющими свою формационную определенность (вплоть до их полного распада). И наоборот, чем меньше разрыв в историческом развитии между взаимодействующими производительными силами, тем стабильнее и вариативнее в развитии оказываются как сложные, так и простые формы общественной жизни. Капиталистические производительные силы, попав в ходе колонизации, например, в Черную Африку, практически не утратили своей определенности, а вот попавшие в орбиту их влияния первобытные производительные силы быстро трансформировались сообразно капитализму и оказались на грани полного уничтожения. Иной ситуация была с экспансией капитализма на ближайшую феодальную периферию (например, в странах Центральной и Восточной Европы). Здесь капитализм постоянно претерпевал давление со стороны архаических элементов, в связи с чем периоды его прогрессивного движения постоянно чередовались с этапами реакции, отката в развитии. Капитализм на феодальной периферии становился после каждой реакции все более вариативным, «готовым» к различным «вызовам» со стороны архаических структур. Но и феодальные структуры, оказывая сильное сопротивление передовым производительным силам, долгое время не утрачива-

ли своей формационной определенности и тоже многообразно эволюционировали сообразно меняющемуся капитализму, конечно, в итоге разлагаясь и постепенно уступая место новым формам общежития.

В формальном (количественном) плане многообразии периферийного синтеза зависело от численной пропорции взаимодействующих производительных сил, находящихся на разных этапах развития. Чем меньше оказывалось носителей передовых производительных сил на периферии, тем медленнее шел формационный синтез. Чем значительнее в количественном плане были новые производительные силы, тем интенсивнее они трансформировали и вытесняли архаические структуры и элементы.

Качественное и количественное соотношение производительных сил, стоящих на разных формационных ступенях развития, являются сторонами одного и того же процесса синтеза и, видимо, находятся в обратной пропорциональной зависимости. Чем больше разрыв в развитии между взаимодействующими производительными силами, тем меньшее число передовых элементов требуется для устранения архаических элементов, и наоборот.

Список литературы

Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М.: Наука, 1984. 315 с.

Барг М.А. Учение об общественно-экономических формациях и конкретный анализ исторического процесса // Очерки методологии познания социальных явлений / под ред. Д.М. Угриновича, О.В. Лармина, А.К. Уледова. М.: Мысль, 1970. С. 249–298.

Барг М.А., Черняк Е.Б. Исторические структуры и исторические законы // Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Е.Б., Павлов В.И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М.: Наука, 1979. 330 с.

Барг М.А., Черняк Е.Б. Регион как категория внутренней типологии классово-антагонистических формаций // Проблемы социально-экономических формаций. М.: Наука, 1975. С. 40–77.

Васильев Л.С. Социальная структура и динамика древнекитайского общества // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.: Наука, 1968. Кн. 1. С. 455–515.

Вильчек В. Прощание с Марксом. М.: Прогресс-Культура, 1993. 224 с.

Глезерман Г.Е. Общественно-экономическая формация — узловая категория исторического материализма // *Общественно-экономические формации, проблемы теории*. М.: Мысль, 1978. С. 7–33.

Гутнова Е.В. Возможен ли и нужен ли синтез в истории? // *Средние века*. 1993. Вып. 56. С. 284–289.

Гутнова Е.В. Сословно-представительные собрания средних веков в истории европейской цивилизации // *Цивилизации*. М.: Наука, 1995. Вып. 3. С. 202–209.

Гутнова Е.В., Удальцова З.В. К вопросу и типологии развитого феодализма в Западной Европе // *Проблемы социально-экономических формаций*. М.: Наука, 1975. С. 107–123.

Елисеева С.А. К вопросу о возможности выпадения некоторых общественно-экономических формаций в истории отдельных народов // *Вопросы исторического материализма и критика некоторых концепций буржуазной социологии*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. С. 105–113.

Ершов Ю.Г. Человек, социум, история. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 151 с.

Жуков Е.М. Методологические проблемы теории общественно-экономических формаций // *Общественно-экономические формации, проблемы теории*. М.: Мысль, 1978. С. 34–54.

Жуков Е.М. Некоторые вопросы теории общественно-экономических формаций // *Проблемы социально-экономических формаций*. М.: Наука, 1975. С. 11–25.

Жуков Е.М. Социологические и исторические законы // Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Е.Б., Павлов В.И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М.: Наука, 1979. 330 с. С. 11–47.

Из рукописного наследия К. Маркса // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политгиздат, 1958. Т. 12. С. 709–738.

Илюшечкин В.П. О законах стадийности и неравномерности общественного развития // *Философские науки*. 1987. № 3. С. 34–42.

История Европы. Т. 2: Средневековая Европа. М.: Наука, 1992. 808 с.

Итоги и задачи изучения генезиса феодализма в Западной Европе: научная сессия, Москва, 30 мая – 3 июня 1966 г.: тезисы докладов. М., 1966. 30 с.

Козлова М.Г., Седов Л.А., Тюрин В.А. Типы раннеклассовых государств в Юго-Восточной Азии // *Проблемы истории докапиталистических обществ*. М.: Наука, 1968. Кн. 1. С. 516–545.

Королюк В.Д. Основные проблемы формирования контактной зоны в Юго-Восточной Европе и бессинтезного региона в Восточной и Центральной Европе // *Проблемы социально-экономических формаций*. М.: Наука, 1975. С. 158–184.

Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств. М.: Изд. Моск. ун-та, 1984. 258 с.

Корякин В.В. Деградация советского марксизма на примере философии и методологии истории второй половины XX века // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2019. Вып. 1. С. 29–43. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-1-29-43>

Корякин В.В. Закономерности «оптимумов» и «максимумов» в истории // *Новые идеи в философии*. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. Вып. 7. С. 206–210.

Корякин В.В. Труд и единый закономерный исторический процесс. Пермь, 2008. Ч. 2. 340 с.

Ленин В.И. О лозунге Соединенных Штатов Европы // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1969. Т. 26. С. 351–355.

Люблинская А.Д. Типология раннего феодализма в Западной Европе и проблема романо-германского синтеза // *Средние века*. 1968. Вып. 31. С. 9–17.

Марксистско-ленинская теория исторического процесса: действительность, материальная основа, первичное и вторичное / под ред.

Ю.К. Плетникова, Ю.И. Семенова, Б.Т. Григорьян и др. М.: Наука, 1981. 463 с.

Массон В.М. Ленинские идеи о неравномерности исторического процесса и проблемы истории древнего мира // *Методологические и философские проблемы истории*. Новосибирск: Наука: Сиб. отделение, 1983. С. 7–15.

Новосельцев А.П., Паушто В.Г., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма. М.: Наука, 1972. 338 с.

Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий / под ред.: А.И. Першиц и А.М. Хазанова. М.: Наука, 1978. 301 с.

Поринев Б.Ф. Роль социальных революций в смене формаций // *Проблемы социально-экономических формаций*. М.: Наука, 1975. С. 26–40.

Семенов Ю.И. Марксова теория общественно-экономических формаций и современность // *Философия и общество*. 1998. № 3. С. 190–233.

Семенов Ю.И. Теория общественно-экономических формаций и всемирная история // Общественно-экономические формации: проблемы теории. М.: Мысль, 1978. С. 55–89.

Удальцова З.В. Проблемы типологии феодализма в Византии // Проблемы социально-экономических формаций. М.: Наука, 1975. С. 124–157.

Удальцова З.В. Типология культуры как методологическая проблема (на примере истории Византии) // Методологические и философские проблемы истории. Новосибирск: Наука: Сиб. отделение, 1983. С. 127–151.

Фархивев Р.Д. О последовательной смене общественно-экономических формаций и ее своеобразии в истории отдельных стран и народов // Диалектика общего и особенного в историческом процессе. М.: Мысль, 1978. С. 60–65.

Энгельс Ф. Письмо И. Блоху, 21 сентября 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1965. Т. 37. С. 393–397.

Получено 23.04.2020

References

Barg, M.A. (1984). *Kategorii i metody istoricheskoy nauki* [Categories and methods of historical science]. Moscow: Nauka Publ., 315 p.

Barg, M.A. (1970). *Uchenie ob obschestvenno-ekonomicheskikh formatsiyakh i konkretnyy analiz istoricheskogo protsessa* [The doctrine of socio-economic formations and a concrete analysis of the historical process]. *Ocherki metodologii poznaniya sotsial'nykh yavleniy, pod red. D.M. Ugrinovicha, O.V. Larmina, A.K. Uledova* [Essays on the methodology of cognition of social phenomena, ed. by D.M. Ugrinovich, O.V. Larmin, A.K. Uledov]. Moscow: Mysl' Publ., pp. 249–298.

Barg, M.A. and Chernyak, E.B. (1979). *Istoricheskie struktury i istoricheskie zakony* [Historical structures and historical laws]. *Zhukov E.M., Barg M.A., Chernyak E.B., Pavlov V.I. Teoreticheskie problemy vsemirno-istoricheskogo protsessa* [Zhukov E.M., Barg M.A., Chernyak E.B., Pavlov V.I. Theoretical problems of the world historical process]. Moscow: Nauka Publ., pp. 75–132.

Barg, M.A. and Chernyak, E.B. (1975). *Region kak kategoriya vnutrenney tipologii klassovoy-antagonisticheskikh formatsiy* [Region as a category of internal typology of class-antagonistic formations]. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskikh formatsiy*

[Problems of socio-economic formations]. Moscow: Nauka Publ., pp. 40–77.

Eliseyeva, S.A. (1969). *K voprosu o vozmozhnosti vypadeniya nekotorykh obschestvenno-ekonomicheskikh formatsiy v istorii otdel'nykh narodov* [To the question of the possibility of the loss of certain socio-economic formations in the history of individual peoples]. *Voprosy istoricheskogo materializma i kritika nekotorykh kontseptsiy burzhuaznoy sotsiologii* [Questions of historical materialism and criticism of certain concepts of bourgeois sociology]. Moscow: MSU Publ., pp. 105–113.

Engels, F. (1965). Pis'mo I. Blokhу, 21 sentyabrya 1890 g. [Letter to J. Bloch, September 21–22, 1880]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 37, pp. 393–397.

Ershov, Yu.G. (1990). *Chelovek, sotsium, istoriya* [Person, society, history]. Sverdlovsk: UrSU Publ., 151 p.

Farkhiyev, R.D. (1978). *O posledovatel'noy smene obschestvenno-ekonomicheskikh formatsiy i ee svoeobrazii v istorii otdel'nykh stran i narodov* [On the consistent change in socio-economic formations and its identity in the history of individual countries and peoples]. *Dialektika obshchego i osobennogo v istoricheskoy protsesse* [Dialectics of the general and the special in the historical process]. Moscow: Mysl' Publ., pp. 60–65.

Glezerman, G.E. (1978). *Obschestvenno-ekonomicheskaya formatsiya — uzlovaya kategoriya istoricheskogo materializma* [Socio-economic formation — a main category of historical materialism]. *Obschestvenno-ekonomicheskie formatsii, problemy teorii* [Socio-economic formations, problems of theory]. Moscow: Mysl' Publ., pp. 7–33.

Gutnova, E.V. (1995). *Soslovno-predstavitel'nye sobraniya srednikh vekov v istorii evropeyskoy tsivilizatsii* [Class-representative collections of the Middle Ages in the history of European civilization]. *Tsivilizatsii* [Civilizations]. Moscow: Nauka Publ., iss. 3, pp. 202–209.

Gutnova, E.V. (1993). *Vozmozhen li i nuzhen li sintez v istorii* [Is synthesis possible and necessary in history?]. *Sredniye veka* [Middle Ages]. Iss. 56, pp. 284–289.

Gutnova, E.V. and Udal'tsova, Z.V. (1975). *K voprosu i tipologii razvityego feodalizma v Zapadnoy Evrope* [On the issue and typology of developed feudalism in Western Europe]. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskikh formatsiy* [Problems of socio-economic formations]. Moscow: Nauka Publ., pp. 107–123.

Ilyushechkin, V.P. (1987). *O zakonakh stadi- al'nosti i neravnomernosti obshchestvennogo razvitiya* [About the laws of stadiness and unevenness of social development]. *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences]. No. 3, pp. 34–42.

Istoriya Evropy. T. 2: Srednevekovaya Evropa (1992) [The history of Europe. Vol. 2: Medieval Europe]. Moscow: Nauka Publ., 808 p.

Itogi i zadachi izucheniya genezisa feodalizma v Zapadnoy Evrope: nauchnaya sessiya, Moskva, 30 maya – 3 iyunya 1966 g.: tezisy dokladov (1966) [Results and tasks of studying the genesis of feudalism in Western Europe: Scientific session, Moscow, May 30 – June 3, 1966: abstracts]. Moscow, 30 p.

Korolyuk, V.D. (1975). *Osnovnyye problemy formirovaniya kontaktnoy zony v Yugo-Vostochnoy Evrope i bessinteznogo regiona v Vostochnoy i Tsentral'noy Evrope* [The main problems of the formation of the contact zone in South-Eastern Europe and the synthesis-free region in Eastern and Central Europe]. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskikh formatsiy* [Problems of socio-economic formations]. Moscow: Nauka Publ., pp. 158–184.

Korsunskiy, A.R. and Gyunter, R. (1984). *Upadok i gibel' Zapadnoy Rimskoy imperii i vozniknovenie germanskikh korolevstv* [The decline and death of the Western Roman Empire and the emergence of German kingdoms]. Moscow: MSU Publ., 258 p.

Koryakin, V.V. (2019). *Degradatsiya sovetskogo marksizma na primere filosofii i metodologii istorii vtoroy poloviny XX veka* [Degradation of soviet Marxism through the example of philosophy and methodology of history of the second half of the 20th century]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 1, pp. 29–43. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-1-29-43>

Koryakin, V.V. (2008). *Trud i edinyy zakonomernyy istoricheskiy protsess* [Labor and a single natural historical process.]. Perm, pt. 2, 340 p.

Koryakin, V.V. (1998). *Zakonomernosti «optimumov» i «maksimumov» v istorii* [Patterns of «optimums» and «maximums» in history]. *Novye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy]. Perm: PSU Publ., iss. 7, pp. 206–210.

Kozlova, M.G., Sedov, L.A. and Tyurin, V.A. (1968). *Tipy ranneklassovykh gosudarstv v Yugo-Vostochnoy Azii* [Types of Early Class States in Southeast Asia]. *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv* [Problems of the history of pre-capitalist society]. Moscow: Nauka Publ., book 1, pp. 516–545.

Iz rukopisnogo nasledstva K. Marksa (1958). [From the handwritten heritage of K. Marx]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 12, pp. 709–738.

Lenin, V.I. (1969). *O lozunge Soedinennykh Shtatov Evropy* [On the slogan for a United States of Europe]. *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy* [Lenin V.I. Collected works]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 26. pp. 351–355.

Lyublinskaya, A.D. (1968). *Tipologiya rannego feodalizma v Zapadnoy Evrope i problema romano-germanskogo sinteza* [The typology of early feudalism in Western Europe and the problem of Romano-German synthesis]. *Sredniye veka* [Middle Ages]. Iss. 31, pp. 9–17.

Masson, V.M. (1983). *Leninskie idei o neravnomernosti istoricheskogo protsessa i problemy istorii drevnego mira* [Lenin's ideas about the unevenness of the historical process and the problems of the history of the ancient world]. *Metodologicheskie i filosofskie problemy istorii* [Methodological and philosophical problems of history]. Novosibirsk: Nauka Publ., pp. 7–15.

Novosel'tsev, A.P., Pashuto, V.G. and Cherep- nin L.V. (1972). *Puti razvitiya feodalizma* [The development of feudalism]. Moscow: Nauka Publ., 338 p.

Pershits, A.I. and Khazanov, A.M. (eds.) (1978). *Pervobytnaya periferiya klassovykh obshchestv do nachala Velikikh geograficheskikh otkrytiy* [The primitive periphery of class societies before the start of the great geographical discoveries]. Moscow: Nauka Publ., 301 p.

Pletnikov, Yu.K., Semenov, Yu.I. and Gri- gor'yan, B.T. et al. (eds.) (1981). *Marksistsko-leninskaya teoriya istoricheskogo protsessa: deystvitelnost', material'naya osnova, pervichnoe i vtorichnoe* [The Marxist-Leninist theory of the historical process: The historical process: reality, material basis, primary and secondary]. Moscow: Nauka Publ., 463 p.

Porshnev, B.F. (1975). *Rol' sotsial'nykh revolyutsiy v smene formatsiy* [The role of social revolutions in the change of formations]. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskikh formatsiy* [Problems of socio-economic formations]. Moscow: Nauka Publ., pp. 26–40.

Semenov, Yu.I. (1998). *Marksova teoriya obshchestvenno-ekonomicheskikh formatsiy i sovremennost'* [Marx's theory of socio-economic formations and modernity]. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society]. No. 3, pp. 190–233.

Semenov, Yu.I. (1978). *Teoriya obschestvenno-ekonomicheskikh formatsiy i vseмирnaya istoriya* [The theory of socio-economic formations and world history]. *Obschestvenno-ekonomicheskie formatsii: problemy teorii* [Socio-economic formations: problems of theory]. Moscow: Mysl' Publ., pp. 55–89.

Udal'tsova, Z.V. (1975). *Problemy tipologii feodalizma v Vizantii* [Problems of the typology of feudalism in Byzantium]. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskikh formatsiy* [Problems of socio-economic formations]. Moscow: Nauka Publ., pp. 124–157.

Udal'tsova, Z.V. (1983). *Tipologiya kul'tury kak metodologicheskaya problema (na primere istorii Vizantii)* [Typology of culture as a methodological problem]. *Metodologicheskiye i filosofskkiye problemy istorii* [Methodological and philosophical problems of history]. Novosibirsk: Nauka Publ., pp. 127–151.

Vasil'ev, L.S. (1968). *Sotsial'naya struktura i dinamika drevnekitayskogo obschestva* [The social structure and dynamics of ancient Chinese society]. *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obschestv* [Problems of the history of pre-capitalist society]. Moscow: Nauka Publ., book 1, pp. 455–515.

Vil'chek, V. (1993). *Proschanie s Marksom* [Farewell to Marx]. Moscow: Progress–Kul'tura Publ., 224 p.

Zhukov, E.M. (1978). *Metodologicheskie problemy teorii obschestvenno-ekonomicheskikh formatsiy* [Methodological problems of the theory of socio-economic formations]. *Obschestvenno-ekonomicheskiye formatsii, problemy teorii* [Socio-economic formations, problems of theory]. Moscow: Mysl' Publ., pp. 34–54.

Zhukov, E.M. (1975). *Nekotorye voprosy teorii obschestvenno-ekonomicheskikh formatsiy* [Some questions of the theory of socio-economic formations]. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskikh formatsiy* [Problems of socio-economic formations]. Moscow: Nauka Publ., pp. 11–25.

Zhukov, E.M. (1979). *Sotsiologicheskie i istoricheskie zakony* [Sociological and historical laws]. Zhukov E.M., Barg M.A., Chernyak E.B., Pavlov V.I. *Teoreticheskie problemy vseмирno-istoricheskogo protsessa* [Zhukov E.M., Barg M.A., Chernyak E.B., Pavlov V.I. Theoretical problems of the world historical process]. Moscow: Nauka Publ., pp. 11–47.

Received 23.04.2020

Об авторе

Корякин Вячеслав Владимирович
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: vvkorkfnpsu@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0809-3614>

About the author

Vyacheslav V. Koryakin
Ph.D. in Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: vvkorkfnpsu@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0809-3614>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Корякин В.В. Формационный синтез. Возвращаясь к старой проблеме // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 2. С. 203–214. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-2-203-214

For citation:

Koryakin V.V. [Formation synthesis. Revisiting the old problem]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 2, pp. 203–214 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-2-203-214

УДК 165:316.77

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-2-215-222

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ВЗАИМООБМЕНА В ПРОЦЕССАХ КУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Сидоренко Владимир Александрович

Луганский государственный медицинский университет им. Святителя Луки

Когнитивные процессы, лежащие в основе взаимодействия культурной информацией, носят двоякий характер: с одной стороны, антропосферный уровень организации культурного знания позволяет реципиенту получать его в максимально обработанном и готовом к использованию виде, с другой — такое получение из культуры готовых решений встающих перед ним проблем приводит к снижению способности индивида к созданию собственных творческих наработок. Процессы обработки культурной информации подразделяются на ассимилятивные (направленные на включение входящих данных в ментальную систему получателя) и аккомодационные (направлены на адаптацию собственного мировоззрения к информации, поступающей извне). Поступающая в процессе культурной коммуникации информация интериоризуется реципиентом в той мере, в которой он обладает сензитивностью к ней. Под сензитивностью в данном случае понимается способность гармонично встроить входящие данные в уже существующую систему когнитивных схем. При этом акт информационной трансляции выступает в роли стимула, а интериоризация данных — в качестве реакции на него. Основопологающим принципом усвоения культурной информации выступает когнитивная экономичность — стремление получить наиболее эффективное решение возникшей задачи с минимальными затратами мыслительных ресурсов. Результатом зачастую становится развитие когнитивной лени, неспособности и нежелания применять высвободившиеся ресурсы для творческих наработок, которые затем можно будет использовать в роли донора культурной информации. С увеличением объема усваиваемой информации повышается уровень адаптированности ее получателя к системе культуры как в локально-групповом, так и в глобальном смысле, применимом к человечеству в целом в качестве наибольшей из культурных групп. В то же время повышение степени культурной адаптации ведет к снижению творческого потенциала субъекта, поскольку творчество выводит человека за рамки общегруппового вектора культурного развития.

Ключевые слова: культурное пространство, глобализация, информационная трансляция, коммуникативные механизмы, ассимиляция, аккомодация, интериоризация информации, принцип когнитивной экономичности, творчество.

COGNITIVE BASE FOR THE INFORMATION INTERCHANGE IN THE PROCESSES OF CULTURAL COMMUNICATION

Vladimir A. Sidorenko

Saint Luka Lugansk State Medical University

Cognitive processes underlying the interchange of cultural information are twofold: on the one hand, the anthropospheric level of cultural knowledge organization allows the recipient to receive it in a processed and ready-to-use form. On the other hand, obtaining from the culture ready-made solutions to the problems faced leads to a decrease in the individual's ability to produce his or her own creative ideas. The processes of cultural information processing are divided into assimilative (aimed at the inclusion of input into the recipient's mental system) and accommodative (aimed at adapting his or her own worldview to information

coming from outside) ones. The information received in the process of cultural communication is internalized by the recipient to the extent he or she is sensitive to it. In this case, sensitivity is understood as the ability to harmoniously embed the input data into the existing system of cognitive schemes. At the same time, the act of informational translation becomes a stimulus, while the internalization of data is a reaction to it. A fundamental principle of cultural information assimilation is cognitive economy — the desire to obtain the most effective solution to the problem with the minimum expenditure of mental resources. Often, the result is development of cognitive laziness, inability and unwillingness to use the resources freed up for creative work which could then be used by the person as a donor of cultural information. With the increase in the amount of assimilated information, the level of its recipient's adaptability to the system of culture increases both in the local and global sense applicable to humanity as a whole as the largest of the cultural groups. At the same time, increasing the degree of cultural adaptation leads to a decrease in the person's creative potential since creativity takes a person beyond the general group vector of cultural development.

Keywords: cultural space, globalization, translation of information, communication mechanisms, assimilation, accommodation, interiorization of information, principle of cognitive economy, creativity.

Информационный взаимообмен, опосредованный свойственной культуре системой фильтрации и систематизации знания, является одной из исторических доминант антропогенеза. Способность оперировать значительными объемами абстрактных знаний позволила человеку занять особую когнитивную нишу в системе видовой эволюции и получить уникальный вектор развития, приведший на сегодняшний день к формированию особого типа общества — информационного. Функционирование и само существование такого общества опирается на ментальные структуры своих членов, выдвигая изучение когнитивных механизмов коммуникации на передний план современной философской антропологии и смежных с ней областей знания.

С психофизиологической точки зрения коммуникация базируется на определенной части нервной системы, не являющейся отделом мозга. Она включает в себя целый ряд элементов, начинающийся с рецепторов, к которым поступает входящая информация, и заканчивающийся эфферентными нейронами. Работа коммуникативного механизма не ограничена по времени — хронологические рамки может иметь само существование коммуникативного процесса начиная с момента его возникновения и заканчивая его завершением.

В процессе культурной коммуникации выделяются ассимилятивные и аккомодационные составляющие [Теоретическая социология..., 2002; Юдина Т.Н., 2007; Park R., 1989]. Фундаментальные информационные связи, рождающиеся в ходе развития коммуникационных отношений, не могут сводиться к эмпирическим ассоциациям — они состоят из ассимилятивных и аккомодационных механизмов как в биологи-

ческом, так и в рациональном смысле. Никакое поведение, даже если оно является новым для индивида, не представляет собой абсолютного начала. Оно всегда базируется на ранее полученной информации и поэтому зависит от степени ассимиляции новых элементов в уже существующие структуры (врожденные, как рефлексы, либо ранее приобретенные). Даже «стимульное голодание» (по Г. Харлоу) не может быть сведено к простому подчинению внешней коммуникационной среде, а должно скорее интерпретироваться как поиск функциональных элементов, которые способны быть ассимилированными в актуально функционирующие когнитивные схемы и структуры [Harlow H.F., Harlow P., 1999]. В этом контексте концепция «стимул – реакция» как общая формула мотивации поведения становится слишком общей и не всегда соответствует действительности, что ставит под сомнение универсальность поведенческого подхода к изучению процессов культурной коммуникации.

Очевидно, что стимул может вызывать определенную реакцию только в том случае, если организм изначально обладает чувствительностью к данному стимулу (либо, как Ваддингтон характеризует генетическую чувствительность к специфическим индукторам, обладает необходимой для реагирования «компетентностью») [Гончаров В.С., 2006]. Степень компетентности определяется как раз эффективностью функционирования ментальных структур, которые отвечают за коммуникативную корреляцию практической деятельности человека с общим направлением культурного движения социальной группы.

В отличие от социальной антропологии, классифицирующей коммуникативные катего-

рии в соответствии с социальными группами, одной из задач культурной антропологии является вычленение общечеловеческих информационных категорий, связанных с культурным опытом человечества в целом. Общечеловеческие категории являются интегрирующими в отличие от дифференцирующего подхода социоантропологов, что отличает общую теорию коммуникации от исследований этнографов (Ф. Ратцель, Ф. Гребнер, В. Шмидт), изучавших информационные структуры отдельных взятых социальных групп, условия и закономерности явлений культуры по странам и зонам, а также концепцию культурных кругов, состоящих из элементов той или иной культуры, появившихся лишь однажды у определенного народа («культуры»).

Значительным недостатком этнографического подхода является собственное позиционирование исследователя по отношению к объекту изучения. Методология таких исследований использует позиции герменевтики и понимающего подхода, требуя нахождения внутри культурной группы и интериоризации культурного опыта исследуемой группы. Вследствие такой позиции этнографический метод становится простым учетом существующего культурного опыта и сравнением этой информации у разных ее носителей. Поэтому в случае применения системного подхода к изучению предмета культуры следует определить конкретные информационные категории определенных групп как элементы коммуникативной системы более высокого уровня, каковой является культура человечества в целом без разделения на группы. Принципы функционирования коммуникативных механизмов являются общими для представителей любых этнических или социальных формаций, от которых зависит только наполнение коммуникативных схем теми или иными данными. При этом степень значимости конкретной локальной культуры для развития человечества в целом определяется степенью эффективности выработанных ею решений общечеловеческих проблем и возможностью применения этих наработок другими локальными культурами или культурой глобальной. Количественно такая значимость может быть выражена с помощью индекса культурной глобализации. В некоторой степени к данной системе взаимодействий применимы законы и принципы рыночной экономики, поскольку взаимоотношения участников процесса культурной коммуникации в определенных аспектах сводят-

ся к упрощенной схеме «производитель – потребитель». В то же время негативной стороной такой парадигмы является формирование потребительского отношения к культурным ценностям, ставшее одной из характерных черт современного глобализованного общества.

Основополагающим принципом формирования коммуникативных механизмов является принцип когнитивной экономичности (ПКЭ), предусматривающий максимальную эффективность ментальных процессов при минимальных деятельностных затратах. Ведущая роль при реализации принципа когнитивной экономичности отводится процессу категоризации, который упорядочивает массивы информации с целью облегчения дальнейшего оперирования.

Принципы философии позитивизма стали общими методологическими предпосылками бихевиоризма, окончательно выведя изучение коммуникативных механизмов культуры из-под крыла философии и позиционируя ее как междисциплинарную область знания, лежащую на стыке теории познания, психологии, культурологии и социологии. Бихевиоризм может считаться одним из непосредственных истоков теории культурной коммуникации, поскольку стартовой точкой любого коммуникативного механизма так или иначе является стимул, а собственно коммуникация может трактоваться как реакция на него, хотя между ними существуют и значительные различия.

Во-первых, будучи направлением психологии, бихевиоризм рассматривает исключительно модели поведения, т.е. непосредственную связку «стимул – реакция». Теория культурной коммуникации описывает более сложную цепочку: «воспринятая информация – система фильтрации – использование – проверка – обратная трансляция». При этом первый, третий и последний пункты могут трактоваться как стимулы и реакции на них, однако объектом изучения теории культурной коммуникации являются как раз промежуточные пункты, обуславливающие различное применение индивидами идентичной исходной информации.

Во-вторых, бихевиористы, в частности Б. Скиннер, предполагают существование у человека врожденных схем поведения, таких как дыхание, глотание и т.п. Данный постулат возвращает нас к вышеупомянутой полемике Декарта и Локка, в которой теория культурной коммуникации поддерживает сторону англича-

нина: врожденные коммуникативные схемы невозможны, поскольку познание и культурная коммуникация начинаются с момента рождения. И даже если принимать во внимание новомодную точку зрения о возможности познания эмбриона в пренатальный период, с позиций теории культурной коммуникации это лишь отодвигает точку отсчета. Это связано с тем, что гипотетическая эмбриональная коммуникация по сути своей все равно опытна, в то время как врожденные идеи априорны, т.е. сдвигаются лишь хронологические рамки формирования простейших схем с момента рождения к моменту зачатия, а их свойства остаются неизменными. Однако в целом принципы бихевиоризма оказали огромное влияние на развитие теории культурной коммуникации, в частности закон эффекта, который предусматривает закрепление только удачных реакций и тенденцию к их дальнейшему воспроизведению, а следовательно, включение в систему культуры эффективных культурных элементов и удаление неэффективных и дезадаптивных.

Данный принцип стал основополагающим для характеристики частотности обращения к коммуникативным механизмам и их устойчивости к изменениям под влиянием вновь приобретаемого опыта. Также на основе идей бихевиоризма было введено понятие скрипта как коммуникативной схемы, требующей минимального ментального усилия вследствие ее закреплённости в качестве реакции на определенный стимул. И, несмотря на попытку бихевиоризма игнорировать такие фундаментальные философские понятия, как сознание и мышление, за что течение было подвергнуто критике Л.С. Выготским, Ж. Пиаже и др., многие его законы и принципы переходят в область культурной коммуникации.

Отдельно следует отметить, что навешивание ярлыков (стереотипизация) не является исключительно негативным явлением. Корректные ярлыки способствуют процессу формирования коммуникативных информационных пакетов и успешной реализации ПКЭ. Сложность заключается в необходимости отличия верных стереотипов от неверных, что требует дополнительных умственных усилий. Отсюда следует сделать вывод о целесообразности разового (а в случае необходимости — повторного) нарушения ПКЭ с целью построения эффективной информационной структуры, которая, в свою очередь, способствует реализации ПКЭ в дальнейшем, по-

скольку когнитивная экономичность не является самоцелью и сэкономленные ресурсы должны использоваться для коррекции и критического осмысления собственного направления культурного движения.

М. Коул относит коммуникативные схемы к так называемым вторичным артефактам [Коул М., 1997, с. 145], подчеркивая, что первичными артефактами являются непосредственно объекты оперирования (причем собственно артефакты могут быть как материальными, так и идеальными), в то время как вторичные возникают путем применения первичных. Основной ролью вторичных артефактов является сохранение и трансляция культурного опыта, накопленного в первичных артефактах, что обеспечивает процесс культурной коммуникации через вторичные артефакты.

Информационные категории сводят разнообразие воспринимаемых и воображаемых явлений к одному. Таким образом экономятся ментальные ресурсы без значительного ущерба для результата коммуникативной деятельности. Однако ввиду многоплановости подобной деятельности одних информационных категорий недостаточно, тем более что, как правило, категоризация ограничивается словарным запасом индивида, являясь, по сути, пассивным процессом.

Для активной деятельности используются более сложные структуры, которые могут объединять значительное число категорий, а также иметь межкатегориальные связи [Lakoff G., 1987, p. 5–9; Rosch E., 1978, p. 27–29]. Чем более высоким когнитивно-поведенческим уровнем обладают сформированные системой автоматизмы, тем менее ментально затратной является выработка управления ними и тем более сложные задачи становится возможным решать при одинаковых затратах психической энергии. Автоматизм реализации является чрезвычайно важным параметром функционирования коммуникативных механизмов, ведь процесс культурной коммуникации должен быть максимально безболезненным, иначе он будет вызывать отторжение и сопротивление.

Отдельным вопросом в сфере исследования коммуникативных процессов является проблема их взаимодействия с памятью. Память как таковая широко исследовалась психологами, и в данной области когнитивная наука продвинулась достаточно далеко. Однако, по признанию когнитивного психолога Р. Солсо, более важный

вопрос, касающийся хранения и обработки информации, в значительной степени все еще остается без ответа [Солсо Р., 2006, с. 229].

Прежде всего необходимо отметить, что именно коммуникативные схемы отвечают за распределение информации по типам памяти (кратковременная, долговременная, рабочая и др.). Большую роль в этом взаимодействии играет категоризационный аспект коммуникативных механизмов: в соответствии с моделью Миллера рабочая память способна удерживать всего 7 единиц информации, например 7 букв [Haggbloom S.J. et al., 2002, p. 141]. Однако в случае категоризации (например, соединения нескольких букв в слово) 7 единицами информации становятся уже 7 слов, а не букв, что увеличивает объем и эффективность кратковременной памяти.

Операционная основа функционирования коммуникативных механизмов проводит параллель между культурной антропологией и теорией искусственного интеллекта (ИИ) [Прокопчук Ю.А., 2010]. Механический разум может быть гораздо эффективнее адаптирован к взаимодействию с другими субъектами, нежели человеческие существа, благодаря более простому построению информационной системы и телеологическим установкам (а в глобальном смысле — из-за отсутствия культуры, в том числе надындивидуальных схем коммуникативного взаимодействия).

Вышеперечисленные операции микро- и макроавтоматизации и являются теми коммуникативными механизмами, которые позволяют безболезненно адаптировать индивидуальность к коллективной информационной системе (сети — в случае ИИ и культуры для человеческого существа). Пример ИИ позволяет анализировать коммуникативные механизмы, так сказать, в чистом виде, без многих дополнительных факторов, привносимых человеческой культурой.

Основным отличием, характеризующим человеческую информационную структуру по сравнению с процессами обработки информации ИИ, является привязка коммуникативных механизмов к информации, не данной непосредственно при решении конкретно поставленной задачи. Во многих случаях информация не может быть должным образом интерпретирована без понимания контекста и коннотативных аспектов, которые, собственно, и обеспечивают

культурную обусловленность коммуникативных механизмов.

Двойственность человеческой природы нашла свое отражение в дихотомии «творчество – адаптация» [Хаксли О., 2004]. Творчество по сути своей дезадаптивно, поскольку выводит субъекта за рамки общепринятых и общеизвестных норм. Адаптация направлена в противоположную сторону — на согласование вектора развития индивида и общества. Чем более адаптирован к культуросфере человек, тем выше его зависимость от получения готовых решений стоящих перед ним задач. В этом случае культуросфера превращается в механизм манипуляции сознанием и лишения индивида творческого начала.

Постановка новых целей и разработка новых способов их достижения, являющиеся неотъемлемыми компонентами творческого процесса, приводят к конструктивному преобразованию среды обитания в целом и культуросферы в частности. Творческая личность — это не обязательно дезадаптированный гений, полностью погруженный в мыслительный процесс. Любой субъект информационного обмена, вносящий в культуросферу новое знание, пусть даже минимальное, становится творцом.

Коммуникативная инвалидность вследствие функционирования деструктивных механизмов является, безусловно, негативным явлением. Однако существует и противоположная крайность — культурный эталон, индивид, чьи информационные структуры максимально типичны, в результате чего он убежден в их эффективности и коммуникативной пригодности. Более того, так же, как его собственные эталонные структуры вытеснили менее типичные (и, следовательно, менее коммуникативно значимые), сам субъект стремится навязать свои более эффективные информационные элементы другим участникам коммуникации. Отсюда можно сделать вывод об обусловленности личностного роста неоптимальной информационной структурой, в противном случае личностное развитие подменялось бы коллективным поведенческим кодированием, которое хотя и обеспечивает адаптацию к культурной среде, но ведет к стагнации и прекращению эволюционного развития информационной системы.

Неуверенность в собственном «Я» — следствие отклонения коммуникативной системы субъекта от общекультурного вектора, ведь в

этом случае индивидуальная информационная структура и внутривидовые связи вступают в противоречие с коллективными. В условиях большей рейтинговости заимствованных данных неуверенность в правильности собственных действий? переходит на другие информационные элементы, из-за чего они теряют рейтинговость. Этот процесс приобретает лавинообразный характер, остановить который можно только путем приведения собственной информационной системы в соответствие с общекультурной.

Творчество является наиболее затратной с точки зрения мыслительных ресурсов деятельностью человека. Оно подразумевает нарушение коммуникативного принципа «получил готовую информацию из антропосферы — передал дальше». С помощью творческих усилий каждого отдельного человека общекультурный опыт пополняется новыми достижениями, но для этого нужно выйти за пределы коммуникативных схем. Коммуникативные механизмы позволяют экономить ментальные ресурсы, однако они не должны расходоваться «вхолостую». Современные информационные технологии могут доводить эту «когнитивную лень» почти до абсолюта, что отражается в формировании специфического типа «умственной лени» [Лазарев Ф.В. и др., 2012, с. 24], который заменяет ресурсоемкое освоение действительности во всей ее полноте получением готового знания, ценностных ориентиров, нравственных норм и т.д. без приложения собственных усилий.

Возможность легкого получения готовых решений посредством современных информационных технологий делает человека техноферно зависимым, что способствует потере умений и навыков творческого мышления, превращая человека в программируемую машину. Безусловно, такая автоматизация повышает уровень адаптированности человека к условиям социальной среды (реальной или виртуальной). При таких обстоятельствах важно выдерживать золотую середину: коммуникация облегчает получение информации и высвобождает ресурсы когнитивной системы, но эти ресурсы должны использоваться для выработки новых идей, которые пополняют общечеловеческую культурную базу.

Эффективность функционирования информационной системы определяется ее способностью к решению поставленных перед ее субъектом задач [Gazzaniga M.S. et al., 2010, p. 6–11]. В

повседневной жизни человек сталкивается с бесчисленным количеством задач, которые заставляют его формировать стратегии реакций, выбирать возможные решения и выверять соответствующие действия. Выполнение последовательных шагов, требуемых для решения задачи, зачастую является неосознанным [Солсо Р., 2006, с. 501], что также подтверждает теорию когнитивного скрипта и воздействие культуросферы на индивидуальную информационную систему субъекта.

В сфере задачного подхода выделяют конвергентные и дивергентные коммуникативные механизмы [Guilford J., 1982, p. 49–50]. Конвергентный принцип заключается в привязке к единственно верному варианту решения проблемы при отвержении альтернативных. На этом принципе построено большинство точных наук, подразумевающих разделение ответов на верные и неверные (например, на вопрос «соответствуют ли свойства данного кирпича задаче построения дома?» конвергентными вариантами ответа должны быть взаимоисключающие решения «да» и «нет»). Дивергентные механизмы не оценивают по критерию «верно – неверно», предлагая равновероятные варианты решения и являясь основой творческого типа мышления (например, при постановке вопроса «как можно применить данный кирпич в соответствии с его свойствами?» вариантов ответа множество, включая субъективные: от «эталоны массы» до «оружия пролетариата»). Конвергентные механизмы делают человеческое мышление сходным с операциями искусственного интеллекта, в то время как дивергентные схемы являются более креативными, однако требуют большего ментального усилия и могут оказаться дезадаптивными, поскольку их функционирование в меньшей степени привязано к общему направлению культурного развития.

При конвергентном подходе эффективность коммуникативного процесса определяется процентным соотношением выбора верных и неверных решений, в то же время результативность дивергентных механизмов количественному выражению не подлежит. Это объясняется тем, что творческое мышление не сводится к количеству предлагаемых вариантов. Оценка производительности дивергентной схемы в большей степени строится на аналогии и референции к предыдущему опыту применения подобных схем: чаще всего новая задача имеет общие

фрагменты с решенными ранее, следовательно, наиболее эффективной оказывается дивергентная схема, опирающаяся на проверенные и достоверные результаты предыдущего применения обоих типов [Hayes J.R., 1985, p. 394–397]. Кроме того, конвергентные схемы могут быть выражены в двоичной системе (1 — верно, 0 — неверно), что наделяет возможностью принятия конвергентного решения машину, в то время как дивергентные решения искусственному интеллекту недоступны.

Вышеизложенное позволяет сделать ряд выводов: 1) информационные операции, дающие возможность интериоризовать культурное знание, подразделяются на ассимилятивные и аккомодационные; 2) поступающая в процессе культурной коммуникации информация выступает в роли стимула, а когнитивные процессы — в качестве реакции на него; 3) степень интериоризации информации прямо пропорциональна сензитивности реципиента к ней; 4) сензитивность к поступающей информации определяется системой социокультурных фильтров, структурирующих и систематизирующих транслируемые данные; 5) операционной базой обработки культурной информации является принцип когнитивной экономичности, восходящий к основополагающему закону эволюции — соотношению затрачиваемой энергии к получаемому результату; 6) принцип когнитивной экономичности не должен возводиться в абсолют: сэкономленные мыслительные ресурсы должны направляться на процессы, связанные с творчеством, поскольку именно креативные виды деятельности наиболее ресурсозатратны.

Список литературы

Гончаров В.С. Психолого-педагогическое проектирование когнитивного развития школьников: дис. ... д-ра психол. наук. Курган, 2006. 407 с.

Коул М. Культурно-историческая психология. М.: Когито-центр, 1997. 432 с.

Лазарев Ф.В., Сыропятов О.Г., Яновский С.С. Психосоматическая антропология: теория и практика. Симферополь: Н. Ореанда, 2012. 152 с.

Прокочук Ю.А. Информационная структура теории естественной предметной области // Вестник Херсонского национального технического университета. 2010. № 2(38). С. 11–19.

Солсо Р. Когнитивная психология. СПб.: Питер, 2006. 589 с.

Теоретическая социология: антология / пер. с англ., фр., нем., ит.; сост. и общ. ред.

С.П. Баньковской. М.: Кн. дом «Университет», 2002. 424 с.

Хаксли О. Вечная философия. М.: Эксмо, 2004. 464 с.

Юдина Т.Н. Миграция: словарь основных терминов: учеб. пособие. М.: Академ. проект, 2007. 472 с.

Gazzaniga M.S., Reuter-Lorenz P.A., Baynes K. The Cognitive Neuroscience of Mind: a Tribute to Michael S. Gazzaniga. Cambridge, MA: MIT Press, 2010. 256 p. DOI: <https://doi.org/10.7551/mitpress/9780262014014.001.0001>

Guilford J.P. Cognitive Psychology's Ambiguities: Some Suggested Remedies // Psychological Review. 1982. Vol. 89, iss. 1. P. 48–59. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-295x.89.1.48>

Haggbloom S.J., Warnick R., Warnick J.E., Jones V.K. et al. The 100 Most Eminent Psychologists of the 20th Century // Review of General Psychology. 2002. Vol. 6, iss. 2. P. 139–152. DOI: <https://doi.org/10.1037/1089-2680.6.2.139>

Harlow H.F., Harlow P. Human Model: Primate Perspective. Great Falls, MT: Winston, 1999. 366 p.

Hayes J.R. Three Problems in Teaching General Skills // Thinking and Learning Skills. Vol 2: Research and Open Questions / ed. by S.F. Chipman, J.W. Segal, R. Glaser. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1985. 640 p.

Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago, IL: Chicago University Press, 1987. 596 p. DOI: <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226471013.001.0001>

Park R. Assimilation // Introduction to the Science of Sociology / ed. by R. Park, E. Burgess. Chicago, IL: Chicago University Press, 1989. P. 734–739.

Rosch E. Principles of Categorization. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. 328 p.

Получено 12.04.2020

References

Bankovskaya, S.P. (ed.) (2002). *Teoreticheskaya sotsiologiya: Antologiya, per. s angl., fr., nem.* [Theoretical sociology: Anthology, trans. from English, French, German, and Italian]. Moscow: Knizhnyy dom «Universitet» Publ., 424 p.

Cole, M. (1997). *Kulturno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural psychology]. Moscow: Cogito-Centre Publ., 432 p.

Gazzaniga, M.S., Reuter-Lorenz, P.A. and Baynes, K. (2010). The cognitive neuroscience of mind: a tribute to Michael S. Gazzaniga. Cambridge,

MA: MIT Press, 256 p. DOI: <https://doi.org/10.7551/mitpress/9780262014014.001.0001>

Goncharov, V.S. (2006). *Psikhologo-pedagogicheskoe proektirovanie kognitivnogo razvitiya shkol'nikov: dis. ... d-ra psikhol. nauk* [Psychological and pedagogical projecting for cognitive development of schoolchildren: dissertation]. Kurgan, 407 p.

Guilford, J.P. (1982). Cognitive psychology's ambiguities: some suggested remedies. *Psychological Review*. No. 89, iss. 1, pp. 48–59. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-295x.89.1.48>

Haggbloom, S.J., Warnick, R., Warnick, J.E., Jones, V.K. et al. (2002). The 100 most eminent psychologists of the 20th century. *Review of General Psychology*. Vol. 6, iss. 2, pp. 139–152. DOI: <https://doi.org/10.1037/1089-2680.6.2.139>

Harlow, H.F. and Harlow, P. (1999). *Human model: primate perspective*. Great Falls, MT: Winston Publ., 366 p.

Hayes, J.R. (1985). Three problems in teaching general skills. *Thinking and learning skills. Vol. 2: Research and open questions*, ed. by S.F. Chipman, J.W. Segal, R. Glaser. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates Publ., 640 p.

Huxley, A. (2004). *Vechnaya filosofiya* [The perennial philosophy]. Moscow: Eksmo Publ., 464 p.

Lakoff, G. (1987). *Women, fire, and dangerous things: what categories reveal about the mind*. Chicago, IL: Chi-

cago University Press, 596 p. DOI: <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226471013.001.0001>

Lazarev, F.V., Syropyatov, O.G. and Yanovskiy, S.S. (2012). *Psikhosomaticheskaya antropologiya: teoriya i praktika* [Psychosomatic anthropology: theory and practice]. Simferopol: N. Oreanda Publ., 152 p.

Park, R. (1989). Assimilation. *Introduction to the Science of Sociology*, ed. by R. Park, E. Burgess. Chicago, IL: Chicago University Press, pp. 734–739.

Prokopchuk, Yu.A. (2010). *Informatsionnaya struktura teorii estestvennoy predmetnoy oblasti* [Informational structure of the natural subject theory]. *Vestnik Khersonskogo natsional'nogo tekhnicheskogo universiteta* [Scientific Bulletin of Kherson State University]. No. 2(38), pp. 11–19.

Rosch, E. (1978). *Principles of categorization*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates Publ., 328 p.

Solso, R. (2006). *Kognitivnaya psikhologiya* [Cognitive psychology]. Saint Petersburg: Piter Publ., 589 p.

Yudina, T.N. (2007). *Migratsiya: slovar' osnovnykh terminov* [Migration: the basic term dictionary]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 472 p.

Received 12.04.2020

Об авторе

Сидоренко Владимир Александрович
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии, правоведения,
социальных и гуманитарных наук

Луганский государственный медицинский
университет им. Святителя Луки,
Украина, 91045, Луганск, кв. 50 лет Оборона Лу-
ганска, 1 г;
e-mail: philosophy.lsmu@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7024-4228>

About the author

Vladimir A. Sidorenko
Ph.D. in Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Law, Social and Humanitarian Sciences

Saint Luka Lugansk State Medical University,
1 g, 50 Let Oborony Luganska bl., Lugansk,
91045, Ukraine;
e-mail: philosophy.lsmu@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7024-4228>

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Сидоренко В.А. Когнитивные основания информационного взаимодействия в процессах культурной коммуникации // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2020. Вып. 2. С. 215–222.
DOI: [10.17072/2078-7898/2020-2-215-222](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-2-215-222)

For citation:

Sidorenko V.A. [Cognitive base for the information interchange in the processes of cultural communication]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 2, pp. 215–222 (in Russian). DOI: [10.17072/2078-7898/2020-2-215-222](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-2-215-222)

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.075:174

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-2-223-237

**СТИЛИ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ КАК МОДЕЛЬ:
ФЕНОМЕН СТИЛЯ, ПОДХОДЫ, ИССЛЕДОВАНИЯ,
ОТКРЫТЫЕ ВОПРОСЫ. ЧАСТЬ 2****Толочек Владимир Алексеевич**Институт психологии Российской академии наук*

Исследования стилей в психологии (с 1950-х по 2000-е гг.) прошли своеобразный жизненный цикл — от широкого изучения до фактически забвения этой темы. Продолжение конструктивного изучения этой проблемы требует построения новых программ НИР, обобщения накопленного в разных научных школах опыта. Постановка проблемы стилей делового общения (СДО) как модели изучения стилей (в целом) может способствовать дальнейшему изучению феномена «стиль» и раскрытию ряда аспектов общения, ускользающих при «жестком» выделении его типов. Цель статьи — историко-теоретический анализ результатов исследований эволюции и функционирования стилей (на модели стилей делового общения); метод: анализ литературных источников. На основании критического анализа опыта изучения проблемы стилей общения и стилей делового общения выдвигаются *гипотезы*: 1. В общем социальном пространстве (пространстве деятельности) существуют несколько автономных стилей делового общения (СДО) субъектов. 2. Выделяемые и описываемые исследователями стили (их число, состав компонентов, структуры) есть производные базовых научных концепций. 3. Изучение феномена «стиль» на модели стилей делового общения позволяет акцентировать ряд аспектов эволюции и функционирования стиля, не выделявшихся при изучении стилей на других моделях. Обсуждаются условия дальнейших конструктивных исследований феномена «стилей». Полагается, что обращение к стилям делового общения как модели изучения стилей, привлечение ресурсов современных методологий (системно-генетического, экологического, синергетического подхода в психологии и др.), будет способствовать раскрытию новых свойств стилей, дальнейшему познанию их системные свойства как больших, открытых, динамичных психологических систем.

Ключевые слова: стили делового общения, интегральная индивидуальность, модель, феномен, проблема, методология, подходы, система, парадигмы.

**STYLES OF BUSINESS COMMUNICATION AS A MODEL:
THE PHENOMENON OF STYLE, APPROACHES, RESEARCH,
OPEN QUESTIONS. PART 2***Vladimir A. Tolochek**Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences*

Research into styles in psychology (from the 1950s to the 2000s) has undergone a kind of life cycle – from styles being widely studied to those falling into oblivion. Further constructive study of this problem requires creation of new R&D (research and development) programs, generalization of the experience

* Исследование поддержано грантом РФФИ № 19-013-00550: «Стили делового общения: пространство и стратегии взаимодействия, ресурсы успешности субъектов».

gained in various schools of thought. The statement of the problem of business communication styles (LMS) as a model for studying styles (in general) can contribute to the further study of the phenomenon of «style» and the disclosure of a number of aspects of communication that slip away in the case of «rigid» identification of its types. The paper aims to provide a historical and theoretical analysis of the results of studies of the evolution and functioning of styles (on the model of business communication styles). Method: analysis of literary sources. Based on a critical analysis of the experience of studying the problem of communication styles and business communication styles, the following hypotheses are put forward: 1. In the general social space (activity space) there are several autonomous business communication styles (LMS). 2. The styles identified and described by the researchers (their number, composition of components, structures) are derivatives of basic scientific concepts. 3. The study of the phenomenon of «style» based on the model of business communication styles allows us to emphasize several aspects in the evolution and functioning of style that were not distinguished when studying styles on other models. The conditions for further constructive studies of the phenomenon of «styles» are discussed. Use of the model of business communication styles is believed will contribute to the disclosure of new properties of styles, further understanding of their system properties as large, open, dynamic psychological systems
Keywords: business communication styles, integral individuality, model, phenomenon, problem, methodology, approaches, system, paradigms.

Введение

В отечественной психологии об общении как об особом виде активности человека решительно заявил Б.Д. Парыгин, позже его поддержали Б.Г. Ломов и др. [Ломов Б.Ф., 1984; Парыгин Б.Д., 1971]. В зарубежной и отечественной психологии проблема *стилей общения* (СО) и *стилей делового общения* (СДО) активно изучается с 1970–1980-х гг. в разных научных традициях. На протяжении нескольких десятилетий устойчиво заявляли о себе характерные сложности и препятствия при проведении НИР. Проблема общения (в том числе делового общения) входит в предмет не только психологии, но и других дисциплин, т.е. относится к междисциплинарным проблемам. Ее изучение затрудняется и тем, что предметом исследования выступает трудноуловимая, «неосязаемая» сфера формальных и неформальных аспектов взаимодействия людей, использования ими вербальных и невербальных средств общения. Известную сложность задает и высокая динамичность всех процессов общения людей, часто — наличие в таких взаимодействиях множества явных и латентных контекстов с их переменным доминированием; сложно инструментально контролировать и роль эффектов предшествующих контактов людей. Признаем, что обсуждаемая проблема объективно сложна для научного изучения и методический инструментарий нашей дисциплины позволяет выявить лишь часть составляющих общения людей.

В связи с этим постановка проблемы СДО как модели изучения стилей (в целом), следуя отечественным научным традициям, опираясь на «активы» современной методологии, разрабатываемой отечественными учеными, могла бы способствовать как дальнейшему изучению феномена «стиль», так и раскрытию ряда аспектов общения, ускользающих при «жестком» выделении его типов. *Цель* — осуществить историко-теоретический анализ результатов исследований эволюции и функционирования стилей (на модели стилей делового общения). *Гипотезы:* 1) в общем социальном пространстве (пространстве деятельности) существуют несколько автономных стилей делового общения (СДО) субъектов, 2) выделяемые и описываемые исследователями стили (их число, состав компонентов, структуры) есть производные базовых научных концепций, 3) изучение феномена «стиль» на модели стилей делового общения позволяет акцентировать внимание на ряде аспектов эволюции и функционирования стилиа, не выделявшихся при изучении стилей на других моделях. *Метод* — анализ литературных источников.

1. Стиль как феномен и как научная проблема

Проблема стилей общения (СО) и стилей делового общения (СДО) активно изучается с 1970–1980-х гг. в разных научных традициях. Для зарубежных исследований стилей делового общения (СДО) характерен организационно-центрированный и культурно-центрированный

подход, для отечественных — субъектно-центрированный. В зарубежной социальной психологии доминирующими стали темы изучения взаимодействий работников организаций — как акцентирование типичного и желательного поведения и/или как их своеобразия, обусловленного ценностями, уровнем образования, национальными традициями и пр., в кросс-культурных исследованиях — как отражение роли субкультуры, гендера, возраста. Стили общения чаще рассматриваются либо в структуре социальных (деловых) коммуникаций, либо в системе консультативных и психотерапевтических отношений людей [Eagly A.H., Steffen V.J., 1986; Jonson B., Eagly A.H., 1990; Eagly A.H. et al., 1995; Feingold A., 1994; Graham J. et al., 1994; Regins B., Sundstrom E., 1989; Roberts T., 1991; Reason J., 1990; Schein E., 1999; Smith H., Bobd M.H., 1998; Tse D.K. et al., 1994].

После того как Р. Уолтон и Р. Маккерси выделили и описали два крайних полюса коммуникативных взаимодействий субъектов (дистрибутивные переговоры (с акцентом на выигрыш, на максимизацию собственной прибыли) и интегративные переговоры (ориентированные на сотрудничество, совместное разрешение проблем, увеличение общей выгоды) [Walton R.E., McKersie R.B., 1965]), логика упрощения и поляризации стратегий поведения людей, используемых ими коммуникативных средств и способов решения задач оказалась удивительно живучей и нередко даже плодотворной. Действительно, в бесконечном многообразии вариантов реального поведения людей всегда можно было различить и выделить 2–3 разных стиля, типа поведения, стратегии, стабильно проявляющихся подхода к решению задач, которые приводят к сопоставимой успешности деятельности.

Вероятно, поэтому на протяжении десятилетий во множестве независимых исследований торжествует выделение учеными лишь немногих (2–3), чаще полярных типов стилей с 1–2 промежуточными, «компромиссными», «буферными» вариантами. Часто эти выделяемые стили (или типы ведения переговоров) так и называют интегративными и дистрибутивными стилями (типами) [Бэбьюли Ф., 2005; Bazerman M.H., 1983; Keltner J.W., 1994; Lewicki R.J. et al., 2003], а также интегративным стилем, ориентированным на партнера, интегративным стилем, ориен-

тированным на ситуацию, дистрибутивный стиль [Солдатова Г.У., Гасимов А.Ф., 2019], иногда (в рамках популярных теорий личности) — прагматическими и альтруистическими стилями [Спенгл М.Л., Айзенхарт М.У., 2009]; нередко ученые ограничиваются лаконичными наименованиями: гибкий, ригидный и переходный [Аргентова Т.Е., 1984], мягкий и силовой [Курбатов В.И., 1995], мужской и женский стиль [Куницына В.Н. и др., 2001].

Гораздо реже исследователи выделяют 4–5 типов (подходов, стилей ведения переговоров). В. Мастенбрук выделяет этический, аналитико-агрессивный, общительный и гибкоагрессивный стили [Мастенбрук В., 1993], на «плоскости» комбинаций межличностных и мотивационных ориентаций М.М. Лебедева различает конкурирующий, избегающий, приспособляющийся и сотрудничающий стили ведения переговоров [Лебедева М.М., 1999], А.С. Кармин выделяет жесткий, мягкий, торговый и сотрудничающий стили [Кармин А.С., 1999], Е.В. Маркова — авторитарный, ситуационный, реализаторский, маргинальный и попустительский стили [Маркова Е.В., 2001]. В теориях, рассматривающих более сложные варианты стратегий поведения различают структурный, стратегический, поведенческий и процессуальный подходы к ведению переговоров [Alfredson T., Cungu A., 2008]. Привлекательной для выделения стилей остается и концепция К. Томаса – Р. Киллмана — концепция стратегий разрешения конфликтной ситуации и им соответствующих типов поведения: соперничество – приспособление – компромисс – избегание – сотрудничество [Гришина Н.В., 2007].

В отечественной психологии в русле деятельностного подхода проблема стилей разрабатывалась часто как демонстрация его инструментальных возможностей, как экспликация концепции индивидуального стиля деятельности (ИСД) на деятельность педагогов: воспитателей, учителей, преподавателей вузов, тренеров [Вяткина З.И., 1976; Ильин Е.П., 2017; Исмагилова А.Г., 2002; Митина Л.М., 2004], в педагогике — как условие успешности воспитания [Лабунская В.А. и др., 2001; Мудрик А.В., 1984], в управленческой деятельности — как обозначение дополнительных возможностей в управлении персоналом [Казаринова Н.В., 2006; Цуканова Е.В., 2007].

В русле Пермской научной школы стили, в частности стили общения, изучали согласно концепции типологически обусловленных стилей, представленной в работах Б.А. Вяткина, Е.А. Климова, В.С. Мерлина, М.Р. Щукина и др. Разные стили, в том числе и стили общения, также часто описывались в концептуально заданном «континууме»; другими словами, все разнообразие стилей вмещалось в «прокрустово ложе» двух, трех или четырех разновидностей. Примечательно, что, хотя в отечественных исследованиях стилей чаще реализовался не нормативный, а дескриптивный подход к выделению и описанию этих стилей, их число оставалось минимально ограниченным. При этом де-факто *типовые стили* [Толочек В.А., 2015, 2016] изучались как *индивидуальные стили* [Вихман А.А., 2016; Вяткин Б.А., Волочков А.А., 1999; Вяткина З.И., 1976; Дорфман Л.Я., 1989; Жданова С.Ю., 2005b; Исмагилова А.Г., 2002; Люкин В.В., 1981; Мерлин В.С., Климов Е.А., 1967; Мерлин В.С., 1986; Щукин М.Р., 1994], что можно рассматривать как своего рода «методологическое смещение», провоцирующее неточности в интерпретации феномена, блокирующее конструктивные продвижения в решении отдельных задач [Толочек В.А. 2015, 2016, 2019а, 2019б].

Выделим еще один важный аспект. На протяжении нескольких десятилетий разработка тем *индивидуальных стилей деятельности* (ИСД) и *интегральной индивидуальности* (ИИ) проводилась параллельно, эти темы рассматривались как связанные друг с другом и объясняющие одна другую, как описания двух феноменов с их сопряженной эволюцией [Вихман А.А., 2016; Волочков А.А. и др., 2015; Вяткин Б.А., 2000; Вяткин Б.А., Волочков А.А., 1999; Исмагилова А.Г., 2002; Жданова С.Ю., 2005а; Калугин А.Ю., 2018а, 2018б; Щукин М.Р., 1994]. Это способствовало обстоятельному изучению множества разноуровневых детерминант стиля субъекта, с одной стороны, с другой — уводило на периферию задач вопросы взаимодействий субъекта с другими людьми и совместной деятельности. Параллельное изучение двух проблем — ИСД и ИИ, — побуждало абстрагироваться от рассмотрения факторов и эффектов взаимного влияния активности и индивидуальности взаи-

модействующих людей, влияния на человека актуального пространства его деятельности.

Даже разделяя исследования в зарубежной психологии и отечественной психологии (в которых чаще был реализован деятельностный подход), нельзя не видеть крайне слабую согласованность данных, полученных при разных научных подходах. Накоплен богатейший эмпирический материал, но он остается сложным для интеграции. Обобщая, можно констатировать, что исследования СО и СДО чаще проводились: 1) для подтверждения возможностей той или иной научной концепции, либо как экспликация концепции на новую модель деятельности или поведения (без развернутой методологической рефлексии), 2) с установкой на решение отдельных частных задач (часто — прикладных), 3) в структуре деловых коммуникаций СДО рассматривались как элементы типичного поведения человека в извне заданных условиях.

2. Стили делового общения как модель феномена «стиль»: возможности и ограничения методологических подходов

Смещая анализ проблемы стилей с собственно эмпирических и методических аспектов исследований на базовую методологию, можно выделить несколько важных проблем второго порядка. *Первое*. В разработках проблемы стилей общения явно преобладало обращение к теоретическому конструированию структур и процессов общения. Признаем, что для классической (академической) психологии XX столетия обращение к имплицитным теориям (к «практическому интеллекту», «представлениям об умном человеке», «представлениям о хорошем человеке» и т.п.) было не характерно. Исследования имплицитных теорий, предпочтение учеными не нормативных, а дескриптивных подходов, использование ими гибких методологических подходов («измерений») стали входить в арсенал психологии и более широко использоваться лишь в конце минувшего столетия. До настоящего времени доминировали формализации и концептуализации, построение новых концепций на базе фрагментов популярных теорий середины XX столетия (теорий личности, принятия решения, стратегий поведения, стратегий ведения переговоров). Примечательно, что и проверялись предложенные исследователями концепций СО/ СДО посредством не

наблюдений, а привлечения экспертов: преподавателей вузов, студентов [Солдатова Г.У., Гасимов А.Ф., 2019]. Таким образом, от начала и до конца изучение стилей чаще всего заключалось в жесткие рамки ранее разработанных теорий. Оно ограничивалось выделением в этих стилях общего («всеобщего») и специфического, типичного («особенного»).

Второе. Выделим еще раз этот важный аспект — обратную сторону медали нормативных подходов. Поскольку исторически первым чаще выступал *нормативный подход* в разработке разных проблем психологии (основанный на операциях формальной логики и математической статистики), ученые следовали принципу «от абстрактного к конкретному». Но множество явных и латентных факторов чаще всего блокировали это декларируемое движение науки к практике. Второй, *дескриптивный подход* к разработке проблем — был ориентирован на объяснение не нормативного поведения людей, а действительного в его многообразии, органичном сочетании *всеобщего, особенного и единичного*. Но такие разработки часто оставались содержательно неполными, фрагментарными и использовались преимущественно в русле родовой научной традиции для решения частных практических задач, что явно затрудняло и движение мысли «от конкретного к абстрактному». Другими словами, как абстрагирование от множества деталей социальной действительности при *нормативном подходе* (опирающемся на концептуальный анализ), так и описание множества специфических особенностей стилей, стратегий поведения, типов при *дескриптивном подходе* (при контекстуальном анализе, в русле специфики конкретной деятельности, конкретной ситуации) ввиду множества методологических причин разработки проблемы стилей (СО, СДО) часто сталкивались с серьезными ограничениями. К числу таких ограничений относится выпадение из научного исследования стилей общения такой базовой единицы, как *действия* (акты, акции, поступки), что препятствовало становлению процессуальных ситуативных подходов и более методологически «продвинутых» — синергетического, экологического и др.

Третье. Континуальная экспликация как выделение двух «полюсов» некоторого ряда последовательных преобразований феномена

есть сильное упрощение состояния фрагмента социальной действительности, равно как и его плоскостная экспликация — использование двух условно ортогональных осей (измерений, факторов), предполагаемых априори, но эмпирически не всегда убедительно подтверждаемых. Последующие эмпирические исследования показывают, ортогональность осей, эксплицирующих феномен, не всегда подтверждалась, что корреляции пунктов с этими осями и с индивидуально-психологическими особенностями людей чаще всего оказываются слабыми (в пределах $r = [0,200-0,400]$) [Маркова Е.В., 2001; Солдатова Г.У., Гасимов А.Ф., 2019]. Для подтверждения валидности методик используют большие выборки испытуемых (чаще — не менее 200 чел.), что обеспечивает соответствие критерию статистической значимости связи. Если же оперировать не «вероятностью статистической связи», а мерой влияния одной переменной на другую (для такой оценки используется коэффициент детерминации, равный квадрату коэффициента корреляции), то несложно увидеть, что объясняемая дисперсия при такой связи крайне мала (в пределах 9–16 %).

Четвертое. В научной литературе мы чаще видим описание фенотипа стиля, выявление же его генотипа редко было предметом исследования. Изучение закономерностей генезиса стилей, их структурно-функциональной организации, признаков специфических проявлений (*про-явлений*) стилей в разных ситуациях, выделение в стилях специфического («особенного») в органичном сочетании с проявлением общего («всеобщего») часто не считались первостепенными задачами. В разработках проблемы стилей преобладали «срезовые» исследования, ориентированные на сферы решения управленческих задач [Маркова Е.В., 2001], ведения переговоров [Солдатова Г.У., Гасимов А.Ф., 2019], управление человеческими ресурсами [Казаринова Н.В., 2006; Цуканова Е.В., 2007].

Пятое. Анализ и описание стилей как *индивидуальных стилей (личностных, типологически обусловленных* и т.п.) изначально также «блокирует» вопросы изучения *взаимодействия субъектов*.

Итак, можно констатировать, что выделяемые и описываемые исследователями стили (их число, состав компонентов, структуры, типы

описания и объяснения) есть производные базовых научных концепций; нормативные подходы позволяют легко интегрировать схемы изучения стилей в русло базовой научной концепции, но ограничивают полноту изучения феномена «стиль», возможности выделения их специфических и инвариантных особенностей, закономерности их эволюции.

3. Парадоксы изучения стилей делового общения

Наряду с общими чертами, присущими как «сильным», так и «слабым» решениям в изучении разных стилей, при рассмотрении стилей общения проявились и сложности, характерные именно для данной предметной области, — сложности в способах экспликации общения как фрагмента социальной действительности, фрагмента социальных взаимодействий людей. Условно назовем такие «слабые» решения парадоксами.

1-й парадокс. Неопределенность категории (понятия) «общение». Так, в русле деятельностного подхода общение понимается как *деятельность общения*, в русле субъектно-деятельностного подхода (а также вариантов его развития: процессуально-субъектного и др.) *общение* трактуется как особая активность человека (наряду с другими: трудом, учением, игрой, созерцанием). Следовательно, открытыми остаются и вопросы о том, является общение причиной становления тех или иных особенностей человека или же оно всего лишь следствие определенных форм его активности, выступает ли общение в качестве особой активности человека, многое определяющей в антропогенезе, онтогенезе и субъектогенезе, или же оно есть нечто, возникающее по необходимости, как следующее и/или включенное в другие виды активности, им подчиненное, ими обусловленное, чем в современной психологии является общение: *категорией* или *понятием*.

2-й парадокс. Множество несогласованных определений стилей общения. Переходя от уровня категорий ко второму уровню теоретической структуры научного знания — уровню понятий, мы находим ожидаемые следствия 1-го парадокса: несогласованности определений общения и, соответственно, стилей общения, представленных даже в рамках одного научного подхода.

3-й парадокс. Неполнота описания детерминант общения и стилей общения. В зависимости от методологических оснований подхода, научной концепции и практических задач исследователи избирают лишь часть возможных детерминант и абстрагируются от других. Возможные детерминанты *общение* и *стили общения* рассматриваются дизъюнктивно: либо они есть, либо их нет. Сочетания условий, уровни влияния, становление новых свойств целостной системы, образуемой взаимодействующими субъектами, как правило, учеными не обсуждаются.

4-й парадокс. Элементаризм в описании и объяснении стилей общения. Стили общения (СО), стили делового общения (СДО) представляются как множества связей отдельных параметров деятельности / поведения и множества особенностей индивидуальности человека. В качестве единиц анализа выступают отдельные действия и функции отдельных субъектов. Ни интеграция «внешних» и «внутренних» условий человека, предваряющая взаимодействия людей, ни среда проявления их активности в процессах взаимодействия чаще всего не является предметом исследований.

5-й парадокс. Тривединство компонентов общения и неопределенность состава стилей. В отечественной психологии, начиная с работ Б.Д. Парыгина, устойчиво заявляется сходство представлений об основных компонентах общения, поддерживаемое ведущими специалистами: Г.М. Андреевой, А.А. Бодалевым, Л.А. Петровской, А.А. Леонтьевым и др. (перцептивные / когнитивные, эмоциональные, интерактивные компоненты). Но когда речь заходит о стилях общения (т.е., о более частном феномене), эта фундаментальная триада компонентов уже не находит места в их описании; общепризнанная структура феномена утрачивается в его конкретных проявлениях (проявлениях).

6-й парадокс. Общение как индивидуальная активность. Типичными для эмпирических исследований остаются анализ и описание общения как индивидуальной активности человека (поведения, деятельности), но вне анализа остается роль активности другого — партнера, также субъекта. В эмпирических исследованиях общение не рассматривается как ключевая составляющая совместной активности, предваря-

ющая и сопровождающая все взаимодействия людей.

7-й парадокс. Общение вне пространства и времени. Нередко анализ и описания общения представлены вне реального и единого пространства и времени жизнедеятельности человека. Общение крайне редко рассматривается как система актов преобразования некоторых условий пространства и времени как «внешних». Чаще стили общения рассматриваются в специфической ситуации (например, ведение переговоров), вычлененной из множества актуальных социальных контекстов.

8-й парадокс. Статичность описания. Для описания одного из наиболее спонтанных процессов, обусловленного множеством факторов разной природы, чаще избираются статичные модели. Объяснение этому можно найти в методологии психологии, в долгой сохранности первых математических приемов, предложенных еще в начале XX столетия для анализа описания проявлений психического.

9-й парадокс. Диада альтернатив в объяснениях активности человека. В работах С.Л. Рубинштейна, его ближайших учеников и последователей (К.А. Абульхановой-Славской, Л.И. Анциферовой, А.В. Брушлинского и др.), равно как и в трудах сторонников деятельностного подхода (Г.М. Андреевой, А.Г. Асмолова, Ф.Е. Василюка, А.В. Мудрика, А.В. Петровского и др.), представлены и анализируются два типа отношений человека с миром: *приспособление* и *преобразование* его условий. Такая бинарность мышления явно ограничивает возможности изучения этого феномена.

10-й парадокс. Общение как акты обмена. Анализ и описание общения людей исключительно лишь как *актов обмена* (информацией, энергией, эмоциональными реакциями, действиями, оценками), а не как процессов, в которых могут порождаться психические, социально-психологические и социальные явления, все еще ограничены базовыми подходами.

11-й парадокс. Лимит факторов эффективности общения. Факторы эффективности процесса и результатов общения людей в конкретных эмпирических исследованиях представляются в сильно ограниченном диапазоне. Выявление условий, способствующих или препятствующих успешности субъектов, все еще остается в «прокрустовом ложе» научных пред-

ставлений, сформированных к середине XX столетия.

12-й парадокс. Стили общения вне их эволюции. Эволюция стилей общения чаще не изучается. Динамика их качественных характеристик как «ответов» системы на изменения «внешних» и «внутренних» условий взаимодействующих людей — чаще всего не обсуждается. Формирующиеся стили общения описываются вне системы «человек – мир», вне развития человека как активного субъекта своей жизнедеятельности.

Обобщая вышесказанное, подчеркнем, что в стилях делового общения (СДО) представлено не менее двух субъектов, участников совместной деятельности. Уже вследствие этого базового условия СДО как модель изучения феномена «стиль» может и должна способствовать как развитию методологии научного поиска, так и расширению контекста описания феномена «стиль», выявлению и объяснению механизмов генеза и функционирования стилей.

4. Возможные перспективы изучения стилей делового общения

Своеобразным парадоксом настоящего исторического времени можно считать и то, что эвристичные научные концепции развиваются независимо друг от друга, разрабатываются вне области их предположительного «пресечения», все еще нет возможности их полноценной интеграции. К таким эвристичным концепциям можно отнести системогенетический подход, разрабатываемый А.В. Карповым, М.М. Кашаповым, Ю.П. Поваренковым, В.Д. Шадриковым и др., экологический подход в психологии, представленный С.Д. Дерябо, А.В. Капцовым, В.И. Пановым, В.А. Ясвиным и др., концепции совместной деятельности А.В. Журавлева, А.В. Карпова, Л.М. Митиной, Ю.А. Самойленко и др., ресурсный подход Н.Е. Водопьяновой, Д.А. Леонтьева, С.А. Хазовой и др., подход саморегуляции и стратегий совладания О.А. Конопкина, Т.Л. Крюковой, В.И. Морасановой и др., синергетический подход С.П. Курдимова, Г.Г. Малинецкого и др. Предложения методологов о проведении «вертикальной», «горизонтальной» и «диагональной» интеграции разных научных подходов в организации полевых исследований все еще не получают отклика у специалистов.

Более конструктивным, чем континуальные и плоскостные экспликации, видится представление стилей (в том числе СДО) как сложных систем — открытых, неустойчивых (диссипативных), иерархически организованных, — изучение которых должно проводиться с использованием методологии «больших систем», а не «малых систем» (что давно освоено в академической психологии). Примерами могут служить феномены «сопряженной карьеры», «психологической ниши» [Колесникова Е.И., 2016; Голочек В.А., 2011, 2019б], неоднозначные схемы взаимодействия людей [Капцов А.В., 2017; Поддяков А.Н., 2017], более сложные и неоднозначные, нежели в трактовке Л.С. Выготского, где они представлены как «ЗБР».

Выделение стилей субъектов, функционально взаимодействующих в едином в пространстве деятельности, есть не только вопрос количества (необходимого и достаточного для их эволюции и функционирования), диагностики; это принципиальный вопрос понимания феномена «стиль», понимания становления и генезиса, условий развития и вариаций, факторов успешности, «экологической» завершенности процессов взаимодействия стилей.

Так, например, в русле экологической психологии предложена одна из наиболее дифференцированных разработок темы взаимодействия субъекта с окружением. В формируемом субъектом пространстве различаются несколько типов взаимодействий: объект-субъектное, субъект-объектное, субъект-субъектное. В третьем типе взаимодействий в системе «человек — среда» различаются «подтипы взаимодействия, существующие и сменяющие друг друга, или же, напротив, исключают друг друга», а именно: 1) субъект-обособленный, 2) субъект-совместный, 3) субъект-порождающий [Панов В.И., 2004; Капцов А.В., 2017]. Но эта эвристичная концепция все же представляет взаимодействия людей как статичные, изначально заданные, ситуативно не меняющиеся.

Концептуально СДО также могут рассматриваться в русле метасистемогенетического подхода [Карпов А.В., 2012] с выделением 5 иерархических уровней анализа феномена: 1) элементарного (отдельных действий субъектов), 2) компонентного (трех подсистем СДО субъектов), 3) субсистемного (анализа как целостного отдельного образования СДО каждого

субъекта), 4) системного (анализа стилей, представленных диадами взаимодействующих субъектов), 5) метасистемного (анализа процессов и эффектов взаимодействия СДО субъектов в заданной или формируемой ими среде, в условиях и ситуациях конкретного окружения, анализа, акцентирующего внимание на роли среды в функционировании стилей взаимодействующих субъектов). Большим разнообразием характеризуются и представленные трактовки взаимодействий в современной психологии А.Л. Журавлева, А.Н. Занковского, А.В. Капцова, Т.А. Нестиком, В.И. Панова, Ю.А. Самойленко и др. Множество разных явлений, сопряженных с взаимодействиями отдельных людей и групп, исследователями представляются как отдельные, разделенные в пространстве и времени.

Намечая контуры возможных подходов к изучению феномена *стилей делового общения* (СДО), выделим несколько ключевых аспектов. *Первый* — постановка вопроса о *единстве структурно-функциональной организации, общности свойств и различие форм проявления разных стилей*, стилей общения и стилей делового общения в том числе. *Второй* — перенос акцентов на изучение *процессов взаимодействия системы и метасистемы*, т.е. системы и ее окружения с их взаимным влиянием друг на друга. *Третий* — вопрос *единиц* стиля. Как правило, в качестве единиц анализа называют конкретные действия и функции отдельных субъектов. Ни их интеграция, предваряющая успешные взаимодействия людей, ни среда проявления их активности еще не составляли полноценно предмет исследований. *Четвертый* — изучение времени и пространства в эволюции стилей как психологических систем. *Пятый* — психологические механизмы порождения новых психологических и социально-психологических явлений (ресурсов и др.).

Можно предполагать, что в процессах взаимодействия двух и более субъектов формируются новые динамичные целостные социально-психологические единицы — диады (триады, тетрады и т.п.), становление и функционирование которых может поддерживаться теми или иными ресурсами, потенциально представленными и порождаемыми в *актуализированном пространстве и времени взаимодействия субъектов*. В нашем подходе к проблеме стилей и использовании СДО как модели изучения сти-

лей мы акцентируем внимание именно на *диадах*. Именно они представляют наиболее массовые и наиболее социально значимые социальные микрогруппы функционально (и нередко психологически и биологически) дополняющих друг друга участников совместной деятельности: учитель – ученик, воспитатель – воспитываемый, преподаватель – студент, инструктор – обучаемый, тренер – спортсмен, руководитель – подчиненный, конструктор – испытатель и т.п. Можно предполагать, что именно в процессе взаимодействия партнеров диады, различающихся по их индивидуальным особенностям, может происходить не только преобразование условий их внутренней и внешней среды, выступающих в качестве *ресурсов*, но и становление новых условий среды, формирование и развитие культуры. В современной психологии ресурсы чаще рассматриваются как наличные данности. Более верным, на наш взгляд, является постановка вопроса об извлечении ресурсов, о процессах их актуализации, *психологических механизмах порождения ресурсов, психологических механизмах порождения культуры*.

Заключение

За более чем полвека изучения феномена «стиль» в психологии было предложено множество разных научных концепций, согласно которым: а) в общем социальном пространстве (пространстве деятельности) существуют несколько автономных стилей делового общения (СДО) субъектов, б) число этих стилей, состав их компонентов, их структуры описываются согласно базовым концепциям. Вместе с тем представленный в научной литературе материал не позволяет проводить его полноценную интеграцию. В исследованиях взаимодействий субъектов их позиции чаще анализируются как статичные, жестко фиксированные, изучаются стили отдельных субъектов, а не их целостные ансамбли, преобразующие и формирующие само пространство взаимодействия субъектов. Нечеткость в выделении единиц и детерминант общения ведет к аморфности в описании его стилей, аморфность — к игнорированию сложности организации, динамичности в функционировании, в становлении и в развитии стилей и в общем — к абстрагированию от целостных контекстов жизнедеятельности человека. Более

адекватной видится постановка общей проблемы *адаптации человека в среде* (не к среде, а именно *в среде*) как отражающей реальные отношения в системе «человек – мир». Соответственно, и общение может и должно изучаться как важная и необходимая часть, как «клеточка» *системы «человек – мир»*, а стили — как средства, психологические системы, способствующие поддержанию процессов жизнедеятельности человека в границах конкретного сегмента пространства–времени в ситуациях взаимодействий с другими людьми. Изучение феномена стиль на модели стилей делового общения позволяет акцентировать внимание на аспектах эволюции и функционирования стиля, не выделявшихся при изучении стилей на других моделях.

В отечественной психологии созданы достаточные и необходимые методологические предпосылки для переформулирования проблемы стилей в психологии, рассмотрения ее в более широком масштабе, чем она была поставлена в свое время в разных научных школах. На эти новые предпосылки и нужно ориентироваться, изучая феномен стиля в XXI в.

Список литературы

- Аргентова Т.Е.* Стиль общения как фактор эффективности совместной деятельности // Психологический журнал. 1984. Т. 5, № 6. С. 130–133.
- Бэзьюли Ф.* Переговоры: мастер-класс. М.: Фаир-Пресс, 2005. 224 с.
- Вихман А.А.* Метаэффект стиля педагогического общения учителя начальных классов на полисистему «ученик» – «родитель»: первые результаты // XXXI Мерлинские чтения: Теория, методология и практика интегрального исследования индивидуальности в современном человекознании: матер. Всерос. науч.-практ. конф. (06–08 окт. 2016, г. Пермь, Россия) / ред. кол. А.А. Волочков, А.А. Вихман, Б.А. Вяткин, О.С. Самбкина; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. Пермь, 2016. С. 98–103.
- Волочков А.А., Коптева Н.В., Попов А.Ю., Калугин А.Ю., Митрофанова Е.Е.* Активность, ценностная направленность и психологическое здоровье студенчества / Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. Пермь, 2015. 200 с.
- Вяткин Б.А.* Лекции по психологии интегральной индивидуальности человека. Пермь: Изд-во ПГУ, 2000. 179 с.

Вяткин Б.А., Волочков А.А. Индивидуальный стиль учебной активности в младшем школьном возрасте // Вопросы психологии. 1999. № 4(6). С. 97–114.

Вяткина З.И. Индивидуальный стиль деятельности учителя физического воспитания на уроке и его формирование у студентов: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Л., 1976. 18 с.

Гришина Н.В. Психология конфликта. СПб.: Питер, 2007. 544 с.

Дорфман Л.Я. Индивидуальный эмоциональный стиль // Вопросы психологии. 1989. № 5. С. 88–95.

Жданова С.Ю. Психология познания индивидуальности человека / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2005. 190 с.

Жданова С.Ю. Стиль учебной деятельности студентов в зависимости от специфических условий и требований деятельности // Полисистемное исследование индивидуальности человека / под ред. Б.А. Вяткина. М.: ПЕР СЭ, 2005. С. 259–283.

Ильин Е.П. Психология делового общения. СПб.: Питер, 2017. 240 с.

Исмагилова А.Г. Стиль педагогического общения в исследовании индивидуальности: полисистемный подход: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Пермь, 2002. 44 с.

Казаринова Н.В. Межличностная коммуникация: социально-конструкционистский анализ. СПб.: ЛЭТИ, 2006. 146 с.

Калугин А.Ю. Вклад разноуровневых свойств индивидуальности в направленность личности на сферы жизнедеятельности человека // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2018. № 4. С. 49–55.

Калугин А.Ю. История и перспективы исследования интегральной индивидуальности в рамках системного подхода // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 2. С. 252–263. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2018-2-252-263>

Капцов А.В. Психолого-педагогическая концепция личностного развития студентов у условиях учебной группы: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Самара, 2017. 59 с.

Кармин А.С. Конфликтология. СПб.: Лань, 1999. 448 с.

Карпов А.В. Рефлексивная детерминация деятельности и личности. М.: РАО, 2012. 476 с.

Колесникова Е.И. Образ субъективно удобного преподавателя вуза в представлении студентов с

различными образовательными результатами // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. 2016. № 1(19). С. 3–17.

Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение: учеб. для вузов. СПб.: Питер, 2001. 544 с.

Курбатов В.И. Стратегия делового успеха: учеб. пособие. Ростов н/Д: Феникс, 1995. 416 с.

Лабунская В.А. Менджерицкая Ю.А., Брус Е.В. Психология затрудненного общения. М., 2001. 288 с.

Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов: учеб. пособие. М.: Аспект-Пресс, 1999. 271 с.

Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 226 с.

Люкин В.В. Психологическое содержание, происхождение и эффективность индивидуально-стиля руководства: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1981. 16 с.

Маркова Е.В. Индивидуально-типологические закономерности стилей управленческих решений и их диагностика: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2001. 26 с.

Мастенбрук В. Переговоры. Калуга: Калуж. ин-т социологии, 1993. 175 с.

Мерлин В.С. Очерки интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986. 256 с.

Мерлин В.С., Климов Е.А. Формирование ИСД в процессе обучения // Советская педагогика. 1967. № 4. С. 110–118.

Митина Л.М. Психология труда и профессионального развития учителя. М.: Академия, 2004. 320 с.

Мудрик А.В. Общение как фактор воспитания школьников. М.: Педагогика, 1984. 112 с.

Панов В.И. Экологическая психология: Опыт построения методологии. М.: Наука, 2004. 197 с.

Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971. 352 с.

Поддьяков А.Н. Комплитологии: создание развивающих, диагностирующих и деструктивных трудностей. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. 280 с.

Солдатова Г.У., Гасимов А.Ф. Разработка и апробация методики оценки переговорного стиля (МОПС) // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12, № 3. С. 92–104. DOI: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2019120307>

Спенгл М.Л., Айзенхарт М.У. Переговоры. Решение проблем в разном контексте. Харьков: Гуманитарный центр, 2009. 592 с.

Толочек В.А. «Психологические ниши»: топос и хронос в детерминации профессиональной специализации субъекта // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2019. № 1. С. 195–213. DOI: <https://doi.org/10.11621/vsp.2019.01.195>

Толочек В.А. Сопряженная профессиональная карьера субъекта: контексты и измерения // Человек. Сообщество. Управление. 2011. № 2. С. 48–61.

Толочек В.А. Стили делового общения как модель: феномен стиля, подходы, исследования, открытые вопросы. Часть 1 // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 2. С. 219–229. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-2-219-229>

Толочек В.А. Стили деятельности: ресурсный подход. М.: Ин-т психологии РАН, 2015. 366 с.

Толочек В.А. Типовые стили спортивной деятельности как психологический феномен: ресурсы эффективности // Психологический журнал. 2016. Т. 37, № 6. С. 70–82.

Цуканова Е.В. Управленческое взаимодействие в системе кадровой работы // Акмеолог кадровой работы: учеб. пособие. М., 2007. 98 с.

Щукин М.П. Структура индивидуального стиля деятельности и условия формирования: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Новосибирск, 1994. 44 с.

Alfredson T., Cungu A. Negotiation Theory and Practice: A Review of the Literature. EASYPol Module 179. 2008. URL: http://www.fao.org/docs/up/easypol/550/4-5_negotiation_background_paper_179en.pdf (accessed: 01.10.2018).

Bazerman M.H. Negotiator judgment: A critical look at the rationality assumption // American Behavioral Scientist. 1983. Vol. 27, iss. 2. P. 211–228. DOI: <https://doi.org/10.1177/000276483027002007>

Eagly A.H., Karau S.J., Makhyani M.G. Gender and effectiveness of leaders: A meta-analysis // Psychological Bulletin. 1995. Vol. 117, iss. 1. P. 125–145. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.117.1.125>

Eagly A.H., Steffen V.J. Gender and aggressive behavior: A meta-analytic review of the social psychological literature // Psychological Bulletin. 1986. Vol. 100, iss. 3. P. 309–330. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.100.3.309>

Feingold A. Gender and differences in personality: A meta-analysis // Psychological Bulletin. 1994. Vol. 116, iss. 3. P. 429–456. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.116.3.429>

Graham J., Mintu A.T., Rodgers W. Exploration of negotiation behaviors in ten foreign cultures using

a model developed in the United States // Management Science. 1994. Vol. 40, iss. 1. P. 72–95. DOI: <https://doi.org/10.1287/mnsc.40.1.72>

Jonson B., Eagly A.H. Involvement and Persuasion: types, traditions and evidence // Psychological Bulletin. 1990. Vol. 107, iss. 3. P. 375–384. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.107.3.375>

Keltner J.W. The management of struggle: Elements of dispute resolution through negotiation, mediation and arbitration. Cresskill, NJ: Hampton Press, 1994. 272 p.

Lewicki R.J., Barry B., Saunders D.M., John M.W. Negotiation. 4th ed. N.Y.: McGraw-Hill Education, 2003. 704 p.

Reason J. Human error. Cambridge, UK, 1990. 302 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9781139062367>

Regins B., Sundstrom E. Gender and Power in organizations: A longitudinal perspective // Psychological Bulletin. 1989. Vol. 105, iss. 1. P. 51–88. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.105.1.51>

Roberts T. Gender and influence of evaluations on self-assessments in achievement setting // Psychological Bulletin. 1991. Vol. 109, iss. 2. P. 297–308. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.109.2.297>

Schein E. Process Consultation Revisited: Building the Helping Relationship. Reading, MA: Addison-Wesley, 1999. 256 p.

Smith H., Bobd M.H. The structure of upward and downward tactics of influence in Chinese organizations // Latest contributions to cross-cultural psychology / ed. by J.C. Lasry, J.G. Adair, K.L. Dion. Lisse, NLD: Swets&Zeitlinger, 1998. P. 286–299.

Tse D.K., Francis J., Walls J. Cultural Differences in Conducting Intra- and Inter-Cultural Negotiations: A Sino-Canadian Comparison // Journal of International Business Studies. 1994. Vol. 25, iss. 3. P. 537–555. DOI: <https://doi.org/10.1057/palgrave.jibs.8490211>

Walton R.E., McKersie R.B. A Behavioral Theory of Labor Negotiations: An Analysis of a Social Interaction System. N.Y.: McGraw Hill, 1965. 437 p.

Получено 20.12.2019

References

Alfredson, T. and Cungu, A. (2008). Negotiation theory and practice: A review of the literature. *EASYPol Module 179*. Available at: http://www.fao.org/docs/up/easypol/550/4-5_negotiation_background_paper_179en.pdf (accessed 01.10.2018).

Argentova, T.E. (1984). *Stil' obscheniya kak faktor effektivnosti sovmestnoy deyatel'nosti* [Communication style as a factor in the effectiveness of joint activities]. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 5, no. 6, pp. 130–133.

Baguli, F. (2005). *Peregovory: master-klass* [Negotiations: a master class]. Moscow: Fair-Press Publ., 224 p.

Bazerman, M.H. (1983). Negotiator judgment: A critical look at the rationality assumption. *American Behavioral Scientist*. Vol. 27, iss. 2. P. 211–228. DOI: <https://doi.org/10.1177/000276483027002007>

Dorfman, L.Ya. (1989). *Individual'nyy emotsional'nyy stil'* [Individual emotional style]. *Voprosy psikhologii*. No. 5, pp. 88–95.

Eagly, A.H., Karau, S.J. and Makhyani, M.G. (1995). Gender and effectiveness of leaders: A meta-analytic. *Psychological Bulletin*. Vol. 117, iss. 1, pp. 125–145. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.117.1.125>

Eagly, A.H. and Steffen, V.J. (1986). Gender and aggressive behavior: A meta-analytic review of the social psychological literature. *Psychological Bulletin*. Vol. 100, iss. 3, pp. 309–330. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.100.3.309>

Feingold, A. (1994). Gender and differences in personality: A meta-analysis. *Psychological Bulletin*. Vol. 116, iss. 3, pp. 429–456. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.116.3.429>

Graham, J., Mintu, A.T. and Rodgers, W. (1994). Exploration of negotiation behaviors in ten foreign cultures using a model developed in the United States. *Management Science*. Vol. 40, iss. 1, pp. 72–95. DOI: <https://doi.org/10.1287/mnsc.40.1.72>

Grishina, N.V. (2007). *Psikhologiya konflikta* [Psychology of conflict]. Saint Petersburg: Piter Publ., 2007, 544 p.

Il'in, E.P. (2017). *Psikhologiya delovogo obscheniya* [The psychology of business communication]. Saint Petersburg: Piter Publ., 240 p.

Ismagilova, A.G. (2002). *Stil' pedagogicheskogo obscheniya v issledovanii individual'nosti: polisistemnyy podkhod: avtoref. dis. ... d-ra psikholog. nauk* [The style of pedagogical communication in the study of personality: a polysystemic approach: Abstract of D.Sc. dissertation]. Perm, 44 p.

Jonson, B. and Eagly, A.H. (1990). Involvement and Persuasion: types, traditions and evidence. *Psychological Bulletin*. Vol. 107, iss. 3. P. 375–384. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.107.3.375>

Kalugin, A.Yu. (2018). *Istoriya i perspektivy issledovaniya integral'noy individual'nosti v ramkakh*

sistemnogo podkhoda [History and prospects of studying integral individuality within the system approach]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 2, pp. 252–263. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2018-2-252-263>

Kalugin, A.Yu. (2018). *Vklad raznourovnevnykh svoystv individual'nosti v napravlennost' lichnosti na sfery zhiznedeyatel'nosti cheloveka* [The contribution of multi-level properties of individuality in the orientation of personality on the spheres of human activity]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika* [Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics]. No. 4, pp. 49–55.

Kaptsov, A.V. (2017). *Psikhologo-pedagogicheskaya kontseptsiya lichnostnogo razvitiya studentov u usloviyakh uchebnoy gruppy: avtoref. dis. ... d-ra psikholog. nauk* [The psychological and pedagogical concept of students' personal development under the conditions of the study group: Abstract of D.Sc. dissertation]. Samara, 59 p.

Karmin, A.S. (1999). *Konfliktologiya* [Conflictology]. Saint Petersburg: Lan' Publ., 448 p.

Karpov, A.V. (2012). *Refleksivnaya determinatsiya deyatel'nosti i lichnosti* [Reflexive determination of activity and personality]. Moscow: RAO Publ., 476 p.

Kazarinova, N.V. (2006). *Mezhlichnostnaya kommunikatsiya: sotsial'no-konstruktsionistkiy analiz* [Interpersonal communication: a socio-constructionist analysis]. Saint Petersburg: Piter Publ., 146 p.

Keltner, J.W. (1994). *The management of struggle: Elements of dispute resolution through negotiation, mediation and arbitration*. Cresskill, NJ: Hampton Press, 272 p.

Kolesnikova, E.I. (2016). *Obraz sub'ektivno udobnogo prepodavatelya vuza v predstavlenii studentov s razlichnymi obrazovatel'nymi rezul'tatami* [The image of a subjectively convenient university teacher in the view of students with various educational results]. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya: Psikhologiya* [Bulletin of Samara Academy for the Humanities. A series of Psychology]. No. 1(19), pp. 3–17.

Kunitsyna, V.N., Kazarinova, N.V. and Pogol'sha, V.M. (2001). *Mezhlichnostnoe obshchenie* [Interpersonal communication]. Saint Petersburg: Piter Publ., 544 p.

- Kurbatov, V.I. (1995). *Strategiya delovogo uspekha* [Strategy for business success]. Rostov-on-Don: Feniks Publ., 416 p.
- Labunskaya, V.A. Menzheritskaya, Yu.A. and Breus, E.V. (2001). *Psikhologiya zatrudnennogo obsheniya* [Psychology of difficulty communicating]. Moscow, 288 p.
- Lebedeva, M.M. (1999). *Politicheskoye uregulirovaniye konfliktov* [Political conflict resolution]. Moscow: Aspekt-Press Publ., 271 p.
- Lewicki, R.J., Barry, B., Saunders, D.M. and John, M.W. (2003). *Negotiation*, 4th ed. New York: McGraw-Hill Education Publ., 704 p.
- Lomov, B.F. (1984). *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii* [Methodological and theoretical problems of psychology]. Moscow: Nauka Publ., 226 p.
- Lyukin, V.V. (1981). *Psikhologicheskoe sodержanie, proiskhozhdenie i effektivnost' individual'nogo stilya rukovodstva: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological content, origin and effectiveness of individual leadership style: Abstract of PhD. dissertation]. Moscow, 16 p.
- Markova, E.V. (2001). *Individual'no-tipologicheskie zakonomernosti stiley upravlencheskikh resheniy i ikh diagnostika: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Individual-typological regularities of styles of managerial decisions and their diagnostics: Abstract of PhD. dissertation]. Yaroslavl, 26 p.
- Mastenbrook, V. (1993). *Peregovory* [Negotiations]. Kaluga: KIS Publ., 175 p.
- Merlin, V.S. (1986). *Ocherki integral'nogo issledovaniya individual'nosti* [Essays on the integral study of personality]. Moscow: Pedagogika Publ., 256 p.
- Merlin, V.S. and Klimov, E.A. (1967). *Formirovaniye ISD v protsesse obucheniya* [The formation of ISD in the learning process]. *Sovetskaya pedagogika* [Soviet Pedagogy]. No. 4, pp. 110–118.
- Mitina, L.M. (2004). *Psikhologiya truda i professional'nogo razvitiya uchitelya* [Psychology of labor and professional development of a teacher]. Moscow: Akademiya Publ., 320 p.
- Mudrik, A.V. (1984). *Obschenie kak faktor vospitaniya shkol'nikov* [Communication as a factor in the education of students]. Moscow: Pedagogika Publ., 112 p.
- Panov, V.I. (2004). *Ekologicheskaya psikhologiya: Opyt postroeniya metodologii* [Environmental psychology: An experience in building a methodology]. Moscow: Nauka Publ., 197 p.
- Parygin, B.D. (1971). *Osnovy sotsial'no-psikhologicheskoy teorii* [Fundamentals of socio-psychological theory]. Moscow: Mysl' Publ., 352 p.
- Podd'yakov, A.N. (2014). *Komplitologii: sozdanie razvivayuschikh, diagnostiruyuschikh i destruktivnykh trudnostey* [Complitology: the creation of developing, diagnosing, and destructive difficulties]. Moscow: HSE Publ., 280 p.
- Reason, J. (1990). *Human error*. Cambridge: Cambridge University Press, 302 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9781139062367>
- Regins, B. and Sundstrom, E. (1989). Gender and power in organizations: A longitudinal perspective. *Psychological Bulletin*. Vol. 105, iss. 1, pp. 51–88. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.105.1.51>
- Roberts, T. (1991). Gender and influence of evaluations on self-assessments in achievement setting. *Psychological Bulletin*. Vol. 109, iss. 2, pp. 297–308. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.109.2.297>
- Schein, E. (1999). *Process Consultation Revisited: Building the Helping Relationship*. Reading, MA: Addison-Wesley Publ., 256 p.
- Schukin, M.R. (1994). *Struktura individual'nogo stilya deyatel'nosti i usloviya formirovaniya: avtoref. dis. ... d-ra psikhol. nauk* [The structure of the individual style of activity and formation conditions: Abstract of D.Sc. dissertation]. Novosibirsk, 44 p.
- Smith, H. and Bobd, M.H. (1998). The structure of upward and downward tactics of influence in Chinese organizations. *Latest contributions to cross-cultural psychology*, ed. by J.C. Lasry, J.G. Adair, K.L. Dion. Lisse, The Netherlands: Swets&Zeitlinger Publ., pp. 286–299.
- Soldatova, G.U. and Gasimov, A.F. (2019). *Razrabotka i aprobatsiya metodiki otsenki peregovornogo stilya (MOPS)* [Development and testing of methods for evaluating the negotiation style (MPS)]. *Eksperimental'naya psikhologiya* [Journal of Experimental Psychology]. Vol. 12, no. 3, pp. 92–104. DOI: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2019120307>
- Spengl, M.L. and Eisenhart, M.U. (2009). *Peregovory. Reshenie problem v raznom kontekste* [Conversation. Problem solving in a different context]. Kharkov: Gumanitarnyy Tsentrl Publ., 592 p.
- Tolochek, V.A. (2019). «Psikhologicheskie nishi»: topos i khronos v determinatsii professional'noy spetsializatsii sub'ekta [«Psychological niches»: topos and chronos in the determination of the subject's professional specialization]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin]. No. 1, pp. 195–213. DOI: <https://doi.org/10.11621/vsp.2019.01.195>

Tolochek, V.A. (2011). *Sopryazhennaya professional'naya kar'era sub'ekta: konteksty i izmereniya* [The coupled professional career of the subject: contexts and measurements]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Man. Community. Management]. No. 2, pp. 48–61.

Tolochek, V.A. (2019). *Stili delovogo obscheniya kak model': fenomen stilya, podkhody, issledovaniya, otkrytye voprosy. Chast' 1* [Styles of business communication as a model: the phenomenon of style, approaches, research, open questions. Part 1]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 2, pp. 219–229. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-2-219-229>

Tolochek, V.A. (2015). *Stili deyatel'nosti: resursnyy podkhod* [Styles of activity: resource approach]. Moscow: IP RAS Publ., 366 p.

Tolochek, V.A. (2016). *Tipovye stili sportivnoy deyatel'nosti kak psikhologicheskii fenomen: resursy effektivnosti* [Typical styles of sports as a psychological phenomenon: resources of efficiency]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 37, no. 6, pp. 70–82.

Tse, D.K., Francis, J. and Walls, J. (1994). Cultural Differences in Conducting Intra- and Inter-Cultural Negotiations: A Sino-Canadian Comparison. *Journal of International Business Studies*. Vol. 25, pp. 537–555. DOI: <https://doi.org/10.1057/palgrave.jibs.8490211>

Tsukanova, E.V. (2007). *Upravlencheskoe vzaimodeystvie v sisteme kadrovoy raboty* [Managerial interaction in the system of personnel work]. *Akmeolog kadrovoy raboty* [Acmeologist of personnel work]. Moscow, 98 p.

Vikhman, A.A. (2016). *Metaeffekt stilya pedagogicheskogo obscheniya uchitelya nachal'nykh klassov na polisistemu «uchenik» – «roditel'»: pervyye rezul'taty* [Meta-effect of the style of pedagogical communication of a primary school teacher on the «student» – «parent» polysystem: first results]. *XXXI Merlinskie chteniya: Teoriya, metodologiya i praktika integral'nogo issledovaniya individual'nosti: mater. Vseros. nauch.-prakt. konf.* [31th Merlin Readings: Theory, Methodology and Practice of Integral Research of Individuality: proceedings of All-Russian scientific-practical conference]. Perm: PSPU Publ., pp. 98–103.

Volochkov, A.A., Kopteva, N.V., Popov, A.Yu. et al. (2015). *Aktivnost', tsennostnaya napravlennost' i psikhologicheskoe zdorov'ye studenchestva* [Activity, value orientation and psychological health of stu-

dents]. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University Publ., 200 p.

Vyatkin, B.A. (2000). *Lektsii po psikhologii integral'noy individual'nosti cheloveka* [Lectures on the psychology of the integral individuality of man]. Perm: Perm State University Publ., 179 p.

Vyatkin, B.A. and Volochkov, A.A. (1999). *Individual'nyy stil' uchebnoy aktivnosti v mladshem shkol'nom vozraste* [The individual style of educational activity in primary school age]. *Voprosy psikhologii*. No. 4(6), pp. 97–114.

Vyatkina, Z.I. (1976). *Individual'nyy stil' deyatel'nosti uchitelya fizicheskogo vospitaniya na uroke i ego formirovaniye u studentov: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [The individual style of activity of the teacher of physical education in the lesson and its formation among students: Abstract of Ph.D. dissertation]. Leningrad, 18 p.

Walton, R.E. and McKersie, R.B. (1965). *Behavioral Theory of Labor Negotiations: An Analysis of a Social Interaction System*. New York: McGraw Hill Publ., 437 p.

Zhdanova, S.Yu. (2005). *Psikhologiya poznaniya individual'nosti cheloveka* [Psychology of knowledge of human individuality]. Perm: Perm State University Publ., 190 p.

Zhdanova, S.Yu. (2005). *Stil' uchebnoy deyatel'nosti studentov v zavisimosti ot spetsificheskikh usloviy i trebovaniy deyatel'nosti* [The style of educational activity of students depending on specific conditions and requirements of activity]. *Polisistemnoye issledovaniye individual'nosti cheloveka, pod red. B.A. Vyatkina* [Polysystem study of human personality, ed. by B.A. Vyatkin]. Moscow: PER SE Publ., pp. 259–283.

Received 20.12.2019

Об авторе

Толочек Владимир Алексеевич

доктор психологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник

Институт психологии Российской академии наук,
129366, Москва, ул. Ярославская, 13;
e-mail: tolochekva@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1378-4425>

About the author

Vladimir A. Tolochek

Doctor of Psychology, Professor,
Leading Researcher

Institute of Psychology of Russian Academy
of Sciences,
13, Yaroslavskaia str., Moscow, 129366, Russia;
e-mail: tolochekva@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1378-4425>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Толочек В.А. Стили делового общения как модель: феномен стиля, подходы, исследования, открытые вопросы. Часть 2 // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 2. С. 223–237.
DOI: 10.17072/2078-7898/2020-2-223-237

For citation:

Tolochek V.A. [Styles of business communication as a model: the phenomenon of style, approaches, research, open questions. Part 2]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 2, pp. 223–237 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-2-223-237

УДК 165.2:159.9.075

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-2-238-246

ОСОБЕННОСТИ ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ И ПОДХОДЫ К ЕЕ ПОНИМАНИЮ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Папакица Елена Константиновна

Донецкий национальный университет

Представлены результаты теоретического анализа основных научных подходов изучения понятий «информация» и «понимание» в психологии и смежных дисциплинах. Показано, что вопрос о природе информации, процессе ее извлечения из данных и ее понимании субъектом остается актуальным и сегодня. Предложено под информацией понимать любые сообщения, сведения, которые доступны восприятию человека независимо от формы их представления. В свою очередь, под сообщением понимается последовательность сигналов различной природы, представленных в определенных форматах. Рассмотрен процесс преобразования данных в информацию. Формирование данных как основы для извлечения информации происходит, во-первых, из зарегистрированных сигналов от внешнего мира, во-вторых, из уже опубликованных сведений, которые представлены в недоступной для интерпретации самим субъектом форме. Данные подлежат обработке соответствующими методами. В зависимости от выбранного субъектом метода можно получить различную по уровню объективности, полноте, достоверности или адекватности информацию. Информация становится доступной для понимания только после ее интерпретации. Выявлено, что для извлечения информации из данных и ее понимания субъекту необходимо владеть определенными процедурными и декларативными знаниями. Процедурные знания описывают последовательность действий, которые должны использоваться субъектом для обработки данных. Декларативные знания — это знания, которыми субъект уже обладает и которые представляют собой «почву» для процесса понимания поступившей информации. Понимание является субъективным и всегда основывается на интерпретации содержания материала с различных точек зрения самого субъекта. Поэтому в психологическом смысле интерпретация всегда оказывается обязательным компонентом понимания. В то же время она не является логической процедурой. В рамках семантического подхода понимание является результатом смысловой обработки полученной информации субъектом на базе репрезентации.

Ключевые слова: информация, понимание, интерпретация, познавательная деятельность, сообщение, данные, свойства информации, знание, процедурные знания, декларативные знания.

FEATURES OF INFORMATION EXTRACTION AND APPROACHES TO UNDERSTANDING INFORMATION: PSYCHOLOGICAL ASPECT

Elena K. Papakitsa

Donetsk National University

The article presents the results of a theoretical analysis of the main scientific approaches to the study of the concepts of «information» and «understanding» in psychology and related disciplines. It is shown that the question of the nature of information, the process of extracting it from data and understanding it by the subject remains relevant today. It is suggested that information be understood as any messages regardless of the form of their presentation, but accessible to human perception. In turn, a message is understood as a sequence of signals of various nature presented in certain formats. The paper considers the process of converting data into information. The formation of data as the basis for the extraction of information occurs, firstly, from recorded signals from the outside world; secondly, from already published data which

are presented in an inaccessible form for interpretation by the subject himself. Data are subject to processing by appropriate methods. Depending on the method of data processing chosen by the subject, information with different levels of objectivity, completeness, reliability or adequacy can be obtained. Information becomes available for understanding only after its interpretation. It has been revealed that for the process of extracting information from data and understanding it the subject needs to own certain volumes of procedural and declarative knowledge. Procedural knowledge describes the sequence of actions that a subject must use to process data. Declarative knowledge is knowledge that the subject already possesses and which represents some kind of «ground» for the process of understanding the information received. Understanding is subjective and is always based on the interpretation of the material's content from various points of view of the subject. Therefore, in a psychological sense, interpretation is always an essential component of understanding. At the same time, interpretation is not a logical procedure. Under the semantic approach, understanding is the result of semantic processing of the information received by the subject on the basis of representation.

Keywords: information, understanding, interpretation, cognitive activity, communication, data, information properties, knowledge, procedural knowledge, declarative knowledge.

Введение

Преобразования, связанные с вхождением в эпоху информационного общества, в котором фундаментальным ресурсом является информация, побудили к кардинальным изменениям саму личность.

Анализ научной литературы показал, что в современной психологической науке накоплен достаточно большой теоретический и практический материал по проблеме понимания и интерпретации информации.

В то же время вопрос о процессе преобразования данных в информацию, где интерпретация и понимание являются необходимыми компонентами, несмотря на всю его актуальность, не был предметом специального исследования в психологии. Актуальность и недостаточная разработанность этой проблемы обусловили выбор темы исследования.

Подходы к определению базовых понятий

Для более глубокого понимания сущности указанной проблемы следует рассмотреть некоторые наиболее важные, по нашему мнению, подходы к пониманию понятий «информация», «данные», «понимание».

Термин «информация» происходит от латинского «informatio», что означает «разъяснение, осведомление, изложение». С середины прошлого века благодаря развитию кибернетики информация выступает как одна из центральных категорий наряду с понятиями связи и управления [Философский энциклопедический словарь, 2003].

Исходя из анализа литературы по философии, можно добавить, что понятие «информация» является таким же фундаментальным понятием, как и материя, время, энергия и пространство. Так, еще полвека назад было предложено [Урсул А.Д., 1971] считать информацию общенаучной категорией, и, как видим, такой подход остается актуальным и сегодня. По мнению А.Д. Урсула, понятия «информация» и «знание» характеризуют процесс личностного познания с разных сторон: знание — с чисто гносеологической, а информация — в основном с коммуникативной [Штанько В.И., 2002, с. 60].

С точки зрения основателя кибернетики Н. Винера, «информация — это обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособления к нему наших чувств» [Винер Н., 2002, с. 31].

Из-за отсутствия общего определения в различных предметных областях феномен информации имеет различные интерпретации. В связи с этим мы считаем, что релевантным будет оперирование не термином, а понятием «информация»: термин дает четкое определенное значение, характерное именно для данной отрасли науки, в то же время понятие представляет собой форму мышления, отражающую предметы в их общих существенных признаках.

В рамках философской науки существует две различные концепции феномена информации: атрибутивная и функциональная [Абдеев Р.Ф., 1994].

Сторонники атрибутивной теории определяют информацию как атрибут всей материи,

т.е. свойство живых и неживых материальных объектов. Представители функциональной концепции считают, что информация является свойством только самоорганизующихся систем, т.е. биологических и социальных, включая биотехнические и социотехнические системы.

Эти концепции и сегодня существуют самостоятельно, а различаются только применением к объектам исследований: в объективной физической реальности или в сфере деятельности сознания.

На сегодняшний день есть множество идей и новых подходов для объяснения феномена информации. Но все они, по мнению известного специалиста в области информации К.К. Колина [Лекторский В.А. и др., 2010], есть или компиляторы этих концепций с введенной новой терминологией, или повторение уже известных подходов.

В науках о живой природе на базе информационного подхода информацию принято отождествлять с разнообразием и различием [Эшби У.Р., 2005] или «неоднородностью распределения материи и энергии в пространстве и во времени» [Глушков В.М., 1964, с. 14]. Этот подход широко используется в междисциплинарном научном направлении — когнитивистике, которая объединяет теорию познания, когнитивную психологию, нейрофизиологию, когнитивную лингвистику и теорию искусственного интеллекта.

В русле когнитивной психологии исследуют проблему поиска, сбора и получения информации, включая вопрос о том, каким образом субъект сохраняет, обрабатывает и «трансформирует» ее в новые знания. При этом субъект рассматривается как система, имеющая устройства ввода/вывода и хранения информации [Солсо Р., 2006].

С точки зрения информатики информация представляет собой совокупность сигналов, которые можно хранить, обрабатывать и передавать. Предметом изучения информатики являются законы и закономерности информационного взаимодействия применительно ко всем классам объектов: природных, искусственных и смешанных.

Как видим, вопрос о природе информации, о сфере ее существования актуален и сегодня. Это связано с тем, что в зависимости от конкретной сферы использования информация

приобретает некоторые особенности, присущие именно этой области.

В рамках психолингвистики изучается, как человек воспринимает и анализирует информацию (смысловая интерпретация) об окружающем мире и как организует ее для принятия своих решений в пределах языка (знаковая система). Психолингвистика ориентируется прежде всего на характеристику процессов преобразования смысловой информации: с разных позиций исследуются процессы языка, его восприятие и смысловая интерпретация человеком [Глухов В.П., Ковшиков В.А., 2007, с. 35].

Информация как философская категория допускает нематериалистическое ее толкование, в то же время она не существует сама по себе, без носителя. В рекомендациях межгосударственной программы ЮНЕСКО «Информация для всех» указано, что «информация — это совокупность сигналов, воспринимаемых нашим сознанием, которые отражают те или иные свойства объектов и явлений окружающей действительности, зафиксированные на любом носителе» [Улир П.Ф., 2001, с. 8].

Следует добавить, что «Информация для всех» на сегодняшний день является единственной межправительственной программой, комплексно изучающей культурные, этические и социальные аспекты формирования глобального информационного общества.

В настоящее время наблюдается интересный, по нашему мнению, парадокс. Он заключается в том, что мы являемся участниками строительства информационного общества, развиваем целые отрасли на базе информационных технологий, но при этом четкого однозначно принятого естественнонаучного определения, что такое информация, на данный момент не существует.

Обобщая все вышесказанное, под информацией будем понимать любые сообщения, сведения, доступные восприятию человека независимо от формы их представления [Папакция О.К., 2014].

В свою очередь, под сообщением будем понимать последовательность сигналов различной природы, таких как звуки, символы, графические изображения, жесты и мимика, электрические и нервные импульсы и т.д. Эти сообщения можно представлять в определенном формате, используя различные специальные знаково-

вые системы или общепринятые символы языка, как природные, так и формальные.

Процессы, связанные с операциями над информацией, называются информационными. Информацию можно принимать или передавать, распространять, сохранять, копировать, обрабатывать, искать, измерять, уничтожать, преобразовывать, накапливать и т.д. [Голицына О.Л., 2006].

Если говорить в целом, то информационная деятельность личности сводится к трем основным типам операций над информацией: хранение, прием/передача и обработка.

По уровню мыслительно-деятельностной обработки можно выделить [Антонов А.В., 1988]:

1) семантическую информацию, которая определяет смысловое содержание информации, как, скажем, тезаурус, что связывает семантические свойства этой информации со способностью пользователя принимать сообщения;

2) прагматическую информацию, которая определяет полезность (ценность) информации для достижения пользователем поставленной цели;

3) синтаксическую информацию, которая оперирует обезличенной информацией, не выражает смыслового отношения к объекту, поэтому, по нашему мнению, именно к ее обработке может быть применен компьютерный подход.

Опираясь на представленный анализ, можно сделать вывод, что информация также является важным связующим звеном в процессе преобразования данных в знания.

Следует учесть, что формирование данных как основа для извлечения информации происходит, во-первых, из зарегистрированных сигналов, поступающих от внешней среды. Ведь, как известно, в окружающем нас материальном мире происходит постоянное взаимодействие физических объектов или друг с другом, или с физическими полями, которое сопровождается появлением сигналов. В свою очередь, эти сигналы влияют на другие физические объекты, вызывающие определенные изменения свойств в них. Этот феномен называется регистрацией сигналов [Каракозов С.Д., 2000].

Полученные сигналы можно измерять, фиксировать, в результате чего мы получим данные. Кроме того, среди уже опубликованных данных, представленных в недоступной для ин-

терпретации самим субъектом форме, они также подлежат обработке соответствующими методами. Например, есть опубликованный текст, который доступен для чтения одной группе людей, но другой — нет, т.к. язык, на котором он написан, им непонятен. В этом случае нужно выполнить перевод текста с одного языка на другой, который будет понятен второй группе. Другой тип опубликованных данных может иметь форму представления, уже доступную для интерпретации субъектом, т.е. представлять саму информацию (например, сведения о погоде).

Итак, данные — это зарегистрированные сигналы от внешнего мира или уже опубликованные сведения, которые представлены в недоступной для субъекта форме.

Извлечение информации из данных

Данные уже содержат некоторые сведения об объекте или о событиях, но они не тождественны понятию «информация» [Голицына О.Л., 2006]. Чтобы они стали информацией, т.е. стали понятными конкретному субъекту, их необходимо преобразовать с помощью адекватного метода.

Например, выражение «Vir, est, vis» является лишь данными для лица, не понимающего латынь. Но если мы применим адекватный метод (в данном случае — перевод с языка латыни на доступный конкретному субъекту язык), то получим известное древнее изречение: «Было, есть, будет». Таким образом, мы осуществили процесс извлечения информации из базы данных. Следовательно, для извлечения информации из данных необходимо использовать метод, адекватный форме представления этих данных или целям получения информации.

С другой стороны, в течение длительного времени сообщение неправомерно отождествлялось с самой информацией. Одну и ту же информацию можно представить с помощью различных сообщений, при том что не всякое сообщение может нести информацию. В этом случае сообщение несет шум. Например, закодированные сведения являются всего лишь шумом, но после декодирования они превращаются в информацию. Так, одно и то же сообщение может нести в себе в одном случае информацию, в другом — шум. Также во время передачи сообщения может произойти искаже-

ние информации (например, по техническим причинам), и она частично или полностью превратится в шум. Но если удастся убрать эти искажения, то мы снова получим информацию. Таким образом, информацию можно превращать в шум, и наоборот. Для этого также нужно использовать метод, адекватный форме этих шумов.

Вместе с тем необходимо учитывать динамический характер информации, т.е. то, что сама информация изменяется и существует только в момент взаимодействия данных и методов. Вне взаимодействия она содержится в виде данных [Голицына О.Л., 2006].

Следует обратить внимание и на то, что информация не является знанием в чистом виде, которое можно взять, или удалить, или просто получить и сразу использовать. Также она сама по себе не является результирующей силой, но на основе имеющейся информации можно предпринимать конкретные действия и достигать успеха. В свою очередь, знание как таковое представляет собой психический феномен, является достоянием психики отдельных субъектов и в таком качестве недоступно другим [Антонов А.В., 1988].

По мнению С. Джонсона, английского лексикографа XVIII в., существует два вида знаний: знания о самом предмете и знания о том, где найти информацию об этом предмете. Соответственно, на данный момент различают два способа представления знаний: процедурный и декларативный [Большой психологический словарь, 2003].

Процедурные знания описывают последовательность действий, которые должны использоваться субъектом при решении конкретных задач. В нашем исследовании это знания о формах представления данных, об источниках информации и путях ее поиска, о методах извлечения информации из данных, т.е. отвечающие на вопрос «где найти?» или «как удалить?».

Декларативные знания включают в себя только представление о структуре некоторых понятий, фактах, к которым субъект имеет осознанный доступ. Они отвечают на вопросы «что это?», «что это значит?».

Таким образом, хотя и существует граница между декларативным знанием и знанием процедурным, они в своей совокупности представ-

ляют содержание информации. В то же время, исходя из способов представления знаний, можно утверждать, что процедурные знания используются субъектом для обработки данных, а декларативные знания — это знания, которыми субъект уже обладает и которые представляют собой «почву» для понимания поступившей информации.

Итак, еще на этапе извлечения информации из данных субъекту необходимо владеть определенными процедурными знаниями (знать, как надо обрабатывать данные, т.е. знать и уметь применять методы, адекватные форме представления данных). При этом необходимо учитывать, что, обрабатывая одни и те же данные, можно получить разную по уровню объективности, полноте, достоверности или адекватности информацию. В этом случае все зависит от выбранного метода ее обработки.

Информация становится доступной для понимания только после ее интерпретации.

Для осуществления интерпретации информации субъекту необходимо обладать определенными декларируемыми знаниями (сведения из предметной области, утверждения об объектах предметной области, их свойства и отношения между ними). В результате уровень понимания информации будет напрямую зависеть от объема интерпретации, которую сможет выполнить личность.

Понимание информации

Проблема феномена понимания относится к числу междисциплинарных. Значительный вклад в изучение этого феномена как психологической проблемы внес ряд ученых: М.М. Бахтин [Бахтин М.М., 2000], А.А. Брудный [Брудный А.А., 1988], В.В. Знаков [Знаков В.В., 1998], Г.С. Костюк [Костюк Г.С., 1988], В.А. Моляко [Моляко В.А., 2007], Н.В. Чепелева [Чепелева Н.В., 2003, 2004], С.Л. Рубинштейн [Рубинштейн С.Л., 1976] и др.

Так, Г.С. Костюк [Костюк Г.С., 1988] исследует понимание как опосредованный аналитико-синтетический процесс, который является частью всего мыслительного процесса. При этом ученый отводит центральное место опыту.

Понимание как решение познавательных задач рассматривает В.А. Моляко. При этом он предлагает понимание задачи разделить «на два этапа: понимание условия задачи (требований

задачи, ее сущности) и понимание искомого ответа (его правильности, соответствия). Это не два разных понимания, слитые в одно. Между ними существует процессуальная “перемычка” — переход от понимания того, что дано, к пониманию того, что нужно найти» [Моляко В.А., 2007, с. 36], где последнее является продолжением первого.

Р. Стернберг [Стернберг Р.Дж., 2002], исследуя процесс поиска правильного ответа при решении интеллектуального теста в рамках когнитивного подхода, выделяет 5 следующих шагов: декодирование (перевод задачи во внутреннюю ментальную репрезентацию), умозаключение (нахождение возможной связи между компонентами), сравнение (выделение элементов, связанных между собой), проверка (оценка соответствия связей) и построение самого ответа.

В рамках герменевтической традиции М.М. Бахтин рассматривает понимание как сложный процесс взаимодействия познавательных, мотивационных и эмоциональных характеристик субъекта. Он считает, что понимание тесно связано с внутренней позицией самого субъекта [Бахтин М.М., 2000].

Н.В. Чепелева (в русле психологической герменевтики) [Чепелева Н.В., 2003, 2004] отмечает, что основным механизмом понимания и интерпретации является личностный опыт. Он формируется в процессе взаимодействия человека с миром и представляет собой организованную и целостную структуру, которая, в свою очередь, реализовывается с помощью семиотического и коммуникативного механизмов. «Действием семиотического механизма обусловлена семантическая структура текста, действием коммуникативного — его осмысленность» [Чепелева Н.В., 2003].

Исследовательница утверждает, что необходимым условием понимания текста является его когнитивная обработка, и по показателю глубины этого понимания выделяет следующие уровни: переход от общего восприятия текста к выделению отдельных смысловых тем, осознание семантической неоднородности найденных смысловых тем, установление иерархии смыслов в текстовом материале, выделение основной идеи текста [Чепелева Н.В., 2008].

С точки зрения С.Л. Рубинштейна [Рубинштейн С.Л., 1976, с. 235–236], понимание — процесс психической умственной деятельности.

Однако при этом ученый не отождествляет понимание с самим процессом мышления.

А.А. Брудный [Брудный А.А., 1998, с. 13] определяет понимание как процесс, происходящий в трех когнитивных полях: непосредственно увиденном (отношения между предметами), логично доказанном (отношения между понятиями) и событийно последовательном (отношения между людьми). Все три поля понимания, по мнению ученого, дополняют друг друга и образуют единое целое.

В.В. Знаков в исследовании [Знаков В.В., 1988] выделяет 7 основных научных направлений изучения феномена понимания:

– методологический подход, где понимание рассматривается в качестве научного метода, с помощью которого устанавливается значение научного факта. Понимание является процедурой интерпретации исследуемого явления с помощью правил, принятых в данной научной области. Результатом же интерпретации считается получение новых знаний;

– когнитивный, в рамках которого понимание выступает как включение новых знаний в систему уже имеющихся у субъекта;

– логический, где понимание — это способность субъекта к умозаключениям;

– семантический, при котором понимание означает результат интерпретации субъектом ситуации или полученной информации (смысловой обработки). Смысловая обработка и репрезентация представляют собой взаимообусловленные компоненты семантического поля психики субъекта. Но успешность результата смысловой обработки зависит от эффективности репрезентации (что уже знает субъект на момент понимания);

– лингвистический подход к пониманию рассматривается как преобразование структур естественного языка. В рамках этого направления В.В. Знаков выделяет процессуальный (процедурный) подход, где основной акцент делается не на анализе языка (как принято в лингвистическом подходе), а на умственной деятельности субъекта;

– коммуникативный подход к проблеме понимания состоит в анализе специфической активности субъекта (определение целей партнера и использование им правил общения) и формировании своего отношения к этому партнеру;

– в рамках психологического подхода понимание изучается как отношение субъекта к объекту понимания. Это проявляется в структурах знаний, используемых субъектом для понимания (как формирует умозаключения субъект, как он членит сложное предложение и т.п.).

Понимание является субъективным и всегда основывается на интерпретации содержания материала, который понимается с одной или нескольких возможных точек зрения самого субъекта. Поэтому в психологическом смысле интерпретация всегда оказывается обязательным компонентом понимания. Но она не является логической процедурой, поскольку в процессе понимания подвержена влиянию мотивов, установок, убеждений, смыслов, неосознаваемого и логично некорректных умозаключений [Знаков В.В., 1988, с. 46].

Понимание, по нашему мнению, представляет собой результат смысловой обработки полученной информации субъектом на основе репрезентации. Среди критериев понимания можно назвать способность субъекта выделить смысл прочитанного текста и ответить на поставленные вопросы [Дридзе Т.М., 2000], выполнить действия согласно инструкции, найти правильное решение задачи, пересказать условие задачи своими словами, построить свой чертеж, добавить комментарии к нему [Брудный А.А., 1998; Знаков В.В., 1998; Моляко В.А., 2007] и др.

Заключение

Таким образом, обобщив разные точки зрения, под информацией предлагаем понимать любые сообщения, сведения, доступные восприятию человека независимо от формы их представления.

Было выявлено, что для процесса извлечения информации из данных и ее понимания субъекту необходимо владеть определенными процедурными и декларативными знаниями. Информация становится доступной для понимания только после ее интерпретации. Вместе с тем понимание в рамках семантического подхода является результатом смысловой обработки полученной информации субъектом на базе репрезентации.

Что касается дальнейшего исследования проблемы, то актуальным является изучение

психологических особенностей развития готовности личности к эффективной работе с информацией.

Список литературы

- Абдеев Р.Ф.* Философия информационной цивилизации: учеб. пособие. М.: Владос, 1994. 336 с.
- Антонов А.В.* Информация: восприятие и понимание. Киев: Наукова думка, 1988. 184 с.
- Бахтин М.М.* Проблема текста // Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. С. 299–317.
- Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко.* СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. 672 с.
- Брудный А.А.* Психологическая герменевтика. М.: Лабиринт, 1998. 336 с.
- Винер Н.* Кибернетика и общество. М.: Тайдекс Ко, 2002. 184 с
- Глухов В.П., Ковшиков В.А.* Психолингвистика. Теория речевой деятельности. М.: АСТ, 2007. 318 с.
- Глушков В.М.* Введение в кибернетику. Киев: Изд-во АН УССР, 1964. 324 с.
- Голицына О.Л.* Информационные технологии (БД). М.: Форум: Инфра-М, 2006. 544 с.
- Дридзе Т.М.* От герменевтики к семиосоциопсихологии: от «творческого» толкования текста к пониманию коммуникативной интенции автора // Социальная коммуникация и социальное управление в эко-антропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах: в 2 кн. М.: Изд-во ИС РАН, 2000. Кн. 2. С. 115–138.
- Знаков В.В.* Понимание в познании и общении. М.: Изд-во ИП РАН, 1998. 232 с.
- Лекторский В.А., Пружинин Б.И., Бодякин В.И. и др.* Информационный подход в междисциплинарной перспективе (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 84–112.
- Каракозов С.Д.* Информационная культура в контексте общей теории культуры личности // Педагогическая информатика. 2000. № 2. С. 41–55.
- Костюк Г.С.* О психологии понимания // Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1988. С. 195–228.
- Моляко В.А.* Творческая конструктология (пролегомены). Киев: Освита Украины, 2007. 388 с.
- Папакиця О.К.* Психологічні особливості розвитку інформаційної готовності майбутніх інженерів до професійної діяльності: дис. ... канд. психол. наук. Київ, 2014. 247 с.

Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1976. 416 с.

Солсо Р. Когнитивная психология. 6-е изд. СПб.: Питер, 2006. 589 с.

Стернберг Р.Дж. Практический интеллект. СПб.: Питер, 2002. 272 с.

Улир П.Ф. Commission of the European Communities. Париж: МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех», 2001. 16 с.

Урсул А.Д. Информация. Методологические аспекты. М.: Наука, 1971. 296 с.

Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е.Ф. Губский и др. М.: Инфра-М, 2003. 576 с.

Чепелева Н.В. Проблеми психологічної герменевтики: монографія. Київ: Міленіум, 2004. 276 с.

Чепелева Н.В. Розуміння та інтерпретація особистісного досвіду в контексті психологічної герменевтики // Актуальні проблеми сучасної української психології: Наукові записки Інституту психології ім. Г.С. Костюка АПН України; за ред. академіка С.Д. Максименка. Київ: Нора-Друк, 2003. Вип. 23. С. 15–24.

Чепелева Н.В. Соціально-психологічні чинники розуміння та інтерпретації особистого досвіду. Київ: Педагогічна думка, 2008. 256 с.

Штанько В.И. Философия и методология науки: учеб. пособие. Харьков: ХНУРЭ, 2002. 292 с.

Эшби У.Р. Введение в кибернетику. М.: КомКнига, 2005. 432 с.

Получено 24.02.2020

References

Abdeev, R.F. (1994). *Filosofiya informatsionnoy tsivilizatsii* [Philosophy of informational civilization]. Moscow: Vldos Publ., 336 p.

Antonov, A.V. (1988). *Informatsiya: vospriyatie i ponimanie* [Information: perception and understanding]. Kiev: Naukova Dumka Publ., 184 p.

Ashby, W.R. (2005). *Vvedenie v kibernetiku* [Introduction to cybernetics]. Moscow: KomKniga Publ., 432 p.

Bakhtin, M.M. (2000). *Problema teksta* [Text problem]. *Avtor i geroy. K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* [Author and hero. To the philosophical foundations of the humanities]. Saint Petersburg: Azbuka Publ., pp. 299–317.

Brudnyy, A.A. (1998). *Psikhologicheskaya hermenevtika* [Psychological hermeneutics]. Moscow: Labirint Publ., 336 p.

Chepeleva, N.V. (2003). *Ponimanie i interpretatsiya lichnostnogo opyta v kontekste psikhologicheskoy hermenevtiki* [Understanding and interpretation of particularly especially in the context of psychological hermeneutics]. *Aktual'nye problemy sovremennoy ukrainskoy psikhologii: Nauchnye zapiski Instituta psikhologii im. G.S. Kostyuka APN Ukrainy* [Scientific Papers of the G.S. Kostyuk Institute of Psychology Academy of Pedagogical Sciences of Ukraine]. Kiev: Nora-Druk Publ., iss. 23, pp. 15–24.

Chepeleva, N.V. (2004). *Problemy psikhologicheskoy hermenevtiki* [Problems of psychological hermeneutics]. Kiev: Milenium Publ., 276 p.

Chepeleva, N.V. (2008). *Sotsial'no-psikhologicheskie faktory ponimaniya i interpretatsii lichnogo opyta* [Socio-psychological factors of understanding and interpretation of personal experience]. Kiev: Pedagogical Thought Publ., 256 p.

Dridze, T.M. (2000). *Ot hermenevtiki k semiosotsio-psikhologii: ot «tvorcheskogo» talkovaniya teksta k ponimaniyu kommunikativnoy intentsii avtora* [From hermeneutics to semiosocial psychology: from a «creative» interpretation of the text to understanding the communicative intention of the author]. *Sotsial'naya kommunikatsiya i sotsial'noye upravleniye v eko-antropotsentricheskoy i semiosotsio-psikhologicheskoy paradigmatkh: v 2 kn.* [Social communication and social management in an eco-anthropocentric and semiosocial-psychological paradigm: in 2 books]. Moscow: IS RAS Publ., book 2, pp. 115–138.

Glukhov, V., Kovshikov, V.A. (2007). *Psikholingvistika. Teoriya rechevoy deyatel'nosti* [Psycholinguistics. Theory of speech activity]. Moscow: AST Publ., 318 p.

Glushkov, V.M. (1964). *Vvedenie v kibernetiku* [Introduction to cybernetics]. Kiev: Academy of Sciences of the Ukraine Publ., 324 p.

Golitsyna, O.L. (2006). *Informatsionnye tekhnologii (BD)* [Information technology (DB)]. Moscow: Forum Publ., Infra-M Publ., 544 p.

Gubskiy, E.F. (ed.) (2003). *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical encyclopedic dictionary]. Moscow: Infra-M Publ., 576 p.

Karakozov, S.D. (2000). *Informatsionnaya kul'tura v kontekste obschey teorii kul'tury lichnosti* [Information culture in the context of the general theory of personality culture]. *Pedagogicheskaya informatika* [Pedagogical Informatics]. Vol. 2, pp. 41–55.

Kostyuk, G.S. (1988). *O psikhologii ponimaniya* [On the psychology of understanding]. *Izbrannyye psikhologicheskiye trudy* [Selected psychological works]. Moscow: Pedagogika, pp. 195–228.

Mescheryakova, B.G. and Zinchenko, V.P. (eds.) (2003). *Bol'shoy psikhologicheskii slovar'* [Big psychological dictionary]. Saint Petersburg: Prime-Euroznak Publ., 672 p.

Molyako, V.A. (2007). *Tvorcheskaya konstruktologiya (prolegomeny)* [Creative constructology (prolegomes)]. Kiev: Osvita Ukrainy Publ., 388 p.

Papakitsa, E.K. (2014). *Psikhologicheskie osobennosti razvitiya informatsionnoy gotovnosti buduschikh inzhenerov k professional'noy deyatel'nosti: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological peculiarities of development of information readiness of future engineers to professional work: dissertation]. Kiev, 247 p.

Lektorskiy, V.A., Pruzhinin, B.I., Bodyakin, V.I. et al. (2010). *Informatsionniy podkhod v mezhdistsiplinarnoy perspektive. Materialy «kruglogo stola»* [An informational approach in an interdisciplinary perspective. Materials of the «round table»]. *Voprosy filosofii*. No. 2, pp. 84–112.

Rubinstein, S.L. (1976). *Problemy obschey psikhologii* [Problems of general psychology]. Moscow: Pedagogika, 416 p.

Shtanko, V.I. (2002). *Filosofiya i metodologiya nauki* [Philosophy and methodology of science]. Kharkov: KNURE Publ., 292 p.

Solso, R. (2006). *Kognitivnaya psikhologiya* [Cognitive psychology]. 6th ed. Saint Petersburg: Piter Publ., 589 p.

Sternberg, R. (2002). *Prakticheskiy intellekt* [Practical intelligence]. Saint Petersburg: Piter Publ., 272 p.

Uhlir, P.F. (2001). Commission of the European Communities. Paris: MOO WFP UNESCO «IFAP» Publ., 16 p.

Ursul, A.D. (1971). *Informatsiya. Metodologicheskie aspekty* [Information. Methodological aspects]. Moscow: Nauka Publ., 296 p.

Wiener, N. (2002). *Kibernetika i obschestvo* [Cybernetics and society]. Moscow: Tydex Co Publ., 184 p.

Znakov, V.V. (1988). *Ponimanie v poznanii i obschenii* [Understanding in cognition and communication]. Moscow: IP RAS Publ., 232 p.

Received 24.02.2020

Об авторе

Папакица Елена Константиновна

кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии

Донецкий национальный университет,
Украина, 283001, Донецк, ул. Университетская, 24;
e-mail: papakitsa-elena@rambler.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4282-8319>

About the author

Elena K. Papakitsa

Ph.D. in Psychology, Associate Professor
of the Department of Psychology

Donetsk National University,
24, Universitetskaya st., Donetsk, 283001, Ukraine;
e-mail: papakitsa-elena@rambler.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4282-8319>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Папакица Е.К. Особенности извлечения информации и подходы к ее пониманию: психологический аспект // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 2. С. 238–246. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-2-238-246

For citation:

Papakitsa E.K. [Features of information extraction and approaches to understanding information: psychological aspect]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 2, pp. 238–246 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-2-238-246

УДК 159.9.07:373.1-057.177

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-2-247-258

ПСИХОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И СОДЕРЖАНИЕ ОПРОСНИКА «СТРУКТУРА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДИРЕКТОРА ШКОЛЫ» (ОСДДШ)

Горбунова Ирина Викторовна

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

За более чем полувековую историю изучения деятельности в отечественной психологии этот феномен рассматривался в различных аспектах: с точки зрения формирования психики человека и проявления психики в деятельности, связи деятельности с индивидуально-психологическими особенностями (свойствами нервной системы, свойствами темперамента и личности). Изучались процессуально-операционные особенности и результативные характеристики деятельности. Исследовался стиль деятельности как адаптивная характеристика, отражающая активность субъекта и стиль с точки зрения приспособительной и компенсаторной функций деятельности и др. Важнейшим условием изучения деятельности в указанных выше направлениях являлась проблема ее диагностики. Как правило, такая диагностика осуществлялась посредством учета ориентировочных исполнительных и контрольных компонентов в процессе изучаемой деятельности. Данное исследование посвящено разработке опросника для диагностики структуры деятельности директоров школ. Представлены результаты разработки методики диагностики структуры основных направлений профессиональной деятельности директора современной общеобразовательной школы, определен психометрический статус опросника, показаны его валидность и надежность, а также приведен перечень вопросов, отражающих содержание основных направлений деятельности директора школы. Представленные результаты могут быть использованы в дальнейших психолого-педагогических исследованиях актуальных проблем современного образования. Настоящий опросник необходим для дальнейшего изучения структуры деятельности директора школы, механизмов формирования стиля деятельности директора, коррекции его деятельности, для повышения эффективности работы руководителя общеобразовательной организации. Отдельный интерес представляет дальнейшее изучение связей структуры и стиля деятельности директора с его индивидуально-психологическими особенностями, что может быть реализовано на основе опросника ОСДДШ.

Ключевые слова: деятельность, директор школы, опросник, IRT анализ, психометрический анализ, валидность, надежность.

PSYCHOMETRIC ANALYSIS AND CONTENT OF THE QUESTIONNAIRE «STRUCTURE OF THE PRINCIPAL'S ACTIVITY» (OSDDSH)

Irina V. Gorbunova

Perm State Humanitarian Pedagogical University

The study of activity has been a focus of Russian psychology for more than half of the century. Over this period, activity has been considered in various aspects: from the perspective of a person's mentality formation, mentality manifestation in activity, connection of activity with individual and psychological features (properties of the nervous system, properties of temperament and the personality). There have been studied procedural and operational features and productive characteristics of activity, the style of activity as an adaptive characteristic reflecting the person's activity and style in terms of adaptive and compensatory functions of activity. The most important condition of studying activity in the above areas of research was the solution of problem of its diagnostics. As a rule, diagnostics was carried out by means of

accounting the approximate executive and control components of activity in the course of the studied activity. The present research is devoted to the development of a questionnaire for diagnostics of the school principals' activity structure. The paper provides the results of developing a diagnostic technique with regard to the principal of the modern comprehensive school. The psychometric status of the questionnaire is presented, its reliability and validity are shown, and also the list of the questions reflecting the content of the main principals' activities is given. The results can be used in further psychological and pedagogical research on the problems of modern education. The presented questionnaire is necessary for further study of the principals' activity structure, for research into the formation mechanisms of the activity style, and for correction of the activity in order to increase the performance among the heads of educational organizations. Further research on the connections between the structure and style of the principals' activity and their individual psychological features is a question of a special interest. It can be conducted on the basis of the presented questionnaire.

Keywords: activity, principal, questionnaire, IRT analysis, psychometric analysis, validity, reliability.

Введение

Современный директор школы — это ключевая фигура в сфере образования, т.к. он представляет интересы государства в школе и одновременно интересы школы перед государством и обществом. Директор выстраивает взаимодействие, общение, связи между учащимися, родителями, педагогами, партнерами образовательной организации, государственными и муниципальными органами управления [Калина И.И., 2017].

Директор школы должен принимать управленческие решения для достижения поставленных государством и обществом целей перед общеобразовательной организацией, находить одинаково эффективные решения как в области управления ресурсами школы, так и в научно-методической, образовательной областях, собирать команду — заместителей-профессионалов, организовать ее работу и делегировать ответственность членам своей команды [Федеральный закон..., 2012].

Управление кадрами, регулирование образовательной деятельности, материальное обеспечение классов школы методическими материалами и техническим оборудованием, ремонт и обслуживание помещения школы — все это необходимо выполнять и координировать директору в современных, меняющихся условиях жизни [Бушмин С.В., 2018].

В психологической литературе, касающейся вопросов образования, деятельность директора школы, ее особенности являются наименее изученными [Анастаси А., 1982b]. Попытке решения этой задачи и было посвящено настоящее исследование, ориентированное на разработку опросника для диагностики структуры деятельности директора школы.

Организация исследования

В процессе разработки опросника мы опирались на теорию деятельности А.Н. Леонтьева [Леонтьев А.Н., 1975]. При анализе деятельности директора школы мы стремились выделить основные направления его деятельности и действия, позволяющие реализовывать эти направления [Рубинштейн С.Л., 1946].

Для определения основных направлений и важнейших характеристик структуры деятельности директора школы [Базаров Т.Ю., Сычева М.П., 2012] был осуществлен контент-анализ. Использовались различные источники: статьи по данной теме, нормативные документы муниципальных органов образования, регламентирующие работу директора школы, интернет-сайты школ и интервью директоров школ.

Был проведен контент-анализ более 40 различных источников [Бушмин С.В., 2018; Савчук Е.И., 2015; Приказ начальника департамента образования..., 2015; Приказ управления образования..., 2018; Приказ начальника департамента образования..., 2019; Швед А.К., 2016], характеризующих деятельность директора школы. В процессе классификации, удаления дублирующихся сведений, несущественных характеристик, не связанных с основной работой директора школы, этот анализ позволил выделить 28 различных направлений деятельности директора.

Для дальнейшей классификации и определения основных направлений деятельности директора школы была создана фокус-группа [Чеховский И.В., 2011] из 15 директоров школ муниципальных территорий, где планировалось проведение исследования. Участникам этой группы было предложено из 28 направлений

деятельности директора школы, полученных путем первичного контент-анализа, методом ранжирования выбрать 10 основных направлений, характеризующих работу директора.

Были выделены следующие направления: педагогическая культура, управленческая деятельность, координация, работа с документами, организация учебной деятельности, работа с кадрами, финансово-экономическая деятельность, хозяйственная деятельность, развитие школы, удовлетворенность деятельностью.

Для валидации опросника по содержанию [Клайн П., 1994] была использована созданная ранее фокус-группа из 15 директоров школ: по каждому направлению деятельности директора школы было сформулировано от 12 до 16 вопросов, отражающих действия директора. Путем ранжирования было отобрано по 10 вопросов по каждому направлению деятельности для образования шкал предварительного варианта опросника (опросник с учетом всех шкал содержал 100 вопросов). Каждый вопрос позволял дифференцировать испытуемых (директоров школ) в рамках его содержания в диапазоне от 1 балла до 7 баллов (никогда, очень редко, иногда, наполовину, часто, очень часто, всегда).

В данном случае шкалы представляли направления деятельности, а вопросы каждой шкалы характеризовали содержание действий, направленных на реализацию направлений деятельности [Рубинштейн С.Л., 1946].

Были сформированы следующие шкалы.

Шкала 1. *Шкала педагогической культуры*. Позволяет оценить уровень развития педагогической культуры директора школы, охарактеризовать его педагогическую позицию.

Шкала 2. *Шкала управленческой деятельности*. Позволяет оценить возможности директора по созданию условий для эффективной совместной деятельности администрации и педагогического коллектива в школе.

Шкала 3. *Шкала координации*. Позволяет оценить уровень контроля со стороны руководителя, возможности делегирования управленческих функций заместителям и другим участникам образовательного процесса, оперативности в принятии решений.

Шкала 4. *Шкала работы с документами*. Позволяет оценить уровень развития у директора умений и навыков работы с законами,

нормативными актами и другими документами, регламентирующими деятельность школы.

Шкала 5. *Шкала учебной деятельности*. Позволяет оценить возможности директора по организации эффективного образовательного процесса в школе.

Шкала 6. *Шкала кадровой политики*. Позволяет оценить умение директора организовывать подбор, обучение и переподготовку кадров в школе.

Шкала 7. *Шкала финансово-экономической деятельности*. Позволяет оценить уровень финансово-экономической грамотности директора, его способность управлять бюджетными и внебюджетными средствами школы.

Шкала 8. *Шкала хозяйственной деятельности*. Позволяет оценить уровень погруженности директора в хозяйственные процессы, возможность поддерживать инфраструктуру и материально-техническое состояние школы в соответствии с современными требованиями.

Шкала 9. *Шкала развития школы*. Позволяет оценить возможности директора по созданию эффективной программы развития школы, ее реализации в современных условиях и позиционирование школы на районном, городском, краевом и федеральном уровнях.

Шкала 10. *Шкала удовлетворенности деятельностью*. Позволяет оценить уровень психологического комфорта директора в ходе исполнения своих профессиональных обязанностей.

Анализ предварительного варианта опросника

При дальнейшей работе по созданию опросника была использована ItemResponseTheory (IRT) методология [Орлова Д.Г., 2016; Родионов А.В., Братищенко В.В., 2014; Asparouhov T., Muthén B., 2016]. Теория тестовых заданий используется для проектирования, анализа и оценки тестов, опросников и подобных измерительных инструментов. При разработке опросника ОСДДШ IRT анализ использовался для того, чтобы убрать из этого опросника не информативные вопросы.

Для анализа предварительного варианта опросника использовалась выборка из 86 директоров школ муниципальных образований Пермского края. Выборка включала в себя директоров школ города Перми, Пермского района и города-спутника Перми Краснокам-

ска, где впоследствии проводилось основное исследование.

После диагностики директоров школ с помощью предварительного варианта опросника результаты исследования были подвергнуты психометрическому анализу. Статистический анализ результатов исследования производился с помощью статпакета IBM SPSS Statistics 26 for MacOS [Пациорковский В.В., Пациорковская В.В., 2005].

Были проверены дифференцирующие возможности каждого вопроса опросника [Орлова Д.Г., 2016] путем гистографического исследования. Каждый вопрос был проверен на параметры нормального распределения с помощью критерия Колмогорова–Смирнова [Кобзарь А.И., 2006; Пациорковский В.В., Пациорковская В.В., 2005]. В рамках каждой шкалы с помощью корреляционного анализа [Гласс Д., Стенли Д., 1976; Пациорковский В.В., Пациорковская В.В., 2005] был определен уровень взаимосвязей вопросов, составляющих содержание шкалы. Также для определения уровня взаимосвязей вопросов в шкалах каждая шкала была проверена с помощью факторного анализа [Пациорковский В.В., Пациорковская В.В., 2005].

В связи с большим объемом предварительного варианта опросника, данных ИРТ анализа и ограниченным объемом статьи эти материалы здесь не представлены.

Статистический анализ шкал опросника ОСДДШ позволил оценить уровень участия каждого вопроса каждой шкалы в формировании результата измерения поименованных характеристик деятельности директора. Это позволило определить уровень конвенциональности входящих в каждую шкалу вопросов (в нашем случае — переменных) настоящего опросника. Под конвенциональностью в данном случае понимается уровень согласованности вопросов, отображающих содержание шкалы, что впоследствии должно способствовать повышению валидности и надежности тестовой методики.

ИРТ анализ каждой шкалы предварительного варианта опросника позволил изъять вопросы, снижающие уровень конвенциональности каждой шкалы. На основании этого анализа из шкал опросника были исключены вопросы, не дифференцирующие испытуемых, не соответствующие правилам нормального распределения, не кор-

релирующие с другими вопросами шкалы и не попадающие в один фактор максимальной дисперсии при факторном анализе.

Окончательный вариант опросника ОСДДШ представлен ниже.

Инструкция

Вам будет предложено несколько вопросов об особенностях Вашей деятельности в различных условиях и ситуациях. Это не испытание ума или способностей, поэтому нет ответов хороших или плохих. Полученные результаты будут использоваться только в научных целях. На вопросы следует отвечать поочередно, не возвращаясь к предыдущим ответам. Внимательно прочитайте каждый вопрос и оцените степень использования представленных приемов и способов в Вашей деятельности по 7-балльной шкале в диапазоне от 1 балла до 7 баллов, поставив у каждого вопроса соответствующий балл: 1 балл — никогда, 2 балла — крайне редко, 3 балла — иногда, 4 балла — наполовину, 5 баллов — часто, 6 баллов — очень часто, 7 баллов — всегда.

1. В какой степени у Вас получается при разборе какого-либо конфликта в школе принять решение, устраивающее все стороны?
2. В какой степени у Вас получается увлекать педагогов школы своими идеями?
3. В какой степени Вы относитесь с пониманием к промахам и неудачам своих коллег?
4. Насколько объективно у Вас получается оценить деятельность своих подчиненных?
5. Насколько часто к Вам обращаются педагоги с разговорами о своих трудностях?
6. Как часто Вам приходится подавлять агрессию в критических ситуациях в школе?
7. Насколько хорошо Вы знакомы со всеми сложностями педагогической работы?
8. Насколько легко Вы способны находить общий язык с разными людьми при обсуждении сложных ситуаций в учебно-воспитательном процессе в школе?
9. Насколько активно Вы готовы поддерживать различные нововведения, ориентированные на изменение системы управления Вашей школой?
10. Насколько часто Вы привлекаете к управлению школой отдельных педагогов?

11. Как часто Вы адаптируете различные реализованные проекты образовательных и других организаций в своей школе?

12. Насколько часто Вы прибегаете к помощи учредителя в критических ситуациях?

13. Насколько сложно Вам по требованию подчиненных менять свои решения?

14. Насколько часто Ваши распоряжения вызывают у подчиненных недовольство?

15. В какой мере у Вас получается привлекать опытных педагогов из других школ на постоянное место работы в Вашей школе?

16. До какой степени Вы прислушиваетесь к требованиям родителей заменить того или иного педагога, либо классного руководителя?

17. Как часто Вам приходится проявлять излишнюю требовательность с целью усиления персонального контроля в отношении работников школы?

18. До какой степени Вам приходится контролировать и реализовывать каждый образовательный проект самостоятельно, не надеясь на своих подчиненных?

19. Как быстро Вам удается решить проблемы, неожиданно возникающие в учебно-воспитательном процессе, которые Вы не предусмотрели заранее?

20. Насколько легко и быстро в школе Вы переключаетесь с одного вида работы на другой?

21. В какой мере Вы используете административные возможности для налаживания психологического климата в коллективе?

22. В какой степени Вами лично контролируется работа по постановке каждого учащегося на внутришкольный учет?

23. Насколько Вы лично стараетесь отслеживать отношения педагогов своей школы с родителями?

24. Насколько активно Вы инициируете создание различных форм самоуправления в коллективе школы?

25. Насколько регулярно Вам приходится привлекать юристов для консультаций, при проведении мероприятий по контролю и надзору за соблюдением федерального и местного законодательства?

26. Насколько часто ли Вы обращаетесь в суд, если не согласны с результатами проверок надзорных органов?

27. Насколько регулярно Вы прибегаете к помощи юриста для разработки локально-правовых актов общеобразовательной организации?

28. Как часто Вам приходится составлять дополнительные локальные акты для более подробного регламентирования работы школы?

29. Насколько активно Вы привлекаете членов педагогического коллектива и родителей к разработке локально-нормативной документации школы?

30. До какой степени Вам самостоятельно приходится решать вопросы за членов управляющего совета?

31. Насколько важным для Вас является получение высоких баллов при тестировании учредителем на знание локально-нормативной документации?

32. До какой степени Вам было бы удобно перейти полностью на электронный документооборот?

33. Насколько часто для подготовки к ВПР Вы используете различные курсы и дополнительные занятия?

34. В какой мере Вы используете мероприятия в виде дополнительных занятий и консультаций, направленные на подготовку обучающихся к ЕГЭ?

35. Насколько активно Вы лично регулируете отбор учащихся в 10 класс посредством индивидуальных собеседований с родителями и обучающимися?

36. Насколько активно Вы используете различные нововведения для улучшения общеобразовательной подготовки обучающихся?

37. До какой степени оперативно Вы внедряете все образовательные проекты учредителя в Вашей школе?

38. Насколько регулярно Вы вместе с педагогами вносите изменения в основные образовательные программы в своей школе?

39. Насколько активно Вы инициируете реализацию совместных образовательных проектов с другими школами на сегодняшний день?

40. Насколько активно Вы внедряете различные нестандартные формы урочной деятельности в рамках школы?

41. Насколько важно для Вас, чтобы «стажисты» вовремя выходили на пенсию, а их заменяли «молодые специалисты»?

42. В какой мере Вы привлекаете к решению кадровых вопросов своих заместителей?

43. Насколько легко Вы можете мысленно представить себя на месте другого сотрудника школы при формировании перечня должностных обязанностей?

44. Как часто Вы организуете для педагогов мастер-классы, обучающие семинары, тренинги, направленные на повышение квалификации?

45. Как часто Вам приходится делать замечания и выговоры в трудовом коллективе?

46. До какой степени Вы проявляете заинтересованность в проблемах подчиненных?

47. В какой мере Вы стараетесь сохранять дистанцию при общении с подчиненными?

48. Насколько Вы способны прогнозировать поведение педагогов, организовывая конструктивное взаимодействие в педагогическом коллективе?

49. До какой степени результативно у Вас получается увеличить доходы школы путем выигрыша различных грантов, конкурсов?

50. В какой мере эффективно у Вас получается снизить расходы Вашей организации по статье «Содержание имущества» (клининг, аутсорсинг и др.)?

51. До какой степени безболезненно у Вас получается снизить расходы Вашей организации по статье «Приобретение учебников и учебных пособий»?

52. Насколько Вас устраивает переход на систему централизованной бухгалтерии?

53. Насколько у Вас получается достигать ежегодных показателей соотношения заработной платы работников учреждения за счет делегирования административных функций наиболее ответственным педагогам?

54. Насколько часто Вам приходится обращаться за финансовой помощью к родителям для решения внутришкольных проблем?

55. До какой степени у Вас получается привлечь дополнительные средства на статью расходов «Текущий ремонт»?

56. Как часто в конце финансового года Вам приходится переносить часть платежей на следующий год из-за нехватки денежных средств?

57. В какой степени у Вас получается добиться того, чтобы инфраструктура Вашей школы полностью соответствовала требованиям образовательного процесса?

58. Насколько тщательно Вы лично вникаете в процесс сравнения расценок по каждому приобретаемому для школы товару или услуге?

59. В какой степени Вам удается повысить уровень оснащённости кабинетов труда и мастерских Вашей школы?

60. В какой мере Вам удается стимулировать подрядчика по питанию в столовой к ремонту

обеденного зала (желательно с дизайнерским решением) и в замене оборудования пищеблока на новое?

61. Как часто Вы прибегаете к услугам дизайнера при оформлении школы?

62. В какой мере Вам удастся приобретать новую мебель, а не ремонтировать старую?

63. Насколько Вам удалось сделать школу безопасным местом для работы и учебы?

64. В какой мере оперативно у Вас получается находить дополнительные финансовые источники для закупки оборудования для обеспечения безопасности в школе?

65. Насколько эффективно у Вас получается работать с промышленными предприятиями региона с целью профориентации обучающихся?

66. Насколько успешно у Вас получается привлекать социальных партнеров?

67. До какой степени активно Вы реализуете «Программу развития» в Вашей школе?

68. Насколько Вы стремитесь приспособить инфраструктуру Вашей школы к реализации «Программы развития»?

69. Как часто у Вас возникает необходимость в смене основных направлений «Программы развития» Вашей школы?

70. В какой мере Вы принимаете участие в образовательных проектах различного уровня, ориентированных на развитие школы?

71. В какой степени программы дополнительного образования, используемые Вами ориентированы на «Программу развития» школы?

72. Насколько активно Вы инициируете проведение в Вашей школе различных мероприятий, начиная с городского уровня и выше?

73. В какой мере Вас удовлетворяет организация внеурочных мероприятий в школе, которые интересны всем участникам образовательного процесса и полезны для них?

74. В какой мере Вы удовлетворены материально-техническим оснащением Вашей школы на сегодняшний день?

75. Насколько Вас устраивает работа социально-психологической службы с участниками образовательного процесса в Вашей школе?

76. В какой мере Вас устраивают взаимоотношения с коллегами?

77. В какой степени Вас беспокоит перспектива потерять работу?

78. Насколько Вы удовлетворены своей работой?

79. Насколько часто у Вас получается реализовать потребность в собственном профессиональном и личностном росте в рамках своей профессиональной деятельности?

80. В какой степени Вы удовлетворены помощью управляющего совета при работе администрации школы с родителями?

Ключ опросника.

1. Шкала педагогической культуры: вопросы 1–8.
2. Шкала управленческой деятельности: вопросы 9–16.
3. Шкала координации: вопросы 17–24.
4. Шкала работы с документами: вопросы 25–32.
5. Шкала учебной деятельности: вопросы 33–40.
6. Шкала кадровой деятельности: вопросы 41–48.
7. Шкала финансово-экономической деятельности: вопросы 49–56.
8. Шкала хозяйственной деятельности: вопросы 57–64.
9. Шкала развития школы: вопросы 65–72.
10. Шкала удовлетворенности деятельности: вопросы 73–80.

Проверка психометрического статуса опросника

С помощью окончательного варианта опросника была диагностирована выборка, состоящая из 144 директоров школ г. Перми, Пермского района и Краснокамска (города-спутника Перми).

Окончательный вариант опросника был проверен на надежность и валидность. Проверка надежности проводилась методом Альфа Кронбаха [Cronbach L., 1951; Schmitt N., 1996; Пациорковский В.В., Пациорковская В.В., 2005] и методом расщепления [Анастаси А., 1982а; Клайн П., 1994; Пациорковский В.В., Пациорковская В.В., 2005] по каждой шкале опросника (табл. 1, 2).

Следует отметить, значения Альфа Кронбаха, которые меньше или равны 0,500, считаются недостаточными. Значения больше 0,500 могут быть использованы в качестве оценки внутренней согласованности шкал теста [Cortina J., 1993].

Таблица 1. Проверка надежности методом Альфа Кронбаха. Статистики пригодности

Table 1. Reliability testing by Cronbach's alpha measure. Statistics of applicability

Шкалы	Альфа Кронбаха	Количество пунктов
Шкала 1	,710	8
Шкала 2	,513	8
Шкала 3	,709	8
Шкала 4	,630	8
Шкала 5	741	8
Шкала 6	,653	8
Шкала 7	,560	8
Шкала 8	,738	8
Шкала 9	,632	8
Шкала 10	,522	8

Примечание/Note: $p \leq 0.05$; $\alpha > ,500$

Таблица 2. Проверка надежности методом расщепления

Table 2. Reliability testing by split-half method

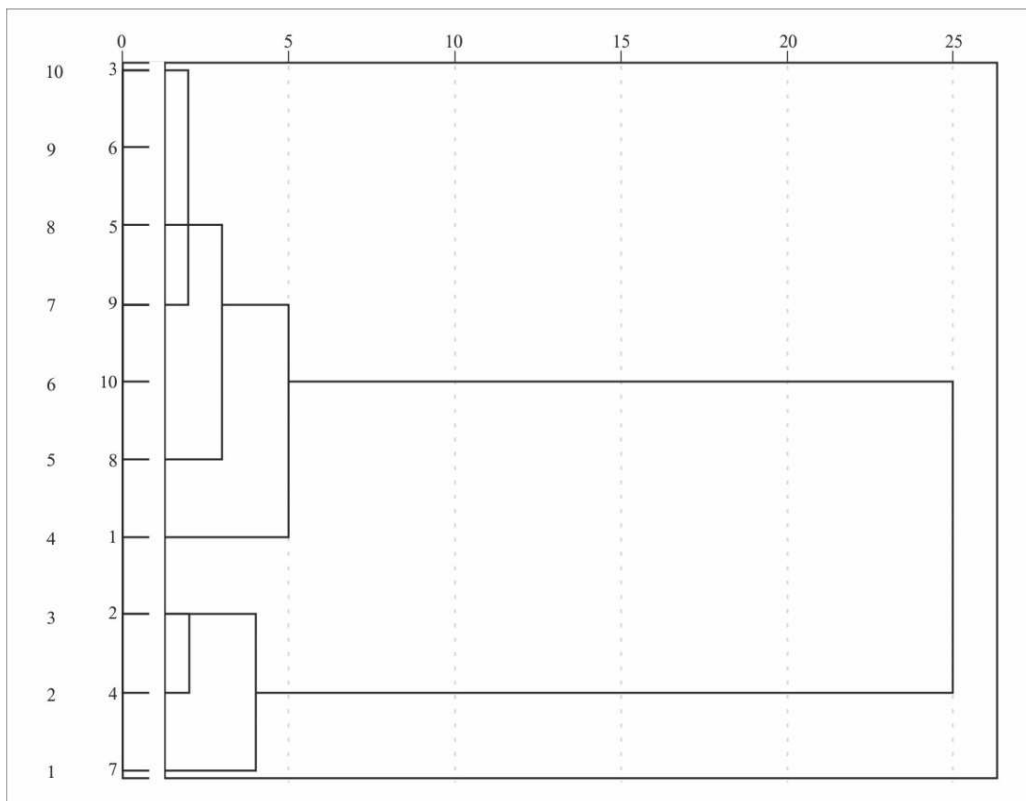
Шкалы	Общее количество пунктов	Пропорция расщепления	Корреляция расщепленных форм
Шкала 1	8	4/4	,524
Шкала 2	8	4/4	,225
Шкала 3	8	4/4	,456
Шкала 4	8	4/4	,388
Шкала 5	8	4/4	,600
Шкала 6	8	4/4	,291
Шкала 7	8	4/4	,266
Шкала 8	8	4/4	,201
Шкала 9	8	4/4	,467
Шкала 10	8	4/4	,275

Примечание/Note: $p \leq 0,05$; $r = 0,166$; $p \leq 0,01$; $r = 0,217$; $p \leq 0,001$; $r = 0,275$

Оба варианта проверки подтвердили надежность тестовой методики.

Структурная валидность опросника [Анастаси А., 1982а; Клайн П., 1994] была проверена с помощью кластерного анализа (факторный анализ не удовлетворял требованиям настоящего исследования). Этот анализ реализовывался с использованием иерархической модели в графическом варианте (дендрограмма) и метода «наибольшей удаленности соседа» с интервалом квадрата Евклида [Пациорковский В.В.,

Пациорковская В.В., 2005]. Результаты кластерного анализа (рисунок) характеризуют все шкалы опросника как соответствующие структурной валидности, о чем свидетельствует разрыв различие-сходство по шкале абсцисс в диапазоне от 0 до 2 единиц. На шкале ординат равномерно и в соответствии с различием-сходством расположены по отдельности все шкалы опросника.

Дендрограмма различия-сходства шкал опросника

Dendrogram of similarity-dissimilarity of questionnaire scale

Проверка валидности проводилась также с помощью критерия [Анастаси А., 1982а, 1982b; Лучинин А.С., 2008]. В качестве критерия была использована экспертная оценка группы экспертов из 20 чел. (работники муниципальных органов образования), хорошо знавших работу директоров школ, участвующих в настоящем эксперименте. Валидность была проверена путем корреляции каждой шкалы с суммарной

оценкой экспертов по каждому директору школы (табл. 3).

В качестве второго критерия валидации опросника был выбран суммарный рейтинг общеобразовательных организаций с 2014 по 2019 гг., возглавляемых директорами школ, участвующими в исследовании (табл. 3).

Таблица 3. Критериальная валидность

Table 3. Criterion validity

Шкалы	Экспертная оценка	Рейтинг школ
Шкала 1	,239	-,195
Шкала 2	,271	-,166
Шкала 3	,219	-,272
Шкала 4	,199	-,222
Шкала 5	,176	-,187
Шкала 6	,171	-,126
Шкала 7	,303	-,323
Шкала 8	,332	-,257
Шкала 9	,171	-,397
Шкала 10	,289	-,301

Примечание/Note: $p \leq 0,05$; $r = 0,166$; $p \leq 0,01$; $r = 0,217$; $p \leq 0,001$; $r = 0,275$

Отрицательные значения коэффициентов корреляции шкал опросника и рейтингов школ объясняются разнонаправленным изменением результатов: чем выше рейтинг, тем меньше его численное выражение. Все шкалы опросника соответствуют общим требованиям критериальной валидности, за исключением шкалы 6 по критерию рейтинга школ. Низкий уровень корреляции по шкале 6 с рейтингом школ мы связываем с низким уровнем кадровой политики органов управления образованием и постоянно меняющимся перечнем показателей по оценке кадровой политики школы.

Заключение

Результаты разработки и проверки опросника ОСДДШ позволяют использовать его для дальнейших исследований структуры и стиля деятельности директоров школ. Выбранные 10 направлений деятельности — обязательные компетенции каждого руководителя общеобразовательной организации, поэтому, проанализировав деятельность каждого из них в разрезе шкал, можно прокомментировать, какие направления деятельности лучше удаются директору школы, выяснить, какие из них нуждаются в усилении (корректировке).

По результатам всех проведенных исследований складывается впечатление, что нет направления деятельности менее или более значимого для руководителя школы. Невозможно достичь максимальных управленческих результатов, не обладая, например, должным уровнем педагогической культуры, или при недостаточном владении навыками координации

различных процессов в школе. После проведения настоящего исследования каждому директору школы, принимавшему участие в эксперименте, будут предоставлены подробные рекомендации по усилению того или иного направления деятельности, будет предложен наставник из числа тех директоров, у которых данное направление успешно реализуется либо будут подобраны необходимые курсы переподготовки по данной тематике.

Список литературы

Анастази А. Психологическое тестирование. Кн. 1. М.: Педагогика, 1982. 318 с.

Анастази А. Психологическое тестирование. Кн. 2. М.: Педагогика, 1982. 295 с.

Базаров Т.Ю., Сычева М.П. Создание и апробация опросника «Стили реагирования на изменения» // Психологические исследования. 2012. Т. 5, № 25. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n25/724-bazarov25.html> (дата обращения: 24.03.2020).

Бушмин С.В. Должностные обязанности директора школы // Народный советник. 2018. 24 дек. URL: https://nsovetnik.ru/dolzhnostnye_instrukcii/dolzhnostnye_obyazannosti_direktora_shkoly/ (дата обращения: 24.03.2020).

Гласс Д., Стенли Д. Статистические методы в педагогике и психологии. М.: Прогресс, 1976. 496 с.

Калина И.И. Управление без вмешательства // Учительская газета. 2017. № 3 от 17 янв. URL: <http://www.ug.ru/archive/68402> (дата обращения: 24.03.2020).

Клайн П. Справочное руководство по конструированию тестов. Киев: ПАН Лтд, 1994. 284 с.

Кобзарь А.И. Прикладная математическая статистика. М.: Физматлит, 2006. 816 с.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.

Лучинин А.С. Психодиагностика: конспект лекций. М.: Эксмо, 2008. 160 с.

Орлова Д.Г. Оценка психометрического качества и модификации опросника «Шкалы психологического благополучия» К. Рифф // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 26, вып. 3. С. 53–62.

Пацюрковский В.В., Пацюрковская В.В. SPSS для социологов: учеб. пособие. М.: ИСЭПН РАН, 2005. 432 с.

Родионов А.В., Братищенко В.В. Применение IRT-моделей для анализа результатов обучения в рамках компетентностного подхода // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=13858> (дата обращения: 24.03.2020).

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: Учпедгиз, 1946. 704 с.

Приказ начальника департамента образования г. Перми «Об утверждении показателей рейтинговой оценки деятельности подведомственных муниципальных общеобразовательных учреждений города Перми за 2014–2015 учебный год» / Единый портал Пермского образования. 2015. URL: <https://permedu.ru> (дата обращения: 24.03.2020).

Приказ начальника департамента образования г. Перми № СЭД-059-08-01-09-90 от 31.01.2019 «Об утверждении системы показателей и порядка расчета рейтинговой оценки деятельности подведомственных муниципальных образовательных учреждений города Перми за 2018–2019 учебный год» / Единый портал Пермского образования. 2019. URL: <https://con.permedu.ru/wp-content/uploads/2019/02/09-90.pdf> (дата обращения: 24.03.2020).

Приказ управления образования Пермского района № 74 от 29.03.2018 «Об утверждении порядка и сроков проведения аттестации кандидатов на должность руководителя муниципальной образовательной организации, находящейся в ведении управления образования администрации Пермского муниципального района» / Управление образования администрации муниципального образования «Пермский муниципальный район». 2018. URL: <http://ruorg.ru/управление-образования/кадровая-политика/аттестация/аттестация-руководителей/> (дата обращения: 24.03.2020).

Савчук Е.И. Современный директор школы — кто он? // Московский центр качества образования. 2015. 29 дек. URL: <https://mcko.ru/articles/202> (дата обращения: 24.03.2020).

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/77687593/> (дата обращения: 24.03.2020).

Чеховский И.В. Метод фокус-групп: концептуальное и эмпирическое обоснование факторов влияния на результативность применения: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2011. 27 с.

Швед А.К. Роль директора школы в управлении современной школой // Мультиурок. 2016. 16 нояб. URL: <https://multiurok.ru/files/stat-ia-rol-diriekтора-shkoly-v-upravlienii-sovrie.html> (дата обращения: 24.03.2020).

Asparouhov T., Muthén B. IRT in Mplus. Version 2 // Technical report. 2016. URL: https://pdfs.semanticscholar.org/d45a/2c50560779cea54ae34859614301927279bd.pdf?_ga=2.113457935.9851798.1592315084-156434861.1584720664 (accessed: 24.03.2020).

Cortina J. What is coefficient alpha? An examination of theory and practice // Journal of applied psychology. 1993. Vol. 78, iss. 1. P. 98–104. DOI: <https://doi.org/10.1037/0021-9010.78.1.98>

Cronbach L. Coefficient alpha and the internal structure of tests // Psychometrika. 1951. Vol. 16, iss. 3. P. 297–334. DOI: <https://doi.org/10.1007/bf02310555>

Schmitt N. Uses and Abuses of Coefficient Alpha // Psychological Assessment. 1996. Vol. 8, iss. 4. P. 350–353. DOI: <https://doi.org/10.1037/1040-3590.8.4.350>

Получено 29.04.2020

References

Anastasi, A. (1982). *Psikhologicheskoe testirovanie. Kn. 1* [Psychological testing. Book 1]. Moscow: Pedagogika Publ., 318 p.

Anastasi, A. (1982). *Psikhologicheskoe testirovanie. Kn. 2* [Psychological testing. Book 2]. Moscow: Pedagogika Publ., 295 p.

Asparouhov, T. and Muthén, B. (2016). IRT in Mplus. Version 2. *Technical report*. Available at: https://pdfs.semanticscholar.org/d45a/2c50560779cea54ae34859614301927279bd.pdf?_ga=2.113457935.9851798.1592315084-156434861.1584720664 (accessed 24.03.2020).

Bazarov, T.Yu. and Sycheva, M.P. (2012). *Sozdanie i aprobatsiya oprosnika «Stili reagirovaniya na izmeneniya»* [Creation and questionnaire approbation «Styles of response to changes»]. *Psikhologicheskie issledovaniya*. Vol. 5, no. 25. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n25/724-bazarov25.html> (accessed 24.03.2020).

Bushmin, S.V. (2018). *Dolzhnostnye obyazannosti direktora shkoly* [Duty regulations of the Head teacher]. *Narodniy sovetnik* [National Adviser]. 2018, Dec. 24. Available at: https://nsovetnik.ru/dolzhnostnye_instrukcii/dolzhnostnye_obyazannosti_direktora_shkoly (accessed 24.03.2020).

Chekhovskiy, I.V. (2011). *Metod fokus-grupp: kontseptual'noe i empiricheskoe obosnovanie faktorov vliyaniya na rezul'tativnost' primeneniya avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk* [Focus group method: conceptual and empirical substantiation of factors of influence on the effectiveness of application: Abstract of Ph.D. dissertation]. Moscow, 27 p.

Cline, P. (1994). *Spravochnoe rukovodstvo po konstruirovaniyu testov* [Reference guide on designing of tests]. Kiev: PAN Ltd. Publ., 284 p.

Cortina, J. (1993). What is coefficient alpha? An examination of theory and practice. *Journal of Applied Psychology*. Vol. 78, iss. 1, pp. 98–104. DOI: <https://doi.org/10.1037/0021-9010.78.1.98>

Cronbach, L. (1951). Coefficient alpha and the internal structure of tests. *Psychometrika*. Vol. 16, iss. 3, pp. 297–334. DOI: <https://doi.org/10.1007/bf02310555>

Federal'nyy zakon «Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii» ot 29.12.2012 № 237-FZ [Federal law «About education in the Russian Federation» of December 29, 2012 No. 273-FZ]. Available at: <https://base.garant.ru/77687593/> (accessed 24.03.2020).

Glass, D. and Stanley, D. (1976). *Statisticheskie metody v pedagogike i psikhologii* [Statistical methods in pedagogics and psychology]. Moscow: Progress Publ., 496 p.

Kalina, I.I. (2017). *Upravlenie bez vmeshatel'stva* [Management without intervention]. *Uchitel'skaya Gazeta*. No. 3, Dec. 17. Available at: <http://www.ug.ru/archive/68402> (accessed 24.03.2020).

Kobzar', A.I. (2006). *Prikladnaya matematicheskaya statistika* [Applied mathematical statistics]. Moscow: Fizmatlit Publ., 816 p.

Leont'ev, A.N. (1975). *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat Publ., 304 p.

Luchinin, A.S. (2008). *Psikhodiagnostika. Konспект lektsiy* [Psychodiagnosics. Lecture notes]. Moscow: Eksmo Publ., 160 p.

Orlova, D.G. (2016). *Otsenka psikhometricheskogo kachestva i modifikatsii oprosnika «Shkaly psikhologicheskogo blagopoluchiya» K. Riff* [Evaluation of the psychometric quality and modification of the questionnaire «Scales of psychological well-being» by K. Ryff]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy]. Vol. 26, iss. 3, pp. 53–62.

Patsiorkovskiy, V.V. and Patsiorkovskaya, V.B. (2005). *SPSS dlya sotsiologov* [SPSS for sociologists]. Moscow: ISESP RAS Publ., 432 p.

Prikaz nachal'nika departamenta obrazovaniya g. Permi «Ob utverzhdenii pokazateley reytingovoy otsenki deyatel'nosti podvedomstvennykh munitsipal'nykh obscheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy goroda Permi za 2014–2015 uchebnyy god» (2015). [Order of the Head of the Department of Education of Perm «Statement of indicators of a rating assessment of activity of subordinated municipal educational institutions of the city of Perm in 2014–2015 academic year»]. Uniform Portal of the Perm Education. Available at: <https://permedu.ru> (accessed 24.03.2020).

Prikaz nachal'nika departamenta obrazovaniya g. Permi № SED-059-08-01-09-90 ot 31.01.2019 «Ob utverzhdenii sistemy pokazateley i poryadka rascheta reytingovoy otsenki deyatel'nosti podvedomstvennykh munitsipal'nykh obrazovatel'nykh uchrezhdeniy goroda Permi za 2018–2019 uchebnyy god» (2019) [Order of the Head of the Department of Education of Perm No. SED-059-08-01-09-90, Jan. 31, 2019 «Statement of system of indicators and a procedure of payments of a rating assessment of activity subordinated municipal the Educational institutions of city institutions of Perm in 2018–2019 academic year»]. Unified Portal of Perm Education. Available at: <https://con.permedu.ru/wp-content/uploads/2019/02/09-90.pdf> (accessed 24.03.2020).

Prikaz upravleniya obrazovaniya Permskogo rayona № 74 ot 29.03.2018 «Ob utverzhdenii poryadka i srokov provedeniya attestatsii kandidatov na dolzhnost' rukovoditelya munitsipal'noy obrazovatel'noy organizatsii, nakhodyascheysya v vedenii upravleniya obrazovaniya administratsii Permskogo munitsipal'nogo rayona» (2018) [Order of the Department of Education of the Perm Region No. 74, Mar. 29, 2018 «On approval of the procedure and deadlines for the certification of candidates for the

position of head of a municipal educational organization under the authority of the education department of the administration of the Perm municipal district». Department of education of Administration of Perm Municipal District. Available at: <http://ruopr.ru/управление-образования/кадровая-политика/аттестация/аттестация-руководителей/> (accessed 24.03.2020).

Rodionov, A.V. and Bratischenko, V.V. (2014). *Primenenie IRT-modeley dlya analiza rezul'tatov obucheniya v ramkakh kompetentnostnogo podkhoda* [Application of IRT-model for the analysis of training results within the competence approach]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education]. No. 4. Available at: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=13858> (accessed 24.03.2020).

Rubenstein, S.L. (1946). *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of the general psychology]. Moscow: Uchpedgiz Publ., 704 p.

Savchuk, E.I. (2015). *Sovremenniy direktor shkoly — kto on?* [The modern principal — who is he?]. Moscow Center of Quality of Education, Dec. 24. Available at: <https://mcko.ru/articles/202> (accessed 24.03.2020).

Schmitt, N. (1996). Uses and abuses of coefficient Alpha. *Psychological Assessment*. No. 8(4), pp. 350–353. DOI: <https://doi.org/10.1037/1040-3590.8.4.350>

Shved, A.K. (2016). *Rol' direktora shkoly v upravlenii sovremennoy shkoly* [A role of the principal in management of modern school]. *Mul'tiurok*. Nov. 16. Available at: <https://multiurok.ru/files/statia-rol-diriektora-shkoly-v-upravlenii-sovrie.html> (accessed 24.03.2020).

Received 29.04.2020

Об авторе

Горбунова Ирина Викторовна
аспирант кафедры теоретической
и прикладной психологии

Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24;
e-mail: gorbunova-priemnaya@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2185-3219>

About the author

Irina V. Gorbunova
Ph.D. Student of the Department of Theoretical
and Applied Psychology

Perm State Humanitarian Pedagogical University,
24, Sibirskaya st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: gorbunova-priemnaya@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2185-3219>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Горбунова И.В. Психометрический анализ и содержание опросника «Структура деятельности директора школы» (ОСДДШ) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 2. С. 247–258. DOI: [10.17072/2078-7898/2020-2-247-258](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-2-247-258)

For citation:

Gorbunova I.V. [Psychometric analysis and content of the questionnaire «Structure of the principal's activity» (OSDDSh)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 2, pp. 247–258 (in Russian). DOI: [10.17072/2078-7898/2020-2-247-258](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-2-247-258)

УДК 159.922.8

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-2-259-269

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ПРОКРАСТИНАЦИИ ЛИЧНОСТИ В РАННЕМ ЮНОШЕСКОМ И ПОЗДНЕМ ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТАХ

Черкевич Елена Анатольевна

Омский государственный педагогический университет

В условиях ускоренного ритма жизни в период цифровизации общества и культуры современному человеку необходимо решать много задач. Причем человек юношеского возраста, который находится на стадии становления, став многозадачным, не может в полной мере справиться с возникшей ситуацией ввиду недооформленности механизмов саморегуляции, личностных качеств и свойств. Это повлияло на выбор темы нашего исследования. Анализ результатов изучения взаимосвязи ответственности и прокрастинации личности в юношеском возрасте через волевые качества имеет практическую значимость для эффективной организации и психолого-педагогического сопровождения студентов данного возраста в рамках образовательного процесса. Изучена ответственность как явление, под которым понимается осуществляемый личностью в разных формах контроль деятельности с позиции выполнения ею принятых норм и правил. Исследована прокрастинация личности как процесс добровольного откладывания ею разных видов деятельности, несмотря на ожидаемые негативные последствия. При этом выявлена взаимосвязь показателей ответственности, прокрастинации и волевых качеств в период от раннего к позднему юношескому возрасту, которая усиливается, отличаясь на этих стадиях их силой и характером связей. Причем в раннем юношеском возрасте установлены значимые, сильные корреляционные связи показателя ответственности в настоящем времени с показателем волевых качеств личности (организованность), а в период позднего юношеского возраста — значимые корреляционные связи показателя ответственности с показателями волевых качеств (организованность, настойчивость), а также показателя ответственности с показателем прокрастинации и показателем волевого качества (настойчивость).

Ключевые слова: личность, ответственность, прокрастинация, воля, волевые качества, возраст, развитие, образование, активность, жизнедеятельность.

INTERCONNECTION BETWEEN PERSONALITY'S RESPONSIBILITY AND PROCRASTINATION IN EARLY AND LATE ADOLESCENCE

Elena A. Cherkevich

Omsk State Pedagogical University

Due to the digitalization of society and culture and the consequently accelerating pace of life, the modern man faces the need to solve many problems. Adolescents, as being persons at their formation stage, having become multi-tasking, cannot fully cope with the situation that has arisen due to the lack of self-regulation mechanisms, personal traits and qualities. This problem influenced the choice of the topic of our study. The study of the relationship between personality's responsibility and procrastination in adolescence through volitional qualities is of practical importance for the effective organization of the educational process and provision of psychological and pedagogical support for students of this age within the process. Responsibility is understood in the paper as the control performed by an individual in various forms of activity from the standpoint of the norms and rules accepted by this individual. We investigated

procrastination as a process of voluntary postponement of various activities by a person despite the expected negative consequences. There was revealed a relationship among the indicators of responsibility, procrastination and volitional qualities in the period from early to late adolescence, which intensifies and differs in the number of indicators, in the strength and nature of the relationship. For early adolescence, there were detected significant, strong correlations between the indicator of responsibility in present and the indicator of volitional qualities (self-discipline), while for the period of late adolescence we revealed significant correlations of the responsibility indicator with the indicators of volitional qualities (self-discipline, perseverance), as well as between the responsibility indicator with the procrastination indicator and the indicator of volitional quality (perseverance).

Keywords: personality, responsibility, procrastination, will, volitional qualities, age, development, education, activity, vital activity.

Введение

В настоящее время человек в обществе сталкивается, с одной стороны, с большим количеством социально-экономических и социально-культурных проблем и возникшими требованиями к нему, а с другой стороны, сам стремится соответствовать групповым ожиданиям, быть компетентным и успешным. От современного человека требуется максимальная активность, высокий профессионализм, универсальность и мобильность. При этом гражданское общество побуждает его быть ответственным за последствия жизнедеятельности и принимаемые им решения, а степень ответственности определяется социальными институтами. На каждого возложены моральная, экономическая, правовая ответственность, а невыполнение норм и соответствующих законов приводит к наказанию, что стимулирует личность прорабатывать внутренние формы контроля своей деятельности в процессе интериоризации и принимать социальные нормы, правила и ценности. В свою очередь, осознание человеком соотношения прав и обязанностей, своих действий и их последствий обеспечивается у большинства ответственностью личности, которая в большей степени обеспокоена сохранением хорошего впечатления о себе, старается избегать ситуаций, в которых может пострадать ее самооценка и самоотношение. Вследствие этого сама личность может откладывать решение задач, дел, ставить различные преграды на пути достижения целей, что, естественно, приводит к низкой успешности в деятельности, снижению самооценки, уверенности в себе. Все это проявляется в склонности личности к пассивности, лени при выполнении разных видов деятельности, к прокрастинированию.

Прокрастинирование затрагивает разные сферы жизнедеятельности человека: учебную, трудовую, социальную, бытовую. Большое значение имеет академическая прокрастинация, которая характерна в большей степени для студенчества и которой подвержены 75 % учащихся вузов. При этом почти 25 % опрошенных студентов в этих исследованиях признали прокрастинацию умеренной или даже тяжелой проблемой, а тенденцию откладывать отмечали как негативно влияющую не только на общее качество своей жизни, но и на учебный процесс.

Таким образом, возможность создания вузом условий для развития у студентов компетенций как результата высшего образования при реализации ФГОС ВО проблематизируется. Эти компетенции, являясь «интегральными личностными характеристиками, определяющими способность решать типичные профессиональные задачи, возникающие в реальных ситуациях профессиональной деятельности, с использованием знаний, профессионального и жизненного опыта, ценностей и наклонностей» [Компетентностный подход..., 2006], способствуют развитию ответственности, взрослению, самоопределению и способности действовать в различных ситуациях.

Необходимо отметить, что проблема ответственности раскрывалась не только в экзистенциальной и религиозной философии, политологии, истории, правоведении, социологии, но и в психологии, в рамках которой проявлялся интерес к изучению локуса контроля, причинности, атрибутики. При этом в отечественной психологии ответственность изучается с точки зрения разных направлений: социально-психологического (В.С. Агеев, Л.И. Грядунова, К. Муздыбаев, Л.А. Сухинская и др.), психолого-педагогического (Ж.Е. Завадская, К.А. Климова и др.), роле-

вого (С.Ф. Анисимов, А.И. Грядунова, А.Ф. Плехотный, Н.Д. Табунов и др.), структурного (В.П. Прядеин, Т.Н. Сидорова, А.Г. Спиркин и др.), а также в контексте жизнедеятельности личности (К.А. Абульханова-Славская, Л.И. Деметий, К. Муздыбаев, С.Л. Рубинштейн и др.) [Абульханова К.А., 1999; Агеев В.С., 1982; Деметий Л.И., 2004; Муздыбаев К., 1983; Прядеин В.П., 2001].

Стоит подчеркнуть, что анализ психологической литературы показал наличие разных трактовок данного явления, но, несмотря на это, под ответственностью нами понимается осуществляемый личностью в разных формах контроль над деятельностью с позиции выполнения ею принятых норм и правил, являющийся результатом личностного развития. Также остается недостаточно изученной связь данного явления с прокрастинацией личности и ее волевыми качествами, в том числе в период юности.

Проблема исследования прокрастинации первоначально находилась в сфере интересов зарубежных исследователей (Дж. Бурка, В. Кнаус, П. Рингенбах, А. Эллис, Л. Юэн и др.), в настоящее время достаточно много внимания уделяется академической прокрастинации (J.R Ferrari, T.P. Tibbett и др.). В отечественной психологии это явление изучалось интегрировано с волей, мотивацией, перфекционизмом (М.В. Бондаренко, Я.И. Варваричева, И.П. Ильин, Н.Н. Карловская, М.А. Киселева, В.С. Ковылин, Ю.А. Клейберг, А.Н. Неврюев и др.), с копинг-стратегиями и личностным самоопределением (Н.Н. Карловская, М.А. Киселева и др.) [Карловская Н.Н., Баранова Р.А., 2008; Киселева М.А., 2015; Киселева М.А. и др. 2014; Клейберг Ю.А., 2015; Ковылин В.С., 2013]. Прокрастинация определяется нами как процесс добровольного откладывания личностью разных видов деятельности, несмотря на ожидаемые негативные последствия.

Таким образом, психологический аспект проблемы исследования состоит в недостаточно изученной взаимосвязи ответственности и прокрастинации в юношеском возрасте.

Организация и методы исследования

Отмечается дефицит как экспериментальных исследований, так и теоретических разработок в изучении рассматриваемых феноменов, что может выступать в качестве обоснования необ-

ходимости проведения данного исследования и определения его проблемы — особенности взаимосвязи между ответственностью и прокрастинацией в юношеском возрасте. Целью статьи является представление результатов этого исследования.

Для решения поставленных задач в работе использовались теоретические и эмпирические методы исследования. Методом сбора эмпирических данных являлось тестирование. Методы математической статистики: r — коэффициент линейной корреляции Пирсона, t — критерий Стьюдента. В процессе исследования были использованы следующие методики: опросник «Ответственность раньше и сейчас» (В.П. Прядеин), шкала прокрастинации для студентов (С. Лей), методика самооценки лени (Д.А. Богданова, С.Т. Посохова), методика незаконченных предложений (Д.А. Богданова, С.Т. Посохова), методика А.С. Шарова «Волевые качества и проявление их признаков» [Посохова С.Т., 2011; Прядеин В.П., 2001; Шаров А.С., 2013; Lau С.Н., 1986]. Достоверность математических расчетов проверялась с помощью компьютерной программы SPSS, версия 13.0 для Windows.

Эмпирическое исследование ответственности и прокрастинации личности осуществлялось на примере юношеского возраста, поскольку данный возраст является сензитивным для формирования и развития ответственности, в этот период происходит становление самосознания, которое как раз и способно осуществлять все процессы, связанные с «само-»: самовоспитание, самоорганизацию. Именно в это время формируется сознательное отношение к своим переживаниям, потребностям и способностям, влечениям и мотивам поведения, а также происходит формирование и совершенствование личностных образований, таких как рефлексия, ответственность. Кроме того, в юношеском возрасте осуществляется совершенствование волевой регуляции, произвольности поведения.

Исследование было проведено на базе ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет». В исследовании принимали 60 студентов 1–3 курсов в возрасте 17–22 лет.

Результаты эмпирического исследования и их обсуждение

Эмпирическое исследование осуществлялось с применением опросника «Ответственность раньше и сейчас» В.П. Прядеина [Прядейн В.П., 2001]. По результатам данной методики можно сделать вывод о том, что среди испытуемых позднего юношеского возраста 43 % в прошлом считали себя ответственными людьми и в настоящее время продолжают считать себя таковыми. У остальных 57 % ответственность ситуативная. В группе респондентов раннего юношеского возраста оказалось 40 % студентов, которые в прошлом считали себя ответственными людьми, а в настоящий момент характеризуют себя так 60 % опрошенных. Таким образом, в целом для большинства респондентов раннего и позднего юношеского и юношеского возрастов характерен средний уровень ответственности (57 % и 60 %). Эти испытуемые деятельность выстраивают с позиции собственных интересов, ценностей и идеалов. Им не присуща гипертрофированная форма ответственности за деятельность других, они не склонны жертвовать своими интересами и мотивами в пользу других. Юноши, обладающие средним уровнем выраженности ответственности, имеют склонность и потребность контролировать деятельность значимых для них лиц, но их действия и форма ответственности не гипертрофированы и имеют определенные границы, они не занимаются чрезмерными «благотворительностью» и «самопожертвованием».

Испытуемые двух изучаемых возрастных групп не видят связи между своими действиями и значимыми жизненными событиями, не считают себя способными контролировать развитие этих событий. Эти юноши полагают, что большинство событий их жизни являются результатом случая или действий других людей. Некоторые испытуемые еще не готовы брать ответственность за свои поступки и поэтому склонны приписывать свои неудачи другим людям или считать их следствием собственного невезения. Такие люди полагаются на везение, судьбу, или просто перекладывают всю вину и ответственность на окружающих.

Для позднего юношеского возраста характерен высокий уровень ответственности (43 %), опрошенные считают, что все события (пози-

тивные, негативные) являются результатом только их собственных действий. Исследуемые юноши данного возрастного периода полагают, что могут полностью контролировать свою жизнь и управлять ею. Они берут на себя ответственность за собственную жизнь в целом, способны более адекватно дать оценку происходящему, готовы отвечать за некоторую часть значимых событий, происходящих в их жизни, считают себя справедливыми, независимыми, решительными, честными, способными и самостоятельными. Испытуемые убеждены, что все хорошее, происходящее с ними, зависит только от них самих, они очень целеустремленные и всегда добиваются успеха, они уверены, что все значимые события в их жизни и все, чего они добились, — результат их деятельности, усилий. Эти представители позднего юношеского возраста очень активны, имеют положительную самооценку, уверены в себе и отличаются терпимостью по отношению к другим людям.

Представителей раннего юношеского возраста, имеющих высокий уровень ответственности (40 %), можно охарактеризовать как надежных, но строящих свою жизненную позицию в соответствии с жесткими индивидуальными убеждениями и принципами.

Если анализировать различия между юношами обеих групп, то можно заметить, что респонденты позднего юношеского возраста обладают более высоким уровнем ответственности. Это является доказательством наличия изменений, происходящих в структуре личности студентов с первого по третий курс, т.е. во время перехода от раннего к позднему юношескому возрастам. Такие изменения обусловлены более зрелым отношением студентов к собственным действиям в различных жизненных ситуациях. Т.е. кто имеет высокий уровень ответственности, считают, что большинство значимых событий в их жизни являются результатом их деятельности. Подобных людей можно охарактеризовать как личностей с высокой склонностью к самоанализу, стремящихся доказать свою надежность и значимость.

Средний уровень выраженности ответственности присущ большинству юношей. Человек с таким уровнем ответственности стремится к самоутверждению и имеет потребность в принятии, но подобные черты у него проявлены адекватно и не гипертрофированы.

Таким образом, анализируя результаты исследования ответственности личности в обозначенных возрастах, можно отметить, что если для личностей раннего и позднего юношеских возрастов с высоким уровнем выраженности ответственности наиболее значимым является соблюдение общественных норм и правил, то юноши с низким уровнем выраженности ответственности чаще всего не придают большое значение общественным нормам и запретам, они могут их нарушить, если за этим последует не слишком суровое наказание. В свою очередь, молодые люди, обладающие средним уровнем ответственности, соблюдают общественный порядок, и их внутренние и внешние нормы, границы конгруэнтны и не противоречат друг другу. Однако если между внутренними и внешними границами возникает противоречие, то такие люди отдадут предпочтение именно внутренним нормативным детерминантам.

С помощью анализа полученных эмпирических данных и теоретической литературы была установлена необходимость изучения таких волевых качеств личности испытуемых, как настойчивость, инициативность, настойчивость, решительность, выдержка и самообладание, организованность, посредством применения методики А.С. Шарова «Волевые качества и проявление их признаков» для обоснования и обобщения изучаемых психологических феноменов [Шаров А.С., 2013]. Выраженность показателей волевых качеств юношей раннего и позднего юношеских возрастов приблизительно одинакова, что также было подтверждено при расчете *t*-критерия Стьюдента. В ходе исследования было выявлено, что у юношей обеих групп наблюдается тенденция к целеустремленности, выдержке и самообладанию. Эти юноши отличаются высоким уровнем самоконтроля, они подчиняют свои действия целям, которые необходимо достигнуть, мобилизуют силы для правильного определения нужных путей, средств, способов и приемов, используемых в своей деятельности, проявляют настойчивость в достижении поставленной цели, придавая дополнительный смысл действиям; они управляют собственными мыслями и чувствами, действиями и поступками. Это люди, которым свойственны хладнокровие, уравновешенность и последовательность.

По результатам данной методики видно, что у испытуемых раннего юношеского возраста в сравнении со студентами позднего юношеского возраста преобладает инициативность и настойчивость, которая позволяет им добиться поставленных целей, несмотря на возникающие трудности. Эти юноши отличаются быстротой мышления при осуществлении действий, направленных на достижение цели, отсутствием ориентации на помощь извне. Это объясняется тем, что студенты первого курса только поступили в учебное заведение, поставив перед собой новые цели, и проявляют инициативу, чтобы выявить и раскрыть собственные способности и реализовать возможности.

В меньшей степени развиты у юношей такие волевые качества, как решительность и организованность. Испытуемые не уверены в своих силах, недооценивают возможности и силы других людей и, как правило, сомневаются в успешном исходе дела, не умеют рационально планировать свой день. Для них характерно тщательное обдумывание цели своих действий, способов ее достижения, переживание сложной внутренней борьбы, столкновение мотивов. Эти респонденты не могут перейти от выбора средств к выполнению самих действий. Кроме того, они не способны разумно планировать и упорядочивать ход всей своей деятельности. Им необходимо научиться уходить от ненужных сомнений и колебаний и приступать к решительным действиям.

Для решения одной из задач была выявлена степень выраженности прокрастинации с помощью использования методики С. Лей «Шкала общей прокрастинации» [Lay С.Н., 1986]. Уровень выраженности прокрастинации в раннем юношеском возрасте намного выше, нежели в позднем. Так, высокий уровень прокрастинации присущ 96 % испытуемым раннего юношеского возраста и 47 % респондентам позднего юношеского возраста. Этим опрошенным отличает несформированность учебных навыков, неорганизованность. Прокрастинация является для них нормальным рабочим состоянием, в котором они проводят большую часть времени. Такие студенты откладывают все важное на потом, а когда оказывается, что все сроки уже прошли, либо просто отказываются от запланированного, либо пытаются сделать все отложенное за короткий промежуток вре-

мени. В результате дела не выполняются или выполняются некачественно, с опозданием и не в полном объеме, что приводит к соответствующим отрицательным эффектам в виде неприятностей в учебе.

Средний уровень выраженности прокрастинации характерен для 4 % испытуемых раннего юношеского возраста и 53 % испытуемых позднего юношеского возраста, которым свойствен переход от преимущественно реактивного поведения к действиям, соответствующим сознательно поставленным целям. Кроме того, эти юноши понимают важность возлагаемой на них ответственности, собственного поведения, знают некоторые конструктивные способы решения поставленных задач, но не могут их применить, перенести из когнитивного в поведенческий план.

Необходимо отметить, что низкий уровень прокрастинации не был выявлен ни в одной группе испытуемых, что объясняется тем, что с возрастом уровень прокрастинации снижается. Это связано с переоценкой ценностей человека, которая наблюдается к позднему юношескому возрасту, а также со сменой приоритетов. Такие явления обусловлены особенностями самосознания человека этого возраста, сформированностью его ценностно-смысловой сферы. Студенты раннего юношеского возраста еще не осмыслили значимость своего влияния на события жизни, не прошли стадию адаптации, не осознали серьезность происходящего с ними.

Для наиболее полного изучения прокрастинации личности в юношеском возрасте, которую часто ученые раскрывают через феномен лени, была использована методика самооценки лени Д.А. Богдановой и С.Т. Посоховой [Посохова С.Т., 2011]. В целом у юношей раннего и позднего возрастов преобладает средний уровень выраженности лени. Не были выявлены высокие показатели выраженности самооценки лени. Так, ни один испытуемый не считает себя очень трудолюбивым или ленивым человеком. Равное количество испытуемых обеих групп (по 17 %) относят себя к трудолюбивым людям, считают себя ответственными за выполнение порученных дел. Среди юношей раннего возраста 13 % проявляют трудолюбие не всегда и не в полной мере. В группе лиц позднего юношеского возраста таких людей оказалось гораздо больше — 30 %.

Большинству испытуемых (37 % раннего юношеского возраста и 30 % позднего юношеского возраста) свойственна средняя степень выраженности лени, они не относят себя ни к числу трудолюбивых, ни к числу ленивых людей. Вероятно, это зависит от значимости для них дела и ожидаемых от них действий. В ходе исследования было выявлено, что скорее ленивыми, нежели трудолюбивыми, считают себя 20 % испытуемых позднего юношеского возраста, к числу же ленивых в этой группе относят себя 3 %, а среди опрошенных раннего юношеского возраста 20 % считают себя скорее ленивыми, чем трудолюбивыми, к ленивым же людям отнесли себя 13 %.

Таким образом, можно сделать вывод, что большинство испытуемых не берут на себя ответственность за свою жизнь и не определяют себя конкретно как ленивых или же трудолюбивых людей, а выбирают нечто среднее. Это объясняется неустойчивостью личности. Вероятно, их уровень трудолюбия или лени будет возрастать в зависимости от степени важности дела, от интереса к делу, от настроения.

Кроме того, для полного исследования прокрастинации была применена методика незаконченных предложений Д.А. Богдановой и С.Т. Посоховой [Посохова С.Т., 2011]. Стоит отметить, что вне зависимости от возраста испытуемые заканчивали предложения одинаково. Таким образом, большинство опрошенных (82 % юношей) ленятся что-либо делать, потому что чувствуют усталость. Здесь они перечисляли и описывали особенности своего состояния после долгого учебного дня и больших интеллектуальных нагрузок, а остальные участники ссылались на отсутствие интереса, нежелание.

Было установлено, что 57 % опрошенных по возможности откладывают дела на потом и затем с новыми силами принимаются за них, 40 % вовсе не выполняют их, а оставшиеся 73 % предпочли бы отдохнуть, поспать или заняться более интересными делами. Испытуемые в ходе исследования указывали, что не могут сосредоточиться на работе, если они морально или физически устали, причем 22 % из них отмечали внешние отвлекающие факторы: громкие голоса вокруг, пристальное наблюдение, беспорядок, присутствие дома еще кого-то, а остальные писали, что у них просто отсут-

ствуется желание выполнять работу или же эта деятельность не доставляет им удовольствия. Кроме того, было зафиксировано, что все испытуемые юношеского возраста не любят выполнять скучные, неинтересные, монотонные дела. Большинство из них (87 %) намеренно откладывают такие дела на потом, ссылаясь на то, что нужно отдыхать, сохранять здоровье, снимать стресс, и лишь 13 % участников упорно борются с ленью. Большая часть опрошенных (77 %) считает, что лень является злом, грехом, остальные же (23 %) уверены, что она является их обычным, нормальным состоянием, при котором они чувствуют себя прекрасно, комфортно, расслабленно.

Таким образом, с помощью указанных методик лень изучалась с двух сторон: субъективной и объективной, т.е. сами студенты выражали свое отношение к собственной лени. Обоб-

щая результаты исследования прокрастинации в раннем и позднем юношеских возрастах, можно установить, что многие респонденты считают себя ленивыми людьми и при этом признают, что от данного явления им нужно избавляться. Вместе с тем, не считая лень положительной характеристикой личности, все испытуемые стремятся бороться с ней, но этому препятствуют некоторые факторы: усталость, утомленность, незаинтересованность, отсутствие мотивации и времени.

В нашем исследовании была определена взаимосвязь между показателями прокрастинации, ответственности и волевых качеств личности в раннем и позднем юношеских возрастах. Для установления корреляционных связей применялся параметрический коэффициент линейной корреляции г-Пирсона.

Матрица корреляции показателей ответственности, прокрастинации и волевых качеств личности в раннем и позднем юношеских возрастах

Correlation matrix of the indicators of personality's responsibility, procrastination and volitional qualities in early and late adolescence

Показатели	Возрастной период	Прокрастинация	Ответственность раньше	Ответственность сейчас
Целеустремленность	Ранний юношеский возраст	0,065	-0,136	0,015
	Поздний юношеский возраст	-0,173	-0,158	0,146
Инициативность	Ранний юношеский возраст	-0,020	0,022	0,022
	Поздний юношеский возраст	-0,254	0,199	0,141
Настойчивость	Ранний юношеский возраст	0,221	0,089	0,059
	Поздний юношеский возраст	0,350*	0,291	-0,048
Решительность	Ранний юношеский возраст	0,116	-0,293	-0,283
	Поздний юношеский возраст	-0,005	-0,304*	-0,105
Выдержка и самообладание	Ранний юношеский возраст	-0,133	-0,221	-0,193
	Поздний юношеский возраст	0,150	0,101	0,214
Организованность	Ранний юношеский возраст	0,126	0,109	0,345*
	Поздний юношеский возраст	-0,111	0,021	0,294*

Примечание: * — корреляция значима на уровне 0,05 ($p < 0,05$).

Note: * — correlation is significant at 0,05 ($p < 0,05$).

Как видно из таблицы, в период раннего юношеского возраста отсутствуют значимые связи показателей прокрастинации с показате-

лями ответственности и показателями волевых качеств личности, что, по нашему мнению, объясняется невыраженным и неустойчивым

характером сформированности данных явлений в этом возрастном периоде. Вместе с тем в период позднего юношеского возраста наиболее значимой является корреляционная связь показателя прокрастинации с одним показателем волевого качества личности — настойчивостью ($r = -0,350$, $p \leq 0,05$). Чем меньше респонденты позднего юношеского возраста проявляют настойчивость в выполнении дел, тем чаще откладывают дела на потом. Не прилагая усилий к преодолению внешних и внутренних препятствий при достижении поставленных задач, они переносят важные дела на определенный срок, не добиваясь поставленной цели, и, когда времени для окончания работы остается мало, переживают мобилизацию сил, отсутствие ощущения полной концентрации, что приводит к негативным последствиям. Кроме того, помимо внешних неприятных последствий, прокрастинаторы ощущают сильный эмоциональный дискомфорт: они становятся беспокойными, у них возрастает тревожность, возникает неуверенность в позитивном разрешении ситуации. При этом вместо выполнения необходимых задач они тратят свое время на бессмысленные и непродуктивные действия, что, вероятно, связано с тем, что им неинтересна данная деятельность, у них нет мотивации. Именно здесь им и нужно проявить настойчивость и побороть свою лень, ведь настойчивость выражается в умении успешно трудиться не только тогда, когда работа легка и интересна, но и тогда, когда она скучна и тяжела.

В раннем юношеском возрасте имеют место только значимые корреляционные связи показателей ответственности сейчас с показателями волевого качества личности организованности ($r = 0,345$, $p \leq 0,05$), это означает, что чем больше юноши и девушки чувствуют ответственность, возложенную на них, тем более требовательными к себе они являются, ведь ответственность за свое дело предполагает поиск оптимального способа его выполнения и выработку организованности, а организованность, в свою очередь, способствует успешному выполнению обязательств, стимулирует выработать эффективный план действий, помогает идти к достижению поставленной цели. Такой характер взаимосвязи был выявлен и в группе позднего юношеского возраста ($r = 0,294$ при $p \leq 0,05$). Была обнаружена обратная корреляционная

связь показателя ранней ответственности в позднем юношеском возрасте с показателями волевого качества личности — решительности ($r = -0,304$ при $p \leq 0,05$). Это говорит о том, что респонденты боятся браться за выполнение дела, не проявляют решительности, не способны самостоятельно и своевременно принимать ответственные решения и упорно реализовывать их в, поскольку ответственность за эти решения высока. Кроме того, были выявлены корреляционные связи показателей ранней ответственности с показателями волевого качества личности — настойчивостью в позднем юношеском возрасте ($r = -0,291$ при $p \leq 0,05$), а также корреляционная связь показателя ответственности с показателем волевого качества личности — организованностью ($r = 0,294$, $p \leq 0,05$).

Итак, обобщая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что личности раннего и позднего юношеских возрастов ответственны, выполняют все, что от них ожидают, не перекладывая обязанности на других, берут на себя инициативу и выполняют дела вовремя. У испытуемых позднего юношеского возраста не до конца сформирована настойчивость, они не умеют добиваться поставленной цели либо просто не заинтересованы в этом. Эти юноши не в полной мере решительны потому, что боятся возложенной на них ответственности, неуверенно идут к цели, у них не развито умение доводить до конца начатое дело, устраняя и преодолевая препятствия, будь то множество мелких или несколько крупных затруднений, невзирая на отдельные неудачи и поражения.

Выводы

Таким образом, в ходе работы были эмпирически выявлены и охарактеризованы результаты исследования ответственности и прокрастинации личности в раннем и позднем юношеском возрастах. Так, в ходе изучения феномена ответственности личности было обнаружено, что у испытуемых раннего юношеского возраста средний уровень ответственности встречается значительно чаще, чем у испытуемых позднего юношеского возраста, что объясняется тем, что в учебно-профессиональной подготовке возникают сложные ситуации, сопровождающиеся снижением интенсивности профессионально-личностного роста большинства студентов. В результате эмпирического исследования было

отмечено, что с возрастом уровень прокрастинации снижается, что связано с переоценкой человеком своих ценностей, с переосмыслением им значимости своего влияния на события жизни и осознанием серьезности происходящего. Во время перехода от раннего к позднему юношескому возрасту проявляется достаточно высокая настойчивость в достижении поставленной личностью цели, резко увеличивается ее способность к терпению, усиленно формируется моральный компонент воли, волевая активность приобретает характер целеустремленности.

В результате проведенного корреляционного анализа было установлено усиление и увеличение значимых корреляционных связей между показателями ответственности, прокрастинации и волевыми качествами личности в период от раннего к позднему юношескому возрасту. Было выявлено, что в раннем юношеском возрасте наблюдаются значимые сильные корреляционные связи показателя ответственности в настоящем времени с показателем волевого качества личности — организованностью. Это продиктовано тем, что чем больше юноши и девушки чувствуют ответственность, возложенную на них, тем они более требовательны к себе, ведь ответственность за свое дело предполагает поиск оптимального способа его выполнения и выработку организованности в делах, а организованность способствует успешному выполнению обязательств, стимулирует выработать эффективный план действий, помогает идти к достижению поставленной цели.

В период позднего юношеского возраста была отмечена значимая сильная корреляционная связь показателя ответственности с показателями волевых качеств личности — организованностью и настойчивостью. Выявленная отрицательная взаимосвязь между показателями ответственности и решительности в позднем юношеском возрасте говорит о том, что респонденты боятся братья за выполнение того или иного дела, не проявляют решительности, не способны самостоятельно и своевременно принимать ответственные решения и упорно реализовывать их. Юноши важные дела откладывают на определенный срок, не добиваясь своей цели, не пытаясь преодолеть внешние и внутренние препятствия при решении поставленных задач.

Кроме того, среди личностей позднего юношеского возраста оказалось больше испыты-

ваемых, относящих себя к числу трудолюбивых людей, и меньше тех, кто считал себя ленивым, чего не скажешь о представителях группы раннего юношеского возраста: среди этих студентов было гораздо меньше людей, считающих себя трудолюбивыми, и больше тех, кто характеризовал себя как ленивого человека. Это объясняется созданными условиями образовательного процесса в вузе, психолого-педагогическим и методическим сопровождением студентов. Результатом таких условий является то, что студенты старших курсов несут ответственность за выполнение возложенных на них дел, понимают, что от их трудолюбия и усердия зависит уровень успешности в процессе обучения в вузе. Все эмпирические данные можно учесть при разработке рабочих программ дисциплин и оценочных средств дисциплин и практик в соответствии с требованиями ФГОС ВО 3++ и профессиональным стандартом.

Список литературы

- Абульханова К.А.* Психология и сознание личности (проблемы методологии, теории и исследования реальной личности). М.: МОДЭК, 1999. 224 с.
- Агеев В.С.* Атрибуция ответственности за успех или неудачу группы в межгрупповом взаимодействии // Вопросы психологии. 1982. № 6. С. 101–106.
- Дементий Л.И.* К проблеме меры ответственности // Личность. Культура. Общество. 2004. Т. 6, № 3. С. 264–274.
- Карловская Н.Н., Баранова Р.А.* Взаимосвязь общей и академической прокрастинации и тревожности у студентов с разной академической успеваемостью // Психология в вузе. 2008. № 3. С. 38–49.
- Киселева М.А.* Особенности проявления прокрастинации личности // Роль прокрастинации в процессе самоопределения молодежи: сб. науч. статей. Саратов: Саратовский источник. 2015. С. 31–34.
- Киселева М.А., Карина О.В., Шустова Н.Е.* Проблема влияния прокрастинации на процесс самоопределения личности // Personality and social development: materials of the II International scientific conference (March 29–30 2014). Prague: Sociosféra-CZ, 2014. P. 22–27.
- Клейберг Ю.А.* Прокрастинация: девиантологический контекст проблемы // Роль прокрастинации в процессе самоопределения молодежи: сб.

науч. статей. Саратов: Саратовский источник, 2015. С. 34–40.

Ковылин В.С. Теоретические основы изучения феномена прокрастинации // *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*. 2013. № 2(2). С. 22–41.

Компетентностный подход в педагогическом образовании / под ред. В.А. Козырева, Н.Ф. Радионовой, А.П. Тряпицыной. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2006. 392 с.

Муздыбаев К. Психология ответственности. Л.: Наука, 1983. 240 с.

Посохова С.Т. Лень: психологическое содержание и проявления // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*. 2011. № 2. С. 159–166.

Прядеин В.П. Ответственность как системное качество личности: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2001. 209 с.

Шаров А.С. Психология культуры, образования и развития человека: учеб. пособие. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2013. 300 с.

Lay C.H. At last, my research article on procrastination // *Journal of Research in Personality*. 1986. Vol. 20, iss. 4. P. 474–495. DOI: [https://doi.org/10.1016/0092-6566\(86\)90127-3](https://doi.org/10.1016/0092-6566(86)90127-3)

Получено 23.04.2020

References

Abul'khanova, K.A. (1999). *Psikhologiya i soznanie lichnosti (problemy metodologii, teorii i issledovaniya real'noy lichnosti)* [Psychology and consciousness of the individual (problems of methodology, theory and research of a real person)]. Moscow: MODEK Publ., 224 p.

Ageev, V.S. (1982). *Atributsiya otvetstvennosti za uspek ili neudachu gruppy v mezhruppovom vzaimodeystvii* [Attribution of responsibility for the success or failure of a group in intergroup interaction]. *Voprosy psikhologii*. No. 6, pp. 101–106.

Dementiy, L.I. (2010). *K problemam mery otvetstvennosti* [To problems of a measure of responsibility]. *Lichnost'. Kul'tura. Obschestvo* [Person. Culture. Society]. Vol. 6, no. 3, pp. 264–274.

Karlovskaya, N.N. and Baranova, R.A. (2008). *Vzaimosvyaz' obshchey i akademicheskoy prokrastinatsii i trevozhnosti u studentov s raznoy akademicheskoy uspevayemost'yu* [The relationship of general and academic procrastination and anxiety in

students with different academic performance]. *Psikhologiya v vuze* [Psychology at the University]. No. 3, pp. 38–49.

Kiseleva, M.A. (2015). *Osobennosti proyavleniya prokrastinatsii lichnosti* [Features of the manifestation of personality procrastination]. *Rol' prokrastinatsii v protsesse samoopredeleniya molodezhi* [The role of procrastination in the process of youth self-determination]. Saratov: Saratovskiy Istochnik Publ., pp. 31–34.

Kiseleva, M.A., Karina, O.V. and Shustova, N.E. (2014). *Problema vliyaniya prokrastinatsii na protsess samoopredeleniya lichnosti* [The problem of the influence of procrastination on the process of self-determination of personality]. *Personality and social development: materials of the II International scientific conference (March 29–30 2014)*. Prague: Sociosféra-CZ, pp. 22–27.

Kleiberg, Yu.A. (2015). *Prokrastinatsiya: deviantologicheskij kontekst problemy* [Procrastination: the deviantological context of the problem]. *Rol' prokrastinatsii v protsesse samoopredeleniya molodezhi* [The role of procrastination in the process of youth self-determination]. Saratov: Saratovskiy Istochnik Publ., pp. 34–40.

Kovylin, V.S. (2013). *Teoreticheskiye osnovy izucheniya fenomena prokrastinatsii* [Theoretical foundations of the study of the phenomenon of procrastination]. *Lichnost' v menyayuschemsya mire: zdorov'e, adaptatsiya, razvitie* [Personality in a Changing World: Health, Adaptation, Development]. No. 2(2), pp. 22–41.

Kozyrev, V.A., Radionova, N.F. and Tryapitsyna, A.P. (eds.) (2006). *Kompetentnostnyy podkhod v pedagogicheskom obrazovanii* [Competency-based approach in teacher education]. Saint Petersburg: Herzen University Publ., 392 p.

Lay, C.H. (1986). At last, my research article on procrastination. *Journal of Research in Personality*. Vol. 20, iss. 4, pp. 474–495. DOI: [https://doi.org/10.1016/0092-6566\(86\)90127-3](https://doi.org/10.1016/0092-6566(86)90127-3)

Muzdybaev, K. (1983). *Psikhologiya otvetstvennosti* [Psychology of responsibility]. Leningrad: Nauka Publ., 240 p.

Posokhova, S.T. (2011). *Len', psikhologicheskoe sodержание i proyavleniya* [Sloth, psychological content and manifestations]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika* [Vestnik of St. Petersburg State University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy]. No. 2, pp. 159–166.

Pryadein, V.P. (2001). *Otvetstvennost' kak sistemnoe kachestvo lichnosti* [Responsibility as a systemic quality of personality]. Yekaterinburg: USPU Publ., 209 p.

Sharov, A.S. (2013). *Psikhologiya kul'tury, obrazovaniya i razvitiya cheloveka* [Psychology of

culture, education and human development]. Omsk: OmSPU Publ., 300 p.

Received 23.04.2020

Об авторе

Черкевич Елена Анатольевна

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры психологии

Омский государственный педагогический университет,
644099, Омск, наб. им. Тухачевского, 14;
e-mail: cherkevich_elena@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5859-4110>

About the author

Elena A. Cherkevich

Ph.D. in Psychology, Docent,
Associate Professor of the Department of Psychology

Omsk State Pedagogical University,
14, Tukhachevsky emb., Omsk, 644099, Russia;
e-mail: cherkevich_elena@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5859-4110>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Черкевич Е.А. Взаимосвязь ответственности и прокрастинации личности в раннем юношеском и позднем юношеском возрастах // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 2. С. 259–269. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-2-259-269

For citation:

Cherkevich E.A. [Interconnection between personality's responsibility and procrastination in early and late adolescence]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 2, pp. 259–269 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-2-259-269

УДК 159.9

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-2-270-280

ДВУХМЕРНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ МЕХАНИЗМОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ

Пилюгина Елена Радимовна

Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова

Предлагается авторская классификация механизмов психологической защиты, состоящая из 20 механизмов и представляющая собой двухмерную модель, поскольку механизмы имеют перекрестную взаимосвязь между 4 уровнями иерархии (психотическая, инфантильная, невротическая и адаптивная группы) и 5 типами преодоления фрустрации, являющихся основой образования и функционирования механизма защиты. Новизна заключается в идее о принадлежности каждого из 20 механизмов защиты к одному из 5 типов преодоления фрустрации — отвлекающий тип (механизмы регрессия, компульсивное поведение, компенсация, сублимация), тип «защита от вины» (механизмы ипохондрия, пассивная агрессия, реактивное образование, альтруизм), избегающий тип (механизмы вытеснение, отрицание, избегание, подавление), рационализирующий тип (механизмы диссоциация, замещение/перенос, рационализация, юмор) и контролирующий тип (механизмы изоляция, проекция, всемогущий контроль, предвосхищение). Дается описание механизмов защиты, приводятся примеры их проявления и перечисляются возможные причины их формирования. Приводятся аргументы в пользу принадлежности механизмов защиты к перечисленным группам и типам. Данная классификация предлагается в качестве удобного диагностического инструмента в практике психолога-консультанта, поскольку имеет оптимальное количество механизмов защиты, достаточно четкие критерии их определения, их местонахождения в структуре психологической защиты и основы их функционирования. Статья также содержит обзор существующих на данный момент классификаций защитных механизмов, озвучивает проблемы, касающиеся идентификации и упорядочения механизмов защиты, такие, как тонкость семантической разницы и размытость границ между механизмами защиты, разночтение в терминологии из-за сложностей перевода с иностранных языков, различие в подходах к определению иерархии механизмов защиты.

Ключевые слова: психологическая защита, механизмы защиты, классификация механизмов защиты, глоссарий защит.

TWO-DIMENSIONAL CLASSIFICATION OF PSYCHOLOGICAL DEFENSE MECHANISMS

Elena R. Pilyugina

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov

The paper proposes the author's classification of psychological defense mechanisms, consisting of 20 mechanisms and representing a two-dimensional model. The idea of this model is that these mechanisms have a cross-relationship between 4 levels of the hierarchy (psychotic, infantile, neurotic, and adaptive groups) and 5 types of overcoming frustration which are the basis for the formation and functioning of the defense mechanism. The novelty of the article is the idea that each of the 20 defense mechanisms belongs to one of the 5 types of overcoming frustration — distracting type (mechanisms of regression, action out, compensation, sublimation), «guilty» type (mechanisms of hypochondria, passive-aggressive behavior, reactive formation, altruism), avoiding type (mechanisms of repression, denial, avoidance, suppression),

rationalizing type (mechanisms of dissociation, displacement/transfer, rationalization, humor), controlling type (mechanisms of isolation, projection, omnipotence, anticipation). The paper provides description of the defense mechanisms, examples of their manifestation, and possible reasons for their formation. The substantiation of the defense mechanisms' belonging to the particular groups and types of classification is given. The classification is proposed as a convenient diagnostic tool for counseling psychologists, because it has an optimal number of defense mechanisms, fairly clear criteria for their determination, their location in the structure of psychological defense and the basis for their functioning. The article also provides an overview of current classifications of defense mechanisms and voices problems related to the identification and streamlining of defense mechanisms. These problems are the subtlety of semantic difference and blurring of borders between defense mechanisms, different interpretations in terminology due to difficulties in translation from foreign languages, differences in approaches to hierarchy of defense mechanisms.

Keywords: psychological defense, defense mechanisms, classification of defense mechanisms, glossary of defense.

Введение

Упорядочение фактов в области изучения механизмов психологической защиты уже более столетия представляет собой непростую задачу. Как выразился об этом Ф.Е. Василюк, «атмосфера вокруг этой проблемы пронизана разочарованием» [Василюк Ф.Е., 1984, с. 76]. Причиной тому является глубинность и многомерность самого объекта. Сложность в определении этих механизмов дополнительно усугубляется различием терминологии в переводе с иностранных языков. Какие-то механизмы имеют весьма тонкие различия, хотя по своей сути они довольно похожи. Например, N. McWilliams в своей классификации разводит понятия «диссоциация» (extreme dissociation) как множественная личность, «расщепление Эго» (splitting of the Ego) как разделение окружающего мира на положительные и отрицательные валентности, восприятие только крайностей и «компарментализацию» (compartmentalization) как «раздельное мышление», допускающее одновременное сосуществование двух несовместимых мысленных установок [McWilliams N., 2011]. При этом у Р.М. Грановской есть термин «отчуждение» [Грановская Р.М., 2007], отстраняющий «Я» от той части личности, которая провоцирует непереносимые переживания, что аналогично «диссоциации» N. McWilliams: «...диссоциирующий отключается от страдания, страха, паники и уверенности в надвигающейся смерти» [McWilliams N., 2011, p. 119]. Е.С. Романова использует термин «изоляция», включающий в себя дистанцирование, дереализацию и деперсонализацию, которые индивид описывает как ощущение, будто все события происходят во сне

или с кем-то другим [Романова Е., Гребенников Л., 1996], что, судя по определению, соответствует «отчуждению» Р.М. Грановской и «диссоциации» N. McWilliams.

При этом нередки случаи, когда, наоборот, несколько механизмов объединяются в один, как, например, «реверсия» (reversal) в работе N. McWilliams. Этот механизм, исходя из его описания, содержит характерные особенности «замещения» (displacement) (переключение отношения с субъекта на объект и наоборот), «альтруизма» (altruism) («...если некто чувствует, что желание испытывать заботу со стороны других является постыдным или содержит угрозу, он может жертвенно удовлетворить свою потребность в зависимости, проявляя заботу о другом» [McWilliams N., 2011, p. 135]) и «проекции» (projection) (когда пациент психологически меняется ролями с терапевтом). Таким образом, невозможно отрицать тонкость семантической разницы и размытость границы между механизмами защиты.

Также причиной расхождений в классификациях авторов является вопрос иерархии механизмов. В целом иерархичность механизмов признают многие исследователи, но их иерархии указываются не только как двухуровневые, различающиеся по принципу первичности/вторичности [McWilliams N., 2011], конструктивности/деструктивности [Долгова В., Кондратьева О., 2014], но и как трехуровневые — низшие/промежуточные/высшие [Поройков С., 2016], четырехуровневые [Bond M., 1992; Meissner W.W., 1980; Perry J.C., 1990; Vailant G.E., 1971], которые представляются более точными, поскольку выводят механизмы на бо-

лее тонкие уровни функционирования. Есть еще классификация А. Jacobson, которая разделяет защиты на 5 групп по степени выраженности [Jacobson A, et al., 1992].

Кроме этого, сами механизмы относятся авторами к различным, иногда даже противоположным уровням иерархии. Например, в двухуровневой классификации у N. McWilliams [McWilliams N., 2011] механизм регрессии относится к группе защит высшего порядка, а у R. Plutchik [Plutchik R. et al., 1979], напротив, считается наиболее примитивным.

Количество механизмов, указываемых авторами, также сильно различается. Например, F. Cramer делает акцент в исследованиях всего на 3 основных механизмах защиты: отрицание, проекция, идентификация [Cramer F., 2008, 2015]. Также методика В.В. Бойко исследует 3 доминирующих стратегии защиты: миролюбие, избегание, агрессия [Методика диагностики..., 2011]. Е. Fromm называет 4 механизма защиты: садизм, мазохизм, конформизм, деструктивизм [Fromm E., 1994]. Методика «Индекс жизненного стиля» (LSI) R. Plutchik содержит 8 механизмов [Plutchik R. et al., 1979], шкала А. Jacobson — 12 механизмов [Jacobson A. et al., 1992]. Р.М. Грановская называет 16 механизмов, в том числе 11 взрослых и 5 детских [Грановская Р.М., 2010]. Эго-шкала G. Vaillant включает 18 механизмов [Vaillant G., 1992]. Опросник M. Bond содержит 22 механизма [Bond M., 1992]. Шкала DMRS J. Perry [Perry J., 1990] и классификация N. McWilliams [McWilliams N., 2011] охватывает по 27 механизмов. Глоссарий W. Meissner имеет в своем составе 30 механизмов [Meissner W.W., 1980]. Л.И. Вассерман называет 34 механизма, включая достаточно редко встречаемые, такие как заговаривание и инсценирование реакции [Вассерман Л.И. и др., 2005]. Л.Ю. Субботина предлагает классификацию из 14 базовых и 35 производных защитных механизмов [Субботина Л.Ю., 2013]. Систематизация психологических защит на основе философско-методологического подхода С.Ю. Поройкова содержит уже 52 механизма, которые подразделяются в зависимости от 7 типов потребностей на статусные, гностические, организующие, гедонистические, консолидирующие, коммуникативные и творческие [Поройков С.Ю., 2016].

Мы не ставили своей целью найти исчерпывающее количество защитных механизмов, поскольку эта задача практически невыполнима. Основной проблемой, на решение которой направлена статья, являлось создание классификации, которая позволила бы охватить наиболее часто встречаемые механизмы, не допуская редуцирования, но при этом не загромождая саму классификацию мало различающимися либо редко встречаемыми защитами, с целью получения оптимального инструмента для выявления механизмов защиты и общей оценки психологической защиты в психологической практике. Кроме этого, одна из ее задач заключалась в ассимиляции опыта зарубежных коллег в российскую психологию, поскольку подавляющее большинство русскоязычных исследований в настоящее время строится на классификации LSI R. Plutchik, выявляющей всего 8 механизмов защиты [Plutchik R. et al., 1979].

Результаты

Двухмерная модель классификации механизмов психологической защиты (табл. 1) включает 20 механизмов защиты и построена на четырехуровневой иерархии (психотическая, инфантильная, невротическая и адаптивная группы) и 5 типах преодоления фрустрации (отвлекающийся, «защита от вины», избегающий, рационализирующий, контролирующий).

1. Четырехуровневая иерархия

Иерархия двухмерной классификации аналогична эго-шкале защитных механизмов G. Vaillant [Vaillant G.E., 1971], т.е. включает 4 группы механизмов. В первую группу входят *психотические механизмы* (psychotic mechanisms) — самые глубокие, работающие на уровне психофизиологии, функционированию которых в большей степени свойственно бессознательное протекание процессов. Личностям, которые используют эти механизмы, присуще игнорирование или забывание событий, уход в мир фантазий, расщепление сознания, отреагирование на телесном уровне (моторная стимуляция, психосоматические заболевания). Данная группа механизмов оказывает наиболее деструктивное влияние на личность и ухудшает ее социальную адаптацию.

Двухмерная классификация механизмов психологической защиты

Two-dimensional classification of psychological defense mechanisms

Тип преодоления фрустрации	Психотические механизмы	Инфантильные механизмы	Невротические механизмы	Адаптивные механизмы
Отвлекающийся	Регрессия	Компульсивное поведение	Компенсация	Сублимация
Защита от вины	Ипохондрия	Пассивная агрессия	Реактивное образование	Альтруизм
Избегающий	Вытеснение	Отрицание	Избегание	Подавление
Рационализирующий	Диссоциация	Замещение Перенос	Рационализация	Юмор
Контролирующий	Изоляция	Проекция	Всемогущий контроль	Предвосхищение

Далее следует группа *инфантильных* механизмов (*immature mechanisms*), функционирующих на уровне эмоций и обусловленных эмоциональным инфантилизмом. Лицам, использующим данные механизмы защиты, свойственно стремление снять напряжение, возникшее из-за какой-либо ситуации, здесь и сейчас любым доступным способом и перекладывание ответственности на окружающих. Можно сказать, что подобные личности слишком поддаются своим эмоциям. Страх, обида, гнев и другие подобные эмоции слишком болезненны для них, и под влиянием этого острого, болезненного восприятия, такие люди реагируют на ситуацию достаточно деструктивным и неадекватным ей образом.

В третью по степени адаптивности группу *невротических* защит (*neurotic mechanisms*) включены механизмы, работающие на когнитивном уровне и тесно связанные с самооценкой личности. Тем, кто использует данные механизмы, свойственно болезненное восприятие собственных неудач и ошибок, их самооценка легко смещается из одной крайней позиции в другую в зависимости от внешних факторов. Несмотря на то что им присуще обостренное желание успешности, их неадекватная самооценка часто не позволяет им проявлять себя оптимальным образом.

Высший уровень иерархии представляют *адаптивные* механизмы защиты (*mature mechanisms*), которые не только позволяют личности более успешно психологически адаптироваться, но и оказывают благотворное влияние на ее жизнь и одобряются социумом. В работе данных механизмов большую роль играет воля и самоконтроль личности, они контролируются рефлексией и имеют высокую степень адекват-

ности, т.е. соответствуют сложившейся ситуации, а также нормам и правилам, установленным обществом.

2. Пять типов преодоления фрустрации и присущих им механизмов защиты четырех уровней иерархии

Отвлекающийся тип преодоления фрустрации: регрессия – компульсивное поведение – компенсация – сублимация

Основа данных механизмов — это перенаправление энергии с фрустрирующего фактора на некие отвлекающие действия, дающие ощущение безопасности, покоя и решения проблемы.

На психотическом уровне это *регрессия* (*regression*). Выделяются 2 разновидности психической регрессии: онтогенетическую (ретрогрессивную) как возврат к формам поведения, присущим более ранним возрастным этапам человека, таким как плаксивость, повторяющиеся монотонные движения и оральная стимуляция, характерным для младенческого и детского периода (покачивание ногой, головой, онихофагия, сосание карандашей и т.п.), и филогенетическую (примитивизация) как более примитивную форму физической активности, присущую нашим далеким предкам (бросание в драку, разрушение предметов, вспышки неконтролируемой ярости и тому подобное деструктивное поведение) [Тунник Е.Е., 2010]. Этот механизм отнесен к психотическому уровню, поскольку отвлекающими действиями в данном случае являются самые примитивные формы моторной стимуляции и двигательной активности.

На инфантильном уровне это *компульсивное поведение* (от англ. acting out — отыгрывание). В данном случае отвлекающими действиями яв-

ляются чуть более сложные формы внешней стимуляции, такие как азартные и компьютерные игры, шопоголизм, пищевая и наркотическая зависимость, эмоциональная зависимость от партнера, от социальных сетей, т.е. это любые виды зависимости, позволяющие быстро и любой ценой притупить чувство тревоги. Это действия, которые создают короткое по времени эмоциональное возбуждение или расслабление, но за которыми следует более длительный дискомфорт. Механизм отнесен к инфантильной группе, поскольку именно эмоциональный инфантилизм является причиной ухода от проблемы путем подобных неконструктивных действий, которые в целом эффективны в плане снижения тревоги, но их эффект является быстропроходящим и часто приносит с собой дополнительные проблемы.

На невротическом уровне это механизм *компенсации* (compensation), позволяющий отвлекаться от тревоги из-за мнимых или реальных недостатков с помощью неких статусных достижений: материальных приобретений, развития внешних данных и всего того, что повышает уровень успешности в обществе. Самооценка данных индивидов очень зависит от внешних факторов и легко колеблется по шкале от комплекса неполноценности до мании величия. Классический пример проявления этого механизма — когда человек, страдая комплексом невысокого роста, приобретает большой автомобиль. Формирование данного механизма у индивида, скорее всего, происходило в амбициозной, высоко конкурентной среде, в которой важнейшими факторами признания значимыми лицами являлись высокий результат, победа и т.п. Механизм отнесен к невротической группе, поскольку тесно связан с самооценкой личности и проблема фрустрации решается на когнитивном уровне.

На адаптивном уровне это *сублимация* (sublimation) — перевод энергии сексуальности и агрессии в социально одобряемое и конструктивное русло: в творческую, спортивную, научную и другую социально полезную деятельность. В качестве отвлекающих действий выступают такие цели и достижения, которые требуют от личности подключения и развития множества ресурсов, включая моральные, интеллектуальные, физические, творческие (силу воли, самоконтроль, креативное мышление и т.п.), в результате чего удовлетворение ин-

стинктов человека имеет больше духовную направленность, чем физиологическую, и приобретает для него экзистенциальное значение. Кроме того, такая деятельность играет роль в повышении культурного уровня человечества. В связи с этим многие исследователи относят механизм сублимации к высшему уровню иерархии психологической защиты.

Тип преодоления фрустрации «защита от вины»: ипохондрия – пассивная агрессия – реактивное образование – альтруизм

Объединяет данную группу защит повышенное чувство вины у индивидов. К таким индивидам относятся те, кому воспитательной средой транслировалось и внушалось чрезмерное чувство долга, ответственности. Уровень сложности данных механизмов защиты также варьируется: от психотического до адаптивного.

На психотическом это *ипохондрия* (hypochondria) — уход в болезнь, чувство вины субъективно оправдывается невозможностью исполнять долг из-за заболевания. Формирование данного механизма берет начало из детско-родительских взаимоотношений, когда болезнь ребенка помогла ему получить внимание и заботу от значимых близких и/или дала «индугенцию» от совершенных проступков. Механизм отнесен к психотической группе, поскольку данная защита базируется на психофизиологическом уровне, на уровне психосоматики.

На инфантильном уровне это *пассивная агрессия* (passive-aggressive behavior) — попытка переложить чувство вины и ответственности на окружающих. Проявляется в намеренном промедлении, саботаже либо в навязчивой заботе, которая больше мешает, чем помогает. Также это провокационное поведение для привлечения всеобщего внимания, выставление себя в роли козла отпущения, создание садомазохистских отношений. Индивид проявляет раздражительность и упрямство, утверждает, что окружающие предъявляют к нему повышенные требования, не исполняет обязательства, ссылаясь на внешние обстоятельства, считает, что делает работу намного лучше, чем она оценивается другими, создает препятствия для действий других людей, а также презирает или критикует начальство и тех, кто имеет власть. Предположительно, данный механизм активизируется в случае патологической фиксации на конфликте между чув-

ством долга и нежеланием исполнять этот долг. Механизм отнесен к инфантильной группе, поскольку базируется на эмоционально незрелых формах отреагирования.

На невротическом уровне это *реактивное образование* (reaction formation), когда чувство долга и ответственности тщательно демонстрируется, маскируя глубинное чувство вины за истинные желания. Таким образом индивид внешне выражает нечто противоположное своим глубинным потребностям. Например, это чрезмерное выражение любви и заботы старшим ребенком о младшем, притом что внутри он испытывает к нему ревность и зависть из-за недостатка внимания родителей. Проявление этого механизма выражается в демонстративной доброжелательности к ненавистному или опасному объекту, когда нет возможности избежать контакта. Формирование данного механизма, вероятнее всего, происходит в детстве под влиянием образцов, транслируемых значимым окружением. Когда родитель, сам используя такой механизм защиты, подвергает чрезмерной критике и осуждению любое отклонение от социально одобряемых норм поведения, то ребенок, испытывая чувство вины за собственные инстинктивные желания, сперва использует данный механизм для того, чтобы не подвергнуться критике и осуждению социумом, а позднее, чтобы избавить себя от своего собственного осуждения.

На адаптивном уровне это *альтруизм* (altruism), позволяющий нивелировать чувство вины реальными социально значимыми поступками. Данный механизм многими исследователями относится к группе зрелых адаптивных механизмов, поскольку имеет высокий уровень адекватности, хорошо повышает самооценку, способствует росту осознанности поведения, он социально одобряем. Тем не менее зачастую формированию данного механизма способствуют драматические детские переживания, когда своим существованием ребенок создал родителям или другим значимым родственникам проблемы по какой-либо причине, например, в семье не было готовности или желания иметь этого ребенка, не желаемый пол, либо болезненность ребенка и т.п. И ему прощалось его присутствие только тогда, когда ему удавалось быть полезным своему значимому окружению. Это глубинное чувство вины за свою «навязанность» ребенок привыкает компенсировать благими по-

ступками и переносит подобную схему в свою взрослую жизнь.

Избегающий тип преодоления фрустрации: вытеснение – отрицание – избегание – подавление

Основа этой группы механизмов — субъективное аннулирование тревожащих факторов на различных по сложности уровнях психики.

На психотическом уровне это *вытеснение* (repression) — полное удаление из сознания травмирующих факторов. Вытесняя травмирующий опыт или негативную информацию в подсознание, индивид оберегает свою психику от боли, страха и страданий. Тем не менее вытесненные из сознания неприятные моменты латентно влияют на его душевное состояние и поведение, он становится тревожным, осторожным и замкнутым. Иногда вытесненная информация всплывает на уровень сознания, но чаще всего она проявляется в виде оговорок, неприятных сновидений, а также необъяснимых негативных ощущений, фобий от внешне безобидных предметов, образов, звуков, запахов, которые как-то связаны с вытесненным переживанием. Механизм отнесен к психотическому уровню, поскольку функционирует на самом глубинном уровне психики, до подключения эмоциональных и когнитивных структур. Формирование этого механизма предположительно обусловлено острыми травмирующими событиями, которые некогда подвергли опасности само существование индивида и подорвали его базовое доверие к окружающей среде.

На инфантильном уровне это механизм *отрицания* (denial), при котором факторы тревоги осознаются, но опасность их отвергается. Например, среди индивидов, использующих данный механизм, встречаются люди, которые отказываются проходить медосмотр, несмотря на имеющиеся у них симптомы болезни; лица с алкогольной зависимостью, отрицающие наличие проблем с алкоголем; матери, игнорирующие свидетельства о сексуальных домогательствах к их дочерям; пожилые люди, не отказывающиеся от вождения машины, несмотря на явное ослабление способностей к этому, и т.п. Окружающие часто воспринимают этих личностей как легкомысленных и беспечных людей. Механизм отнесен к инфантильной группе, поскольку основой его функционирования является психическая незрелость в подходе к реше-

нию проблемы. Предположительно, закрепление механизма происходило в случаях, когда игнорирование проблемы вместо ее решения приводило к благополучному исходу.

На невротическом уровне это механизм *избегания* (avoidance) — уход от ситуаций, несущих потенциальную угрозу самооценке. Данный механизм описывает случай А. Freud: она рисовала со своим маленьким пациентом, и мальчик, как только увидел, что она рисует лучше, отказался рисовать [Freud A., 1992]. Таким личностям свойственно слишком болезненное восприятие поражения, страх совершить ошибку, оказаться не на высоте. Они старательно избегают конкуренции в тех случаях, когда не имеют гарантии победы, и отказываются от инициативы всякий раз, когда не уверены в своем решении. Если такой человек не может быть в какой-то деятельности лучшим, то он откажется от этой деятельности, лишь бы не подвергать ударам свою самооценку, наблюдая за более успешными конкурентами. Формирование этого механизма предположительно обусловлено атмосферой повышенной критичности и саркастичности со стороны значимых родственников.

На адаптивном уровне это *подавление* (suppression) — временное мысленное аннулирование ситуации до наступления наиболее благоприятного момента разрешения конфликта. Человек при помощи силы воли откладывает осознание неприятности до того момента, когда он будет психологически готов встретиться лицом к лицу с этим фактом. Классический пример данного механизма приводит G. Vaillant: в книге Маргарет Митчелл «Унесенные ветром» Скарлетт О'Хара в ситуации фрустрации говорит себе: «Я подумаю об этом завтра» [Vaillant G.E., 1992]. Многими исследователями этот механизм отнесен к высшему адаптивному уровню, поскольку он включает в себя контроль эмоций, силу воли, умение расставлять приоритеты, правильно оценивать и использовать свои психические ресурсы.

Рационализирующий тип преодоления фрустрации: диссоциация – замещение/перенос – рационализация – юмор

Основа данных механизмов — это своеобразные игры разума (от лат. ratio — разум), когда для преодоления фрустрации включаются ресурсы

мозга различного уровня: от глубинного психотического до высшего уровня самоконтроля.

На психотическом уровне это механизм *диссоциации* (dissociation), которая позволяет мозгу перескочить в «другое измерение» благодаря временному расщеплению сознания, при этом определенный набор действий, мыслей, отношений или эмоций становится отделенным от остальной части личности человека и функционирует независимо [Reber A.S., Gullickson T., 1996]. Этот механизм свойствен людям, получившим глубинные психотравмы и потерявшим доверие к окружающему миру. Механизм проявляется в том, что люди склонны реагировать на обычный стресс как на опасность для жизни, впадая в амнезию или становясь совершенно другими. Они описывают диссоциированное состояние фразами «как будто это происходило не со мной», «я будто смотрел на себя со стороны». «Диссоциированная» позиция защищает от избыточных, непереносимых эмоций. Поскольку диссоциация функционирует на глубинном уровне психофизиологии, не допуская выхода травмирующего события на уровень эмоционального отреагирования, то данный механизм отнесен к психотическому уровню.

На инфантильном уровне используются механизмы *замещения* (displacement) и *переноса* (transfer), когда субъект заранее предусматривает опасность отреагирования на значимый объект и использует для выражения своих чувств и эмоций менее значимый или «безобидный» объект. В данном случае эти механизмы объединены, поскольку суть их действия одна — это перемещение чувств с реального объекта, которому они и были изначально адресованы, на объект-заместитель. Различие между ними заключается в том, что в качестве реального объекта в случае *замещения* обычно выступает эмоционально значимый в настоящее время человек (начальник, супруг-тиран либо любое другое лицо, непосредственно нанесшее индивиду травму), а в случае *переноса* реальный объект — это обычно значимый объект прошлого периода, отношение к которому не изжило себя в свое время и теперь воспроизводится в отношениях с новым партнером. С точки зрения психоанализа замещение воздействует на энергии танатоса, т.е. это перемещение чувства страха и ненависти, а перенос — на энергии либидо, т.е. является перемещением чувства любви. Действие механизма выражается в неожиданном и неадек-

ватном ситуации поведении, например, в выплеске агрессии на невинный объект или, наоборот, в выражении привязанности, не соответствующей данным отношениям. Классический пример такой защиты — когда человек, на которого накричало начальство, выплескивает гнев в семье или на своих подчиненных. Или также частый случай переноса — когда нерешенные проблемы из детско-родительских отношений человек переносит на партнера, с которым находится в отношениях. Механизмы отнесены к инфантильной группе, поскольку присущи индивидам, занимающим в отношениях эмоционально незрелую, подчиненную позицию, и функционируют на уровне эмоционального отреагирования.

На невротическом уровне это *рационализация* (rationalization), при которой ресурсы интеллекта используются для искажения информации и нахождения самооправдания с целью поддержания самооценки. Обычно этот механизм использует индивид, к поведению которого с детства предъявляли повышенные требования, от которого ожидали высоких результатов во всех сферах деятельности. Например, отличная учеба в семье такого индивида считалась не предметом для поощрения, а только нормой, зато малейшие неудачи фиксировались и подвергались критике и осуждению значимыми для человека лицами. Это люди с так называемым комплексом отличника, которые привыкли предъявлять к себе высокие требования, и для них является слишком болезненным осознание того, что они поступили глупо, недальновидно, не решили поставленную задачу, решили ее хуже остальных или не проявили необходимых качеств для достижения цели. Этот механизм отнесен к невротической группе, поскольку работает на когнитивном уровне и тесно связан с самооценкой личности.

На адаптивном уровне это *юмор* (humor), суть которого заключается в попытке разума преобразовать негативное восприятие ситуации в позитивное, что позволяет не уходить от конфликта, а использовать его положительные моменты. Данный механизм многими исследователями относится к группе высших адаптивных механизмов, тем не менее его формирование часто происходит в достаточно драматичных условиях онтогенеза. Например, если ребенок растет в травмирующей семье: в семье алкоголиков, тиранов и дебоширов и т.п., там, где нет спокойствия и безопасности, гарантирующих

ему психическое здоровье, духовный рост и возможность быть самим собой [Москаленко В., 2014]. Такой «ребенок-талисман» с детства привыкает чувствовать ответственность за психологическое состояние окружающих, поскольку именно он выполняет роль регулятора климата в семье. Его функция — улыбаться, шутить, развлекать и этим отвлекать людей от агрессии и негатива. Юмор — это способ выжить в трудных обстоятельствах, преобразуя фрустрирующую ситуацию в забавную и неопасную.

Контролирующий тип преодоления фрустрации: изоляция – проекция – всемогущий контроль – предвосхищение

В данную группу входят индивиды с глубокой потребностью контролировать любую ситуацию. Уровень адаптивности этих механизмов зависит от степени способности отдельного индивида к контролю над ситуацией, а также от того, насколько ситуация в принципе контролируема.

На низшем психотическом уровне это *изоляция* (isolation), которая запускается тогда, когда индивид, обладающий высоким уровнем потребности в контроле происходящего, не может управлять ситуацией и когда она не зависит от него. В этом случае он использует бесчувственность и игнорирование для того, чтобы не «подпустить» ситуацию слишком близко к себе, в свою эмоциональную сферу. S. Freud считал, что индивид ставит себя в активное положение вместо пассивного, когда инсценирует собственное исчезновение в ответ на травмирующее событие [Freud S., 2000]. Внешне механизм проявляется как уход в себя, отключение от внешнего мира, утрата эмоционального интереса к реальным впечатлениям, перенос эмоций на воображаемые события. Данный механизм свойствен личностям шизоидного, аутичного типа. Он отнесен к психотической группе, поскольку его функционирование осуществляется на доэмоциональном уровне отреагирования.

На инфантильном уровне это механизм *проекции* (projection), который позволяет индивиду приписывать собственные теньевые содержания (неприемлемые чувства, желания, мотивы, идеи и т.п.) окружающим людям. Следствием этого является чрезмерная критика, осуждение, предубежденность, гипертрофированная бдительность, подозрительность и контроль тех, кто «обладает» подобными качествами и этим

«нарушает» его права, хотя объект, на который направлена проекция, может не иметь ничего общего с тем, что на него спроецировано. Например, муж, проецируя на жену свое желание иметь связь с другими женщинами, обвиняет ее в несуществующих изменах. Эгоцентрированные личности обычно считают эгоистами всех окружающих, скупые обвиняют окружающих в скупости, те, кто мечтает о всеобщем внимании, считают окружающих выскочками и т.д. Механизм отнесен к инфантильной группе, поскольку его функционирование осуществляется на эмоциональном уровне и связано с эмоциональной незрелостью и перенесением собственной ответственности на окружающих.

На невротическом уровне это механизм *всемогущего контроля* (omnipotence). Индивиды, применяющие этот механизм, предпринимают попытки управлять ситуацией, используя реальную или мнимую власть и манипуляции, искренне считая это собственной прерогативой и игнорируя при этом мнение и интересы окружающих. Механизм основывается на бессознательной убежденности человека в том, что он способен и должен управлять всеми происходящими событиями. Такие индивиды очень нетерпимы к критике и советам, поскольку считают только себя компетентными судить свои действия и принимать решения. Для них типичны такие фразы, как «делай, как я тебе говорю», «здесь я решаю, что делать» и т.д. Механизм отнесен к невротической группе, поскольку его функционирование тесно связано с самооценкой и самоутверждением и осуществляется на когнитивном уровне. Формирование механизма объясняется J. Piaget [Piaget J., 1977] закреплением в детской психике эгоцентризма, заключающегося в восприятии себя центром вселенной, причиной и следствием всего происходящего в мире.

На зрелом уровне это механизм *предвосхищения* (anticipation) — реалистическое предвидение или разработка планов по преодолению возможных в будущем дискомфортных ситуаций, включает мысленное проигрывание всех вариантов предстоящего события, что позволяет индивиду быть более подготовленным к будущему и уверенным в себе. Данный механизм многими исследователями был отнесен к группе высших адаптивных защит, поскольку он функционирует на уровне самоконтроля, включает трезвую оценку ситуации, эффективно адапти-

рует личность к возможным фрустрирующим ситуациям и позволяет ей удерживать контроль над ситуацией при любом варианте событий.

Заключение

Данная классификация предлагается к использованию в консультационной и терапевтической работе практикующим психологам и психотерапевтам как инструмент диагностики стиля психологической защиты личности, имеющий оптимальное количество механизмов защиты, достаточно четкие критерии их определения, их местонахождения в структуре психологической защиты и основы их функционирования. Для повседневной практики консультирования и психотерапии выявление 20 механизмов защиты дает достаточно полную и качественную информацию о стиле психологической защиты клиента.

Список литературы

- Васильюк Ф.Е. Психология переживания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 202 с.
- Вассерман Л., Ерышев О., Клубова Е. и др. Психологическая диагностика индекса жизненного стиля. СПб., 2005. 54 с.
- Грановская Р.М. Психологическая защита. СПб.: Речь, 2010. 476 с.
- Долгова В., Кондратьева О. Психологическая защита: монография. М.: Перо, 2014. 157 с.
- Методика диагностики доминирующей стратегии психологической защиты в общении В.В. Бойко // Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учеб. пособие / ред.-сост. Д.Я. Райгородский. Самара: Изд. дом «БАХРАХ-М», 2011. С. 281–287.
- Москаленко В. Роли выживания детей в алкогольных семьях // Вопросы наркологии. 2014. № 5. С. 84–101.
- Поройков С.Ю. Философско-психологический подход к систематизации защит // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2016. № 2(42). С. 19–30.
- Романова Е., Гребенников Л. Механизмы психологической защиты: генезис, функционирование, диагностика. Мытищи: Талант. 1996. 144 с.
- Субботина Л.Ю. Психология защитных механизмов личности. Ярославль, 2013. 164 с.
- Туник Е.Е. Психологические защиты. СПб.: Речь, 2010. 218 с.
- Bond M. An empirical study of defensive styles: The Defense Style Questionnaire // Vaillant G.E. Ego

mechanisms of defense: A guide for clinicians and researchers. Washington, DC: American Psychiatric Publishing, 1992. P. 127–158.

Cramer P. Defense mechanisms: 40 years of empirical research // *Journal of Personality Assessment*, 2015. Vol. 97, iss. 2. P. 114–122. DOI: <https://doi.org/10.1080/00223891.2014.947997>

Cramer P. Seven pillars of defense mechanism theory // *Social and Personality Psychology Compass*. 2008. Vol. 2, iss. 5. P. 1963–1981. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1751-9004.2008.00135.x>

Freud A. The ego and the mechanisms of defence. L.: Karnac Books, 1992. 208 p.

Freud S. Das Ich und das Es (1923). GW XIII. 2000. Bd. 6. S. 235–289.

Fromm E. Escape from freedom. N.Y.: Holt Paperbacks, 1994. 320 p.

Jacobson A., Beardslee W., Gelfand E., Hauser S., Noam G., Powers S. An approach to evaluating adolescent ego defense mechanisms using clinical interviews // Vaillant G.E. *Ego mechanisms of defense: A guide for clinicians and researchers*. Washington, DC: American Psychiatric Publishing, 1992. P. 181–194.

McWilliams N. Psychoanalytic diagnosis: Understanding personality structure in the clinical process. N.Y.: Guilford Press, 2011. 426 p.

Meissner W.W. Theories of personality and psychopathology: Classical psychoanalysis // *Comprehensive textbook of psychiatry* / ed. by H.I. Kaplan, A.M. Freedman, B.J. Sadock. 3rd ed. Baltimore, MD: Williams and Wilkins, 1980. Vol. 1. P. 631–728.

Perry J.C. Defense mechanism rating scale. Cambridge, MA: Harvard School of Medicine, 1990. P. 122–130.

Piaget J. The development of thought: Equilibration of cognitive structures / trans. A. Rosin. N.Y.: Viking Press, 1977. 213 p.

Plutchik R., Kellerman H., Conte H.R. A structural theory of ego defenses and emotions // *Emotions in personality and psychopathology* / ed. by C.E. Izard. Boston, MA: Springer, 1979. P. 227–257. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4613-2892-6_9

Reber A.S., Gullickson T. Dictionary of psychology // *PsycCRITIQUES*. 1996. Vol. 41, no. 8. P. 848. DOI: <https://doi.org/10.1037/003107>

Vaillant G.E. *Ego mechanisms of defense: A guide for clinicians and researchers*. Washington, DC: American Psychiatric Publishing, 1992. 306 p.

Vaillant G.E. Theoretical hierarchy of adaptive ego mechanisms: A 30-year follow-up of 30 men selected for psychological health // *Archives of general*

psychiatry, 1971. Vol. 24, iss. 2. P. 107–118. DOI: <https://doi.org/10.1001/archpsyc.1971.01750080011003>

Получено 03.04.2020

References

Bond, M. (1992). An empirical study of defensive styles: The defense style questionnaire. *Vaillant G.E. Ego mechanisms of defense: A guide for clinicians and researchers*. Washington, DC: American Psychiatric Publishing Publ., pp. 127–158.

Cramer, P. (2015). Defense mechanisms: 40 years of empirical research. *Journal of Personality Assessment*. Vol. 97, iss. 2, pp. 114–122. DOI: doi.org/10.1080/00223891.2014.947997

Cramer, P. (2008). Seven pillars of defense mechanism theory. *Social and Personality Psychology Compass*. Vol. 2, iss. 5, pp. 1963–1981. DOI: doi.org/10.1111/j.1751-9004.2008.00135.x

Dolgova, V. and Kondrat'eva, O. (2014). *Psikhologicheskaya zaschita* [Psychological defense]. Moscow: Pero Publ., 157 p.

Freud, A. (1992). *The ego and the mechanisms of defense*. London: Karnac Books Publ., 208 p.

Freud, S. (2000). Das Ich und das Es (1923) [The Ego and the Id (1923)]. Vol. 6, pp. 235–289.

Fromm, E. (1994). *Escape from freedom*. New York: Holt Paperbacks Publ., 320 p.

Granovskaya, R.M. (2010). *Psikhologicheskaya zaschita* [Psychological defense]. Saint Petersburg: Rech' Publ., 476 p.

Jacobson, A., Beardslee, W., Gelfand, E., Hauser, S., Noam, G. and Powers, S. (1992). An approach to evaluating adolescent ego defense mechanisms using clinical interviews. *Vaillant G.E. Ego mechanisms of defense: A guide for clinicians and researchers*. Washington, DC: American Psychiatric Publishing Publ., pp. 181–194.

McWilliams, N. (2011). *Psychoanalytic diagnosis: Understanding personality structure in the clinical process*. New York: Guilford Press, 426 p.

Meissner, W.W. (1980). Theories of personality and psychopathology: Classical psychoanalysis. *Comprehensive textbook of psychiatry*, ed. by H.I. Kaplan, A.M. Freedman, B.J. Sadock, 3rd ed. Baltimore, MD: Williams and Wilkins Publ., Vol. 1, pp. 631–728.

Moskalenko, V. (2014). *Roli vyzhivaniya detey v alkogol'nykh sem'yakh* [Roles of the survival of children in alcoholic families]. *Voprosy narkologii* [Issues of Addiction]. No. 5, pp. 84–101.

Perry, J.C. (1990). *Defense mechanism rating scale*. Cambridge, MA: Harvard School of Medicine Publ., pp. 122–130.

Piaget, J. and Rosin, A. (1977). *The development of thought: Equilibration of cognitive structures*. New York: Viking Press, 213 p.

Plutchik, R., Kellerman, H. and Conte, H. R. (1979). A structural theory of ego defenses and emotions. *Emotions in personality and psychopathology*, ed. by C.E. Izard. Boston, MA: Springer, Publ., pp. 227–257. DOI: doi.org/10.1007/978-1-4613-2892-6_9

Poroykov, S.Yu. (2016). *Filosofsko-psikhologicheskiy podkhod k sistematizatsii zaschit* [Philosophical and psychological approach to the systematization of defenses]. *Novoe v psikhologopedagogicheskikh issledovaniyakh* [New in Psychological and Pedagogical Research]. No. 2(42), pp. 19–30.

Raygorodskiy D.Ya. (ed.) (2011). *Metodika diagnostiki dominiruyushey strategii psikhologicheskoy zaschity v obschenii V.V. Boyko* [Methodology for the diagnosis of the dominant strategy of psychological defense in communication V.V. Boyko]. *Prakticheskaya psikhodiagnostika. Metodiki i testy* [Practical psychodiagnosics. Methods and tests]. Samara: BAHRAH-M Publ., pp. 281–287.

Reber, A.S. and Gullickson, T. (1996). Dictionary of psychology. *PsycCRITIQUES*. Vol. 41, no. 8, p. 848. DOI: https://doi.org/10.1037/003107

Romanova, E. and Grebennikov, L. (1996). *Mekhanizmy psikhologicheskoy zaschity: genesis, funktsionirovanie, diagnostika* [Psychological defense mechanisms: genesis, functioning, diagnostics]. Mytishchi: Talant Publ., 144 p.

Subbotina, L. (2013). *Psikhologiya zaschitnykh mekhanizmov lichnosti* [Psychology of the protective mechanisms of personality]. Yaroslavl: YSU Publ., 164 p.

Tunik, E.E. (2010). *Psikhologicheskie zaschity* [Psychological defenses]. Saint Petersburg: Rech' Publ., 218 p.

Vaillant, G.E. (1992). *Ego mechanisms of defense: a guide for clinicians and researchers*. Washington, DC: American Psychiatric Publishing, Publ., 306 p.

Vaillant, G.E. (1971). Theoretical hierarchy of adaptive ego mechanisms: A 30-year follow-up of 30 men selected for psychological health. *Archives of General Psychiatry*. Vol. 24, iss. 2, pp. 107–118. DOI: https://doi.org/10.1001/archpsyc.1971.01750080011003

Vasilyuk, F.E. (1984). *Psikhologiya perezhivaniya*. Moscow: MSU Publ., 202 p.

Vasserman, L., Eryshev, O. and Klubova, E. et al. (2005). *Psikhologicheskaya diagnostika indeksa zhiznennogo stilya* [Psychological diagnostics of the life style index]. Saint Petersburg, 48 p.

Received 03.04.2020

Об авторе

Пилюгина Елена Радимовна

аспирант кафедры психологии развития и психофизиологии

Казанский инновационный университет
им. В.Г. Тимирязова,
420111, Казань, ул. Московская, 42;
e-mail: simvol352@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6737-423X

About the author

Elena R. Pilyugina

Ph.D. Student of the Department of Developmental Psychology and Psychophysiology

Kazan Innovative University
named after V.G. Timiryasov,
42, Moscovskaya st., Kazan, 420111, Russia;
e-mail: simvol352@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6737-423X

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Пилюгина Е.Р. Двухмерная классификация механизмов психологической защиты // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 2. С. 270–280. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-2-270-280

For citation:

Pilyugina E.R. [Two-dimensional classification of psychological defense mechanisms]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 2, pp. 270–280 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-2-270-280

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.34

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-2-281-290

**СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ
В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ АЛЕНА ТУРЕНА***Батуренко Светлана Алексеевна**Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова*

Цель статьи — рассмотреть развитие теории социальной стратификации постиндустриального общества. В настоящее время достаточно сложно представить стратификационные исследования в виде стройной упорядоченной последовательности. Теория социальной стратификации известного французского социолога Алена Турена не укладывается ни в одно из привычных классических направлений. Он подвергает ревизии экономический детерминизм, перенося акценты в область знания и культуры. Исследователь старается преодолеть устоявшиеся традиции структурализма посредством анализа социального действия и социальных отношений при рассмотрении системы социальной стратификации. Современному программируемому обществу свойствен отход от экономической борьбы и экономических решений, потерявших характерные для них ранее в предшествующих обществах автономию и центральное место. Его видение социальной структуры современного общества отличается от представлений других теоретиков постиндустриализма, особенно развитых в американской социологии, в частности в работах Д. Белла. В анализе автор теории действия ориентируется на французскую модель общества, учитывая исторические и культурные особенности ее развития. Турен отмечает значительные изменения, произошедшие в системе стратификации современного общества и природе его основного социального конфликта. Под влиянием новых факторов и социальных процессов происходит изменение власти и форм социального господства. Французский социолог в значительной мере способствовал трансформации социологического объяснения современной системы социальной стратификации. Он описал основные характеристики классовой структуры постиндустриального общества, главные тенденции ее развития, разработал предложения по использованию некоторых категорий, необходимых для описания системы стратификации современного постиндустриального общества.

Ключевые слова: социальная стратификация, постиндустриальное общество, конфликт, А. Турен.

**SOCIAL STRATIFICATION
IN ALAIN TOURAINE'S SOCIOLOGICAL THEORY***Svetlana A. Baturenko**Lomonosov Moscow State University*

The article deals with the development of the theory of post-industrial society's social stratification. Today it is difficult to present stratification research in the form of a harmonious ordered sequence. The social stratification theory of the famous French sociologist Alain Touraine does not fit any of the usual classical directions. He revises economic determinism and puts accents on the sphere of knowledge and culture. Touraine tries to overcome the long-standing traditions of structuralism through the analysis of social action and social relations when analyzing the social stratification system. The modern «program-

mable society» is characterized by departure from the economic struggle and economic decisions, which have lost the autonomy and the central place that they used to have in the previous societies. Touraine's vision of the modern society's social structure differs from the vision of other post-industrialism theorists, especially from the ideas of American sociology, in particular, those presented in D. Bell's works. The author of the action theory focuses on the French model of society and takes into account the historical and cultural characteristics of its development. Touraine noted the significant changes which occurred in the stratification system of modern society and the nature of its main social conflict. It is the change in the power and the forms of social domination under the influence of new factors and social processes. The French sociologist made a significant contribution to the fact that the sociological explanation of the modern social stratification system is transformed. He described the main characteristics of the post-industrial society's class structure, the main trends of its development, offered the ways of using some categories necessary for the description of the modern post-industrial society's stratification system.

Keywords: social stratification, post-industrial society, conflict, Alain Touraine.

Во второй половине XX в. социально-экономическое развитие западных обществ достигло высокого уровня. Многие процессы, происходящие в этих обществах, не находили адекватного объяснения с точки зрения сложившихся социологических теорий. Западные ученые стали чаще говорить о кризисе общества, а вместе с тем и о кризисе социологии. Господствующие подходы в области исследования процессов социальной стратификации успешно применялись при анализе относительно статичного общества. Преобладание системной парадигмы было обусловлено общим характером социальной структуры индустриального общества, которая в результате оказалась непригодной для прогнозирования будущего ее состояния. Столкнувшись с крупным теоретическим кризисом, западная социология обратилась к поиску новых подходов и в области изучения систем социальной стратификации.

Французский социолог Ален Турен (1925) является современным ученым, предпринявшим попытку преодоления теоретического кризиса в социологии в целом, а также разработавшим современные модели исследования социальной стратификации постиндустриального общества. По его мнению, во второй половине XX в. наступает период развития социологии, для которой характерно определение общества как общества развития с необходимостью признания важности исторических событий в процессе принятия решений. Французский социолог работает в направлении развития социологии действия, предлагая новый образ общества как системы действия и обращаясь таким образом к основному объекту изучения — социальному

действию [Антипов А.Г., Маркова Ю.С., 2012; Каневский П.С., 2015; Хохлова А.С., 2011].

Одной из самых значимых теорий в рамках исследования системы социальной стратификации постиндустриального общества является теория Алена Турина. Основными объектами интереса для ученого в 60–70-х гг. XX в. становятся социальный конфликт, проблемы эксплуатации, власти и доминирования. Именно с позиций исследования социального конфликта А. Турен подходит к анализу постиндустриального общества и его системы социальной стратификации.

Категория социального конфликта для французского социолога играет исключительно важную роль при построении теории социальной стратификации. В противовес функциональному подходу, рассматривающему общество с позиции сохранения равновесия системы, где конфликт является нежелательным элементом, разрушающим установленный порядок, А. Турен видит в социальном конфликте и социальном движении главные условия функционирования и развития общества. Основными понятиями, используемыми социологом, являются следующие: «конфликт», «социальное движение», «класс». Категория «класс» недостаточно четко определена в работах ученого, но вместе с тем очевидно, что он не отказывается от ее использования, хотя чаще говорит о связях классов, а не о самих классах постиндустриального общества. Он пишет: «Мы наблюдаем исчезновение классов как социальных “существ”, как реальных социальных и культурных слоев, и, соответственно, возрастает значение классовых отношений как аналитического принципа, приемлемого для раскры-

тия социальных конфликтов... Говорить о социальных классах — значит скорее указывать на классовые проблемы, нежели определять какие-то группы» [Touraine A., 1971, p. 80, 82].

Также исследователь не поддерживает термин «общество без классов», употребляемый другими теоретиками постиндустриального общества. Турен убежден в том, что во главе современных обществ обязательно стоит класс, причастный к руководству накоплением и процессом изменения. Если говорить о критериях отличия разных обществ друг от друга, то, по мнению французского социолога, общества отличаются не способом производства, а типом накопления, имеющим решающее значение при определении типа самого общества и характера связи классов в нем. Рассматривая накопление в качестве основы развития и изменения общества, ученый признает неизбежным и необходимым существование особого класса, обладающего функциями контроля над накоплением и, следовательно, над развитием общества в целом. Конфликт в данном случае предполагает участие двух сторон: тех, кто контролирует, и тех, кто непосредственно является производителем материальных и духовных ценностей. Соответственно, и система стратификации в постиндустриальную эпоху делится на два основных класса: господствующий класс, обладающий историчностью, и низший, борющийся за обладание ей. Низший класс вступает в борьбу за собственные интересы, против господства правящего класса, в широком смысле — за контроль над накоплением, способом познания, культурной моделью [Соломатина Е.Н., 2016]. В данном случае следует обратить внимание и на категорию «историчность», имеющую важное значение для автора. А. Турен отмечает, что она состоит из трех независимых компонентов: «способа познания, который представляет образ общества и природы; накопления, которое изымает часть свободного продукта; культурной модели, которая формирует способность общества воздействовать на себя» [Touraine A., 1973, p. 530]. Современное общество ученый называет программируемым, считая не слишком подходящим для него понятие «постиндустриальное» [Бронзино Л.Ю., 2008]. Французский социолог анализирует западное общество исходя из представлений о

том, что экономические отношения потеряли свое центральное значение, их место заняли социальные и культурные факторы. Вместе с тем речь не идет о возможности отказа от производства и о становлении общества потребления и досуга. А. Турен подчеркивает обусловленность современного типа общества его экономическим ростом. Однако в условиях возрастающей социальной и географической мобильности, расширения политического участия, массового распространения информации становится невозможным сохранение определяющего положения в социальной организации и деятельности экономических механизмов. Одним из важнейших вопросов, который поднимает социолог, является вопрос о том, «какова природа классовых отношений в программированном обществе» [Турен А., 1998, с. 90]. В работе «Постиндустриальное общество» Турен пишет: «Принципиальное отличие программируемого общества от капиталистического индустриализованного общества состоит в том, что социальный конфликт определяется уже не рамками фундаментального экономического механизма, а совокупностью всех социально-экономических отношений» [Touraine A., 1971, p. 25]. На наш взгляд, социолог логично объясняет свое понимание общества в соответствии с предложенным им методологическим подходом, а также учетом основных характеристик современного общества. В определении общества как общества развития, системы действия, называя его программированным, автор подчеркивает основные аспекты его трансформации, а именно не только способность общества к воспроизводству себя как такового, но и его способность использовать механизмы, позволяющие ему трансформировать и конструировать себя и свою окружающую среду [Турен А., 1986, 2009]. В этом, по нашему мнению, состоит новизна и очевидная ценность подхода, предлагаемого Туреном.

Значительные изменения системы стратификации западного общества, как замечает французский социолог, обуславливают новые факторы. Если в индустриальных обществах таковым являлась собственность, то в постиндустриальную эпоху основными становятся уровень знания, образования, доступ к информации. Группы, обладающие данными ресур-

сами, являются правящим классом [Кимелев Ю.А., 1998, 2017]. Под новой господствующей элитой Турен подразумевает технократию, к которой относит управляющих, принадлежащих как к государственной администрации, так и к крупному частному предпринимательству. Описывая эту социальную группу, автор отмечает ее закрытый характер. В условиях технократической формы правления подчиненные классы формируются в зависимости не от форм собственности, а от инструментов социальной и культурной интеграции. Другой большой социальной группой в постиндустриальном обществе, которая расположена на уровень ниже технократов, по мнению ученого, являются бюрократы. Основная их сфера деятельности — решение внутренних организационных вопросов, обеспечение действия механизмов, направленных на достижение целей, поставленных перед организацией. Кроме того, социолог выделяет еще одну значительную социальную группу — техников, или технических служащих. Однако Турен не считает, что они могут в перспективе превратиться в реальный социальный класс, поскольку эта группа слишком разъединена и рассеяна. Профессионалы, эксперты и белые воротнички в постиндустриальном обществе представляют собой особую социальную группу, труд которых в большей степени отвечает требованиям, предъявляемым к сотрудникам современным производством. Профессионалы характеризуются высоким уровнем образования и технического знания, но вместе с тем и зависимостью от технократов, в чьих руках сосредоточены механизмы управления, карьеры, достижения статуса. Всем существующим классам и социальным группам постиндустриального общества противостоит рабочий класс, которому французский социолог уделяет особое внимание.

Одной из центральных проблем в области изучения системы социальной стратификации для А. Турена является изменяющееся положение рабочего класса. Социолог выступает против точки зрения некоторых современных ученых о конце этого класса как социально-профессиональной категории. По мнению Турена, ошибочно всерьез считать, что рабочие становятся ненужными в качестве такой социальной категории. Экономический рост, как

утверждает французский ученый, по-прежнему зависит от развития производства. Сложившиеся представления об обществе, в котором сфера производства строго ограничена, внимание к труду утрачено, а вместо этого значимыми становятся исключительно проблемы, относящиеся к сфере досуга и свободного времени, Турен называет социологической фикцией. На деле наблюдается обратная ситуация: более индивидуализированное потребление предъявляет более серьезные требования к производству. В отличие от большинства теоретиков постиндустриального общества А. Турен не исключает рабочий класс из современной системы социальной стратификации.

Ученый заметил, что в предшествующий период времени большинство социологов придерживались общего мнения о том, что рабочий класс являлся не только профессионально-классовой категорией, но и активным агентом, одной из основных действующих сил, влияющих на социальную и политическую историю индустриального общества. В 70-х гг. XX в. в условиях перехода к новой стадии развития отчетливо наблюдается процесс уменьшения количества рабочих ручного труда, в результате чего появляется предположение, что в течение долгого времени рабочему классу только приписывалась его особая значимость. Это объясняется влиянием идеологической ориентации, а не результатом точного научного социологического и исторического анализа. Однако, как отмечает Турен, подобная критическая позиция не находит подтверждения в работах социологов и историков.

Актуальным, таким образом, становится вопрос о причинах и условиях превращения некоторых массивных социальных классов в центральную действующую силу индустриального общества. Эта проблема рассматривается французским социологом с целью определения того, какой социальный конфликт становится центральным для данного общества. В целом следует отметить, что вопрос о причинах и условиях возникновения и последовавшего затем исчезновения рабочего класса как центрального социального агента общества становится главным для социологической мысли второй половины XX в.: «Следует сначала рассмотреть причины, по которым рабочий класс

играл центральную роль в прошлом, а затем — причины, по которым он уверенно теряет свое центральное место в постиндустриальном обществе. Ведь именно этот процесс трансформирует взгляд на общество в целом» [Полякова Н.Л., 2004, с. 305]. Изменяется и само значение категории «рабочий класс». Эта категория в настоящее время подразумевает нечто большее, чем многочисленную непривилегированную социально-профессиональную группу. В индустриальном обществе интересы и проблемы рабочего класса и рабочего движения определялись капиталистическим предприятием, составляющим основу экономики. В таком обществе основным социальным конфликтом был конфликт между трудом и капиталом, и, соответственно, наблюдалась классовая борьба пролетариата. До середины XX в. в социологии фактически изучение рабочего движения сводилось к изучению капитализма и его кризисов.

В программируемом обществе, по мнению Турена, рабочий класс действительно утратил свою роль привилегированного исторического агента. Рассматривая причины данной трансформации, он называет главную — отдельное капиталистическое предприятие не является больше центром экономической системы, а также основой ее социальных конфликтов. Другие возможные причины, такие как ослабление рабочего движения в результате подчинения одной из политических партий или отсутствие заметных политических лидеров, не рассматриваются в данном случае в качестве определяющих. Вместе с тем борьба рабочих с системой менеджериального управления и контроля по-прежнему играет значительную роль и выступает существенным элементом системы социальных конфликтов, без которого не могут быть осуществлены никакие революционные преобразования. Однако эта борьба не является центральной силой нового социального конфликта: «Основной социальный конфликт современного общества — это не конфликт по поводу собственности, это конфликт индивида и общества в целом и формулируется он в терминах организационного конфликта» [Полякова Н.Л., 2004, с. 306].

Позиция Турена заключается в том, что в современном мире имеет место социальное доминирование, которое носит глобальный взаи-

мосвязанный характер. Это означает, что все основные сферы общественной жизни (экономическая, политическая, социальная, культурная) в нем плотно переплетены и понятие эксплуатации, которое было положено в основу классового анализа К. Марксом, больше не является адекватным для исследования современной ситуации. Социолог пишет: «Мы еще продолжаем говорить об “экономической эксплуатации”, хотя все труднее и труднее вычленив ее и изолировать от других форм доминирования. Термин потерял свое объективное значение. Ситуация в современном мире наиболее верно передается термином “отчуждение”, а не “эксплуатация”» [Touraine A., 1971, p. 7]. Используя термин «эксплуатация», можно описать экономическое отношение, а категория «отчуждение» способна передать отношение социальное. В обществах, детерминированных экономическими отношениями, понятие «эксплуатация» вполне выражало их сущность. В современных обществах, определяемых социальными отношениями, наиболее подходящим становится термин «отчуждение». Человек в постиндустриальном обществе отчужден, поскольку его связь с социальными и культурными условиями определяется правящим классом.

Подчиненные классы в современном обществе не эксплуатируются — они интегрируются в общую систему и подвергаются манипуляции. Учитывая этот факт, можно отметить, что основным вопросом для классов становится самоопределение. Современное общество Турен называет обществом отчуждения не потому, что человек оказывается в условиях нищеты или навязанных политических ограничений, а потому, что оно манипулирует, подкупает, навязывает конформизм [Турен А., 2014]. В работе «Возвращение человека действующего» он пишет: «Если свойство правящего класса в программированном обществе заключается в способности создавать модели социального потребления, то свойство управляемого класса состоит не в том, чтобы исполнять и приводить в действие эти модели, а в том, чтобы приспособиться к ним» [Турен А., 1998, с. 137].

А. Турен указывает, на то, что для постиндустриального общества характерны совершенно новые социальные конфликты. Посколь-

ку они не являются привычными нам конфликтами между трудом и капиталом, следует искать их основы, а также новые методологические принципы классового деления. Французский социолог продолжает развивать идеи других представителей теории постиндустриализма 70-х гг. XX в. о том, что современный социальный конфликт перешел из сферы производства в сферу распределения. Конфликтные отношения уже не выстраиваются вокруг капиталистической собственности, борьба не направлена на завоевание «командных высот в экономике», она смещается в область потребления, его уровня, стиля жизни, жизненных шансов в широком смысле слова, в сферу гражданских и политических прав. Основная классовая поляризация постиндустриального общества описывается через конфликтные отношения между структурами экономического и политического принятия решения и теми, кого принуждают к зависимому участию. На основании этих выводов можно говорить о существовании конфликта между двумя основными сегментами общества: центральными и периферийными, или маргинальными. По мнению Турена, общество делится на два класса, один из которых является господствующим и обладает историчностью, а другой борется за обладание ею. Правящий класс ввиду того, что ему свойственна историчность, определяет социальные, экономические и культурные ориентации развития общества. Низший класс вынужден защищать собственные интересы от господства правящего класса, от использования этим классом контроля над культурной моделью, накоплением и способом познания, моралью в его собственных интересах. Исследователь пишет: «На самом высоком уровне отношения между классами являются не просто конфликтными, ибо борьба между классами идет за контроль над неким культурным полем, за управление средствами, с помощью которых общество само “себя производит”. Это одновременно экономическое накопление, способ познания и представление о способности общества воздействовать на самого себя, что я называю этической моделью» [Турен А., 1998, с. 65]. Социальное движение направлено не на защиту интересов какой-то реальной группы, а выступает против различных форм власти и контроля [Турен А., 1999].

Основная разделительная линия в постиндустриальном обществе, таким образом, пролегает между технократами и бюрократами, с одной стороны, и экспертами, профессионалами и белыми воротничками — с другой.

Турен выделил основные формы социального доминирования в современном обществе. Первая форма представлена в виде социальной интеграции. Экономический прогресс в постиндустриальном обществе больше зависит непосредственно от знания и от способности к творчеству. Экономическое развитие навязывает всем участвующим в нем определенные цели, систему власти, стиль жизни. Индивид оказывается не просто вовлечен в это развитие, а скорее принужден к участию в нем как трудящийся, как потребитель, как элемент системы социальной организации и власти. Будучи вписан в существующую систему производства, он выполняет определенную систему ролей в рамках своей организации. Таким образом, система производства представляет собой нерасторжимое единство с остальными социальными подсистемами, оказывая им поддержку и укрепляя их. Вторая форма социального доминирования — это культурное манипулирование. Особенно ярко оно проявляется в контроле над потребностями и культурными стереотипами потребления и стиля жизни. Каналами их распространения прежде всего являются школа и система образования в целом. Третьей формой Турен считает навязывание политического поведения. По мнению французского социолога, крупные политико-экономические организации контролируют современное постиндустриальное общество и преследуют при этом определенные цели. Проанализировав их реальное воздействие, ученый приходит к выводу, что оно нацелено на осуществление тотального контроля за всей социальной жизнью, а не просто на координацию собственных функций.

В описанных Туреном современных условиях, созданных под влиянием основных форм социального доминирования, важным становится вопрос о том, сможет ли рабочий класс занять какое-либо значимое место в политической и социальной жизни. При этом социолог замечает ослабление возможного воздействия этого класса в результате расхождения и все большего отдаления друг от друга политиче-

ского рабочего движения и профсоюзного, которое стало преимущественно движением социальным. Ученый говорит о тенденции уменьшения роли политического движения в зависимости от повышения активности профсоюзов. Внутренняя структура и состав рабочего класса в современном постиндустриальном обществе значительно трансформированы и усложнены. Рабочий класс утрачивает свою автономию. Значительную его часть составляют неквалифицированные рабочие-иммигранты, женщины, которые имеют в целом небольшой опыт индустриального труда. Эти факторы также объясняют спад политического влияния данного класса и изменение понимания социальной реальности. Кроме того, рабочие как класс в современном обществе не способны в должной мере оказывать сопротивление власти, поскольку являются одной из зависимых социальных групп, на которых оказала влияние психология потребления.

Формулируя представления Турена о современной системе социальной стратификации, а также об определении в ней места и роли рабочего класса, можно отметить некоторые особенности его методологического подхода к анализу социальной структуры постиндустриального общества. Прежде всего, это рассмотрение «положения рабочего класса не с точки зрения типа его труда, а с точки зрения его места в общей системе распределения власти и доминирования, с точки зрения интерпретации главного социального конфликта» [Полякова Н.Л., 2004, с. 310]. По мнению ученого, основной конфликт программируемого общества не носит классового характера: речь теперь идет об организационном конфликте. При его анализе необходимо учитывать особенности социального доминирования, одной из которых является его целостность и нерасчлененность, наиболее полно передаваемая при помощи термина «отчуждение». В связи с существованием дисперсии власти конфликты в постиндустриальном обществе становятся более многомерными.

Утрата экономической сферой своего определяющего значения приводит к значительным трансформациям в системе стратификации постиндустриального общества и изменению природы его главного социального конфликта. Под влиянием роли социальных и культурных

факторов изменяются власть и формы социального господства. Все это способствует необходимости пересмотра классических концепций социальной стратификации. Турен полагает, что пришло время отказаться от теории класса и прежних представлений о классовой системе социальной дифференциации. Для описания системы социальной стратификации и социальных интересов в постиндустриальном обществе необходимо предложить более адекватный подход, основанный на новых реалиях социальной жизни.

Для анализа социальной структуры постиндустриального общества, по мнению французского социолога, следует использовать другие категории в их новом значении. Понятие «социальный класс» предлагается употреблять при описании отношений власти и доминирования в обществе в целом, термин «группа социального интереса» или «заинтересованная группа» — для анализа взаимодействия внутри организаций и коллективов. Кроме этого, Турен предлагает использовать категорию «группы давления», которая практически не имеет отношения к политическому действию, но представляется необходимой при проведении анализа конфликтов в сфере потребления. Основываясь на применении предложенных категорий и сохраняя главные принципы социологии действия, ученый приходит к выводу о том, что выделение определенных групп в социальной структуре современного общества, а также описание их стратификации, которая выстраивается в соответствии со стратификацией основных социальных интересов, возможно. Опираясь на использование данного принципа исследования, социолог утверждает, что «рабочий класс во все большей степени замещается федерацией групп социального интереса, а группы, организованные для защиты локальных и региональных интересов, — традиционные примеры групп давления — становятся видом класса» [Touraine A., 1971, p. 67–68].

Подводя итог, следует отметить, что на исследователя, безусловно, оказал влияние тот факт, что он изучал именно французское общество. Поэтому можно говорить в целом о его концепции постиндустриального общества как об ориентированной на французскую общественную модель, в которой отражены особен-

ности исторического и культурного развития этого общества. Этим объясняется не только специфика его теории общества в целом, но и представления А. Турена о конфликте и системе социальной стратификации. Особенности событий, происходящих во Франции в 60-х гг. XX в., наложили отпечаток на представления о возможности перехода от одного типа общества, одной системы стратификации к другому типу и другой системе. Тем не менее ученый, как и многие другие представители теории постиндустриального, информационного общества (Д. Белл, О. Тоффлер), отмечает основные тенденции переструктурирования общественного развития, изменения типов и уровней социального конфликта, а также элементов системы социальной стратификации. Главным направлением социальных изменений стало движение к децентрализации. Процесс децентрализации проникает во все сферы жизни (политику, бизнес, культуру) и реформирует их [Полякова Н.Л., 1990]. Предположения и прогнозы исследователя оказались верны, о чем свидетельствует развитие социальных процессов в настоящее время. В современном обществе фрагментирование проявляется в экономических и личностных структурах, в образах жизни, нормах и ценностях. Система стратификации в постиндустриальном обществе трансформируется под влиянием фрагментации социальных интересов и целей. Фрагментирование социальной структуры проявляется в утверждении плюрализма социальных элементов. Таким образом, социологическое объяснение системы современной социальной стратификации значительно трансформируется. Ален Турен дал основные характеристики классовой структуры постиндустриального общества, главные тенденции развития социальной стратификации, разработал предложения по использованию некоторых категорий, необходимых для описания современного постиндустриального общества.

Список литературы

Антипов А.Г., Маркова Ю.С. А. Турен о причинах кризиса социологии и путях выхода из него // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2012. № 1(9). С. 81–91.

Бронзино Л.Ю. «Антисоциология» Алена Турена // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2008. № 1. С. 87–95.

Каневский П.С. Политика и демократия в трудах Алена Турена // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 2. С. 151–159.

Кимелев Ю.А. Турен А. Критика модерна // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. Реферативный журнал. 1998. № 4. С. 10–27.

Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Модерн и процесс индивидуализации: исторические судьбы индивида модерна. М.: Праксис, 2017. 492 с.

Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. М.: Логос, 2004. 384 с.

Полякова Н.Л. От трудового общества к информационному: западная социология об изменении социальной роли труда. М.: Наука, 1990. 132 с.

Соломатина Е.Н. Конфликт как фактор социальных изменений в теории Алена Турена // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. Т. 22, № 3. С. 4–20. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2016-22-3-17-26>

Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998. 204 с.

Турен А., Идея революции (пер. с фр. Д. Карасева) // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13, № 1. С. 98–116.

Турен А. От обмена к коммуникации: рождение программируемого общества // Новая технократическая волна на Западе / отв. ред. П.С. Гуревич. М.: Прогресс, 1986. С. 410–430.

Турен А. Социология после социологии // Социологический ежегодник: сб. науч. тр. / ред. и сост. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко и др. М., 2009. С. 90–95.

Турен А. Способны ли мы жить вместе? // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 468–491.

Хохлова А.С. Социология действия А. Турена и социальный конфликт в современном обществе // Общественные науки. 2011. № 5. С. 37–43.

Touraine A. Production de la soieté. Montrouge: Seuil, 1973. 542 p.

Touraine A. *The Post-Industrial Society. Tomorrow's Social History: Classes, Conflicts, and Culture in the Programmed Society*. N.Y.: Random house, 1971. 244 p.

Получено 25.03.2020

References

Antip'ev, A.G. and Markova, Yu.S. (2012). *A. Turen o prichinakh krizisa sotsiologii i putyakh vykhoda iz nego* [A. Touraine about causes of sociology crisis and ways of its overcoming]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 1(9), pp. 81–91.

Bronzino, L.Yu. (2008). «*Antisotsiologiya*» Alena Turena [Alain Touraine's «Antisociology»]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology]. No. 1, pp. 87–95.

Kanevskiy, P.S. (2015). *Politika i demokratiya v trudakh Alena Turena* [Alain Touraine's study on politics and democracy]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]. No. 2, pp. 151–159.

Khokhlova, A.S. (2011). *Sotsiologiya deystviya A. Turena i sotsial'nyy konflikt v sovremennom obshchestve* [A. Touraine's sociology of actions and social conflict in modern society]. *Obschestvennyye nauki* [Social Sciences]. No. 5, pp. 37–43.

Kimelev, Yu.A. (1998). *Turen A. Kritika moderna* [Criticism of modernity]. *Sotsial'nye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sotsiologiya. Referativnyy zhurnal* [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology]. No. 4, pp. 10–27.

Kimelev, Yu.A. and Polyakova, N.L. (2017). *Modern i protsess individualizatsii: istoricheskie sud'by individa moderna* [Modern and the process of individualization: the historical fate of the individual modern]. Moscow: Praxis Publ., 492 p.

Polyakova, N.L. (2004). *XX vek v sotsiologicheskikh teoriyakh obshchestva* [The 20th century in sociological theories of society]. Moscow: Logos Publ., 384 p.

Polyakova, N.L. (1990). *Ot trudovogo obshchestva k informatsionnomu: zapadnaya sotsiologiya ob izmenenii sotsial'noy roli truda* [From labor society to information society: the western sociology about change of a social role of work]. Moscow: Nauka Publ., 132 p.

Solomatina, E.N. (2016). *Konflikt kak faktor sotsial'nykh izmeneniy v teorii Alena Turena* [Conflict as a factor of social changes in the theory Alain Touraine]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]. Vol. 22, no. 3, pp. 4–20. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2016-22-3-17-26>

Touraine, A. (2014). *Ideya revolyutsii* [Idea of revolution]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [The Russian Sociological Review]. Vol. 13, no. 1, pp. 98–116.

Touraine, A. (1986). *Ot obmena k kommunikatsii: rozhdenie programmiruемого obshchestva* [From exchange to communication: the birth of a programmable society]. *Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade, otv. red. P.S. Gurevich* [A new technocratic wave in the West, ed. by P.S. Gurevich]. Moscow: Progress Publ., pp. 410–430.

Touraine, A. (1973). *Production de la soiete* [Production of society]. Montrouge: Seuil Publ., 542 p.

Touraine, A. (2009). *Sotsiologiya posle sotsiologii* [Sociology after sociology]. *Sotsiologicheskii ezhegodnik, red. i sost. N.E. Pokrovskiy, D.V. Efremenko i dr.* [Sociological Yearbook, ed. by N.E. Pokrovskiy, D.V. Efremenko et al.]. Moscow: RAS INION Publ., pp. 90–95.

Touraine, A. (1999). *Sposobny li my zhit' vmeste?* [Are we capable of living together?]. *Novaya postindustrial'naya volna na Zapade: Antologiya, pod red. V.L. Inozemtseva* [New post-industrial wave in the West: Anthology, ed. by V.L. Inozemtsev]. Moscow: Academia Publ., pp. 468–491.

Touraine, A. (1971). *The post-industrial society. Tomorrow's social history: classes, conflicts, and culture in the programmed society*. New York: Random House Publ., 244 p.

Touraine, A. (1998). *Vozvraschenie cheloveka deystvuyuschego. Ocherk sotsiologii* [Return of the person acting. Essay on sociology]. Moscow: Nauchnyy Mir Publ., 204 p.

Received 25.03.2020

Об авторе

Батуренко Светлана Алексеевна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры истории и теории социологии

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
119991, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: level_s@rambler.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9732-5423>

About the author

Svetlana A. Baturenko

Ph.D. in Sociology, Associate Professor
of the Department of History and Theory of Sociology

Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia;
e-mail: level_s@rambler.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9732-5423>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Батуренко С.А. Социальная стратификация в социологической теории Алена Турена// Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 2. С. 281–290.

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-2-281-290

For citation:

Baturenko S.A. [Social stratification in Alain Touraine's sociological theory]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 2, pp. 281–290 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-2-281-290

УДК 316.62:343.915

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-2-291-306

ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: РАЗВИТИЕ И КРИЗИС (ЗАПАДНОЙ) КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Кузнецов Александр Евгеньевич

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Основное направление развития социологической криминологии несовершеннолетних состоит в последовательном достижении ею отрицательных результатов. Класс, раса, гендер, банда, культура, неэффективный социальный контроль, низкий самоконтроль и «социально дезорганизованное соседство» выдвигались и отбрасывались в качестве факторов криминализации и виктимизации лиц, не достигших 18 лет. Предлагается краткий обзор истории социологического исследования преступности несовершеннолетних с целью определения тенденций развития криминологии. Утверждается, что кризис науки преступности несовершеннолетних свидетельствует о кризисе криминологии в целом, выражающемся в выхолащивании социологизма и в тривиализации. Неспособность криминологии объяснить пик криминализации между 15 и 25 годами связывается с предположением об асимметричной каузации: причины криминализации подростков отличны от причин прекращения криминальной активности. Это предположение несовместимо с убежденностью криминологов в существовании универсальных причин (факторов) криминализации. Предполагается, что основная причина кризиса дисциплины состоит в отождествлении причин криминализации с признаками криминализованных групп и что та же ошибка повторяется в биокриминологии наряду с редукцией социальной организации к эффектам биологических факторов. В результате криминология и биокриминология отвечают на вопрос «кто совершает преступления?» вместо вопроса «почему совершаются преступления?». Успешный ответ на вопрос о причинах нарушения социального порядка зависит от решения проблемы природы социального порядка, дискуссионной для социологии в целом. Криминология игнорирует вопрос о роли агентов социального контроля (в первую очередь государства) в криминализации поведения и подростков как средства поддержания социального порядка.

Ключевые слова: криминология, делинквентность, преступность, девиация.

JUVENILE CRIME: THE RISE AND CRISIS OF CRIMINOLOGICAL THEORY

Alexander E. Kuznetsov

Perm State University

The mainline in the development of sociological juvenile criminology is that of successive achievement of negative results. Social class, race, gender, gang-membership, culture, failed social control, low self-control, and socially disorganized neighborhood — all have been advanced and rejected as factors of criminalization and victimization of adolescents. This paper attempts to provide a brief historical overview of sociological research on juvenile delinquency with the view to identify tendencies of the theoretical development in the field. I argue that the crisis of juvenile criminology is part of the general crisis in the field of criminological research, which manifests itself in dissolution and trivialization of the sociological explanation of crime. I expound the failure of criminology to explain the peak of criminal activity between the age of 15 and 25 by suggesting an asymmetrical causation hypothesis: the reasons for engaging in criminal activities are different from those for withdrawing from. I argue that criminology and biocriminology share the same error of taking sampling traits for causes — with the result that the question of «*Who commits crimes?*» is answered instead of «*Why do people commit crimes?*» As criminology faces the general problem of the nature of so-

cial order, biocriminology eschews it by reducing social organization to things biological. I suggest that as criminology fails to assess the role of agents of social and state control, it tends to see crime as breach of social order and fails to see crime as actually being a means to sustain it.

Keywords: criminology, delinquency, criminality, crime, deviation.

Введение

Выделение несовершеннолетних в качестве специального объекта внимания и воздействия правоохранительной системы в развитых странах происходит еще в викторианскую эпоху [Reckless W.C., Dinitz S., 1972, p. 27–31; Shore H., 2011]. Создание отдельных реформаториев (исправительных учреждений), судов и зон содержания несовершеннолетних преступников сигнализирует о серьезном отношении государства к рубежу достижения совершеннолетия. В этом возрасте в разных странах в разные периоды фиксировался пик преступных посягательств [Braithwaite J., 1989, p. 45–46; Goring C., 1913, p. 207; Hirschi T., Gottfredson M., 1983, p. 569]. В зависимости от категорий преступления вершина этого пика могла смещаться, но только в границах 15–25 лет [Sutherland E., 1947, p. 96; Rocque M. et al., 2016; Greenberg D., 1977, p. 190; Siegel L.J., 2011, p. 48], что подчеркивает универсальность отношения «возраст – преступление».

Поэтому подростковый пик преступности — главная проблема криминологии. Причины такого пика эта наука ищет в исследовании *подростков* — детей в возрасте от 12 до 17 лет.

Объяснение пика криминализации предполагает решение двух проблем: *различия* (в сходных социальных условиях одни подростки криминализуются, а другие — нет) и *сходства* (многие делинквенты *перестают* совершать преступления после достижения 25 лет *независимо от возраста совершения первого преступления и числа совершенных преступлений*). Полагаем, что классическая криминология не смогла объяснить пик криминализации по двум причинам.

Во-первых, само существование такого пика указывает на *асимметричность* причин криминализации: причины *начала* преступной деятельности отличаются от причин ее *прекращения*. Это предположение об асимметричной детерминации несовместимо с убеждением криминологов о существовании неких универсальных причин (факторов) криминализации. Человеческий

век, прекративший совершать преступления, не перестает быть выходцем из неблагополучной семьи, жителем дезорганизованного соседства, жертвой домашнего насилия и т.д. Если совершение преступлений объясняется воздействием социальных, генетических и психических патологий и деформаций, то необходимо признать, что влияние этих факторов прекращается либо не распространяется на людей, принявших решение *о завершении* преступной карьеры. Следовательно, факторы ни постоянны, ни универсальны.

Во-вторых, криминология исторически упускает из виду роль государства в (де)криминализации молодежи: «...научное исследование и размышление о девиации сосредоточены на людях, нарушающих правила, но не на тех, кто создает правила и принуждает к их исполнению» [Becker H.S., 1966, p. 163]. Осуждается ли преступление только как нарушение *запрета*? Или преступление есть также *нравственная* категория? Есть ли у людей внутренние моральные основания для конформизма, не зависящие от запретов? Это вопросы о природе выбора поведения и о природе преступления.

Никакой краткий обзор тенденций в развитии криминологической теории не может претендовать на точное или исчерпывающее описание частных теорий и концепций. Наша задача — определить современное состояние науки преступности несовершеннолетних *как кризис криминологической теории* и обозначить причины этого кризиса.

Этап I. Поиск причин преступности

С момента учреждения криминологии *как социологической дисциплины* ей было навязано убеждение в том, что преступность вызвана факторами, которые являются ее *причинами* и одновременно *объясняют*. Социолог определил ряд задач криминологии: это «корпус знаний о преступлении как социальном феномене», включающий: (а) социологию закона, (б) криминальную этиологию, (с) пенологию [Sutherland E., 1947, p. 1].

Социальная дезорганизация и преступность — главные темы американской социологии в начале XX в. Современная криминологическая теория развивается под влиянием американской социологии и криминологии (это влияние может быть объяснено даже не столько высоким уровнем преступности, качеством или масштабностью исследований, сколько стремительной экспансией высшего образования [см., напр.: Goldin С., Katz L.F., 1999, р. 40, 41; Snyder T.D., 1993, р. 65]). Американская (*социологическая*) криминология оказала определяющее влияние на развитие исследований преступности на Западе, начиная с университетской скамьи. «Все широко используемые сегодня учебники по криминологии написаны социологами», — пишет в 1951 г. криминолог Клайнрд и перечисляет дюжину авторов [Clinard M.B., 1951, р. 549]. Все эти авторы — американцы, включая эмигранта Х. фон Хентига, основателя виктимологии [Meier R.F., Miethe T.D., 1993, р. 461; Wolfgang M.E., Singer S.I., 1978; Petherick W., 2017]. Психолог-криминалист фон Хентиг не сомневается в *социологической* атрибуции дисциплины: «...социологи смотрят на социальные условия преступления, психиатры и криминальные антропологи — на его физические детерминанты» [Hentig H. von, 1948, р. 1]. Итак, начала криминологии первой половины XX в. лежат в американской социологии: «...криминология составляет обширную область внутри социологии» [Clinard M.B., 1951, р. 577].

Такая институциональная и культурная приуроченность не могла не обусловить *ограниченность* новой дисциплины. Американская социология вскоре начала обоснованную критику «биологической теории» (например, Ч. Ломброзо) [Bassiouni M.C., Sewell A.F., 1974], видевшей причины криминализации в генетической (расовой) предрасположенности. *Эмпирически* паттерны криминализации (например, членство в группе и передача опыта) нечувствительны к гендерным и расовым различиям: подростки разного пола и разных рас приобщаются к преступной деятельности примерно одинаково [Giordano P.C., 1978] или по-разному, но под влиянием внешних условий [см., напр.: Cressey P., 2008, р. 254]. Психологические объяснения криминальности оказались неинтересны ранней криминологии (находившейся под сильным влиянием чикагской школы, обличавшей

пороки общественного устройства и настроенной реформистски). В обиходе этого времени оппозиция криминальной психологии и криминологии иногда описывается формулой «Ненормальный индивид в нормальных условиях» (объект психологии) против «Нормального индивида в ненормальных условиях» (исходная посылка криминологов).

Этап II. Структурная теория

В ранних работах ученые упрощали связь распространения криминальной субкультуры с деятельностью банд подростков [Lerman P., 1967, р. 64]. Социологи — классики ювенальной криминологии — Ф. Трэшер, К. Шоу и Г. МакКей, А. Коэн, Р. Кловард и Л. Олин — посвятили специальные исследования именно шайкам [Thrasher F.M., 1927; Shaw С., McKay H., 1969 (1942); Cloward R.A., Ohlin L.E., 1960; Cohen A., 1955]. В бандах подростки научаются основам воровской морали и деятельности. Создание банд — характерная черта преступности подростков сегодня и во времена проведения классических исследований; это глобальная характеристика [Hagedorn J.M., 2005, р. 155–156]. Действительно, многие преступления совершались в составе банд, но вступление в нее нового участника не может быть совершенно случайным: оно предполагает знакомство с криминальными нормами, готовность принять уголовные ценности и повадки. Как и почему происходит их усвоение?

Теория социальной структуры (теории напряжения, социальной дифференциации, аномии, субкультур или культурной девиации, неравных возможностей) доминировала в 1950–1960-е гг. и черпала свое вдохновение в классических работах, посвященных бандам, и в раннем функционализме Мертона [Merton R.K., 1938]: социальная структура предлагает актерам неравные возможности (отсюда — «теория структуры» и «возможностей»), но *субкультуры* предлагают нормы и средства преодоления ограничений, созданных «большой» социальной структурой (отсюда — «теория субкультуры»). Актеры приобщаются к субкультурам и усваивают девиантные нормы и средства (отсюда — «теория научения») [см., напр.: Shaw С., McKay H., 1969 (1942), р. 183; Sutherland E., 1947, р. 6, 7].

Как эта теория решала проблему криминального пика? По мере взросления ребенок: (1) испытывает возрастающее давление ожиданий и требований и (2) все чаще пытается их выполнить, обращаясь к легальным и легитимным средствам. Поскольку доступность таких средств (образовательных, профессиональных и иных) в обществе ограничена, дети все чаще не оправдывают ожиданий взрослых. Так как доступность также распределена *неравно между социальными классами*, дети из низших классов не оправдывают ожидания чаще, чем дети из высших. Противоречие двух сочетанных напряжений разрешается обращением к доступным, но незаконным средствам [Cloward R.A., 1959, p. 166–170].

Отсюда положительная связь между возрастом и числом преступлений, совершаемых подростками. Эта связь усиливается также факторами физического и психического развития: старшие подростки психически и физически более способны совершить преступление, чем дети младшего подросткового возраста [Greenberg D., 1977, p. 191]. Тот же эффект оказывает сокращение материальной поддержки со стороны родительской семьи и растущая потребность подростка в приобретении косметики, алкоголя, сигарет и т.п. [Greenberg D., 1977, p. 196].

Для теории структуры принципиальна связь субкультур с подростками — выходцами из *низших* классов: в них дети должны искать возможности преодолевать ограничения, создаваемые социальной структурой [Hirschi T., 1969, p. 7, 8; Bordua D.S., 1961]. Эта связь никогда не имела убедительного эмпирического подтверждения: масштабы криминализации низшего и среднего классов являются сопоставимыми. Кроме того, недавнее панельное исследование показало устойчивость «закона улицы» (убеждений, оправдывающих насилие) в возрасте с 10 до 25 лет [Moule Jr.R. et al., 2015]. Само наличие таких убеждений у подростков не предсказывает совершение ими насильственных преступлений [McGloin M.J. et al., 2011, p. 783].

Теория структуры утратила доверие криминологов не только потому, что были накоплены наблюдения или выводы, опровергавшие роль субкультур и норм. Эта теория не смогла решить две проблемы: (1) измеримости норм и ценностей криминальных субкультур и (2) определения направления каузации — от

переменных структуры к субкультуре либо наоборот [Miller J.M. et al., 1997, p. 171]. Гипотеза теории структуры о решающей роли делинквентных норм и субкультур оказалась теоретическим объяснением статистически *несуществующих* связей.

Этап III. Теория социального контроля

«Центральная идея теории социального контроля — что преступление и девиация более вероятны, когда связь индивида с обществом слаба либо разорвана» [Sampson R.J., Laub J.H., 1997, p. 9; Laub J.H., 2006, p. 242; Hirschi T., 1969, p. 16]. Теория социального контроля (теории дифференциальной ассоциации, связей) переворачивает логику криминализации подростков: не банды научают их быть преступниками, а *готовые преступники* составляют банды. Криминализация начинается раньше: вступление несовершеннолетних в преступные шайки является *следствием* ослабления, утраты или отсутствия прочных связей с институтами, представляющими традиционный социальный порядок (прежде всего семья и школа) [Baron S., Tindall D.B., 1993].

Утрата веры в структурные факторы криминализации несовершеннолетних побудила исследователей прибегнуть к довольно прямолинейной логике *эмпирического* поиска различий в биографиях («карьерях» или «траекториях») делинквентов. Это традиция многолетних панельных исследований. Самое одиозное из них провели Шелдон и Элеонор Глюки. Они изучали две группы мужчин (500 делинквентов и 500 не-делинквентов) в течение 25 лет: каждый респондент из панели опрашивался методом формализованного интервью трижды: в 14, 25 лет и в 32 года. Данные о респондентах-делинквентах собирались также путем анализа документов, опроса родителей и учителей. Начатое в 1939 г. исследование было продолжено Лаубом и Сэмпсоном, проследившими криминальные карьеры до 70-летнего возраста. Исследователи искали причины криминализации (начала преступной деятельности) и изучали эффект исправительно-карательных мер. Подход Глюков (отбор респондентов, переменных, анализ данных) подвергся суровой критике [см., напр.: Hartung F.E., 1958]. Однако их результаты сохранили свою актуальность [Laub J.H., Sampson R.J., 1991; Sampson R.J.,

Laub J.H., 2005]: структурные факторы не оказали влияния на криминальные карьеры обеих групп в панели. Эффект имели неструктурные факторы (отражающие выбор поведения при данных структурных неизменных условиях): алкоголизм и уголовное прошлое родителей, смена места жительства и семейная ситуация (родительский надзор, привязанность к семье, дисциплина) [Harris-McKoy D., Cui M., 2013; Glueck S., Glueck E., 1956, p. 175; Laub J.H., Sampson R.J., 1988, 1991; Sampson R.J., Laub J.H., 2003]. Позднее, правда, Сэмпсон и Лауб включили в число эффективных факторов структурные условия: бедность и размер семьи [Sampson R.J., Laub J.H., 2003, p. 321–322].

Теория контроля обращает внимание на локальные условия криминализации (в семье, соседстве, школе) и ставит под сомнение существование стабильной, структурно предсказуемой группы закоренелых уголовников [см., напр.: Piquero A.R., 2008, p. 51; Bersani B. et al., 2009]. Исследования эффектов социального контроля стремятся обнаружить осязаемые «защитные» меры воздействия на подростков. Например, Фаррингтон и соавторы нашли влияние школьной занятости (интереса к учебе, прогулов, успеваемости) на развитие криминальной карьеры [Craig J.M. et al., 2017; Farrington D.P., 2019; см. также: Brownfield D., 2014]. Направление этой связи, однако, может быть *обратным*: агрессивные дети могут встречать отторжение со стороны одноклассников и учителей, вследствие чего могут снижаться их учебная дисциплина и успеваемость [Sampson R.J., Laub J.H., 1997, p. 14–15]. Возьмем основной аргумент Сэмпсона и соавторов: спад преступности молодежи после 20 лет может объясняться восстановлением связей с некриминальным обществом (трудоустройство, вступление в брак, рождение детей, приобретение собственности и т.п.) [Sampson R.J., Laub J.H., 1997, p. 14–15]. Но каково *направление* причинения? Молодежь перестает быть делинквентной, потому что вступает в новые социальные отношения, либо, наоборот, остепеняется, потому что перестает совершать преступления? Возможно, повзрослевшие делинквенты *делают выбор* между продолжением криминальной карьеры и началом законопослушной жизни под влиянием другого, неизвестного фактора? [Cohen L.E., Vila B.J., 1996,

p. 144]. Итак, способность панельных исследований обнаруживать каузальные связи может быть мнимым преимуществом [Cullen F.T. et al., 2019].

Теория социального контроля наследует недостатки теории структуры: (1) отсутствие эмпирических подтверждений и (2) незнание направления каузации.

Этап IV. Кризис криминологической теории

Кризис проявляется в утрате социологизма при изучении криминальности несовершеннолетних и в тривиализации этой проблемы. Проблема криминального пика остается нерешенной.

Автор криминологического бестселлера «Причины делинквентности» (52 издания с 1969 по 2017 г.) Хирши подвел итог спора теоретиков структуры и социального контроля так: «...возрастное распределение преступлений не может быть объяснено ни одной переменной, ни комбинацией переменных, ныне доступных криминологии» [Hirschi T., Gottfredson M.R., 1983, p. 554]. Сам Хирши предложил объяснять проблему пика преступности *низким самоконтролем* [Gottfredson M.R., Hirschi T., 1990]. Последний определен как *внутреннее* состояние (!) — «склонность домогаться краткосрочных вознаграждений без учета долгосрочных последствий» [Gottfredson M., Hirschi T., 1990, p. 177]. Подростки с низким уровнем самоконтроля чаще подвергаются арестам [Beaver K.M. et al., 2009b] и виктимизации [Schreck C.J. et al., 2006]. Вероятно, что они же чаще нарушают закон, т.к. замечено «поразительное соответствие характеристик преступников и жертв их преступлений» [Schreck C.J. et al., 2007, p. 382; Schreck C.J. et al., 2008]. Те и другие одинаково принимают нормы «закона улицы» — «неформальной системы регулирования применения насилия» [Stewart E.A. et al., 2008, p. 14]. Преступные начала присущи человеку, и при слабом самоконтроле и случайных обстоятельствах он всегда готов стать агентом либо жертвой криминальных посягательств.

Здесь мы видим начало кризиса криминологической теории: она теряет перспективу *социологического* объяснения преступности и преступления. С одной стороны, эта теория обращается к слабому самоконтролю (*психологическая* переменная) и к раннему пубертату (*психофизиологическая* переменная) [Schreck C.J. et al.,

2007] как к причинам криминализации подростков (о связи теории виктимизации с теорией самоконтроля — Schreck C. (1999), с теорией социальных связей — Schreck C. Wright R. and Miller J.M. (2002) [Schreck C.J., 1999; Schreck C.J. et al., 2002]; поэтому считаем теорию виктимизации Шрека и соавторов продолжением теории Готтфредсона и Хирши). С другой стороны, теория самоконтроля теряет саму способность к объяснению. Влияние слабой способности к самоконтролю и возраста достижения половозрелости на криминализацию подростков *остается лишь гипотезой*, т.к. обе эти характеристики формируются в детстве — еще до того момента, когда становятся применимы *социологические* переменные (занятость, брачность, детность, доход и т.д.) [Cohen L.E., Vila B.J., 1996, p. 140].

Итак, теория низкого самоконтроля остается лишь гипотезой. Недостатки самой этой гипотезы весомы: она не различает *типы преступлений* (низкий уровень самоконтроля может одинаково объяснять убийство и изнасилование) и сосредоточена на препятствиях к совершению преступлений, а не на причинах преступности [Miller S.L., Vurack C., 1993, p. 117]. Эмпирический контраргумент — поведенческие проявления низкого самоконтроля могут быть объяснены, минуя эту переменную, как эффекты факторов социального контроля: «плохого родительства» и «дурного соседства» [Simons R., Burt C., 2011, p. 556].

Теории социального контроля и самоконтроля зависят от решения вопроса о *природе человека* [Cullen F.T. et al., 1999, p. 190]: делинквентность — результат того, что: (1) хороший человек попал в развращающие условия, (2) испорченный человек оказался в недостаточно благоприятных условиях или (3) в человеке изначально представлены склонности к нормальному и отклоняющемуся поведению?

Теория самоконтроля, очевидно, исходит из последнего предположения. Это возврат к утверждениям *ранних авторов о моральной нейтральности* природы человека и его поведения: преступление — «феномен нормальной социологии» [Durkheim E., 1895, p. 32], «криминальное поведение... должно объясняться на общих основаниях с любым другим человеческим поведением» [Sutherland E., 1947, p. 4], «некоторая степень делинквентности в раннем

возрасте почти универсальна для детей» [Taft D.R., 1951, p. 312], «преступные склонности естественно заложены в инстинктах», «преступные способности в каком-то смысле нормальны для каждого человека, а подавление их зависит от различных социальных институтов (agencies)» [Ellwood C.A., 1912, p. 720]. Если структурные теории еще исследовали вопрос «как человек становится преступником?», то теперь, напротив, утверждается, что подростки «скорее, научаются неделинквентному поведению... Формирование законопослушного характера — тяжело дающийся процесс» [Laub J.H., Sampson R.J., 1991, p. 1432].

Биологическое объяснение делинквентности в духе Ломброзо никогда не исчезало из поля зрения. Например, в 1930-х гг. Шелдон исследовал 170 заключенных в штате Массачусетс и обнаружил, что 40 % из них принадлежали к низкорослому мезоморфному типу (при 3 % в среднем по США) [Sheldon. W.H., 1942, p. 312]. Но настоящее возвращение биологической теории происходит много позже [Savage J., Vila B., 2003; Sirgiovanni E., 2017] в лице новой дисциплины — биосоциальной криминологии. Основные тезисы новых криминологов: (1) социологи игнорируют роль генов в развитии делинквентности, (2) считают, что имеется прямая связь между генами и поведением [Beaver K.M. et al., 2008, p. 229; Delisi M. et al., 2011, p. 361], (3) «генетические факторы взаимодействуют (sic) с делинквентными сверстниками и низким самоконтролем, предсказывая уровни делинквентности» [Beaver K.M. et al., 2009a, p. 147]. Нам не известны ни работы криминологов, содержащие тезисы 1 и 2, ни ссылки на них в трудах биокриминологов. Насколько справедливы (разумны) эти аргументы? Во-первых, социологи действительно игнорируют множество потенциальных источников влияния на поведение: социология не имеет собственных средств исследования несоциальных факторов, а попытки ученых-социологов изучить их влияние вызвали бы возражения представителей профильных наук. Во-вторых, именно в работах биокриминологов обнаруживаются аргументы к прямой связи генов с поведением. Нет сомнений в том, что социальные и биологические факторы влияют на формирование преступного поведения. Но используемые сегодня концепты не описывают, не измеряют и не объясняют

вклад этих переменных. В связи с этим невозможно определить границу влияния генетических и социальных факторов [Burt C., 2015; Collins W.A. et al., 2000].

Нет решительных подтверждений половых различий. Так, мужчины чаще совершают преступления, особенно насильственного характера [Boisvert D. et al., 2012, p. 306]. Женщины — частые жертвы преступлений, совершенных мужчинами. Мужчины могут чаще совершать преступления не в силу генетической предрасположенности, а только потому, что жертва преступления слабее (при нападении на женщину) или преступные навыки были освоены ими в прошлых нападениях на женщин (при нападении на жертву-мужчину).

Другая сомнительная связь — корреляция низкого самоконтроля (тоже сомнительной переменной, как сказано выше) с расой. За этой связью могут скрываться *культурные* и *социальные* особенности группы: например, практики материнства и ухода за детьми (раннее материнство и раннее прекращение грудного вскармливания) [Barnes J.C. et al., 2016], недоедание и нерегулярное питание в детстве [Jackson D.V. et al., 2018]. Такие социальные нормы и стратегии адаптации к неблагоприятным социальным условиям исторически ассоциированы с расовыми группами, но генетически не детерминированы. Нет свидетельств наследования склонности к насилию: например, большинство несовершеннолетних жертв домашнего насилия не становятся насильниками, но факт пережитого насилия повышает такой риск [Wright J.P. et al., 2012, p. 253].

Предположение о генетических источниках делинквентности, по-видимому, неизбежно ведет к видению делинквента как неисправимого и неадекватного субъекта. Фокус внимания теоретиков и практиков *при таком подходе*, вероятно, должен смещаться от объяснения к осуждению, от реформ к наказанию, от макро- к микроперспективе.

Кризис криминологической теории, с одной стороны, проявился как утрата социологизма (получают развитие психологизирующая аргументация к самоконтролю и редукция к биологическим факторам). С другой стороны, *собственно социологические* теории теряют делинквентных подростков в качестве объекта исследования из виду и сосредотачиваются на аген-

тах социального контроля (теории клеймения и моральной паники) и экологии преступлений (теория социальной дезорганизации).

Этап IVa. Кризис: теория моральной паники

Здесь проявляется тенденция, заложенная еще теорией социального контроля. Эта теория репрессивна: она «предлагает сделать что-то с человеком, а не для человека» [Cullen F.T. et al., 1999, p. 189].

Основной аргумент теории моральной паники — элиты стремятся усилить контроль над обществом, запугивая его мнимыми или реальными криминальными и социальными опасностями (вандализм, ВИЧ, похищения детей, педофилия, наркотизация, иммиграция, насилие на ТВ, уличная преступность и молодежные субкультуры) [Critchler C., 2008]. Например, агенты социального контроля (чиновники, активисты и СМИ) обращают внимание аудитории на бесчинства молодежных группировок, выдают эти эксцессы за беспрецедентные, невиданные доселе по масштабам и разрушительности выходки [Pearson G., 1983], апеллируют к моральным дефектам молодых делинквентов: «безнравственности, отсутствию родительского контроля, избытку свободного времени, ведущим к преступлению» [McRobbie A., Thornton S.L., 1995, p. 561–562].

Аргумент к моральному разложению молодежи и беспрецедентности позволяет мобилизовать широкую поддержку призывов к ужесточению надзорных и карательных мер [Garland D., 2001; Pickett J.T. et al., 2013]. Алармистская атмосфера подогревается нарративами о знаковых, символических событиях, призванных усилить у аудитории озабоченность и страх [Jennings W. et al., 2017, p. 2]. Такие события должны быть одиозны: вызывать отвращение и ожесточение; публика должна действовать, руководствуясь эмоциями.

Этап IVb. Кризис: экологическая традиция

Возобновляется т.н. экологическая традиция. Еще Шоу и Маккей (1942) обнаружили, что, несмотря на смену этнического состава населения, криминальная ситуация в т.н. городских зонах сохранялась [Shaw C., McKay H., 1969]. Они объясняли такую стабильность *структурными* факторами: бедность, этническая неоднород-

ность и смена жителей предотвращают усиление способности соседств к самоорганизации. Резидентская текучесть из *озадачивающего* фактора (почему при смене населения ситуация не меняется?) стала фактором *объясняющим* (ситуация не меняется *из-за* смены населения).

Вводится понятие «дезорганизованное соседство», подверженное социальной дезорганизации. Социальная дезорганизация — «неспособность структуры общины реализовать общие для ее жителей ценности и поддерживать эффективный контроль» [Sampson R.J., Groves W.B., 1989, p. 777]. Для такой общины характерны урбанизированность, бедность, этническая неоднородность, смена населения, неполные семьи, слабые дружеские сети, безнадзорные группы подростков и низкая общественная активность [Kubrin С.Е., Wo J., 2016, p. 124; Sampson R.J., Groves W.B., 1989]. Эти («экологические») условия жизни определяют криминальную статистику в округе в большей степени, чем характеристики *самых жителей* [Kubrin С.Е., Weitzer R., 2003, p. 374].

Социальный контроль здесь понимается в самом непосредственном и ограничительном смысле. Подростки должны быть подчинены контролю через структурированную деятельность, которая «организована взрослыми и находится под их надзором» [Osgood D.W. et al., 2005, p. 47]: в школе, в спортивном клубе, на уроках с репетитором и т.п. Чем меньше «структурирована» деятельность, тем с большей вероятностью человеку представляются возможности для проблемного поведения в том простом смысле, что он или она не будет занят(а) чем-то еще [Osgood D.W. et al., 2005, p. 51].

Фокус внимания исследователей смещается с несовершеннолетних на «соседства», эффекты социальных связей и социального капитала [Kubrin С.Е., Wo J., 2016, p. 128]. Роль несовершеннолетних оказывается сведена к опосредующей переменной под собирательным понятием «безнадзорная молодежь» [см., напр.: Sun I.Y. et al., 2004], где «безнадзорность» — атрибут отнюдь не молодежи, а взрослого общества, утратившего контроль («надзор») над детьми. «Безнадзорная молодежь» совершает противоправные действия, но концепт этот обозначает вовсе не субъектность *молодежи*, а *потерю субъектности* взрослыми! Родители оставляют детей без присмотра, не рас-

познают их проступки и прибегают к беспорядочным и избыточным наказаниям [Unnever J.D. et al., 2006, p. 2–3].

Полностью утрачивается социологизм в новом жанре криминологии — исследовании траекторий мест совершения преступлений (с 1980-х гг.). Фокус внимания исследователей сужается и переходит от «городских зон» и «дезорганизованных соседств» к т.н. горячим точкам преступности, конкретным местам совершения преступлений. К примеру, в Миннеаполисе 50 % вызовов полиции поступали с 3 % адресов [Sherman L. et al., 1989, p. 37]. От вопросов «кто преступник?» и «почему?» исследователи траекторий Шерман, Вейсбурд и соавторы перешли к вопросам «где преступник?» и «какое преступление?». Было предположено, что места совершения преступлений должны иметь благоприятствующие условия [Weisburd D. et al., 2004]. Делинквентное *место* сочетает в себе три условия: (1) наличие мотивированного посягателя и (2) удобной жертвы, (3) отсутствие правоохранителя [Cohen L.E., Felson M., 1979, p. 589–590].

Выхолащивание социологизма в новых подходах к объяснению криминализации идет рука об руку с тривиализацией. Например, Вейсбурд и соавторы в результате 14-летнего исследования статистики пришли к заключению о неизменности мест совершения преступлений [Weisburd D. et al., 2004, p. 310]. Обнаружение этого общеизвестного факта приводит авторов к справедливому выводу о необходимости «большого понимания природы таких мест и их (sic!) опыта» [Weisburd D. et al., 2004, p. 310–311]. Однако «опыт» и «природа» означают здесь лишь «социальную организацию поведения в географическом месте» и «фиксированную физическую среду, полностью и одновременно наблюдаемую невооруженным глазом» [Sherman L. et al., 1989, p. 31–32]. Редукция *социальной* реальности к *физической* порождает карикатурные механистические рекомендации: «...жертвы должны быть менее удобные, охрана — увеличена, а подача потенциальных посягателей снижена» (приводим буквальный перевод. — А.К.) [Sherman L. et al., 1989, p. 47]. Таков ответ на триаду детерминант криминализации места «посягатель – жертва – страж» Коэна и Фелсона. Эти авторы пытались объяснить резкий рост числа ограблений, изнасилований и

убийств на фоне роста занятости, доходов и школьников среди афроамериканцев (на чей счет относилась значительная часть тяжких преступлений). Интересно, что Коэн и Фелсон возвращают нас к изучению *структурных* условий, однако в совершенно новом ключе: не бедность, а *рост* благосостояния привел к росту преступности, поскольку, с одной стороны, дома американцев наполнились товарами длительного пользования, с другой стороны, эти дома опустели в результате выхода женщин на рынок труда и распространения культуры проведения досуга вне дома [Cohen L.E., Felson M., 1979, p. 598, 605].

Итак, происходит измельчание социологической аналитики и эмпирики: криминология движется от Чикагской школы, сфокусированной на структурных аспектах классовой динамики и мерах социальной политики, к полицейской практике, внимание которой направлено на слежку за местами наиболее вероятного совершения преступления и ловлю конкретного преступника.

Этап IVc. Кризис: теория клеймения

Мнение криминологической теории о природе человека только ухудшалось. Чикагская школа еще была благосклонна к человеку: девиация и деликт понимались как результат попадания хорошего человека в плохие социальные условия, у У. Томаса девиация еще прогрессивна: это «высвобождение важной социальной энергии, которая не могла найти выражение при прежних нормах» [Thomas W.I., 1923, p. 231]. В более поздних школах и биокриминологии человек изначально морально нейтрален, но воспринимается как существо испорченное и нуждающееся в обуздании.

Вероятно, поэтому теория клеймения (Г. Бекер, И. Гофман) могла развиваться только из концепции Чикагской школы. Специального внимания преступности подростков эта теория не уделяла, поэтому ограничимся здесь только самым кратким замечанием. Основной постулат этой теории — никакой *естественной* разницы между законопослушным, девиантным и делинквентным поведением не существует: «Девиантность не есть качество действия, совершаемого человеком, но скорее последствие применения другими людьми правил и санкций к “нарушителю”. Девиант есть тот, к кому этот

ярлык был успешно применен; девиантное поведение — поведение, которое так заклеено» [Becker H.S., 1966, p. 9]. Итак, социологический подход к объяснению преступности здесь сохраняется, но только путем релятивизации самого понятия «преступление»; оно рассматривается как социальный конструктор.

Обсуждение

С момента обнаружения в начале XX в. тюремным инспектором Чарльзом Горингом пика криминальности в возрасте между 15 и 25 годами западная криминологическая наука прошла долгий путь поиска причин начала и прекращения преступной деятельности. Объяснение этого феномена предполагало ответ на четыре вопроса: (1) почему люди после 15 лет начинают чаще совершать преступления и (2) почему они все реже совершают их после 20 лет, (3) какие из подростков криминализируются и (4) какие из молодых людей декриминализируются после 20 лет? Вопросы 1 и 2 остались без ответа. Вопросы 3 и 4 были связаны с проблемами *социальной структуры* (на преступление человека толкают внешние социальные условия и влияния) либо *социального контроля* (к преступлению человека тянет *внутренняя* сила, не обузданная внешними рамками, узами, связями). Обе доктрины были сосредоточены на поиске факторов криминализации, и обе впоследствии были вынуждены признать постулат универсальности отношения «преступление – возраст»: пик криминальности наблюдался в *разных* социальных, географических, гендерных, половых, расовых группах и общностях. Вместе с этим эмпирическим фактом необходимо принять и его частный случай — поразительную симметрию отношения «преступник – жертва»: убийца, грабитель, насильник и его жертва чаще всего принадлежат к одной и той же группе и общности (показательно, что нарушение этой симметрии рутинно определяется как *специальный* тип преступления — геноцид!). Неспособностью классической криминологии найти социальные факторы криминализации воспользовались новые доктрины — биосоциальная криминология и экологическая теория. Если нет социальных различий между подростком, подверженным криминализации, и подростком, не подверженным ей, то нет социальных различий и между преступником и

жертвой. Если социальных факторов криминализации на самом деле не существует, то исчезает проблема *разграничения* влияния социальных и несоциальных факторов. Биокриминологи предложили изучить девиантные проявления у близнецов [см.: Barnes J.C. et al., 2014]. Как и ожидалось, были обнаружены корреляции, и теперь их вновь можно объяснять генетическими факторами, не тратя времени на упраздненные социальные факторы.

Экологическая криминология предложила игнорировать не социальную детерминацию преступности (как биокриминология), а саму *проблему* такой детерминации: сместить фокус исследования с криминализации *человека* на криминализацию *места* преступления. Теории клеймения и моральной паники предложили проблематизировать не превращение *человека* в преступника, а превращение *действия* в преступление. Действительно, пусть социальная детерминация *преступности* оказалась эмпирически дискредитированной, но все же еще можно апеллировать к социальным причинам при объяснении стигматизации.

Независимо от того, изучается ли криминализация человека, действия или места, постулируется ли социальная либо биологическая детерминация криминальности, пик криминализации в возрасте 15–25 лет остается самым важным и необъясненным эмпирическим фактом.

Пик криминальности, независимость которого от социальных факторов и зависимость от возраста была доказана, казалось бы, должен был привлечь внимание биокриминологов. Однако этот феномен практически не освещается учеными-биокриминологами (возможно, ввиду лишь слабого знакомства с криминологической литературой?). Но и здесь уже обнаруживается *асимметричность причин* этого пика: Connolly и Kavish (2018) изучали связь агрессивности и делинквентности у *сиблингов* (т.е. отчасти контролируя *генетическую* близость респондентов и *культурную* — семейного воспитания) и нашли позитивное влияние агрессивности на начало криминальной активности и отсутствие влияния на ее *завершение*, придя к выводу, что на выход из пика криминализации оказывают воздействие какие-то другие, новые причины [Connolly E.J., Kavish N., 2018]. Но могут ли такие причины быть *генетически* обусловлены? Поскольку подростки на «входе» в пик крими-

нализации генетически те же люди, что и на «выходе» из него, такие аргументы могут быть бессильны объяснить центральный феномен криминологии.

Эти причины, по-видимому, должны быть *социальными*. Однако социум в биокриминологии сведен к *среде* (environment) — абстрактному набору инертных и простых переменных или событий. Возможно, поэтому исследования «взаимодействия генов и среды» (GxEs) получают сомнительные, плохо реплицируемые результаты [см., напр.: Duncan L.E. et al., 2014]. Среди переменных среды, которые влияют на криминализацию подростков, могут быть:

- популяризация и романтизация уголовной субкультуры в СМИ;
- намеренное втягивание в уголовную деятельность;
- контакт с правоохранительной системой (например, эмпирически показана положительная связь ареста с рецидивами [Motz R. et al., 2019]; при этом суровость ограничительных мер может не иметь значения, как показали устойчивые темпы рецидивности в рамках новаторского проекта *HOPE* [см., напр.: Cullen F.N. et al., 2018]).

Эти влияния трудно объяснить генетическими особенностями *жертвы* такого воздействия.

Заключение

Признаки кризиса теории преступности *подростков* — выхолащивание социологизма и тривиализация объяснений — это признаки деградации криминологии как таковой. Как криминология, некогда *социологическая* дисциплина, пришла к биологическому редукционизму — к идее, что *социальные* причины в конечном итоге сводятся к эффектам генетических факторов и психических отклонений? Обзор развития и кризиса западной криминологии, на наш взгляд, обнаруживает фундаментальное историческое заблуждение, унаследованное ею еще от донаучных убеждений. *Криминология* *никогда всерьез не рассматривала преступление как объект, заслуживающий анализа*. Ее внимание изначально было сосредоточено на преступнике. Криминальные типы Ломброзо («обезьяний», «дегенерат», «низшая раса») локализовали причину преступления в

человеке: *он* отклоняется от социальной и физиологической нормы («этиологию преступника» Ломброзо считает буквально частным случаем «патологии человека» [см., напр.: Lombroso C., 1897, p. 65]) индивидуально или коллективно (например, «цыган, в целом, как и бедуинов, можно назвать расой объединившихся злодеев» (*razza di malfattori associati*) [Lombroso C., 1897, p. 194–195]). Криминология отвергла биологический детерминизм ломброзианцев, но оставила сам принцип, заключающийся в том, что причины преступности следует искать в преступнике. Ранняя криминология (структурная теория) еще считала, что преступные наклонности вызваны в (изначально *хорошем*) человеке негативными социальными условиями. Но уже теории социального контроля перевернули эту оппозицию: согласно им зло коренится *в человеке*, и, если внешние ограничения слабы, его самоконтроль тоже ослаблен, — преступная натура вырывается наружу в преступном деянии. Таков был первый шаг криминологии *назад*, к *уголовному типу человека* у Ломброзо и его учеников.

Но все различия между перечисленными концепциями окажутся второстепенными, *если рассмотреть сам метод*. Какой вопрос исследовала классическая криминология и как ее представители искали криминальный тип? Логика *поиска* включала в себя естественные, как казалось, этапы. Необходимо: (1) найти человеческую группу с относительно высокой уголовной статистикой (обнаружив отличительный признак этой группы, x_1) и повторить тот же поиск внутри этой группы (обнаружив последовательно x_2 , x_3 , и т.д. в подвыборках), (2) допустить, что обнаруженные межгрупповые различия (x_1 , x_2 , x_3 , ...) являются проявлениями/описаниями *причин* поведения (y), (3) объяснять необязательность реализации причин (x_1 , x_2 , x_3 , ...) в каждом индивидуальном случае Y_i вмешательством посторонних случайных обстоятельств (z_1 , z_2 , z_3 , ..., например, возможностей совершить преступление). Здесь необходимо сделать два замечания: (1) совершенно безразлично, являются ли x -признаки социальными или биологическими, (2) допустимо объяснять наличие вмешивающихся z -признаков недостаточной изученностью x -признаков (в конечном итоге z_1 , z_2 , z_3 , ... могут быть редуцированы к x_4 , x_5 , x_6 , ...). Итак,

обе доктрины — классической криминологии и биокриминологии — взаимно редукционистские и ошибочные. Ошибка заключена в отождествлении межгрупповых *различий с причинами* поведения (этап 2).

Общая черта обеих доктрин также состоит в том, что искомый ими ответ не был ответом на поставленный вопрос. Хирши был прав, на наш взгляд, определив, что разные школы классической криминологии задавались главным вопросом социологии: «Как возможен социальный порядок?» [Hirschi T., 1969, p. 4–11]. Но отвечали они совсем на другой вопрос: «*Кто* нарушает социальный порядок?». Представители социальных групп? Субкультур? Жертвы плохого социального контроля или стигматизации? Биокриминология высказала критику этих теорий за неспособность ответить на этот второй вопрос и предложила генетические причины (напомним, что благодаря смешению причин с межгрупповыми различиями обе доктрины не различают вопросы «*кто нарушает?*» и «*почему нарушает?*»). Но если в криминологии вопрос о социальном порядке не был должным образом освещен, то в биокриминологии он вообще не может быть поставлен. Аргумент к отбору в популяциях в пользу генов альтруизма и *кооперации*, эволюционно выгодных для заботы о потомстве [см., напр.: Walsh A., Biever K.M., 2009, p. 83–84], не объясняет возникновение социальной организации на уровнях выше семейной группы. Создание суда, полиции и тюрьмы трудно объяснить сильными родительскими инстинктами. Очевидно, что ведущую роль здесь должны играть разделение труда и *кооперация* — сугубо социальный тип организации.

References

- Barnes, J.C., Boutwell, B.B., Miller, J.M., DeShay, R.A., Beaver, K.M. and White, N. (2016). Exposure to pre- and perinatal risk factors partially explains mean differences in self-regulation between races. *PLoS ONE*. Vol. 11, iss. 2. Available at: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0141954> (accessed 30.04.2019). DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0141954>
- Barnes, J.C., Wright, J.P., Boutwell, B.B., Schwartz, J.A., Connolly, E.J., Nedelec, J.L. and Beaver, K.M. (2014). Demonstrating the validity of twin research in criminology. *Criminology*. Vol. 52,

iss. 4, pp. 588–626. DOI: <https://doi.org/10.1111/1745-9125.12049>

Baron, S. and Tindall, D.B. (1993). Network structure and delinquent attitudes within a juvenile gang. *Social Networks*. Vol. 15, iss. 3, pp. 255–273. DOI: [https://doi.org/10.1016/0378-8733\(93\)90008-9](https://doi.org/10.1016/0378-8733(93)90008-9)

Bassiouni, M.C. and Sewell, A.F. (1974). Scientific approaches to juvenile delinquency and criminality. *DePaul Law Review*. Vol. 23, iss. 4, p. 1344–1407. Available at: <https://via.library.depaul.edu/law-review/vol23/iss4/3> (accessed 27.04.2019).

Beaver, K.M., Delisi, M., Mears, D. and Stewart, E. (2009). Low self-control and contact with the criminal justice system in a nationally representative sample of males. *Justice Quarterly*. Vol. 26, iss. 4, pp. 695–715. DOI: <https://doi.org/10.1080/07418820802593352>

Beaver, K.M., Delisi, M., Wright, J.P. and Vaughn, M. (2009). Gene-environment interplay and delinquent involvement: evidence of direct, indirect, and interactive effects. *Journal of Adolescent Research*. Vol. 24, iss. 2, pp. 147–168. DOI: <https://doi.org/10.1177/0743558408329952>

Beaver, K.M., Wright, J.P. and Delisi, M. (2008). Delinquent peer group formation: evidence of a gene x environment correlation. *The Journal of Genetic Psychology*. Vol. 169, iss. 3, pp. 227–244. DOI: <https://doi.org/10.3200/GNTP.169.3.227-244>

Becker, H.S. (1966). *Outsiders: studies in the sociology of deviance*. N.Y.: Free Press, 180 p.

Bersani, B., Nieuwebeerta, P., and Laub, J.H. (2009). Predicting trajectories of offending over the life course: findings from a Dutch conviction cohort. *Journal of Research in Crime and Delinquency*. Vol. 46, iss. 4, pp. 468–494. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022427809341939>

Boisvert, D., Vaske, J., Wright, J.P. and Knopik, V. (2012). Sex differences in criminal behavior a genetic analysis. *Journal of Contemporary Criminal Justice*. Vol. 28, iss. 3, pp. 293–313. DOI: <https://doi.org/10.1177/1043986212450224>

Bordua, D.S. (1961). Delinquent subcultures: sociological interpretations of gang delinquency. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 338, iss. 1, pp. 119–136. DOI: <https://doi.org/10.1177/000271626133800113>

Braithwaite, J. (1989). *Crime, shame and reintegration*. Cambridge: Cambridge University Press, 226 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511804618>

Brownfield, D. (2014). Testing a subcultural theory of crime and delinquency in a gang context. *Journal of Gang Research Volume*. Vol. 21, no. 4. Available at:

<https://ngcrc.com/journalofgangresearch/jgr.v21n4.brownfield.pdf> (accessed 30.04.2019).

Burt, C. (2015). Heritability studies: methodological flaws, invalidated dogmas, and changing paradigms. *Advances in Medical Sociology*. Vol. 16, pp. 3–44. DOI: <https://doi.org/10.1108/S1057-629020150000016002>

Clinard, M.B. (1951). Sociologists and American criminology. *Journal of Criminal Law and Criminology (1931–1951)*. Vol. 41, no. 5, pp. 549–577. DOI: <https://doi.org/10.2307/1138770>

Cloward, R.A. (1959). Illegitimate means, anomie, and deviant behavior. *American Sociological Review*. Vol. 24, no. 2, pp. 164–176. DOI: <https://doi.org/10.2307/2089427>

Cloward, R.A. and Ohlin, L.E. (1960). *Delinquency and opportunity, a theory of delinquent gangs*. Glencoe, ILL: The Free Press, 220 p.

Cohen, A. (1955). *Delinquent boys: The culture of the gang*. N.Y.: Free Press, 198 p.

Cohen, L.E. and Felson, M. (1979). Social change and crime rate trends: a routine activity approach. *American Sociological Review*. Vol. 44, no. 4, pp. 588–608. DOI: <https://doi.org/10.2307/2094589>

Cohen, L.E. and Vila, B.J. (1996). Self-control and social control: An exposition of the Gottfredson-Hirschi/Sampson-Laub debate. *Studies on Crime and Crime Prevention*. Vol. 5, iss. 2, pp. 125–150.

Collins, W.A., Maccoby, E.E., Steinberg, L., Hetherington, E.M., and Bornstein, M.H. (2000). Contemporary research on parenting: The case for nature and nurture. *The American Psychologist*. Vol. 55, iss. 2, pp. 218–232. DOI: <https://doi.org/10.1037/0003-066x.55.2.218>

Connolly, E.J. and Kavish, N. (2018). The causal relationship between childhood adversity and developmental trajectories of delinquency: a consideration of genetic and environmental confounds. *Journal of Youth and Adolescence*. Vol. 48, iss. 2, pp. 199–211. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10964-018-0960-0>

Craig, J.M., Piquero, A.R., Farrington, D.P. and Ttofi, M.M. (2017). A little early risk goes a long bad way: Adverse childhood experiences and life-course offending in the Cambridge study. *Journal of Criminal Justice*. Vol. 53, pp. 34–45. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jcrimjus.2017.09.005>

Cressey, P. (2008). *The taxi-dance hall: a sociological study in commercialized recreation and city life*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 334 p.

Critcher, C. (2008). Moral panic analysis: past, present and future. *Sociology Compass*. Vol. 2, iss. 4, pp. 1127–1144. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1751-9020.2008.00122.x>

- Cullen, F.T., Pratt, T. and Graham, A. (2019). Why longitudinal research is hurting criminology. *The Criminologist*. Vol. 44, no. 2, pp. 1–7. Available at: <https://asc41.com/Criminologist/2019/ASC-Criminologist-2019-03.pdf> (accessed 14.01.2020).
- Cullen, F.N., Pratt, T., Turanovic, J. and Butler, L. (2018). When bad news arrives: Project HOPE in a post-factual world. *Journal of Contemporary Criminal Justice*. Vol. 34, iss. 1, pp. 13–34. DOI: <https://doi.org/10.1177/1043986217750424>
- Cullen, F.T., Wright, J.P. and Chamlin, M. (1999). Social support and social reform: a progressive crime control agenda. *Crime and Delinquency*. Vol. 45, iss. 4, pp. 188–207. DOI: <https://doi.org/10.1177/0011128799045002002>
- Delisi, M., Wright, P.J., Beaver, K. and Vaughn, M. (2011). Teaching biosocial criminology I: Understanding endophenotypes using gottfredson and Hirschi's self-control construct. *Journal of Criminal Justice Education*. Vol. 22, iss. 3, pp. 360–376. DOI: <https://doi.org/10.1080/10511253.2010.519713>
- Duncan, L.E., Pollastri, A.R. and Smoller, J.W. (2014). Mind the gap: Why many geneticists and psychological scientists have discrepant views about gene-environment interaction (GxE) research. *The American Psychologist*. Vol. 69, iss. 3, pp. 249–268. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0036320>
- Durkheim, E. (1982). *The rules of sociological method*, ed. by Steven Lukes; trans. by W.D. Halls. N.Y.: Free Press, 265 p.
- Ellwood, C.A. (1912). Lombroso's theory of crime. *Journal of the American Institute of Criminal Law and Criminology*. Vol. 2, no. 5, pp. 716–723. DOI: <https://doi.org/10.2307/1132830>
- Farrington, D.P. (2019). Childhood risk and protective factors for early desisters, late desisters and life-course persistent offenders. *Revista Espacola de Investigaciyn Criminologica*. Vol. 1, no. 17. Available at: <https://reic.criminologia.net/index.php/journal/article/view/225> (accessed 11.04.2019).
- Garland, D. (2001). *The culture of control: crime and social order in contemporary society*. Oxford, UK: Oxford University Press, 336 p.
- Giordano, P.C. (1978). Girls, guys and gangs: The changing social context of female delinquency. *Journal of Criminal Law and Criminology*. Vol. 69, no. 1, pp. 126–132. DOI: <https://doi.org/10.2307/1142502>
- Glueck, S. and Glueck, E. (1956). Early detection of future delinquents. *Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science*. Vol. 47, no. 2, pp. 174–182. DOI: <https://doi.org/10.2307/1140387>
- Goldin, C. and Katz, L.F. (1999). The shaping of higher education: The formative years in the United States, 1890 to 1940. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 13, no. 1, pp. 37–62. DOI: <https://doi.org/10.1257/jep.13.1.37>
- Goring, C. (1913). *The English Convict*. Montclair, NJ: Patterson Smith Publ.
- Gottfredson, M.R. and Hirschi, T. (1990). *A general theory of crime*. Stanford, CA: Stanford University Press, 297 p.
- Greenberg, D. (1977). Delinquency and the age structure of society. *Contemporary Crises*. Vol. 1, iss. 2, pp. 189–223. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00728871>
- Hagedorn, J.M. (2005). The global impact of gangs. *Journal of Contemporary Criminal Justice*. Vol. 21, iss. 2, pp. 153–169. DOI: <https://doi.org/10.1177/1043986204273390>
- Harris-McKoy, D. and Cui, M. (2013). Parental control, adolescent delinquency, and young adult criminal behavior. *Journal of Child and Family Studies*. Vol. 22, iss. 6, pp. 836–843. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10826-012-9641-x>
- Hartung, F.E. (1958). A critique of the sociological approach to crime and correction. *Law and Contemporary Problems*. Vol. 23, no. 4, pp. 703–734. DOI: <https://doi.org/10.2307/1190395>
- Hentig, H. von (1948). *The criminal and his victim: studies in the sociobiology of crime*. New Haven: CT. Yale University Press, 461 p.
- Hirschi, T. (1969). *Causes of delinquency*. Berkeley, CA: University of California Press, 309 p.
- Hirschi, T. and Gottfredson, M. (1983). Age and the explanation of crime. *The American Journal of Sociology*. Vol. 89, no. 3, pp. 552–584. DOI: <https://doi.org/10.1086/227905>
- Jackson, D.B., Newsome, J., Vaughn, M.G. and Johnson, K.R. (2018). Considering the role of food insecurity in low self-control and early delinquency. *Journal of Criminal Justice*. Vol. 56, pp. 127–139. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jcrimjus.2017.07.002>
- Jennings, W., Farrall, S., Gray, E. and Hay, C. (2017). Moral panics and punctuated equilibrium in public policy: an analysis of the criminal justice policy agenda in Britain. *Policy Studies Journal*. Vol. 48, iss. 1, pp. 207–234. DOI: <https://doi.org/10.1111/psj.12239>
- Kubrin, C.E. and Weitzer, R. (2003). New directions in social disorganization theory. *Journal of Research in Crime and Delinquency*. Vol. 40, iss. 4, pp. 374–402. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022427803256238>
- Kubrin, C.E. and Wo, J. (2016). Social disorganization theory's greatest challenge: linking structural characteristics to crime in socially disorganized

- neighborhoods, *Handbook of Criminological Theory*, ed. by A.R. Piquero. Oxford, UK: Wiley-Blackwell Publ., pp. 121–136. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781118512449.ch7>
- Laub, J.H. (2006). Edwin H. Sutherland and the Michael-Adler report: Searching for the soul of criminology seventy years later. *Criminology*. Vol. 44, iss. 2, pp. 235–258. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.2006.00048.x>
- Laub, J.H. and Sampson, R.J. (1991). The Sutherland-Gluck debate: On the sociology of criminological knowledge. *American Journal of Sociology*. Vol. 96, no. 6, pp. 1402–1440. DOI: <https://doi.org/10.1086/229691>
- Laub, J.H., and Sampson, R.J. (1988). Unraveling families and delinquency: a reanalysis of the Gluecks' data. *Criminology*. Vol. 26, iss. 3, pp. 355–380. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.1988.tb00846.x>
- Lerman, P. (1967). Gangs, networks, and subcultural delinquency. *The American Journal of Sociology*. Vol. 73, no. 1, pp. 63–72. DOI: <https://doi.org/10.1086/224436>
- McGloin, M.J., Schreck, C. and Stewart, E.A. and Ousey, G. (2011). Predicting the violent offender: The discriminant validity of the subculture of violence. *Criminology*. Vol. 49, iss. 3, pp. 767–794. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.2011.00235.x>
- McRobbie, A. and Thornton, S.L. (1995). Rethinking «moral panic» for multi-mediated social worlds. *The British Journal of Sociology*. Vol. 46, no. 4, pp. 559–574. DOI: <https://doi.org/10.2307/591571>
- Meier, R.F. and Miethe, T.D. (1993). Understanding theories of criminal victimization. *Crime and Justice*. Vol. 17, pp. 459–499. DOI: <https://doi.org/10.1086/449218>
- Merton, R.K. (1938). Social structure and anomie. *American Sociological Review*. Vol. 3, no. 5, pp. 672–682. DOI: <https://doi.org/10.2307/2084686>
- Miller, S.L. and Burack, C. (1993). A critique of Gottfredson and Hirschi's general theory of crime, women and criminal justice. *Women & Criminal Justice*. Vol. 4, iss. 2, pp. 115–134. DOI: https://doi.org/10.1300/J012v04n02_07
- Miller, J.M., Cohen, A.K. and Bryant, K.M. (1997). On the demise and morrow of subculture theories of crime and delinquency. *Journal of Crime and Justice*. Vol. 20, iss. 2, pp. 167–178. DOI: <https://doi.org/10.1080/0735648X.1997.9721588>
- Motz, R., Barnes, J.C., Caspi, A., Arseneault, L., Cullen, F., Houts, R., Wertz, J. and Moffitt, T. (2019). Does contact with the justice system deter or promote future delinquency? Results from a longitudinal study of British adolescent twins. *Criminology*. Vol. 58, iss. 2, pp. 307–335. DOI: <https://doi.org/10.1111/1745-9125.12236>
- Moule Jr.R., Burt, C., Stewart, E.A. and Simons, R. (2015). Developmental trajectories of individuals' code of the street beliefs through emerging adulthood. *Journal of Research in Crime and Delinquency*. Vol. 52, iss. 3, pp. 342–372. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022427814565904>
- Osgood, D.W., Anderson, A.L., and Shaffer, J.N. (2005). Unstructured leisure in the after-school hours. *Organized activities as contexts of development: Extracurricular activities, after-school and community programs*, ed. by J.L. Mahoney, R.W. Larson, J.S. Eccles. Mahwah, NJ: Erlbaum Publ., pp. 45–64.
- Pearson, G. (1983). *Hooligan: a history of respectable fears*. London: Macmillan Publ., 287 p.
- Petherick, W. (2017). Victim precipitation: Why we need to expand upon the theory. *Forensic Research and Criminology International Journal*. Vol. 5, iss. 2. Available at: <https://medcraveonline.com/FRCIJ/FRCIJ-05-00148.pdf> (accessed 14.01.2020). DOI: <https://doi.org/10.15406/frcij.2017.05.00148>
- Pickett, J.T., Stewart, E.A., Mears, D.P., and Gertz, M. (2013). Security at the expense of liberty: A test of predictions deriving from the culture of control thesis. *Crime and Delinquency*. Vol. 59, iss. 2, pp. 214–242. DOI: <https://doi.org/10.1177/0011128712461612>
- Piquero, A.R. (2008). Taking stock of developmental trajectories of criminal activity over the life course. *The long view of crime: A synthesis of longitudinal research*, ed. by A.M. Liberman. N.Y.: Springer Publ., pp. 23–78. DOI: https://doi.org/10.1007/978-0-387-71165-2_2
- Reckless, W.C. and Dinitz, S. (1972). *The Prevention of juvenile delinquency: an experiment*. Columbus: Ohio State University Press, 254 p.
- Rocque, M., Posick, C. and Hoyle, J. (2016). Age and crime. *The encyclopedia of crime and Punishment*, ed. by W.G. Jennings. Chichester, West Sussex: John Wiley and Sons Publ., pp. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781118519639.wbecpx275>
- Sampson, R.J. and Groves, W.B. (1989). Community structure and crime: testing social-disorganization theory. *American Journal of Sociology*. Vol. 94, no. 4, pp. 774–802. DOI: <https://doi.org/10.1086/229068>
- Sampson, R.J. and Laub, J.H. (1997). A life-course theory of cumulative disadvantage and the stability of delinquency. *Developmental theories of crime and delinquency*, ed. by T.P. Thornberry. New Brunswick: Transaction Publ., pp. 133–161.

- Sampson, R.J. and Laub, J.H. (2005). A life-course view of the development of crime. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 602, iss. 1, pp. 12–45. DOI: <https://doi.org/10.1177/0002716205280075>
- Sampson, R.J. and Laub, J.H. (2003). Life-course desisters? Trajectories of crime among delinquent boys followed to age 70. *Criminology*. Vol. 41, no. 3, pp. 555–592. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.2003.tb00997.x>
- Savage, J. and Vila, B. (2003). Human ecology, crime, and crime control: Linking individual behavior and aggregate crime. *Social Biology*. Vol. 50, iss. 1–2, pp. 77–101. DOI: <https://doi.org/10.1080/19485565.2003.9989066>
- Schreck, C. (1999). Criminal victimization and low self-control: An extension and test of a general theory of crime. *Justice Quarterly*. Vol. 16, iss. 3, pp. 633–654. DOI: <https://doi.org/10.1080/07418829900094291>
- Schreck, C., Wright, R. and Miller, J.M. (2002). A study of individual and situational antecedents of violent victimization. *Justice Quarterly*. Vol. 19, iss. 1, pp. 159–180. DOI: <https://doi.org/10.1080/07418820200095201>
- Schreck, C.J., Burek, M.W., Stewart, E.A. and Miller, J.M. (2007). Distress and violent victimization among young adolescents: Early puberty and the social interactionist explanation. *Journal of Research in Crime and Delinquency*. Vol. 44, iss. 4, pp. 381–405. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022427807305851>
- Schreck, C.J., Stewart, E.A. and Fisher, B. (2006). Self-control, victimization, and their influence on risky lifestyles: A longitudinal analysis using panel data. *Journal of Quantitative Criminology*. Vol. 22, iss. 4, pp. 319–340. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10940-006-9014-y>
- Schreck, C.J., Stewart, E.A. and Osgood, D. (2008). A reappraisal of the overlap of violent offenders and victims. *Criminology*. Vol. 46, iss. 4, pp. 871–906. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.2008.00127.x>
- Shaw, C. and McKay, H. (1969). *Juvenile delinquency and urban areas*. Chicago: University of Chicago Press.
- Sheldon, W.H. (1942). *The varieties of temperament: A psychology of constitutional differences*. New York: Harper and Brothers Publ., 520 p.
- Sherman, L., Gartin, P.R. and Buerger, M.E. (1989). Hot spots of predatory crime: routine activities and the criminology of place. *Criminology*. Vol. 27, iss. 1, pp. 27–56. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.1989.tb00862.x>
- Shore, H. (2011). Inventing and re-inventing the juvenile delinquent in British history. *Memoria Y Civilizacion*. Vol. 14, pp. 105–132. Available at: <http://eprints.leedsbeckett.ac.uk/121/> (accessed 19.04.2019).
- Siegel, L.J. (2011). *Criminology: The Core*. Belmont: Wadsworth/Cengage Learning Publ., 492 p.
- Simons, R. and Burt, C. (2011). Learning to be bad: Adverse social conditions, social schemas, and crime. *Criminology*. Vol. 49, iss. 2, pp. 553–598. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.2011.00231.x>
- Sirgiovanni, E. (2017). Criminal heredity: The influence of Cesare Lombroso’s concept of the «born criminal» on contemporary neurogenetics and its forensic applications. *Medicina Nei Secoli*. Vol. 29, no. 1, pp. 165–188. Available at: <https://www.medicinaneisecoli.it/index.php/MedSecoli/article/view/716> (accessed 29.01.2020).
- Snyder, T.D. (1993). *120 years of American education: a statistical portrait*. Washington, DC: U.S. Dept. of Education, Office of Educational Research and Improvement, National Center for Education Statistics, 115 p.
- Stewart, E.A., Schreck, C. and Brunson, R.K. (2008). Lessons of the street code. *Journal of Contemporary Criminal Justice*. Vol. 24, iss. 2, pp. 137–147. DOI: <https://doi.org/10.1177/1043986208315473>
- Sun, I.Y., Triplett, R. and Gainey, R. (2004). Neighborhood characteristics and crime: A test of Sampson and Groves’ model of social disorganization. *Western Criminology Review*. Vol. 5, no. 1, pp. 1–16. Available at: https://westerncriminology.org/documents/WCR/v05n1/article_pdfs/sun.pdf (accessed 28.04.2019).
- Sutherland, E. (1947). *Principles of criminology*. Philadelphia, PA: Lippincott Publ., 643 p.
- Taft, D.R. (1951). Implication of the Glueck methodology for criminological research. *The Journal of Criminal Law, Criminology, and Police Science*. Vol. 42, no. 3, pp. 300–316. DOI: <https://doi.org/10.2307/1140345>
- Thomas, W.I. (1923). *The unadjusted girl: with cases and standpoint for behavior analysis*. Boston, MA: Little, Brown, and Company Publ., 261 p.
- Thrasher, F.M., (1963). *The gang: A study of 1,313 gangs in Chicago*. Chicago: University of Chicago Press., 388 p.
- Unnever, J.D., Cullen F., Wright, J.P. and Beaver, K.M. (2006). Why is «bad» parenting criminogenic? Implications from rival theories. *Youth Violence and Juvenile Justice*. Vol. 4, no. 1, pp. 3–33. DOI: <https://doi.org/10.1177/1541204005282310>

Walsh, A., and Beaver, K.M. (2009). Biosocial criminology. *Handbook on crime and deviance*, ed. by M.D. Krohn, A.J. Lizotte, G.P. Hall. New York: Springer Publ., pp. 79–101. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4419-0245-0_5

Weisburd, D., Bushway, S., Lum, C. and Yang, S. (2004). Trajectories of crime at places: a longitudinal study of street segments in the city of Seattle. *Criminology*. Vol. 42, iss. 2, pp. 283–322. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.2004.tb00521.x>

Wolfgang, M.E. and Singer, S.I. (1978). Victim categories of crime. *The Journal of Criminal Law*

and Criminology. Vol. 69, no. 3, pp. 379–394. DOI: <https://doi.org/10.2307/1142333>

Wright, J.P., Schnupp, R., Beaver, K.M., Delisi, M. and Vaughn, M. (2012). Genes, maternal negativity, and self-control evidence of a gene × environment interaction. *Youth Violence and Juvenile Justice*. Vol. 10, iss. 3, pp. 245–260. DOI: <https://doi.org/10.1177/1541204011429315>

Received 02.02.2020

Об авторе

Кузнецов Александр Евгеньевич

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: kzntsv@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1699-6466>

About the author

Alexander E. Kuznetsov

Ph.D. in Sociology, Associate Professor
of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: kzntsv@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1699-6466>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Кузнецов А.Е. Преступность несовершеннолетних: развитие и кризис (западной) криминологической теории // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 2. С. 291–306. DOI: [10.17072/2078-7898/2020-2-291-306](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-2-291-306)

For citation:

Kuznetsov A.E. [Juvenile crime: the rise and crisis of criminological theory]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 2, pp. 291–306 (in Russian). DOI: [10.17072/2078-7898/2020-2-291-306](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-2-291-306)

УДК [316.4+159.923]:378.4-057.875(470.53)

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-2-307-316

ТОЛЕРАНТНОСТЬ К ИНОСТРАННЫМ СТУДЕНТАМ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ (НА ПРИМЕРЕ ПГНИУ)

Балезина Екатерина Андреевна, Форостян Вероника Викторовна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Конкурентоспособность университета — одно из требований современного рынка образования. Для ее достижения российские вузы повышают образовательный и научно-исследовательский потенциал, приглашая иностранных студентов и сотрудников. Такой процесс ведет к необходимости методических и культурных изменений в вузе. Одно из обязательных изменений — создание среды толерантного взаимодействия иностранцев и россиян. Толерантность снижает уровень конфликтности всего общества, нетерпимости к другим культурам, нациям, расам, гендерам. Это требует высокого уровня контроля при внедрении изменений и постоянного мониторинга ситуации. Толерантность рассматривается через категорию «отношение», включающего в себя три компонента: эмоциональный, поведенческий, когнитивный. Цель публикации — охарактеризовать текущий уровень толерантности в отношениях между российскими и иностранными студентами в ПГНИУ. Эмпирическая база исследования — материалы анкетирования российских студентов Пермского университета об их отношении к иностранным студентам. Авторами оценивается: 1) текущее состояние трех компонентов толерантных отношений (эмоциональный, поведенческий, когнитивный); 2) понимание студентами толерантных отношений; 3) отношение к адаптации иностранцев к учебной и внеучебной деятельности. В Пермском университете наблюдается благоприятная обстановка для развития межкультурного взаимодействия студентов. Респонденты адекватно понимают толерантность, ее особенности и готовы уважать культурные, национальные особенности иностранных студентов. В практическом плане исследование способно прояснить представления об успешных путях развития коммуникации представителей разных культур, о способах развития толерантных отношений между студентами из разных стран.

Ключевые слова: толерантность в вузе, иностранные студенты, эмоциональный компонент толерантности, поведенческий компонент толерантности, когнитивный компонент толерантности.

TOLERANCE TO FOREIGN STUDENTS IN RUSSIAN UNIVERSITIES (A CASE STUDY OF PERM STATE UNIVERSITY)

Ekaterina A. Balezina, Veronika V. Forostyan

Perm State University

The competitiveness of a university is one of the requirements of the modern education market. In order to achieve it, Russian universities increase their educational and research potential. They invite foreign students and staff. This process requires methodological and cultural changes at the university. The creation of the environment fostering tolerant interaction between foreign and Russian students, the development of tolerance are among the mandatory changes. Tolerance reduces conflicts in society as a whole and diminishes intolerance towards other cultures, nations, races, and genders. This requires a lot of control during implementation and constant monitoring of the situation. Tolerance is manifested in the process of communication and is determined through the category «attitude» and its three components — emotional, behavioral, cognitive. The purpose of this article is to characterize the current state of tolerant relations between Russian and foreign students at Perm State University. The empirical base of the study is a survey of Russian students at Perm State University about their attitude to foreign students. The authors evaluate: 1) the current

state of the three components of tolerant relationships (emotional, behavioral, cognitive); 2) students' understanding of tolerant relations; 3) attitude to the foreigners' adaptation to educational and extracurricular activities. Perm University has a favorable environment for the development of intercultural interaction among students. Respondents adequately understand tolerance and its features and are ready to respect the cultural, national characteristics of foreign students. In practical terms, the study can clarify ideas about successful ways of developing communication among representatives of different cultures and about ways of developing tolerant relations among students from different countries.

Keywords: tolerance in a university, foreign students, emotional component of tolerance, behavioral component of tolerance, cognitive component of tolerance.

Введение

Модернизация системы высшего образования в России предполагает повышение конкурентоспособности российских университетов на международном рынке образования. Для этого вузы стремятся повышать свой образовательный и научно-исследовательский потенциал, в том числе за счет привлечения иностранных сотрудников и студентов [Федеральный закон..., 2012]. Эффективность деятельности образовательной организации оценивается и с помощью показателя «Удельный вес иностранных студентов» [Приказ министерства образования и науки РФ..., 2018]. Привлечение в образовательную среду вуза иностранцев вызывает ее трансформацию, способствует развитию мультикультурной среды.

Возникает проблемная ситуация, характеризующаяся, с одной стороны, выдвигаемыми требованиями и увеличением числа иностранных студентов, а с другой — неготовностью участников образовательной среды включаться в межкультурную коммуникацию и принимать новых коммуникантов [Фабрика И.Г., 2009; Василенко Е.А. и др., 2017]. Эта проблема может решаться следующими способами: с помощью выработки новых методик образования, повышения квалификации преподавателей, создания успешной коммуникационной среды в вузе через воспитание толерантного отношения. Последнее не только является возможностью для более продуктивного культурного обмена и снижения конфликтности, но и способствует повышению престижности вуза в целом. Кроме того, вуз является одной из ступеней к дальнейшей социализации личности. Создание толерантной среды внутри вуза и обеспечение межкультурного взаимодействия способствует формированию более компетентной и развитой личности, снижению уровня нетерпимости в

обществе, поскольку снижает вероятность участия студентов в молодежных экстремистских субкультурах. Воспитание толерантности является трудоемким процессом, т.к. затрагивает социокультурный аспект модернизации/изменения сознания студентов и преподавателей, а потому требует большего контроля, а значит, и изучения.

В научной литературе проблемы воспитания толерантности в молодежной среде рассматриваются, например, через изучение принципов создания толерантной среды в вузе на основе гуманистических отношений, формирования чувства ответственности и создания творческой среды [Воротилкина И.М., Луценко Е.Л., 2012; Луценко Е.Л., Ефимова Д.В., 2012]. Вопросы этнической толерантности в студенческой среде затрагиваются в работах Е.С. Лазаревой и Е.И. Григорьевой [Лазарева Е.С., Григорьева Е.И., 2012]. Результаты исследований толерантности в образовательной среде вуза можно увидеть и в трудах Е.Г. Виноградовой [Виноградова Е.Г., 2002], Ю.В. Кузнецовой [Кузнецова Ю.В., 2006], Н.В. Паниной и Е.И. Головахи [Панина Н.В., Головаха Е.И., 2006]. И.Ч. Аверзаев рассматривает формы и методы воспитания этнической толерантности с позиции педагогического процесса [Аверзаев И.Ч., 2010]. А. Вислова и С. Панченко описывают методику, способствующую развитию взаимопонимания в молодежной среде [Вислова А., 2008]. В.П. Комаров и О.В. Исаева разработали методику измерения толерантности, основываясь на анализе 15 черт толерантной личности. В исследовании авторы выделили ядром толерантности такие основные черты: «...терпение, терпимость к различиям, доброжелательность, расположенность к другим и способность к сопереживанию» [Комаров В.П., Исаева О.В., 2003, с. 115]. Саму толерантность респонденты

в этом исследовании определяли как пассивную категорию через понятия терпимости, терпеливого отношения и сдержанности.

Определяют толерантность при кажущейся ее понятности исследователи различным образом. Существует компетентностный подход, который определяет ее через обладание конкретным навыком, таким как «готовность и способность человека жить и конструктивно действовать в многообразном мире» [Майорова О.Н., 2016, с. 137]. Ценностный подход говорит о том, что в зависимости от предметного содержания толерантность может выступать ценностью-целью, ценностью-средством, ценностью-качеством, ценностью-знанием, ценностью-отношением к другому. Также исследователями выделяются разные компоненты толерантных отношений. Ю.В. Торопчина выделяет ценностные ориентации, социальную рефлексивность, коммуникацию, адаптивность в социуме [Психосемантический анализ..., 2000]. В.М. Золотухина говорит о способности к сотрудничеству в межличностном и межгрупповом взаимодействии, самовоспитании, индивидуальных особенностях [Павленко В.Н., 2003]. А.Г. Асмолов называет устойчивость, терпимость, допустимость [Психосемантический анализ..., 2000].

В данном исследовании толерантность определяется через категорию «отношение». Поскольку толерантность в основном проявляется в процессе межличностного общения, к признакам которого относится возникновение отношений, а само отношение включает в себя три компонента, — эмоциональный, когнитивный, поведенческий — стоит рассматривать толерантные отношения сквозь призму этих составляющих. Эмоциональная толерантность предполагает аффективность межэтнических контактов (самопринятие, принятие других, эмоциональный интеллект, желание понять человека из иной культуры). Когнитивный компонент включает в себя знания о существующих этнических общностях и о правах человека вне зависимости от гендерной, расовой принадлежности. Поведенческая толерантность предполагает доброжелательность, внимательность, заинтересованность в общении и ненасильственные действия [Грищук В.М., 2005; Нижегородцева Н.В., Сольнин Н.Э., 2010].

Б.Р. Могилевич предложила рассматривать толерантность через триаду «интерес – понимание – уважение» к личности, группе, государству, культуре, которые соответствуют эмоциональной, когнитивной и поведенческой составляющей [Могилевич Б.Р., 2010, с. 23].

Материалы и методы

В данной работе фокусом исследования является толерантность как отношение российских студентов к иностранным. *Эмоциональный компонент* толерантности раскрывается через уважение национальной идентичности иностранных студентов, признание их права на проявление своих культурных особенностей. *Когнитивный компонент* проявляется через желание познать культурные особенности иностранных студентов, желание знакомства этих студентов с российской культурой. *Поведенческий компонент* раскрывается через проведение совместных мероприятий или досуга с иностранными студентами, оказание им помощи в освоении программы обучения и т.п.

Цель данной работы — охарактеризовать текущий уровень толерантности российских студентов по отношению к иностранным студентам (на примере Пермского государственного национального исследовательского университета).

ПГНИУ является университетом, в котором обучаются как российские, так и иностранные студенты. На момент проведения исследования в ПГНИУ обучалось 7 894 российских студента и 172 иностранных студента (что составляет 2 % от всех обучающихся). В основном это граждане стран СНГ (Казахстана, Узбекистана, Азербайджана, Армении, Киргизии, Таджикистана), Ближнего и Дальнего Востока (Вьетнама, Ирака, Китая, Индонезии), Африканского континента (Замбии, Нигерии, Сенегала).

Гипотезой исследования выступило предположение о том, что в связи с увеличивающимся потоком иностранных граждан в образовательной среде вуза российские студенты, вынужденные чаще общаться с представителями других культур, будут демонстрировать в большей степени толерантное поведение.

Эмпирической базой исследования стали результаты опроса, проведенного весной 2019 г. Методом сбора данных являлось раздаточное

анкетирование российских студентов (300 чел.). Выборка строилась методом квотного отбора с ошибкой выборки 5 % (доверительный интервал — 95 %), критериями которого

выступили курс обучения и направление обучения (социально-гуманитарные науки или естественно-научное направление) (таблица).

Распределение респондентов по направлению, уровню и курсу обучения

Distribution of respondents by direction, level and course of study

			Направление		Всего
			Естественнонаучное	Гуманитарное	
Бакалавриат и специалитет	1 курс	частота	12	46	58
		доля	15 %	26 %	23 %
	2 курс	частота	30	51	81
		доля	36 %	29 %	31 %
	3 курс	частота	30	45	75
		доля	36 %	26 %	29 %
	4 курс	частота	11	33	44
		доля	13 %	19 %	17 %
Всего (чел.)			83	175	83
Магистратура	1 курс	частота	10	22	32
		доля	77%	76 %	76 %
	2 курс	частота	3	7	10
		доля	23 %	24 %	24 %
Всего (чел.)			13	29	13

Результаты

Эмоциональный компонент. Понимание толерантных отношений оценивалось с помощью вопросов о том, как российские студенты определяют толерантные отношения (открытый вопрос: «Что Вы понимаете под толерантными отношениями?»). В целом среди респондентов распространено корректное понимание того, что такое толерантные отношения. Чаще всего российские студенты отмечали такие стороны толерантности, как уважение, терпимость, вежливость, принятие другого, равенство.

Уважительное отношение включает в себя уважение людей в целом («уважение и непредвзятое отношение к любым людям и существам»), их культуры, в том числе уважение взглядов, ценностей и норм («уважительное отношение к различным народам мира, традициям, языкам»), религии («уважение к другим людям, у которых другая религия, национальность»), образа жизни («уважение к людям, ведущим другой образ жизни»), уважение мнений и интересов других людей («уважение других мнений, даже если они противоречат твоим»), уважение людей других национальностей, пола,

внешности («уважение ко всем независимо от полового признака, нации»).

Терпимое отношение, по мнению опрошенных, предполагает терпимое взаимодействие с окружающими людьми («терпимое взаимодействие/воздействие/отношение»), терпимость в отношении людей других национальностей, рас («терпимое отношение к людям разной национальности, расы, принятие их»), терпимое отношение к культурным («терпимость и уважение к другим нормам и ценностям, а также взгляду на мир») и иным особенностям людей («терпимость и уважение к людям, чьи физические и моральные особенности отличны от моих собственных»).

Вежливое отношение к людям строится на выполнении общественно значимых правил («отношения, в которых нет места осуждению, злomu юмору и неприятию людей, непохожих (отличающихся) на тебя по тому или иному признаку», «положительное отношение людей к чему-либо, не нарушающему моральные и общечеловеческие принципы»).

Принятие культуры («принятие уклада, норм жизни людей, отличающихся от тебя (нация, статус»), религии («понимание того,

что каждый человек имеет право на выбор религии»), образа жизни, поведения («понимание образа жизни и выбора других, их поведения в тех или иных ситуациях (принятие человека)»), точек зрения, идей («принятие другой точки зрения, идей, традиций и взглядов на мир; все люди разные, и это просто нужно принять; дружеский настрой и попытка понять видение другого») также включалось респондентами в структуру толерантных отношений.

Равенство, т.е. восприятие другого как равного себе, является еще одним значением толерантности, по мнению российских студентов ПГНИУ. Оно предполагает равное отношение ко всем людям вне зависимости от расы, национальности, социального положения, культурных и религиозных особенностей, точек зрения («вне зависимости от различных факторов нужно относиться к людям одинаково», «общение на равных, никакого принижения достоинства»).

В содержании определений феномена толерантности, данных студентами, преобладает эмоциональный компонент, поэтому все указанные стороны толерантности были отнесены именно к этому компоненту. Однако встречались и указания на поведенческий компонент.

Поведенческий компонент. Студенты говорят не только об уважительном отношении к другим национальностям, их культурным, религиозным особенностям (эмоциональный компонент), но и о том, что с иностранцами важно поддерживать адекватные отношения, в которых нет конфликтов (в чем выражается поведенческий компонент). По мнению студентов, важной составляющей толерантности является отсутствие конфликтов («бесконфликтные отношения на культурной/расовой основе», «находить компромисс и консенсус в спорных ситуациях») и адекватность общения («адекватное общение с людьми вне зависимости от их национальности»).

Кроме этого при оценке поведенческого компонента толерантности, который проявляется в степени вовлеченности российских студентов в процесс общения с иностранными студентами, было выяснено, что почти половина респондентов (48 %) не общается с ними.

Стоит отметить, что многие опрошенные говорят о том, что контактируют с иностранными

студентами из-за необходимости, но тесных отношений с ними не завязывают (вопрос: «Как выстраивается Ваше общение с иностранными студентами?»): таких студентов среди опрошенных российских студентов оказалось около 40 %. А хорошо общаются или тесно дружат с иностранными студентами менее десятой части опрошенных (7 %), что связано с совместным проживанием иностранных и российских студентов. Также в ПГНИУ есть малая часть российских студентов, которые или игнорируют иностранных студентов и не поддерживают отношений с ними, или даже раздражаются в их присутствии, конфликтуют с ними (их оказалось 4 % и 1 % соответственно).

При этом нами было обнаружено, что уровень получаемого образования и постоянный контакт с иностранцами во время обучения (вопрос: «Обучаются ли вместе с Вами иностранные студенты?») или при совместном проживании (вопрос: «Проживаете ли Вы вместе с иностранным студентом?») влияют на выстраивание отношений между российскими и иностранными студентами. Так, была выявлена слабая отрицательная связь между переменной «Уровень получаемого образования» и переменной, связанной с выстраиванием отношений между российскими и иностранными студентами (коэффициент корреляции Спирмана $\rho = (-)0,165$ при $\alpha < 0,05$). Переменная закодирована в обратном порядке (1 — хорошо общаемся; 2 — общаемся по необходимости; 3 — игнорирую их; 4 — раздражаюсь при них; 5 — никогда не общаюсь с ними), поэтому уменьшение значения переменной свидетельствует об улучшении отношений. Чем выше уровень получаемого образования (бакалавриат — специалитет — магистратура), тем лучше выстраиваются отношения между российскими и иностранными студентами.

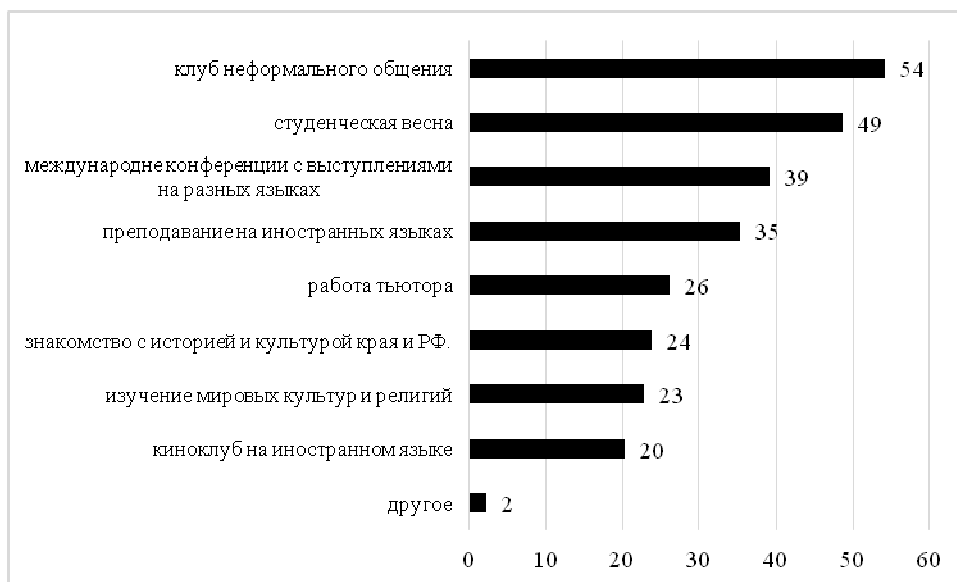
В целом контактирует с иностранными студентами на постоянной основе небольшое число российских студентов университета: только третья часть респондентов обучается совместно с иностранцами в одной группе (10 %) или на одном факультете (25 %) и лишь десятая проживает вместе с ними в одной комнате (2 чел.) или одном общежитии (8 %).

Была обнаружена умеренная положительная связь между переменной, связанной с совместным обучением, и переменной о выстраивании

отношений российских и иностранных студентов (коэффициент ро Спирмана $\rho = 0,416$ при $\alpha < 0,05$). Чем больше удалены друг от друга при обучении российские и иностранные студенты (в одной группе – на одном факультете – не обучаются совместно), тем хуже выстраиваются между ними отношения.

Таким образом, более тесное взаимодействие с иностранными студентами во время обучения, достигаемое постоянной коммуникацией и обеспечивающей частичную включенность российских студентов в особенности культуры и жизнедеятельности иностранных студентов, положительно влияет на развитие толерантного отношения к иностранным студентам.

Взаимодействие студентов чаще происходит непосредственно во время учебного процесса, и для наилучшей адаптации к нему иностранцев необходима помощь российских студентов: например, в разъяснении заданий преподавателя. Однако респонденты чаще выбирали те способы помощи иностранным студентам (вопрос: «Какими способами можно помочь иностранным и российским студентам успешно общаться друг с другом во время учебного процесса?»), которые направлены на внеучебную деятельность: клуб неформального общения и студенческую весну (их отметили 54 % и 49 % соответственно).

Способы включения иностранных студентов в учебную жизнь вуза, %*

Means of foreign students' inclusion in education activity of the university, %*

Примечание: * — Сумма ответов превышает 100%, поскольку респондентам предлагалось выбрать три варианта ответа на вопрос

Note: * — Total percentage exceeds 100% because respondents were allowed to choose three variants

Поэтому еще одним индикатором поведенческого компонента толерантных отношений между российскими и иностранными студентами выступила включенность иностранцев во внеучебную жизнь университета. Респондентам задавался вопрос о необходимости и способах включения во внеучебную жизнь иностранных студентов (вопрос: «Нужно ли включать во внеучебную жизнь ПГНИУ иностранных студентов?»). Большинство опрошенных российских студентов были не против того, чтобы

иностранцы участвовали во внеучебных мероприятиях: около 2/3 говорили, что иностранцы могут быть непосредственными участниками внеучебной жизни университета, а 2/5 опрошенных указывали на то, что иностранные студенты могут выступать и в качестве организаторов этих мероприятий.

Когнитивный компонент. При оценке когнитивного компонента толерантности, который проявляется через знание о существующих этнических общностях и о правах человека вне

зависимости от гендерной, расовой принадлежности, использовалась авторская методика измерения толерантности по отношению к иностранным студентам. В результате анализа данных было выявлено¹, что большинство опрошенных студентов согласны с утверждением, что они с удовольствием познают культуру и язык иностранных студентов (об этом свидетельствует положительное значение индекса, равное 2,34), а также с тем, что всегда нужно стремиться понять другого человека вне зависимости от его религии/национальности/культуры (значение индекса положительное и равно 3,56).

Мнения по некоторым суждениям не столь однозначны: они разделяются, не концентрируются на какой-то одной оценке. Это подтверждают значения индексов, близкие к 0 (положительных и отрицательных оценок примерно равное количество), в 4 суждениях: 1) «Я не выношу, когда иностранные студенты пытаются навязать свою культуру мне» (0,11); 2) «Есть народы, среди представителей которых преобладают плохие и невоспитанные люди» (0,12); 3) «Я стараюсь рассказывать иностранным студентам о нашей культуре» (0,89); 4) «Нормально считать, что твой народ лучше, чем остальные» (-0,56). При этом заметно, что положительный индекс в 1 и 2 суждении говорит об интолерантности. Это свидетельствует о том, что когнитивная толерантность находится на невысоком уровне: многие студенты указывают на свою неготовность приобщения к другой культуре и нежелание принять особенности культур иностранных студентов.

Выводы

Таким образом, характеризуя текущее состояние толерантности российских студентов по отношению к иностранным в ПГНИУ можно сделать несколько основных выводов.

Было выяснено, что среди студентов распространено корректное понимание толерантных отношений через такие составляющие толерантности, как уважение, терпимость, вежли-

вость, понимание, равенство. При этом в самих определениях преобладают эмоциональный и поведенческий компоненты.

С позиции анализа эмоционального компонента толерантности российские студенты говорят об уважении абсолютно всех людей, их культур: взглядов, ценностей, норм, религии, образа жизни, интересов. Кроме этого, они отмечают уважение людей других национальностей, пола, внешности, разного социального положения. Однако не все респонденты готовы познавать «чужую» культуру и языковые особенности иностранцев (проявление когнитивного компонента толерантности). Часть студентов согласна, что нужно стремиться понимать других людей, но есть и те, которые склонны думать, что существуют народы, среди представителей которых преобладают невоспитанные и плохие люди.

При анализе поведенческого компонента было выявлено следующее: половина российских студентов никогда не общается с иностранными, а те, кто контактирует, делают это из необходимости, а не по своему желанию, и тесных отношений между ними не возникает. Постоянное и более близкое взаимодействие с иностранцами возникает только у малой части российских студентов, поскольку студенты из других стран учатся не на всех специальностях либо для них создаются отдельные учебные группы. Поэтому взаимодействие российских и иностранных студентов происходит не так часто, как могло бы быть, и оно не настолько близкое. Большинство респондентов не против того, чтобы иностранцы включались во внеучебную жизнь ПГНИУ для их более тесного взаимодействия как с другими иностранными студентами, так и с российскими.

В качестве рекомендаций по повышению толерантного отношения российских студентов в вузе стоит назвать создание условий для более частого двустороннего и близкого общения между представителями разных культур, что может происходить как в рамках образовательного процесса при проведении занятий в смешанных группах, так и при организации совместного проживания студентов в общежитиях. Различные способы эффективного включения иностранных студентов могут быть связаны и с внеучебным процессом: это участие в конференциях, мастер-классах, семинарах, олимпиадах, студенческих веснах и пр.

¹ Для определения степени согласия респондентов с суждениями был рассчитан индекс по формуле

$$\frac{(4n + 3n) - (2n + 1n)}{100},$$

где n – количество респондентов, выбравших вариант ответа. Индекс находится в пределах [-3; 3].

В целом можно сказать, что к настоящему времени в ПГНИУ отношения, которые складываются между российскими и иностранными студентами, являются толерантными. Российские студенты знают, что такое толерантность, выделяют важные ее составляющие на разных уровнях (когнитивном, эмоциональном, поведенческом). Они готовы узнавать культуру других национальностей, помогать иностранцам понять собственную культуру.

Список литературы

- Аверзаев И.Ч.* О формировании толерантности у учащейся молодежи // Воспитание школьников. 2010. № 7. С. 64–66.
- Василенко Е.А., Долгова В.И., Бароненко А.С.* Структура психологической готовности межкультурной коммуникации у студентов педагогического вуза с профильной подготовкой по иностранному языку // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 10. С. 109–115.
- Виноградова Е.Г.* Субъектные предпосылки толерантности личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Сочи, 2002. 23 с.
- Вислова А.* Нетерпимость в молодежной среде и способы ее преодоления // Воспитание школьников. 2008. № 3. С. 15–20.
- Воротилкина И.М., Луценко Е.Л.* К проблеме воспитания толерантности в молодежной среде // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2012. Т. 13, № 4. С. 265–271.
- Гришук В.М.* Формирование коммуникативной толерантности у студентов гуманитарных специальностей в вузе: дис. ... канд. пед. наук. Киров, 2005. 346 с.
- Комаров В.П., Исаева О.В.* Воспитание толерантности у студентов университета // Вестник Оренбургского государственного университета. 2003. № 4. С. 112–118.
- Кузнецова Ю.В.* Психологические факторы развития толерантности в юношеском возрасте: дис. ... канд. психол. наук. Астрахань, 2006. 152 с.
- Лазарева Е.С., Григорьева Е.И.* Модель формирования этнической толерантности студенческой молодежи в процессе межкультурного иноязычного общения // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 7(111). С. 180–186.
- Луценко Е.Л., Ефимова Д.В.* Толерантность в молодежной среде: социологические аспекты // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 11(19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tolerantnost-v-molodezhnoy-srede-sotsiologicheskie-aspekty> (дата обращения: 20.02.2020).
- Майорова О.Н.* Проблематика изучения толерантности и практика ее формирования в вузе // Дискуссия. 2016. № 6(69). С. 137–144.
- Могилевич Б.Р.* Межкультурная коммуникация в системе социологического знания. автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Саратов, 2010. 43 с.
- Нижегородцева Н.В., Солянин Н.Э.* Психологическая структура этнической толерантности // Ярославский педагогический вестник. 2010. Т. 2, № 2. С. 230–234.
- Павленко В.Н.* Развитие толерантности: теоретический и эмпирический аспекты // Этнопсихологические и социокультурные процессы в современном обществе: материалы Междунар. науч. конф. Балашов: Николаев, 2003. С. 260–265.
- Панина Н.В., Головаха Е.И.* Национальная толерантность и идентичность в Украине: опыт применения шкалы социальной дистанции в мониторинговом социологическом исследовании // Социологический журнал. 2006. № 3–4. С. 102–126.
- Приказ* министерства образования и науки РФ от 23 января 2018 года № 41 «Об утверждении показателей эффективности деятельности федеральных бюджетных и автономных образовательных учреждений высшего образования и работы их руководителей, находящихся в ведении Министерства образования и науки Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71773272/> (дата обращения: 20.02.2020).
- Психосемантический анализ этнических стереотипов: лики толерантности и нетерпимости / под ред. В.Ф. Петренко и др. М.: Смысл, 2000. 73 с.*
- Фабрика И.Г.* Воспитание готовности студентов к межкультурной коммуникации // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2009. № 3(29). С. 141–144.
- Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 с изменениями 2020 г. № 273-ФЗ. Ст. 105. Формы и направления международного сотрудничества в сфере образования: URL: <http://zakon-ob-obrazovanii.ru/105.html> (дата обращения: 20.02.2020).*

Получено 30.04.2020

References

Averzaev, I.Ch. (2010). *O formirovanii tolerantnosti u uchacheysya molodezhi* [About the formation of tolerance in students]. *Vospitanie shkol'nikov* [Education of schoolchildren]. No. 7, pp. 64–66.

Fabrika, I.G. (2009). *Vospitanie gotovnosti studentov k mezhkulturnoy kommunikatsii* [Raising students' readiness for intercultural communication]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts]. No. 3(29). pp. 141–144.

Federal'nyy zakon «Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii» № 273-FZ ot 29 dekabrya 2012 goda s izmeneniyami 2020 goda [Federal law «On education in the Russian Federation» No. 273-FZ of December 29, 2012, as amended in 2020]. Available at: <http://zakon-ob-obrazovanii.ru/105.html> (accessed 20.02.2020).

Grishuk, V.M. (2005). *Formirovanie kommunikativnoy tolerantnosti u studentov gumanitarnykh spetsial'nostey v vuze: dis. ... kand. ped. nauk* [The formation of communicative tolerance among students of humanitarian specialties at the university: dissertation]. Kirov, 346 p.

Komarov, V.P. and Isaeva, O.V. (2003). *Vospitanie tolerantnosti u studentov universiteta* [Education of tolerance among university students]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Orenburg State University]. No. 4, pp. 112–118.

Kuznetsova, Yu.V. (2006). *Psikhologicheskie faktory razvitiya tolerantnosti v yunosheskom vozraste: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological factors in the development of tolerance in adolescence: dissertation]. Astrakhan, 152 p.

Lazareva, E.S. and Grigor'eva, E.I. (2012). *Model' formirovaniya etnicheskoy tolerantnosti studentcheskoy molodezhi v protsesse mezhkul'turnogo inoyazychnogo obscheniya* [Model of the formation of ethnic tolerance of student youth in the process of intercultural foreign language communication]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities]. No. 7(111), pp. 180–186.

Lutsenko, E.L. and Efimova, D.V. (2012). *Tolerantnost' v molodezhnoy srede: sotsiologicheskie aspekty* [The tolerance in the youth environment: sociological aspects]. *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Modern Studies of Social Problems]. No. 11(19). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tolerantnost-v-molodezhnoy-srede-sotsiologicheskie-aspekty> (accessed 20.02.2020).

Mayorova, O.N. (2016). *Problematika izucheniya tolerantnosti i praktika ee formirovaniya v vuze* [Problems of the study of tolerance and the practice of its formation in the university]. *Diskussiya* [Discussion]. No. 6(69), pp. 137–144.

Mogilevich, B.R. (2010). *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya v sisteme sotsiologicheskogo znaniya: avtoref. ... dis. d-ra sotsiol. nauk* [Intercultural communication in the system of sociological knowledge: Abstract of Ph.D. dissertation]. Saratov, 43 p.

Nizhegorodtseva, N.V. and Solynin, N.E. (2010). *Psikhologicheskaya struktura etnicheskoy tolerantnosti* [The psychological structure of ethnic tolerance]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. Vol. 2, no. 2, pp. 230–234.

Panina, N.V. and Golovakha, E.I. (2006). *Natsional'naya tolerantnost' i identichnost' v Ukraine. Opyt primeneniya shkaly sotsial'noy distantsii v monitoringovom sotsiologicheskom issledovanii* [National tolerance and identity in Ukraine. The experience of applying the scale of social distance in monitoring sociological research]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. No. 3–4, pp. 102–126.

Pavlenko, V.N. (2003). *Razvitie tolerantnosti: teoreticheskiy i empiricheskii aspekty* [Tolerance Development: theoretical and empirical aspects]. *Etnopsikhologicheskie i sotsiokul'turnye protsessy v sovremennom obschestve* [Ethnopsychological and sociocultural processes in modern society]. Balashov: Nikolaev Publ., pp. 260–265.

Petrenko, V.F. et al. (eds.) (2000). *Psikhosemanticheskiy analiz etnicheskikh stereotipov. Liki tolerantnosti i neterpimosti* [Psychosemantic analysis of ethnic stereotypes: faces of tolerance and intolerance]. Moscow: Smysl Publ., 73 p.

Prikaz ministerstva obrazovaniya i nauki RF ot 23 yanvarya 2018 goda № 41 «Ob utverzhdenii pokazateley effektivnosti deyatel'nosti federal'nykh byudzhethnykh i avtonomnykh obrazovatel'nykh uchrezhdeniy vysshego obrazovaniya i raboty ikh rukovoiteley, nakhodyaschikhsya v vedenii Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii» [Order of the Ministry of education and science of the Russian Federation No. 41 dated January 23, 2018 «On approval of performance indicators of Federal budgetary and Autonomous educational institutions of higher education and the work of their managers, which are under the jurisdiction of the Ministry of education and science of the Russian Federation»]. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71773272/> (accessed 20.02.2020).

Vasilenko, E.A., Dolgova, V.I., Baronenko, A.S. (2017) *Struktura psihologicheskoy gotovnosti mejkulturnoy kommunikacii u studentov pedagogicheskogo vuza s profilnoy podgotovkoy po inostrannomu yazyku* [The structure of psychological readiness of intercultural communication among students of a pedagogical university with specialized training in a foreign language]. *Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta* [Vestnik of Chelyabinsk State Pedagogical University]. No. 10, pp. 109–115.

Vinogradova, E.G. (2008). *Sub'ektnye predposylki tolerantnosti lichnosti: avtoref. ... dis. kand. psikhologicheskoy nauk* [Subjective background of personality tolerance: Abstract of Ph.D. dissertation]. Sochi, 23 p.

Vislova, A. (2008). *Neterpimost' v molodezhnoy srede i sposoby ee preodoleniya* [Intolerance in the youth environment and ways to overcome it]. *Vospitanie shkol'nikov* [Education of Schoolchildren]. No. 3, pp. 15–20.

Vorotilkina, I.M. and Lutsenko, E.L. (2012). *K probleme vospitaniya tolerantnosti v molodezhnoy srede* [To the problem of education of tolerance in the youth environment]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii* [Review of the Christian Academy for the Humanities]. Vol. 13, no. 4, pp. 265–271.

Received 30.04.2020

Об авторах

Балезина Екатерина Андреевна

старший преподаватель кафедры социологии,
директор Центра социологических исследований

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: katebalezi@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2456-0913>

Форостян Вероника Викторовна

магистрант направления «Социология»
философско-социологического факультета,
социолог Центра социологических исследований

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: v.forostyan13@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1351-4671>

About the authors

Ekaterina A. Balezina

Senior Lecturer of the Department of Sociology,
Director of the Center for Sociological Research

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: katebalezi@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2456-0913>

Veronika V. Forostyan

Post-graduate Student of the « Sociology » Program,
Faculty of Philosophy and Sociology,
Sociologist of the Center for Sociological Research

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: v.forostyan13@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1351-4671>

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Балезина Е.А., Форостян В.В. Толерантность к иностранным студентам в российских вузах (на примере ПГНИУ) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 2. С. 307–316. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-2-307-316

For citation:

Balezina E.A., Forostyan V.V. [Tolerance to foreign students in Russian universities (a case study of Perm State University)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 2, pp. 307–316 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-2-307-316

УДК [316.7:331.526](470.51-22)

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-2-317-327

**ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ
НА ВНЕДРЕНИЕ ПРОЕКТНЫХ ФОРМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В СЕЛАХ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

Власова Татьяна Анатольевна

Удмуртский государственный университет

Содержание профессиональной деятельности сотрудников учреждений культуры трансформируется под влиянием изменившихся требований как со стороны управленческих структур, так и со стороны аудитории. Требования к учреждениям культуры направлены на коммерциализацию их деятельности. В этих условиях сотрудники переходят к использованию различных форм привлечения средств: от грантовых программ до проектных методов работы и фандрайзинга. Работники сельских учреждений культуры оказываются в особенно сложном положении из-за дефицита институциональных и персональных ресурсов. Представленное исследование посвящено выявлению степени вовлечения работников сельских учреждений культуры в инновационные формы работы как с местным населением, так и с туристами. Проводился опрос работников учреждений культуры (N206). Было установлено, что работники сельского дома культуры имеют социальные характеристики, которые затрудняют их переход к инновационным формам работы. Те сотрудники, которые постепенно включаются в проектную деятельность, предпочитают роль исполнителей, а не инициаторов. Главной трудностью в инновационной и рыночно ориентированной деятельности является генерация новых идей. Решающую роль в освоении новых методов работы играют наиболее квалифицированные сотрудники с высоким уровнем образования и большим профессиональным опытом. Формирование проектных заявок и выполнение работ по проектной деятельности берут на себя методисты и заведующие подразделениями. Формы работы с местным населением характеризуются особенностями, типичными для сельской местности. С одной стороны, продуктивно используются давно сложившиеся связи с другими социальными учреждениями, прежде всего со школами и сельскими администрациями. С другой стороны, в волонтерскую работу недостаточно вовлечены работающие люди и малый бизнес. Сеть волонтерской помощи формируется за счет низкоресурсных категорий населения, что на уровне организационной культуры приводит к ситуации противопоставления ценностей просвещения и коммерческой прибыли.

Ключевые слова: социология культуры, культура села, учреждения культуры, проектная деятельность, социология профессий.

**SOCIAL CHARACTERISTICS OF OCCUPATION IN THE SPHERE OF CULTURE
AND THEIR INFLUENCE ON THE PROJECT ACTIVITY INTRODUCTION
(A CASE STUDY OF RURAL SETTLEMENTS OF THE UDMURT REPUBLIC)**

Tatiana A. Vlasova

Udmurt State University

The content of professional activity of employees in the sphere of culture is being transformed under the influence of changing requirements from both the local authorities and the public. The requirements for cultural institutions are designed to provide commercialization of their activity. Under these

circumstances, employees try to use various forms of fundraising including federal and local grant programs. Staff of rural cultural institutions find themselves in a particularly difficult situation due to the lack of institutional and personal resources. The article aims to identify the ways of involvement of employees in rural cultural institutions in innovative forms of work, both with the local population and with tourists. Within the framework of the study, there was conducted a survey of employees of cultural institutions (N206). It has been found that staff of rural cultural institutions have social characteristics that impede the transition to innovative forms of activity. Those employees who are gradually involved in project activities prefer the role of a provider rather than an initiator. The main difficulty in innovative and market-oriented activities is connected with the generation of new ideas. The most qualified employees with a high level of education and professional experience play a crucial role in promotion of the new methods of work. Methodologists and department heads apply for funds and carry out the main part of the project activities. The ways of working with locals are characterized by rural specifics. On the one hand, contacts with other social institutions, such as local administrations and schools, are used efficiently. On the other hand, working people and small business are not sufficiently engaged in volunteering. Such help is mainly provided by low income groups, which leads to the contradiction between the values of education and profit.

Keywords: sociology of culture, rural culture, cultural institutions, project activity, sociology of professions.

Введение

В регионах России сельские учреждения культуры продолжают работать в условиях дефицита ресурсов. Представители местных органов власти в Удмуртской Республике в последние годы рассматривают внутренний туризм как ресурс социально-экономического развития и дополнительного финансирования деятельности учреждений культуры. При этом активно обсуждаются привлекательные для туристов программы, среди которых знакомство с культурой этнических групп, живущих в Удмуртии. В последние годы обнаруживается тенденция к копированию содержания и формы успешной работы тех туристических центров, деятельность которых оказалась коммерчески успешной. Анализ процессов в современном селе следует логике развития культурных индустрий, которые Д. Хезмондалш понимает как тенденции изменения культурной продукции в соответствии с (пост) индустриальной экономической системой [Хезмондалш Д., 2014, с. 20]. Доказано, что привлекательным для городского населения, особенно для молодежи, является эффект насыщенной культурной жизни. Основная проблема исследования состояла в выявлении особенностей процесса развития креативных пространств в условиях ограниченных экономических и человеческих ресурсов. Под влиянием изменившихся запросов населения к работникам культуры предъявляют требования, связанные с новыми формами работы.

Представители муниципального и государственного управления призывают сотрудников учреждений культуры коммерциализировать деятельность, искать внебюджетные формы финансирования, использовать проектные методы работы и ресурсы добровольных помощников. Однако примеры применения этих практик в сельской местности пока единичны.

Проблемы социологического изучения профессий, связанных со сферой культуры

Анализ культурной политики в регионах в большей степени сфокусирован на процессуальных аспектах [Давыдова А.В., 2011, с. 76] и в меньшей степени — на позициях акторов и групп [Гидденс Э., 2005, с. 182, Пашаева М.Р., 2015, с. 163–164]. В настоящем исследовании внимание было сосредоточено на аспектах символического производства. В концепции П. Бурдьё понятие «символическая работа» включает в себя когнитивные основания деятельности, практические схемы и диспозиции основных агентов [Бурдьё П., 2005, с. 116]. Применение теории П. Бурдьё к изучению деятельности социальных учреждений в селе позволяет описать механизм освоения новых форм работы в условиях низкого уровня социально-экономического развития. Отметим, что текущие изменения касаются как социального контекста, связанного с культурными запросами сельской аудитории, так и с принципами организации работы учреждений культуры. На селе в условиях кадрового дефицита и ограничен-

ных материальных ресурсов содержание и характер работы зависит от отдельных сотрудников или уникальных обстоятельств, которые возникли в том или ином учреждении. Особенности профессиональных установок работников сельских учреждений культуры должны рассматриваться на двух уровнях: с одной стороны, играет роль фактор социального статуса профессиональной группы [Хьюз Э.Ч., 2012], с другой — имеет значение специфическая ситуация региона, района или даже конкретного сельского поселения [Намруева Л.В., 2017; Оленина Г.В., Фролова А.С., 2018].

Большинство сотрудников сельских учреждений культуры ориентируются на привычные формы работы. На селе сохраняются принципы организационной культуры, в рамках которой предпочтительна опора на бюджетные средства. Опыт участия в грантовых программах или осуществления коммерчески ориентированной деятельности, широко распространенный в городских учреждениях культуры, не всегда может быть перенесен на сельские дома культуры [Сменцарев Г.В., 2013, с. 56]. Несмотря на распоряжения руководства, рядовые сотрудники предпочитают привычные формы работы, сложившийся комплекс мероприятий и кружковых занятий с традиционными категориями населения (школьники и пенсионеры). Для внедрения инновационных форм в сельских учреждениях культуры необходимо выявить организационные принципы, которые определяют профессиональные обязанности сотрудников. Структурные изменения в организации работы учреждения, как отмечает Э. Шейн, возможны в условиях трансформации культурных установок сотрудников. Когда элементы культуры приходят в противоречие, члены организации испытывают смятение чувств и тревожность. Но у них возникает представление о том, как вещи должны быть устроены, каков должен быть «порядок вещей» [Schein E.H., 2004, p. 58], т.к. культура определяет «правильный» способ чувствовать, думать и действовать. Вместе с тем содержание и характер конвенций внутри отдельных профессиональных групп недостаточно изучены. Особенно это справедливо для работников учреждений культуры.

Содержание деятельности работников сельского учреждения культуры (клуб, дом реме-

сел, библиотека, музей) ориентировано на образ российской интеллигенции. Этот идеологический концепт включает элементы как советского, так и постсоветского периода. Говоря о советском наследии в установках современных работников, уместно рассматривать интеллигенцию как элемент системы массовой бюрократии [Гудков Л.Д., Дубин Б.В., 2009, с. 9]. Степень адаптации работников к инновационным методам деятельности легла в основу типологии современных профессиональных траекторий Д.С. Попова. Им выделяется четыре основных типа идеальных конструкций: (1) дореволюционная традиция, (2) траектория, основанная на советских ценностях, (3) траектория ценности индивидуальных достижений с учетом запроса потребителей к условиям рынка, (4) траектория, полностью ориентированная на рыночные отношения [Попов Д.С., 2007, с. 73–75]. Для представителей сельской интеллигенции, сформировавшейся в позднесоветский период, характерны вторая и третья траектории. Расширение круга сотрудников, чья деятельность в наибольшей степени рыночно ориентирована, осложняется низкими доходами сотрудников и спецификой их профессиональной квалификации.

В настоящее время на работу сельских домов культуры все сильнее влияют урбанистические образцы проведения досуга [Чефонова Е.А., 2015; Fox J.E., 2006; Ruane D., 2017]. В результате воздействия волн переселяющихся в село горожан на его жителей последними были усвоены новые символические образцы [Neal S., 2013, p. 63]. Так, дачники-москвичи в деревнях Костромской области занимались с детьми, учили селян работе на компьютере, участвовали в организации досуговых мероприятий [Нефедова Т.Г. и др., 2016, с. 58]. При этом представители столичной интеллигенции способствовали сохранению традиционной сельской культуры: предметов быта, традиционной сельской избы. Таким образом, они задавали образцы городского потребления, при котором сельская повседневность становилась своеобразной экзотикой. Сходные процессы позже начали происходить и в других регионах [Granberg L. et al., 2015, p. 162].

В последние годы на селе начали реализовываться программы создания комфортных общественных пространств. Местные власти

инициировали этот процесс отчасти потому, что на благоустройство выделялись бюджетные средства, отчасти — в связи с наличием соответствующего запроса со стороны сельского населения. Обустройство публичных пространств дополнялось интенсификацией культурной жизни: в реконструированных парках и прогулочных зонах потребовалось проводить массовые мероприятия. Такая деятельность способствовала активизации проектной работы.

Риторика проектов применяется в социокультурной сфере весьма широко. В настоящем исследовании понятие «проект» определяется через его значимые характеристики, включающие: 1) нацеленность на решение проблемы, 2) комплекс действий, выполняющихся помимо рутинной работы, 3) наличие круга сотрудников, работающих над проектом, 4) определенный срок реализации комплекса действий, 5) сотрудничество с представителями муниципальной власти, бизнесом и общественными институтами. Взаимодействие с населением оказывается наиболее противоречивым элементом проектной деятельности. С одной стороны, у работников сельских домов культуры существует установка на получение обратной связи от посетителей, с другой — их ресурсы для организации мероприятий нового формата ограничены. В то же время логика культурных индустрий основывается на представлении о том, что интенсивная культурная жизнь способна убедить молодых и амбициозных граждан остаться жить в родном населенном пункте или районе. В этом случае культурное развитие приносит экономическую выгоду [Хезмондалш Д., 2014, с. 196].

На основании вышеизложенных положений в статье представлено описание двух аспектов профессиональной деятельности работников учреждений культуры: вовлеченность в проектную деятельность и представления о формах работы с жителями деревень.

Методология исследования и структура выборки

В настоящей статье ставится цель описать профессиональные установки сотрудников учреждений культуры. В марте 2019 г. было проведено анкетирование сотрудников домов культуры Игринского района Удмуртской Республики. В ходе более раннего исследования вес-

ной 2018 г. проводилась серия экспертных интервью с представителями министерств и руководителями крупнейших учреждений культуры. Эксперты назвали Шарканский и Игринский районы Удмуртской Республики лидерами процесса, связанного с применением проектных методов работы и развитием туристических программ в сельской местности. Для проведения исследования был выбран Игринский район, где местная администрация проявила заинтересованность в результатах анкетирования. Был сформулирован ряд проблем, которые были связаны с принципами работы учреждений культуры. Опираясь на материалы полуструктурированных интервью, мы установили наиболее распространенные проблемы сельских учреждений культуры, такие как устаревшие приемы работы, ограниченный объем материальных ресурсов, дефицит молодых сотрудников [Власова Т.А., 2017]. Описание особенностей профессиональной занятости сотрудников учреждений культуры строилось на основе результатов опроса. Использовалась сплошная выборка. В учреждениях культуры Игринского района работают 284 сотрудника, чья деятельность связана с основными направлениями работы. В опросе не принимали участие технические служащие. В целом было опрошено 206 респондентов. Для интерпретации результатов опроса использовались материалы группового интервью с сотрудниками учреждений культуры поселка Игра.

Интересующие нас аспекты исследования оказались тесно связанными с параметрами выборки. Так, среди сотрудников учреждений культуры преобладают женщины (83,7 %), мужчины составляют 16,3 %. Доля молодых сотрудников до 25 лет составляет лишь 5,47 % от числа работников сельских учреждений культуры в сельской местности. Учитывая, что молодые сотрудники начинают работать после окончания ссузов и вузов, доля сотрудников в возрасте от 25 до 35 лет больше и составляет 18,9 %. Основная часть работников сельских домов культуры — это люди среднего возраста: 28,4 % — от 35 до 45 лет и еще 28,4 % — от 45 до 55 лет.

Половина работников учреждений культуры имеет высшее образование. У 37,75 % работников культуры среднее профессиональное образование. Доля сотрудников с высшим образо-

ванием больше среди руководителей учреждений культуры (78,6 %), но меньше среди руководителей отделов и методистов (51,4 %), а также среди специалистов (44,4 %).

В ходе опроса было установлено, что большинство сотрудников (53,7 %) получают зарплату в размере от 20 000 до 30 000 руб., что соответствует среднему уровню доходов в сельской местности региона. Менее 20 000 руб. получает 40,1 % ответивших на вопрос. Таким образом, лишь чуть больше 6 % респондентов получают зарплату выше средней по региону. Отметим, что пятая часть участников исследования не ответила на вопрос о заработной плате. Небольшой объем выборки не дает возможности сделать вывод о взаимосвязи уровня доходов и уровня образования респондентов. При этом имеет место тенденция, в соответствии с которой существенная доля работников (6 из 10 чел. в выборке) со средним образованием получает заработную плату 20 000–25 000 руб., а среди сотрудников с высшим образованием 41,5 % получает заработную плату 25 000–30 000 руб. Отметим также отсутствие существенного различия между уровнем заработной платы руководителей учреждений культуры и их подчиненными.

Внедрение проектных форм деятельности в сельские учреждения культуры

Проектная деятельность в учреждениях культуры обычно нацелена на освоение новых форматов работы, помимо устоявшихся видов деятельности. Проекты призваны оживить интерес постоянных посетителей и привлечь новую аудиторию. В сельской местности, особенно вне районных центров, количество посетителей домов культуры крайне небольшое, а их запросы непритязательны. Поэтому, хотя среди работников учреждений культуры формируется представление о значительном потенциале социального проектирования, зачастую в этих учреждениях происходит имитация проектной работы. Региональные и муниципальные органы управления мотивируют руководителей и работников учреждений на активное участие в проектной деятельности, но степень их вовлеченности разная. Лишь небольшая доля респондентов (7,3 %) сообщила, что они реализуют собственные проекты. Существенно больше число тех, кто подключается к работе в

проектах коллег (32,7 %). Примерно столько же респондентов (35,2 %) выбрали вариант ответа, согласно которому они пока не участвуют в проектной деятельности, но хотели бы подключиться. С другой стороны, четверть опрошенных (25 %) не считают такую деятельность необходимой.

Участие в проектной деятельности зависит от степени вовлеченности сотрудников в профессиональную деятельность. Это в свою очередь соотносится с возрастом сотрудников. В материалах интервью, проведенных на предшествующих этапах работы, информанты отмечали, что работа над проектами часто ведется одновременно с выполнением основных рутинных обязанностей, занимая часть свободного времени сотрудников. Справедливо предположить, что наиболее активными участниками проектной деятельности являются сотрудники среднего возраста, которые в меньшей степени загружены семейными обязанностями или завершением учебы, но в то же время более компетентны в профессиональной деятельности. Это подтверждается результатами опроса: чем моложе респонденты, тем чаще они выбирают вариант ответа, содержащий отрицательное отношение к проектной деятельности: от 45,5 % среди сотрудников моложе 25 лет до 18,2 % среди сотрудников в возрасте от 56 до 65 лет. Наибольшая доля инициаторов проектов приходится на категорию работников от 46 до 55 лет: 11,3 % по сравнению с 7,3 % в целом по выборке. Работники среднего возраста уже обладают достаточным опытом участия в проектной деятельности и высоко мотивированы.

С повышением возраста работников растет доля тех, кто подключается к реализации проектов в качестве исполнителей: с 27,3 % в возрасте до 25 лет до 33,3 % в возрасте 56–65 лет. Также имеет место тенденция роста количества сотрудников, которые хотели бы участвовать в проектной работе: с 27,3 % в возрасте до 25 лет до 39,4 % в возрасте от 56 до 65 лет. Другим важным фактором вовлеченности сотрудников в проектную деятельность является уровень их образования. Работники с высшим образованием наиболее активно инициируют проекты (9,8 %) и чаще бывают исполнителями в проектной работе (36,3 %). Доля сотрудников с высшим образованием, которые не считают проектную деятельность необходимой, состав-

ляет 20 %. Сотрудники со средним образованием не вовлечены в проектную деятельность, хотя 7 человек из 10 хотели бы подключиться к ней. Сотрудники со средним профессиональным образованием в меньшей степени вовлечены в проектную работу: 5,6 % предлагают собственные проекты, а 27,8 % подключаются к проектам коллег. Тех, кто хотел бы быть вовлеченным в проектную деятельность, также довольно много — 37,5 %. Можно предположить, что высшее образование расширяет круг компетенций, в том числе связанных с проектной деятельностью.

Инициаторами проектов обычно являются руководители отделов и методисты. Среди работников, занимающих эту позицию, 20,6 % являются руководителями проектов, а 41,2 % — исполнителями. Рядовые специалисты реже участвуют в проектной деятельности: 4,4 % инициируют проекты, 36,3 % работают в проектах коллег. Руководители учреждений реже участвуют в проектной деятельности. Но, с другой стороны, среди них наименьшая доля тех, кто не считает эту деятельность необходимой — 13,3 %.

С начала 2000-х гг. в регионе действуют объединения и организации, которые проводят мастер-классы по проектной деятельности для сотрудников учреждений культуры. Эти мероприятия оценивались экспертами как продуктивные, т.к. стимулировали грантозаявительную активность коллективов. Однако составление грантовой заявки сопряжено с рядом сложностей, среди которых основная — поиск интересной идеи для проекта. 38,5 % респондентов заявили, что сталкивались с такой проблемой, причем руководители учреждений культуры — даже чаще, чем остальные (42,9 %). Вслед за этим участники опроса указывали на сложности, связанные с обоснованием актуальности проекта (25 %), составлением конкурсной документации (25 %) и расчетом финансовой сметы (25 %). Наименьшую трудность для потенциальных авторов проектных заявок представляют ситуация сжатых сроков подачи заявок (17,7 %), подбор исполнителей (13,5 %) и процесс поиска грантовых возможностей и фондов (11,5 %). Эти проблемы кажутся им менее значимыми, чем другие, во-первых, потому что они могут быть решены по мере успешной подготовки заявки, во-вторых, в связи с тем, что,

судя по распределению ответов на предыдущий вопрос, сотрудники учреждений культуры охотнее берут на себя функции исполнителей.

Говоря об источниках получения информации, наибольшее количество респондентов (48,9 %) сообщило, что они узнают о грантовых программах и конкурсах от своих коллег, работающих в том же учреждении. Другие источники используются ими реже: централизованная рассылка министерств, ведомств и администраций (28,8 %), контент тематических групп в социальных сетях (27,3 %), новостные сайты фондов и организаций (25,2 %), сведения, полученные от сотрудников других учреждений культуры (23,7 %).

По всем внешним каналам связи информация сначала поступает к руководителям учреждений. Вариант ответа «Узнаю о проектах от сотрудников своего учреждения» выбрали руководители отделов и методисты (40 %), а также специалисты (51,2 %). Среди руководителей этот вариант ответа выбрали только 16,7 %. В то же время ответ, связанный с получением информации о грантовых возможностях на сайтах фондов, отметили 41,7 % респондентов, через рассылку министерств и ведомств — 41,7 %, от сотрудников других учреждений — 33,3 %. Следует предположить, что основными агентами информирования сотрудников учреждений культуры о грантах и конкурсах являются руководители.

Наиболее активны в поиске во внешних источниках информации о грантах и конкурсах те, кто предлагает собственные проекты. 69,2 % инициаторов проектов обращаются к сайтам фондов, в то время как среди исполнителей лишь 21 % использует этот способ. Сотрудники, участвующие в проектах в качестве исполнителей, чаще полагаются на внутриинституциональные каналы: рассылку министерств (45,2 %) и информацию от сотрудников своего учреждения (53,2 %). Значительная доля тех, кто не участвует в проектах совсем (45 %), или тех, кто только хотел бы принимать участие в проектной деятельности (53,2 %), узнает о грантовых возможностях от сотрудников своего учреждения. Таким образом, можно предположить существование взаимозависимости: расширение круга информации активизирует участие сотрудников учреждений культуры в конкурсных и грантовых программах, и наобо-

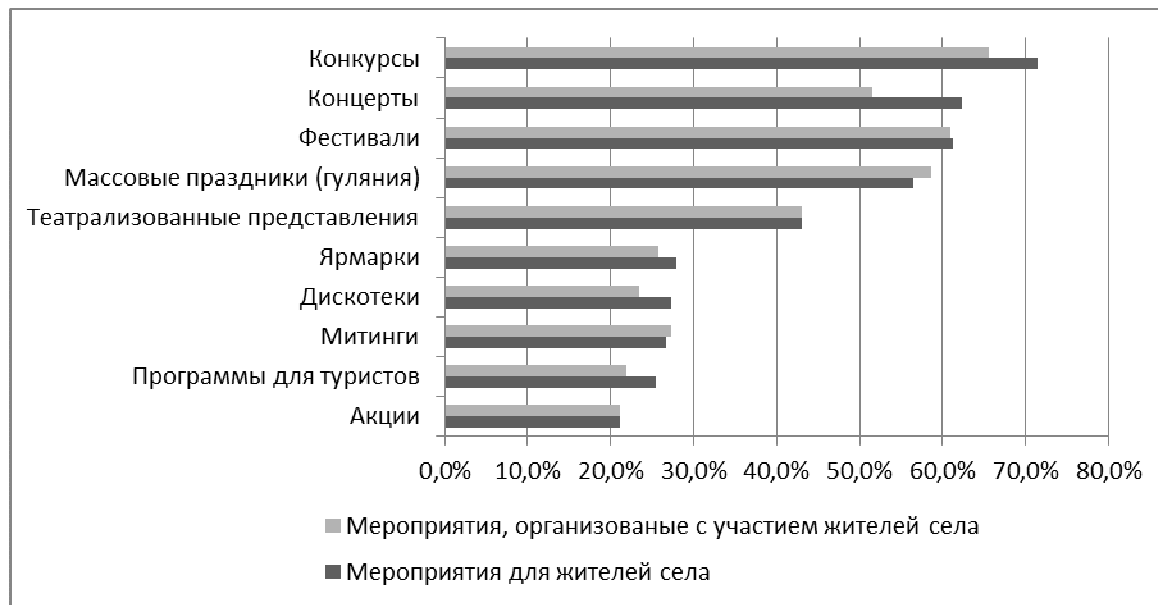
рот, опыт реализации проектов побуждает сотрудников к самостоятельному поиску информации о грантах и конкурсах.

Связи учреждений культуры с местными сообществами

Одним из важных элементов проектной работы являются партнерские отношения с общественностью. Для сельских домов культуры наиболее актуальной является волонтерская помощь. Как правило, сеть добровольных помощников дополняется системой социальных связей с муниципальными учреждениями и коммерческими предприятиями, с которыми налажено сотрудничество. Из диаграммы (рис. 1) следует, что большинство мероприятий предполагает участие жителей села и проводится с их помощью.

Явное расхождение в цифрах фиксируется по категории «концерты», потому что сценические номера могут организовываться работниками учреждений культуры. В остальных случаях цифры сопоставимы. Согласно ответам респондентов, чаще всего в качестве их помощников выступают школьники (74,3 %). Это объясняется тем, что значительная часть кружков в сельских домах культуры ориентирована на детей школьного возраста. Как правило, в

сельской местности устанавливается тесная взаимосвязь между учреждениями образования и культуры. Респонденты отмечают, что достаточно высокую степень волонтерской активности демонстрируют также такие категории сельского населения, как молодежь (39,5 %), пенсионеры (34,2 %) и работники социальной сферы (30,9 %). Вовлеченность двух первых категорий может быть связана с наличием у этих участников опроса большого количества свободного времени по сравнению с людьми среднего возраста, сочетающими оплачиваемую работу и семейные обязанности. Работники социальной сферы, к которой прежде всего относятся учителя и воспитатели, включаются в деятельность домов культуры и музеев в рамках общих мероприятий, где участвуют дети. С другой стороны, респонденты отмечают относительно невысокую степень активности собственников и руководителей частного бизнеса (8,6 %), женщин-домохозяек (8,6 %). Но, как представляется, эти люди составляют незначительную долю сельского населения в целом. Наименьшие показатели вовлеченности демонстрируют сотрудники агропредприятий. Предполагаемой причиной этого является дефицит свободного времени у этой группы.

Привлечение жителей села к проведению мероприятий в учреждениях культуры (процент ответивших)

Engaging of rural people to carrying out the events in culture institutions (percentage of respondents)

Отметим, что руководители учреждений чаще, чем респонденты в целом по выборке, выбирали устойчиво существующие связи: школьников (80 %) и пенсионеров (53,3 %). С другой стороны, руководители отделов и методисты, которые в большей степени вовлечены в проектную работу, чаще упоминали молодежь (50 % по сравнению с 39,5 % в целом по выборке), а также представителей бизнеса (21,4 % по сравнению с 8,6 %). Можно предположить, что, давая ответ, руководители учреждений ориентировались на более привычные для них по содержанию и организации мероприятия, в то время как руководители отделов и методисты учитывали опыт проектной деятельности.

Цифры индивидуальной вовлеченности жителей села подтверждаются показателями их взаимодействия с организациями на селе. Наиболее тесное сотрудничество установлено со школами: на это указали 85 % респондентов. По мнению 67,2 % опрошенных, благополучно складываются отношения между учреждениями культуры и сельскими администрациями. О взаимодействии с местными предприятиями сообщили 35,6 % респондентов.

Мероприятия, организованные в сельских учреждениях культуры, в большей степени ориентированы на местных жителей, нежели на приезжих или туристов. Это подтверждают результаты исследования: 74,9 % респондентов считают, что мероприятия дома культуры дают возможность жителям села встретиться и пообщаться с друзьями и знакомыми. Вариант ответа, указывающий на более активную позицию селян, которая предполагает участие в совместной деятельности, выбрали 35,7 % участников опроса. Меньшее число респондентов выбрали варианты ответов «Мероприятия дают возможность пригласить друзей и родственников из других мест» (33,7 %) и «Мероприятия позволяют пообщаться с гостями и приезжими» (36,2 %). Лишь 4,5 % респондентов высказали мнение, что эти мероприятия не оказывают влияния на общение селян.

Различия в оценке характера влияния культурных мероприятий на жителей села зависят от должности сотрудников. Так, рядовые специалисты чаще других выбирали вариант ответа «Мероприятия не оказывают влияния на жителей села»: 6,1 % по сравнению с 4,5 % в це-

лом по выборке. Но число таких ответов невелико. Руководители отделов и методисты придавали наибольшее значение стремлению людей пообщаться с односельчанами: 84,4 % по сравнению с 74,9 % в целом по выборке. Благодаря решающей роли этой категории сотрудников как в инициировании проектов, так и в рутинной деятельности, можно предполагать, что они основывались на более широком опыте взаимодействия с волонтерами. Наконец, руководители учреждений культуры предпочитали вариант ответа «Мероприятия дают возможность для совместной деятельности жителей села»: 53,3 % по сравнению с 35,7 % в целом по выборке. В этом случае описывалась скорее идеальная, а не реальная ситуация. Распределение ответов на данный вопрос демонстрирует особенности установок сотрудников, занимающих разные профессиональные позиции по отношению к местным жителям. Они трансформируются в принципы организации мероприятий, кружковой и клубной работы, проектные программы.

Респонденты, которые имели опыт проектной работы, с большей степенью уверенности констатируют влияние культурных мероприятий на сельских жителей по всем параметрам. Ситуация, когда работники сельских учреждений культуры в наибольшей степени ориентированы на запросы односельчан, представляется оправданной, т.к. на селе нет альтернативного культурного продукта. Кроме того, предыдущие исследования показывают, что создание туристических программ тем успешнее, чем больше в них вовлечено местное сообщество.

Заключение

Содержание профессиональной деятельности в сфере культуры на селе меняется в соответствии с трансформациями социокультурных практик. Происходит усвоение новых организационных принципов, ориентированных на привлечение дополнительных доходов. Приток горожан, в том числе туристов, способствует осмыслению культурных практик в терминах качества жизни. Насыщенная культурная жизнь определяется как фактор закрепления экономически активного населения в сельской местности. Востребованные горожанами программы становятся частью проектной деятельности, на

развитии которой настаивают региональные власти. В то же время профессиональные траектории работников учреждений культуры связаны с установками советского типа занятости. Поэтому развитие проектных направлений работы зависит от решения ряда проблем.

Первый комплекс проблем связан с социальным статусом сотрудников учреждений культуры. Среди работников этих учреждений преобладают женщины старшего возраста, которые отдают предпочтение привычным приемам работы. Работники культуры постепенно включаются в новые формы работы, предполагающие проектную деятельность, однако большая часть работников предпочитает позицию исполнителей. Форма участия в проектной деятельности зависит от профессиональной позиции сотрудника. В наибольшей степени в проектную работу вовлечены квалифицированные и высокоресурсные сотрудники, занимающие должности методистов и руководителей подразделений. Рядовые сотрудники чаще ограничиваются участием в проектах коллег либо негативно относятся к проектной деятельности. Руководители сельских учреждений культуры хотя и поддерживают идею необходимости проектной деятельности, но сами оказываются вовлечены в нее значительно реже. Функции руководителя учреждения сосредоточены на обеспечении внешних связей организации, подразумевая как контакты с руководством, так и сбор информации о доступных грантах и программах, полученной из сети Интернет, министерских рассылок и от коллег из других учреждений.

Второй комплекс проблем относится к вопросам волонтерского участия. Устройство сельской жизни предполагает привлечение местного населения к организации культурных мероприятий. Наиболее активными помощниками являются те категории сельских жителей, которые регулярно посещают кружки и клубы. На связи, построенные по принципу сотрудничества между организациями, в большой степени ориентированы руководители учреждений культуры. В этом случае речь идет об обычных мероприятиях. В проектной деятельности чаще всего востребованы волонтеры, однако практика участия населения в подобной деятельности находится пока на этапе становления. Потенциал культурных мероприятий в сельской местно-

сти респонденты связывают скорее с возможностями для неформального общения односельчан, чем с активизацией волонтерских практик и расширением пространства совместной деятельности.

Список литературы

Бурдые П. Стратегии воспроизводства и способности господства // Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 97–120.

Власова Т.А. Ресурсы развития этнокультурных проектов в селах Удмуртской Республики // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 1, вып. 4. С. 419–428.

Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академ. проект, 2005. 528 с.

Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Интеллигенция: Заметки о литературно-политических иллюзиях. СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. 305 с.

Давыдова А.В. Роль управленческой культуры в формировании системы эффективного управления образовательной средой // Философия образования. 2011. № 6(39). С. 74–81.

Намруева Л.В. Современное село Калмыкии: социологический срез. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. 180 с.

Нефедова Т.Г., Николаева У.Г., Покровский Н.Е. Интеллигенция в пространстве внегородской России // Социологические исследования. 2016. № 12(392). С. 52–61.

Оленина Г.В., Фролова А.С. Актуальные социально-экономические аспекты формирования организованного досугового пространства жителя отечественной сельской территории // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). 2018. № 1(15). С. 17–31.

Пашиаева М.Р. Управленческая культура в учреждениях культуры и искусства: анализ микросоциологических показателей // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. 2015. № 2. С. 161–166.

Попов Д.С. Основные направления концептуализации понятия «интеллигенция» // Профессии. doc. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. М.: ООО «Вариант», 2007. С. 57–78.

Сменцарев Г.В. Социология свободного времени и вопросы оценки эффективности учреждений культуры // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. № 2, т. 1. С. 54–59.

Хезмондали Д. Культурные индустрии. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. 456 с.

Хьюз Э.Ч. Профессии // Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности / под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦГСПИ, 2012. С. 31–46.

Чефонова Е.А. Социальное партнерство в социально-культурной сфере: контекст развития проектной деятельности в условиях муниципального образования // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. Вып. 1(156). С. 158–170.

Fox J.E. Consuming the nation: Holidays, sports, and the production of collective belonging // *Ethnic and Racial Studies*. 2006. Vol. 29, iss 2. P. 217–236. DOI: <https://doi.org/10.1080/01419870500465207>

Granberg L., Nikula J., Kopoteva I. LEADER and Possibilities of Local Development in the Russian Countryside // *Evaluating the European Approach to Rural Development, Grass-roots Experiences of the LEADER Programme* / ed. by L. Granberg, K. Andersson, I. Kovách. Farnham: Ashgate, 2015. P. 111–126.

Neal S. Transition culture: Politics, localities and ruralities // *Journal of Rural Studies*. 2013. Vol. 32. P. 60–69. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2013.04.001>

Ruane D. «Wearing down of the self»: Embodiment, writing and disruptions of identity in transformational festival fieldwork. // *Methodological Innovations*. 2017. Vol. 10, iss. 1. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/205979117720611> (accessed: 18.10.2019). DOI: <https://doi.org/10.1177/205979117720611>

Schein E.H. *Organizational Culture and Leadership*. Danvers: John Wiley & Sons, 2004. 437 p.

Получено 20.10.2019

References

Bourdieu, P. (2005). *Strategii vosproizvodstva i sposoby gospodstva* [Strategies of reproduction and ways of domination]. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of social space]. Moscow, Saint Petersburg: Aleteyya Publ., pp. 97–120.

Chefonova, E.A. (2015). *Sotsial'noe partnerstvo v sotsial'no-kul'turnoy sfere: kontekst razvitiya proektnoy deyatel'nosti v usloviyakh munitsipal'nogo obrazovaniya* [Social partnership in the sociocultural sphere: the context of project activity in the municipi-

ality]. *Vestnik Aдыгейского государственного университета. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya* [The Bulletin of the Adyge State University. Series «Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology»]. Vol. 1(156), pp. 158–170.

Davydova, A.V. (2011). *Rol' upravlencheskoy kul'tury v formirovaniy sistemy effektivnogo upravleniya obrazovatel'noy sredoy* [Role of managerial culture in development of system effective management in educational environment]. *Filosofiya obrazovaniya* [Philosophy of Education]. No. 6(39), pp. 74–81.

Fox, J.E. (2006). Consuming the nation: Holidays, sports, and the production of collective belonging. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 29, iss. 2, pp. 217–236. DOI: <https://doi.org/10.1080/01419870500465207>

Giddens, A. (2005) *Ustroenie obschestva: Oчерk teorii strukturatsii* [The constitution of society. Outline of the theory of structuration]. Moscow: Academicheskii Proekt Publ., 528 p.

Granberg, L., Nikula, J. and Kopoteva, I. LEADER and possibilities of local development in the Russian countryside. *Evaluating the European approach to rural development, grass-roots experiences of the LEADER programme*, ed. by L. Granberg, K. Andersson, I. Kovách. Farnham: Ashgate Publ., pp. 111–126.

Gudkov, L.D. and Dubin, B.V. (2009). *Intelligentsiya: Zametki o literaturno-politicheskikh illyuziyakh* [Intellectuals. Notes about literature and political illusions]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha Publ., 305 p.

Hesmondhalgh, D. (2014). *Kul'turnye industrii* [Cultural industries]. Moscow: HSE Publ., 456 p.

Hughes, E.Ch. (2012). *Professii* [Professions]. *Antropologiya professiy: granitsy zanyatosti v epokhu nestabil'nosti* [Anthropology of professions: borders of employment in the epoch of instability]. Moscow: Ltd «Variant» Publ., pp. 31–46.

Namrueva, L.V. (2017). *Sovremennoe selo Kalmykii: sotsiologicheskii srez* [Contemporary rural area in Kalmykia: sociological issue]. Elista: KalmNTs RAS Publ., 180 p.

Neal, S. (2013). Transition culture: Politics, localities and ruralities. *Journal of Rural Studies*. Vol. 32, pp. 60–69. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2013.04.001>

Nefedova, T.G., Nikolaeva, U.G. and Pokrovskiy, N.E. (2016). *Intelligentsiya v prostranstve vne-gorodskoy Rossii* [Intellectuals in the space of non-

urban Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12(392), pp. 52–61.

Olenina, G.V. and Frolova, A.S. (2018). *Aktual'nye sotsial'no-ekonomicheskie aspekty formirovaniya organizovannogo dosugovogo prostranstva zhitelya otechestvennoy sel'skoy territorii* [Actual social and economic aspects of the formation of organized leisure space for resident of a domestic rural territory]. *Uchenye zapiski (Altayskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury i iskusstv)* [Scientific notes (Altai State Academy of Culture and Arts)]. No. 1(15), pp. 17–31.

Pashaeva, M.R. (2015). *Upravlencheskaya kul'tura v uchrezhdeniyakh kul'tury i iskusstva: analiz mikrosotsiologicheskikh pokazateley* [Managerial culture in culture and art institutions: analysis micro-sociological markers]. *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin South-Russian State Polytechnic University]. No. 2, pp. 161–166.

Popov, D.S. (2007). *Osnovnye napravleniya kontseptualizatsii ponyatiya «intelligentsiya»* [Main directions excogitation of the definition «Intellectuals»]. *Professii. doc. Sotsial'nye transformatsii professionalizma: vzglyady snaruzhi, vzglyady iznutri* [Profession.doc. Social transformations of the professionalism: views from inside and outside]. Moscow: Ltd «Variant» Publ., pp. 57–78.

Ruane, D. (2017). «Wearing down of the self»: Embodiment, writing and disruptions of identity in transformational festival fieldwork. *Methodological Innovations*. Vol. 10, iss 1. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/2059799117720611> (accessed: 18.10.2019). DOI: <https://doi.org/10.1177/2059799117720611>

Schein, E.H. (2004). *Organizational culture and leadership*. Danvers: John Wiley & Sons, Publ., 437 p.

Smetsarev, G.V. (2013). *Sotsiologiya svobodnogo vremeni i voprosy otsenki effektivnosti uchrezhdeniy kul'tury* [Sociology of free time and issues of assessing the effectiveness of cultural institutions]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin]. No. 2, vol. 1, pp. 54–59.

Vlasova, T.A. (2017). *Resursy razvitiya etnokul'turnykh projektov v selah Udmurtskoj Respubliki* [Resources of development of ethnic projects in the rural area of Udmurt Republic]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relation]. Vol. 1, iss. 4. pp. 419–428.

Received 20.10.2019

Об авторе

Власова Татьяна Анатольевна

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры социологии

Удмуртский государственный университет,
426034, Удмуртская Республика, Ижевск,
ул. Университетская, 1;
e-mail: tavlasova@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3600-3214>

About the author

Tatiana A. Vlasova

Ph.D. in Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department of Sociology

Udmurt State University,
1, Universitetskaya st., Izhevsk, Udmurt Republic,
426034, Russia;
e-mail: tavlasova@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3600-3214>

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Власова Т.А. Влияние социальных характеристик профессиональной занятости в сфере культуры на внедрение проектных форм деятельности в селах Удмуртской Республики // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 2. С. 317–327. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-2-317-327

For citation:

Vlasova T.A. [Social characteristics of occupation in the sphere of culture and their influence on the project activity introduction (a case study of rural settlements of the Udmurt Republic)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 2, pp. 317–327 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-2-317-327

УДК [316.334.56:316.77](470.345-21)

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-2-328-343

ГОРОДА МОРДОВИИ: ИДЕНТИЧНОСТЬ В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ*

Пакшина Ираида Адольфовна, Руськина Елена Степановна

Научный центр социально-экономического мониторинга (Саранск)

В настоящее время объектом внимания современных городских медиа становится город с его уникальной локальной и исторической спецификой. В медийном тексте осуществляется вербализация результатов субъективного восприятия человеком окружающего городского пространства, происходит репрезентация городской идентичности. Целью настоящей статьи стало выявление представленности понятия «городская идентичность» в массмедиа Республики Мордовия — городских и республиканских газетах и социальных сетях. Авторами был проведен контент-анализ публикаций в городских газетах и комментариев к постам участников локальных интернет-сообществ, касающихся представлений о городе. Анализ печатных СМИ показал понимание муниципальными властями актуальности проблем формирования городской идентичности в конкурентной борьбе за человеческие, информационные и экономические ресурсы. Редакции газет многое делают для создания положительного имиджа города. Мощное влияние на общественное мнение оказывают локальные городские интернет-сообщества, относительно недавно появившиеся в медиaprостранстве региона. Коммуникация в них строится в основном вокруг частных проблем повседневной городской жизни и сопровождается негативно-оценочными характеристиками. Установлено, что активное обсуждение проблем провоцируют пост-обсуждение, пост-провокация, пост-хайп, пост-фотография, пост – критика власти, пост – диалог с представителем власти, пост-вопрос или пост-игра. Выявлена асимметрия репрезентации образа города, создаваемой, с одной стороны, печатными СМИ, а с другой — участниками интернет-сообществ. В ходе исследования определены значимые для горожан идентификационные маркеры. Установлена зависимость особенностей конструирования идентичности городов Мордовии и ее репрезентации от коммуникативных практик горожан.

Ключевые слова: город, малый город, городское сообщество, образ города, городская идентичность, репрезентация, печатные СМИ, социальная сеть «ВКонтакте».

CITIES OF MORDOVIA: IDENTITY IN MEDIA DISCOURSE

Iraida A. Pakshina, Elena S. Rus'kina

Scientific Center of Social-Economic Monitoring State Institution (Saransk)

Nowadays, the city with its unique local and historical features is placed into the focus of the modern urban media. Media text verbalizes the results of a person's subjective perception of the surrounding urban space and represents the identity of the city. The purpose of this article is to identify the representation of the «urban identity» concept in the media of the Republic of Mordovia — both in city and republican newspapers and social networks. The authors conducted content analysis of the articles published in city newspapers and the comments to the posts of local Internet communities regarding their ideas about the city. Analysis of the print media deduced that the municipal authorities realize the urgency of the urban identity formation under the competition for human, informational and economic resources. The editorial boards of newspapers do a lot to create a positive image of the city. Local urban Internet communities,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Мордовия в рамках научного проекта № 18-411-130015 «Идентичность городов Республики Мордовия и их социальная репрезентация».

which has recently appeared in the regional media space, have a powerful influence on public opinion. Their communication is built mainly around the private problems of everyday urban life and is accompanied by negative evaluation of those. It was established that active discussion of problems leads to active post-discussion, post-provocation, post-hype, post-photography, post – criticism of the authorities, post – dialogue with a representative of the authorities, post – question and post-game. There is an asymmetry in the representation of the city image created, on the one hand, by the print media, and, on the other hand, by the participants in the Internet communities. The study identified the markers that can be significant for the citizens. It also detected the dependence of the construction of the Mordovia's cities identity and its representation and the communicative practices of the urban population.

Keywords: city, town, urban community, image of the city, urban identity, representation, print media, social network «VKontakte».

Введение

В последние годы все отчетливее виден интерес, проявляемый представителями гуманитарных наук к субъективному восприятию человеком окружающего жизненного пространства, которым, в частности, является город с его локальной и исторической спецификой и механизмами взаимодействия с горожанами. В исследованиях город предстает как сложный организм с множеством составляющих, среди которых главная — это люди. Именно они устанавливают в нем социальные нормы и обеспечивают необходимые для жизнедеятельности условия. Проживая в городе, человек неизбежно вступает во взаимоотношения с ним, учитывает сложившиеся традиции, соотносит свою жизнь с жизнью городского сообщества, т.е. идентифицирует себя с городом. Городская идентичность, становясь объектом исследования, влечет за собой необходимость изучения социальной репрезентации города, т.к. человек, являясь структурным его элементом, воспринимает и описывает город с помощью совокупности индивидуальных и общественных характеристик. В связи с отсутствием в региональном контексте исследований механизмов репрезентации города его жителями авторами была предпринята попытка восполнить этот пробел. Целью проведенного исследования стало выявление представленности понятия «городская идентичность» в массмедиа Республики Мордовия — городских и республиканских газетах и социальных сетях — как отражения отношения горожан к месту своего обитания и связанных с ним жизненных перспектив. При этом решались такие задачи, как поиск оценочных характеристик городов во всем массиве информации, опубликованной на страницах газет и содержащейся в высказываниях

участников популярных интернет-сообществ, определение знака оценки, сопоставление оценок, превалирующих в различных типах медиа, для дальнейшего анализа и выработки рекомендаций по конкретным мерам конструирования локальной идентичности городов.

Методология исследования

Теоретико-методологическую базу исследования составляют конструктивистский [Бергер П., Лукман Т., 1995] и социодраматургический [Гофман И., 2000] подходы, современные концепции идентичности в социальных науках, включая зарубежные (конструирование бренда территории [Анхольт С., Хильдрет Дж., 2010; Jenes В., 2012]) и отечественные (формирование имиджа регионов [Василенко И.А., 2012], репрезентация региона как геокультурного образа [Замятин Д.Н., 2013], дополнительность культуры укорененности и культуры мобильности [Крылов М.П., 2010] и т.д.).

Проблема городской идентичности актуализируется, в частности, в исследованиях городской среды («urban studies»). Рассмотрение множества работ, посвященных изучению идентичности города, показало, что это понятие раскрывается через концепты «социальная идентичность», «коллективная идентичность», «территориальная идентичность», или «идентичность территории». Синонимичность, взаимопересечение этих терминов позволяют отнести их к вариантам территориальной идентичности, «которая в случае городских исследований может быть представлена и как городская идентичность» [Радина Н.К., 2015, с. 42]. Ряд ученых полагает, что идентичность города есть коллективная идентичность, строящаяся на «чувстве принадлежности к определенной группе (или группам)», с помощью которой происходит сор-

тировка индивидов на тех, «кто принадлежит к нашей, внутренней группе, и тех, кто представляет группы, внешние по отношению к нам» [Коржков Г., 2010, с. 114]. Другие утверждают, что городская идентичность есть социальная идентичность, являющаяся результатом идентификации человека с городской общностью как большой социальной группой, занимающей определенное положение в ряду других общностей, выделяемых по признаку городской принадлежности [Микляева А.В., Румянцева П.В., 2011]. В данном контексте особое значение приобретает «эмоциональное наполнение самоопределения индивида по отношению к такой группе в целом... а также групповые ценности, социальные нормы, стереотипы, поведенческие паттерны» [Дягилева Н.С., 2013, с. 55].

Однако в первую очередь городская идентичность есть идентичность территории. Принадлежность к территории опирается на символический базис, иными словами, отождествление с местом (я — территория) формируется и существует при помощи важных для индивида территориальных значений. [Федотова Н.Г., 2015, с. 106]. Акцентирование исследовательской парадигмы на символическом капитале, установлении взаимной связи личности и города позволяет определить городскую идентичность как «совокупность городских смыслов, обеспечивающих идентификацию жителей через отождествление с городом при помощи значимых для человека символических средств (образов, концептов, кодов и пр.)» [Федотова Н.Г., 2017, с. 34].

Рассматривая идентичности как социальный феномен, П. Бергер и Т. Лукман определяющее значение придают анализу реальности повседневной жизни. Исследователи утверждают, что человеческий организм «продолжает воздействовать на каждую фазу человеческой деятельности по конструированию реальности и что сам организм, в свою очередь, находится под воздействием этой деятельности» [Бергер П., Лукман Т., 1995, с. 119]. Особый интерес представляет процесс субъективного восприятия города в связи с тем, что как текст он постоянно преобразуется, его информационное поле меняется.

Сложность оценки территориальной идентичности обусловлена ее изменчивостью во времени, а также влиянием на ее формирование субъективных и объективных факторов

[Parente M., 2016]. Особое значение при этом придается учету субъективных мнений, т.к. город является местом, хранящим не только коллективные, но и индивидуальные воспоминания. Город интерпретируется как хранилище личных историй и эмоций, как хранилище коллективных воспоминаний, заложенных во времени. Рассказчик выступает в роли культурного посредника, который «не только раскрывает скрытую идентичность окраинных земель, сказанную голосами, оживляющими эти места, но также обеспечивает свое собственное эмоциональное и чувственное видение» [Parente M., 2016].

Понимая под социальной репрезентацией «идеи, мысли, образы, ценности, знания, практики, разделяемые людьми и формирующиеся в социальных взаимодействиях прежде всего под влиянием средств массовой информации», а также результат коммуникации и ее основу, обеспечивающую групповую идентичность [Социальные представления..., 2003], мы признаем ведущую роль СМИ в конструировании городской идентичности. В настоящее время массмедиа находятся под пристальным взглядом ученых, свидетельством чему могут быть международные конференции, посвященные философским, социологическим, лингвистическим аспектам изучения средств массовой информации. Мы становимся свидетелями существенного изменения статуса медийного текста. Как отмечают исследователи, несмотря на то что человек на протяжении всей своей истории обращался к разным медиа, — от клинописи до Интернета — «такого сосредоточенного, целенаправленного, нюансированного внимания к медиа, такой прагматически ориентированной установки на их распознавание, каталогизацию, диверсификацию и включение в культурные практики общества не было никогда» [Полонский А.В., 2016, с. 70]. Процессы глобализации усиливают влияние средств массовой информации на общественное сознание. В подобных условиях роль СМИ как комплекса институтов и учреждений общества, порождающих единое информационное пространство, в формировании общественного сознания значительно возрастает [Современные массмедиа..., 2016]. С позиций урбанистической революции проводятся исследования на стыке урбанистики и медиаисследований в связи с наблюдающимся в России в последнее десятилетие масштабным поворотом в отноше-

нии к проблемам развития города: «Объектом внимания новых городских медиа становится город как самодостаточное развивающееся целое во всем многообразии “пестрой мозаики” его повседневной жизни, как место жизни интересных людей и сообществ» [Абашев В.В., Печищев И.Н., 2018, с. 16].

Подчеркивая определяющую роль медиа в трансформации социального пространства в современных городах, С. Маккуайр вводит понятие «медийный город» («media city»). Отличительной чертой социальной жизни в таком городе становится формирование пространственного опыта за счет сложного взаимодействия архитектурных объектов, городских территорий, социальных практик и медиа [Маккуайр С., 2014, с. 14]. Пространственное окружение перестает быть инертной оболочкой, оно максимально открыто, поэтому общественная деятельность в современном медийном городе «постоянно определяется обратной связью с другими местами и скоростями» [Маккуайр С., 2014, с. 55]. В результате распространения цифровых технологий мир конструируется в медиа, которые неотделимы от социума, а значит, влияют не только на жизнь в городах, но и на городскую идентичность.

В настоящее время очевиден факт постепенного вытеснения классических печатных СМИ так называемыми новыми медиа, которые благодаря современным технологиям являются более оперативными и менее затратными. Однако этот процесс пока затронул лишь крупные российские города. Малые города, к которым относятся и большинство городов Мордовии, по-прежнему предпочитают узнавать местные новости из привычного источника — бумажной газеты. В связи с этим исследование печатных СМИ в формировании городской идентичности не теряет своей актуальности.

Материалы и методы

При проведении исследования на предварительном этапе в качестве основного был выбран междисциплинарный метод анализа документов как инструмент сбора первичной социологической информации. В качестве документов выступали публикации в газетах (для печатных СМИ), а также комментарии пользователей к постам модераторов (для интернет-сообществ). Принято считать, что тексты, публикуемые в

СМИ, носят субъективный характер и отражают точку зрения журналиста или учредителя издания. Однако даже если допустить, что тексты являются ангажированными, то по своей сути они не предназначены для аналитической социологической обработки, т.к. были созданы не по инициативе исследователей и в данный момент естественно функционируют в обществе. Все это позволяет отнести их к первичной информации.

Для исследования городской идентичности был использован интерпретативный контент-анализ, при проведении которого учитывалось сочетание качественных и количественных показателей. Основным подходом к выбору лингвистических единиц анализа был семантический анализ, опирающийся на свойства естественного языка. В качестве базового подхода при кодировании информации использовался латентный репрезентационный, при котором фиксировался текст, содержащий скрытый, неявно выраженный смысл, подразумеваемый создателем текста [Ньюман Л., 1998, с. 123]. Период сбора материала — январь–июнь 2019 г.

Материалом для анализа печатных СМИ послужили статьи, размещенные в 9 печатных СМИ Мордовии: 7 газетах муниципальных образований — «Вечерний Саранск», «Рузаевская газета», «Голос Примокшанья», «Красная Слобода», «Маяк», «Инсарский вестник», «Темниковские известия» — и 2 наиболее популярных общереспубликанских газетах — «Столица С» и «Известия Мордовии». Все газеты — еженедельные. «Столица С» в нашем исследовании относится к независимым СМИ, т.к. ее учредителем является частное лицо. В остальных газетах в состав учредителей наряду с коллективом редакции входят органы власти либо республиканского, либо муниципального уровня, что неизбежно сказывается на решаемых изданием задачах. Было проанализировано около 230 выпусков перечисленных газет, в которых выделено 966 лингвистических единиц, содержащих оценочную характеристику города и горожан.

Объектом наблюдения в социальных медиа стало 21 сообщество социальной сети «ВКонтакте» (по 3 сообщества в 7 городах Мордовии), выбранное по следующим критериям: релевантность названия, уровень коммуникационной активности, численность участников группы. В качестве материала для анализа были взяты вы-

сказывания пользователей и комментарии членов популярных интернет-форумов городов Мордовии на площадке социальной сети «ВКонтакте». Можно предположить, что информация, полученная из этих источников, является менее ангажированной, поскольку она не подвергается редакторской обработке. Исследование построено на учете субъективных мнений и настроений горожан, т.е. той части наблюдаемого, что состоит «из проявлений непроизвольного самовыражения индивида, которой он, видимо, почти не владеет или которую не контролирует» [Гофман И., 2000, с. 38], т.к. «“истинные” или “действительные” установки, убеждения и чувства индивида можно выявить только косвенно, благодаря его признаниям или непроизвольным проявлениям» [Гофман И., 2000, с. 33]. В генеральную совокупность попало 43 279 комментариев к постам, выборочную совокупность составили 1 017 высказываний.

Авторами был использован универсальный набор элементов для описания городской локальной идентичности, разработанный исследовательской группой ЦИРКОН [Евстифеев Р.В. и др., 2015, с. 370]. В настоящей статье приводятся результаты исследования локальной идентичности городов Мордовии в категории анализа «Представления горожан о городе».

Результаты и дискуссии

Краткая характеристика городов Мордовии

В зависимости от численности населения города Мордовии можно разделить на две группы:

- крупный — Саранск (348 358 чел., по данным Росстата по состоянию на 1 января 2018 г.);
- малые — Рузаевка (45 248 чел.), Ковылкино (19 488 чел.), Краснослободск (9 397 чел.), Ардатов (8 584 чел.), Инсар (8 010 чел.), Темников (6 179 чел.).

Почти все города Мордовии по своему функциональному назначению прошли многовековой ход развития: город-крепость – уездный город – город как основа формирования сельскохозяйственного района (Саранск стал столицей республики). Только у Ковылкино был собственный исторический путь: сельское поселение – рабочий поселок – город как административный центр района. Последний этап обусловил приоритетное развитие в городах предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции.

Среди городов Мордовии Саранску принадлежит особая роль как столицы республики, центра ее политической, экономической и культурной жизни. Малые города Мордовии постепенно освобождались от черт сельского поселения и накапливали собственную городскую культуру. В каждом из перечисленных городов есть краеведческий музей, учреждения дошкольного, общего и профессионального образования, здравоохранения, культуры и спорта. В городах активно восстанавливаются и заново строятся православные храмы. Проблемы, свойственные другим малым городам нашей страны, присущи и городам Мордовии. Это сложная демографическая ситуация, характеризующаяся естественной убылью населения в связи с оттоком молодежи в более крупные города и мегаполисы, неразвитостью социально-культурной сферы; отсутствием инвестиций и ростом безработицы.

Результаты количественного анализа

Исследовательский интерес к детальному изучению категории исследования «Представления горожан о городе» обусловлен результатами расчета коэффициента Яниса. Для печатных СМИ значение данного коэффициента варьируется от 0,00107 (категория «Представления о структуре сообщества (ядро, границы, составляющие)») до 0,07306 («Представления горожан о городе»); для локальных городских интернет-сообществ — от 0,00949 («Значимые места (включая символический центр)») до 0,13817 (категория «Представления горожан о городе»). Таким образом, названной категории принадлежит как максимальное положительное ($c = 0,07306$), так и максимальное отрицательное ($c = -0,13817$) значение коэффициента Яниса. Это позволяет заключить, что исследуемая составляющая городской идентичности, с одной стороны, является наиболее представленной в собранном массиве данных, а с другой — носит как определяющий, так и разнонаправленный характер.

Высокое отрицательное значение коэффициента Яниса в интернет-сообществах обусловлено низкой долей нейтральных значений и высокой долей отрицательных (табл. 1). Для Темникова доля нейтральных оценок интернет-пользователей значительно превышает значение этого показателя для других городов Мор-

дови; спектр оценок темниковцев более разнообразен. Саранск в социальных сетях представлен как с положительной, так и с отрицательной стороны, доля положительных и отрицательных характеристик сопоставима. Данные табл. 1 демонстрируют, что пользователи городских интернет-сообществ Темникова и Са-

ранска более объективны в своих оценках и высказываниях. Газеты отличает существенное преобладание текстов, содержащих положительную оценку городских реалий, над материалами с отрицательной оценкой; доля нейтральных оценок выше отрицательных.

Таблица 1. Распределение количества лингвистических единиц анализа в категории исследования «Представления горожан о городе» по характеру оценки в зависимости от типа СМИ, %

Table 1. Quantity distribution of linguistic units of analysis in «Citizens» concept of the city' research by the evaluation depending on mass media type, %

Город	Газеты			Интернет-сообщества		
	Характер оценки					
	положительная	нейтральная	отрицательная	положительная	нейтральная	отрицательная
Ардатов	75,0	12,5	12,5	0,0	0,0	100,0
Инсар	50,0	25,0	25,0	0,0	0,0	100,0
Ковылкино	73,3	20,0	6,7	23,7	8,5	67,8
Краснослободск	75,0	25,0	0,0	56,3	6,3	37,5
Рузаевка	55,3	31,6	13,2	16,1	8,9	75,0
Саранск	63,6	27,3	9,1	41,1	8,2	50,7
Темников	61,4	25,0	13,6	13,8	20,7	65,5

В проанализированных печатных версиях газет оценочная характеристика городов была выявлена в публикациях, относящихся практически ко всем газетным жанрам: как информационным (интервью (12,2 %), заметка (8,3 %), репортаж (6,5 %), отчет (5,2 %) и др.), так и аналитическим (корреспонденция (24,8 %), статья (15,7 %), обзор (10,0 %), обозрение (3,9 %) и др.) и художественно-публицистическим (зарисовка (0,9 %), очерк (3,5 %), стихи (0,9 %) и др.). Лидирующие позиции по количеству зафиксированных единиц занимает корреспонденция, что объясняется особенностями этого жанра журналистики: в нем информационное начало — необходимость дать наглядное представление о ситуации — сочетается с ее анализом, нередко приобретая личностную окраску, указывающую на автора текста. Публикация мнений читателей сведена к минимуму (не превышает 0,9 %).

Важнейшим коммуникативным способом привлечения внимания читательской аудитории является использование визуальных средств акцентирования. Наблюдается тенденция к укрупнению размера заголовка газетного сообщения. Шрифтовое выделение материалов о городе зафиксировано в газетах Ардатова и Инсара (50 % от общего количества статей), Рузаевки (63,2 %), Темникова (72,7 %), Саранска (71,2 %). Лишь в ковылкинской и краснослободской газетах заго-

ловки статей, посвященных городу, набираются преимущественно шрифтом среднего размера (соответственно 80,0 % и 50,0 %). По месту размещения на полосе какой-либо жесткой закономерности не выявлено: материал может занимать как всю полосу (и даже несколько), так и одну, две, три колонки (правые или левые), находиться внизу иливерху полосы. В газетах Рузаевки, Темникова и Саранска каждому второму материалу о городе отводится вся полоса (55,3 %; 50,0 % и 51,5 % соответственно), в Инсаре статьи размещаются преимущественно вверху полосы (62,5 %), а в Ковылкино — внизу (73,3 %). Обращает на себя внимание факт, что в центре газетной страницы исследуемые публикации встречаются относительно редко. Чаще всего материалы о городе располагаются на первых четырех страницах. Почти по всем городским газетам (исключение — «Темниковские известия») отмечается превалирование материалов, выполненных в режиме черно-белой печати (95,2 %), что объясняется отсутствием среди исследуемых СМИ полностью цветных. «Столица С», «Вечерний Саранск», «Известия Мордовии», «Маяк», «Рузаевская газета» и «Темниковские известия» частично представлены «в цвете»: в этих изданиях нередко материал, поданный в черно-белом исполнении, сопровождается цветными фотографиями и цветным заголовком,

в единичных случаях весь материал цветной. В «Вечернем Саранске» он может быть выделен фоном.

Для привлечения читательского внимания газетные сообщения часто сопровождаются фотографиями, реже — иллюстрациями. В этом смысле показательны публикации о Саранске: их иллюстративное сопровождение включает одну (51,7 %), две (22,0 %) и больше фотографий, число которых может достигать до 10 и 14 фотографий (по 0,8 %). Печатные СМИ других городов, как правило, ограничиваются одной фотографией, сопровождающей текст. Таким образом, редакции газет Инсара, Рузаевки, Темникова, Саранска уделяют значительное внимание степени выделенности на полосе публикаций о городе и сопровождают материалы о нем дополнительным визуальным контентом. Газеты Ардатова, Ковылкино и Краснослободска привлекают внимание к публикациям о городе с помощью шрифтового выделения, минимизируя использование визуальных способов презентации — иллюстративного материала и выигрышного расположения на полосе набора.

По параметрам «Цветовое решение» и «Количество фотографий или рисунков» несомненное преимущество принадлежит интернет-сообществам, что обусловлено спецификой представления в них информации. Как правило, текст поста в городских локальных сообществах сопровождается цветной фотографией. Не более одной цветной фотографии публикуют модераторы городских групп Ардатова, Краснослободска, до 4 — Инсара, до 6 — Ко-

вылкина, Темникова, до 10 — Рузаевки и до 17 фотографий — Саранска. Следует отметить, что администраторы групп Рузаевки и Саранска не пренебрегают размещением черно-белых фотографий, особенно для иллюстрации городского исторического контекста. При этом пользователи социальных сетей очень редко сопровождают фотографией или рисунком собственные комментарии о городе (Ковылкино и Саранск — не более 2 раз, Рузаевка — 3 раза за время проведения исследования).

Для определения количества участников, которые не просто подписаны на сообщество, а активно взаимодействуют с контентом, был рассчитан индекс вовлеченности аудитории по просмотрам в категории анализа «Представления горожан о городе» (табл. 2). Результаты расчета позволяют утверждать, что для горожан степень интереса к публикациям о городе находится на среднем уровне. Для локальных городских интернет-сообществ характерен значительный разрыв между минимальным и максимальным значениями показателя. Интерес к городу в социальных сетях может варьироваться от полного игнорирования (например, в Инсаре) до стабильного активного обсуждения (в Рузаевке и Саранске). Вовлеченность пользователей социальных сетей Темникова значительно превышает среднее значение по сегменту. Таким образом, результаты расчета показывают, что локальные городские интернет-сообщества становятся площадкой для презентации родного города.

Таблица 2. Показатель отклика на пост о городе в зависимости от числа просмотров контента по категории анализа «Представления горожан о городе», %

Table 2. Posts about the city response indicator depending on page view by the «Citizens» concept of the city' category of analysis, %

Город	Коэффициент вовлеченности $ER_{\text{пост о городе}}$		
	максимальное значение	минимальное значение	среднее значение по городу
Ардатов	2,94	0,31	1,61
Инсар	3,86	0,00	1,79
Ковылкино	2,84	0,50	1,39
Краснослободск	1,59	0,96	1,70
Рузаевка	1,18	0,82	1,40
Саранск	1,96	0,23	1,46
Темников	3,09	0,10	2,46
В среднем по городам Мордовии	2,15	0,00	1,50

Результаты количественного анализа отражают усилия, прикладываемые локальными газетами для формирования положительного имиджа города. Однако репрезентация его «официального» образа отличается от «неофициального», создаваемого горожанами — участниками интернет-сообществ. К несовпадению образов приводит преимущественная ориентация традиционных СМИ на информационный тип подачи материала в сочетании с крайне низкой долей публикаций, предполагающих использование форм обратной связи с читателем. В настоящее время для жителей становится важным высказывание собственной позиции, они предпочитают быть не пассивными потребителями информации, а активными субъектами процесса массовой коммуникации. Эту потребность горожане реализуют с помощью социальных сетей.

Результаты качественного анализа

Репрезентация городов в печатных СМИ

Как показал анализ, самым «богатым» по количеству исследуемых лингвистических единиц изданием является газета «Столица С». В ней за период наблюдения было выделено 31,6 % высказываний, раскрывающих в контексте исследуемой проблемы отношение автора к городам Мордовии (в основном к Саранску). Данный факт можно объяснить статусом газеты как независимой и относительно свободной от «официоза», а также ее редакционной политикой, позволяющей с целью привлечения читателей писать иронично даже о вещах, с иронией несовместимых (например, о преступлениях), и авторским стилем журналистов, существенно отличающимся от стиля авторов других изданий. Немаловажную роль играет и объем газеты, составляющий, как правило, 64 страницы, что больше, чем совокупный недельный объем 6 газет малых городов (средний объем выпуска — 8 страниц). Значительно уступают «Столице С» «Вечерний Саранск» (27,3 %) и «Известия Мордовии» (16,9 %). Таким образом, на три издаваемые в Саранске газеты приходится более 2/3 зафиксированных лингвистических единиц, что оставляет далеко позади все районные СМИ. Среди последних лидируют «Рузаевская газета» (7,8 %) и «Голос Примокшанья» (5,2 %), замыкают список «Темниковские

известия» (4,8 %), «Инсарский вестник» (3,5 %), «Красная Слобода» (2,2 %) и «Маяк» (0,9 %).

По количеству упоминаний недостижимую для других городов позицию удерживает Саранск (57,1 %), что неудивительно для столицы региона и центра экономической, политической и культурной жизни республики (Рузаевка — 16,5 %, Темников — 9,5 %, Ковылкино — 6,5 %, Ардатов, Инсар, Краснослободск — по 3,5 %). В районных газетах речь в основном ведется о проблемах своих муниципальных образований (к тому же преимущественно касающихся сельской жизни) и их центров. В противовес районным «столичным» изданиям в конкурентной борьбе за читателя обращают внимание на все города региона.

Особый интерес представляют образные характеристики города, которыми его наделяют авторы публикаций, и их эмоциональные оценки. Так, Саранск — «город грехов. Впрочем — обреченный на всепрощение», «настоящая столица», «город любви и невероятных историй», «всему голова, средоточие мира... жемчужина в руке Творца»; Рузаевка — «не Чикаго»; Темников — «настоящий магнит для туристов», «жемчужина Мордовии», «туристический рай»; Инсар — «старинный, но молодой душой»; Ардатов — «туристическая Мекка» и т.д. Такие высказывания не оставляют читателя равнодушным, будят его воображение, заставляют примерить ситуацию на себя и либо согласиться с оценкой, испытав чувство гордости за свой город, либо ее с огорчением отвергнуть.

Несмотря на то что в газетах находят отражение проблемы, требующие своего решения, общий настрой СМИ, безусловно, оптимистический. Этому, в частности, способствует использование авторами публикаций эпитетов «любимый», «родной», «красивый», «замечательный» и др. Указанный тренд характерен и для других изданий, о чем свидетельствуют приводимые ниже примеры. «Голос Примокшанья»: «Приятно, когда в нашем родном городе Ковылкино происходят положительные перемены в плане благоустройства»; «Инсарский вестник»: «Мы, инсарцы, общими усилиями многое сделали для того, чтобы наш любимый город процветал»; «Рузаевская газета»: «Рузаевка с каждым годом становится все уютнее и краше»; «Темниковские известия»:

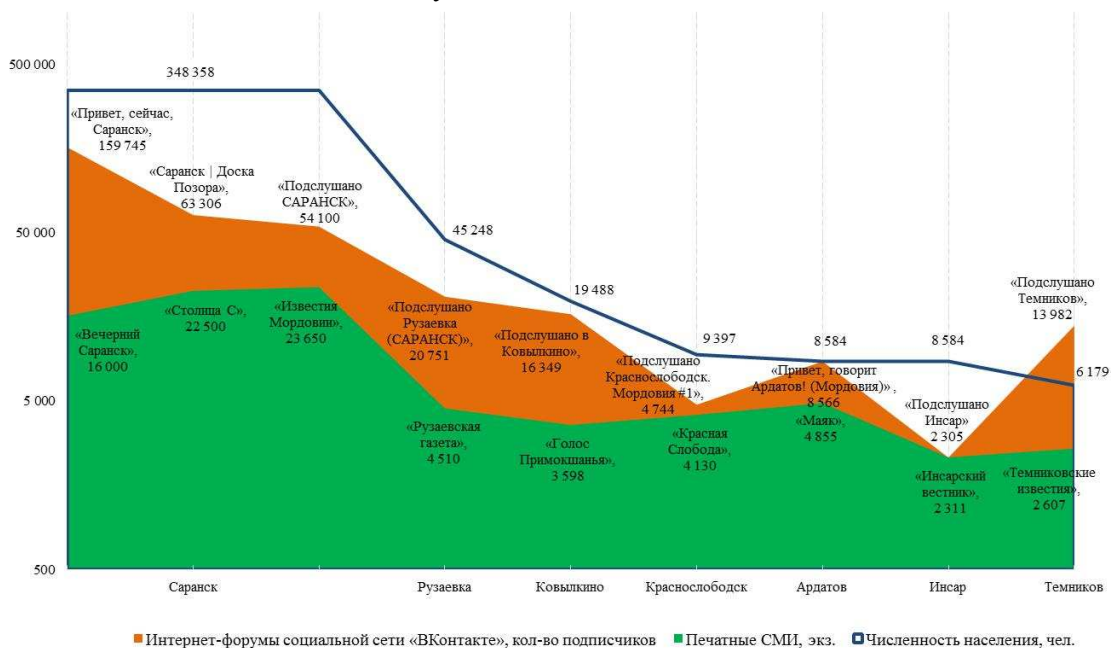
«...небольшие подарочные коробочки с конфетами, на обертках которых — виды любимого города. ...сладкое воспоминание должно оставаться у туристов о Темникове»; «Красная Слобода»: «Новогодний Краснослободск выглядит красавцем. Все кругом сияет, горит разноцветными огнями».

Отрицательные оценки касаются, как правило, проблем благоустройства и порядка в городе и чаще всего звучат в адресованных власти вопросах читателей и комментариях редакций: «В разных микрорайонах Инсара беда с водой. ... Инсарцы пишут об этом в соцсетях, звонят в редакцию газеты, чтобы получить ответ на извечный вопрос “Кто виноват и что делать?”» («Инсарский вестник»); «По улицам Рузаевки днем и ночью разгуливают и кидаются с лаем на прохожих вполне домашние собаки, хозяева которых выпустили своих любимцев порезвиться» («Рузаевская газета») и т.п.

Проведенный анализ городских и республиканских изданий выявил понимание муници-

пальными властями актуальности проблем формирования городской идентичности в конкурентной борьбе за человеческие, информационные и экономические ресурсы, и их активные действия, направленные на ее конструирование.

Сравнение тиража газет и количества подписчиков самых популярных локальных городских интернет-сообществ демонстрирует определенную взаимосвязь данных показателей (рисунки). На общем фоне выделяется самый малочисленный город республики — Темников: в группе «Подслушано Темников», позиционирующей себя как молодежное движение, подписчиков зарегистрировано в 2 раза больше, чем жителей города, причем их численность постоянно растет. Весьма показателен пример Инсара, в котором эти показатели практически совпадают. В ходе проведения контент-анализа материалов «Инсарского вестника» нами было отмечено журналистское мастерство сотрудников и главного редактора газеты.

Охват аудитории социальными и печатными медиа в городах Мордовии (данные приводятся по состоянию на начало проведения исследования — 1 января 2019 г.)

Social and print media outreach in the cities of Mordovia (data date January 1, 2019)

Можно утверждать, что современный читатель уже не довольствуется простым информированием и описанием жизни социума, эта проблема была решена благодаря распространенности и доступности интернет-коммуникации. В эпоху тотальной тиражируемости информа-

ции, на наш взгляд, наиболее важными для горожан становятся аналитичность, уникальность и критичность публикуемых материалов, отражающих действительно важные для них проблемы. Таким образом, если раньше традиционным СМИ отводилась задача публичной

трансляции информации и формирования общественного мнения, то по мере активного распространения социальных сетей и блогосферы благодаря развитию диалоговых форматов и оперативности эту функцию постепенно берет на себя интернет-коммуникация.

Репрезентация городов в социальных медиа

Локальные городские интернет-сообщества, относительно недавно появившиеся в медиaprостранстве региона, стали мощной площадкой, формирующей и отражающей общественное мнение. Городские паблики не только распространяют актуальные новостные материалы, но и используются для непосредственного общения жителей с одинаковой территориальной идентификацией. Коммуникация в них строится вокруг городского пространства и обсуждения частных проблем городской повседневной жизни, при этом каждый пользователь, пишущий комментарий к посту, выражает собственное мнение, свободное от формализма и идеологических штампов.

Большой объем ежедневной информации, создаваемой в локальных городских сообществах, продуцируется его участниками на основе обсуждения проблем преимущественно реального, а не виртуального мира. Медийная среда, создаваемая городскими интернет-сообществами, предполагает активное участие и высказывание независимого мнения сторонами информационного обмена. В отличие от печатных СМИ для локальных городских интернет-сообществ новость не является абсолютной ценностью, т.к. большая часть новостного контента копируется; уникальны в этом случае комментарии и дискуссии, создаваемые в интернет-пространстве.

Нами выделены типы публикаций в социальных сетях, не только получающие максимальное количество просмотров, но и провоцирующие активное обсуждение городских проблем, при которых дается эмоциональная оценка городу и городской среде:

– пост-обсуждение. Разбираются проблемы благоустройства городской среды и вопросы частного характера, свойственные только этому населенному пункту и волнующие многих его жителей. Например, состояние дорожного полотна, чистота на улицах, жалобы на работу коммунальных служб, проблема неприятного запаха на улицах, проведение ремонтных работ

или их отсутствие, исправление ранее указанных недостатков, тарифы на ЖКХ, оптимизация здравоохранения, строительство фонтана (в Ковылкине), референдум о самообложении граждан (в Краснослободске) и др.;

– пост-провокация. Как правило, предлагается модератором группы и побуждает к активному обсуждению темы, затрагивающей чувства горожан (текст поста носит подчеркнuto оскорбляющий или «приторно» позитивный характер);

– пост-хайп. Создается шумиха вокруг сообщения о событиях, происшествиях, катастрофах, получивших большой общественный резонанс;

– пост – критика власти. Высказываются критические замечания и обсуждаются действия (или бездействие) руководства города (района);

– пост – диалог с представителем власти. Содержит призыв задать вопрос должностному лицу; затем публикуются ответы на вопросы читателей паблика. В Саранске большой отклик у пользователей получили пост – диалог с министром ЖКХ, а затем с министром промышленности, науки и новых технологий;

– пост-фотография. Размещаются фотографии знаковых мест города, городские пейзажи, а также исторические фотографии утраченных мест, с которыми связаны теплые воспоминания горожан;

– пост-вопрос или пост-игра. Тема поста привязывается к конкретному городу или общегородской проблеме, часто носит шуточную форму, содержит призыв к активному обсуждению; в таких постах пользователи дают много коннотативных характеристик городу.

К постам, собирающим наименьшее количество комментариев и просмотров в локальных городских сообществах, относятся:

– пост, посвященный проблемам другого города (конечно, если это не новость-хайп). Отсутствие интереса к другому городу является вполне предсказуемым и обусловлено спецификой общения в локальных городских сообществах, т.к. пользователь, интересующийся жизнью другого населенного пункта, подписывается на новости этого локального сообщества;

– пост – официальный доклад. Публикация материалов, носящих официальный характер (или репост докладов официальных лиц), не вызывает интереса у горожан. Однако общение

с должностными лицами, построенное в режиме онлайн-трансляции или диалога, вызывает неподдельный интерес у подписчиков.

В медиапространстве Мордовии выделяются локальные сетевые сообщества городов Рузаевка (29,7 % сообщений, отнесенных к категории исследования «Представления горожан о городе») и Саранск (38,7 %). Их участники отличаются активной позицией и независимостью взглядов; в повседневной коммуникации интернет-пользователи обсуждают частные городские проблемы, в большинстве своем связанные с каждодневными заботами и событиями. Жителей городов Ковылкино и Темников можно отнести к активным пользователям социальных сетей, но репрезентация города происходит в них значительно реже (15,6 % и 7,7 % соответственно). Для локальных городских интернет-сообществ Ардатова, Инсара, Краснослободска (1,9 %, 2,1 % и 4,2 % соответственно) характерна публикация значимых в бытовом плане материалов: рекламных объявлений и объявлений частного характера (купля, продажа, потери, находки и др.). Обсуждения вопросов, затрагивающих тему города и его проблем, в них почти не бывает.

Пользователи социальных сетей городов Мордовии сфокусированы прежде всего на описании общегородских проблем и на жалобах на работу администрации города. Коннотативный посыл всех сообщений такого рода — общая неблагоустроенность, запущенность. Негативная оценка города, в котором живут пользователи соцсетей, связана с грязью на улицах, отсутствием достойно оплачиваемой работы и досуга. По мнению пользователей, виноваты во всех проблемах исключительно руководители города. Для большинства интернет-пользователей характерна положительная коннотация лексем «житель», «простой человек», «люди» и отрицательная «начальство», «чинуши», «наши князьки», «местная власть». Очень редко указывается, что именно горожане должны взять на себя ответственность за поддержание чистоты в месте проживания, т.к. усилия администрации по благоустройству города без поддержки со стороны ее жителей малоэффективны.

На этом фоне значительно выделяются сообщения пользователей локальных городских сообществ Саранска. Для них социальные сети являются площадкой для общения. Жители Саранска

в повседневной онлайн-коммуникации предпочитают комментировать частные проблемы, связанные с городским пространством, и доводить информацию о локальных проблемах до более широкой аудитории. Результаты проведенного качественного исследования показали, что представления горожан о городе создаются с помощью выражения эмоциональных оценок, описания экономических и жилищно-коммунальных проблем и миграционных установок.

Жители Саранска позитивно воспринимают происходящие изменения, подчеркивают чистоту, яркость и ухоженность города. Однако участники локальных городских сообществ замечают и подражательность в организации городского пространства: возникающие архитектурные объекты копируют облик столичных достопримечательностей и ввиду своей вторичности уступают им по качеству. Активное обсуждение вызывает снос зданий, с одной стороны, не имеющих архитектурной ценности, а с другой — представляющих несомненную ценность для горожан, поскольку с ними связаны их личные воспоминания о событиях, происходивших в этих стенах (кинотеатр «Октябрь», около которого *«такооооооооо лимонад в розлив продавали!»*, а дальше *«был магазин, где был молочный коктейль, его крутили в миксере прямо при тебе»*, блинная «Чудесница» (*«какие блинчики там готовили!»*), 3-я городская больница (*«старая, немцами построенная»*), кинотеатр «Победа» (позже — «Кино-Макс Победа») (*«сколько же у нас с тобой было общего»*)).

В процессе полемики в интернет-пространстве осуществляется репрезентация города и городского пространства, выраженная в нарративах пользователей социальных сетей. Очень часто это происходит при соотношении своего мнения и ценностей с мнениями и ценностями других людей, являющихся участниками интернет-сообщества.

Нарратив упадка сопровождается практически все высказывания горожан о малых городах Мордовии. Жителями они описываются как территории, в которых не созданы необходимые условия для полноценной жизни и личностной самореализации. Для молодых людей актуальна проблема организации досуга. Негативные отзывы горожан вызваны блоком нерешенных социально-экономических проблем,

влекущих за собой трудовую миграцию. Трудовая мобильность рассматривается горожанами как вынужденная мера, вызванная отсутствием рабочих мест и условий для воспитания детей [Пакина И.А., 2019].

Несмотря на значительные социально-экономические трудности, жителям городов Мордовии свойственны высокая степень укорененности, проявляющаяся в сохранении духовной связи с городом без обязательного физического нахождения в нем, и значительный уровень привязанности индивида к городскому сообществу. В локальных городских сетевых сообществах зарегистрированы не только фактически проживающие, но и все, кто интересуется проблемами города и не хочет терять духовную связь с ним [Пакина И.А., 2019]. Согласно принципу дополнительности культуры мобильности и культуры укорененности, выдвинутому М.П. Крыловым, «укорененность предпочтительна для саморазвития региона как целостности, для реализации национальных интересов через территорию и через совокупность регионов» [Крылов М.П., 2010, с. 27]. Такие свойства укорененности, как вписанность в местный контекст и сохранение российской культурной традиции, по мнению исследователя, могут являться основанием для возникновения самоидентификации (отождествления) с некоторым регионом (территорией, местом) [Крылов М.П., 2010].

В системе взаимосвязанных и взаимодействующих знаков, формирующих образ города, определяющее значение приобретает лексикон, характеризующий территорию: «Как правило, городской лексикон сгущает, концентрирует наиболее важные в потенциальном отношении образные точки» [Замятин Д.Н., 2005, с. 289]. Анализ сообщений в социальных сетях позволяет выявить значимые для горожан идентификационные маркеры, сформированные в коммуникативном пространстве локальных городских интернет-сообществ. Для Саранска это развитие, преобразование, обновление, красота, чистота, уют. Для Рузаевки характерно преобладание отсылок к советскому прошлому, когда она была крупной узловой станцией и городом железнодорожников; по мнению многих горожан, это был лучший период в жизни города. Ковылкинцы любят свой город, привязаны к нему, ценят его красивую природу, однако нар-

ратив упадка сопровождает практически все высказывания горожан о Ковылкино.

В представлениях горожан о городе преобладают эмоциональные оценки, иногда резко полярные. В сообщениях-нарративах город репрезентируется через оценку жизни в нем, критические замечания, анализ достижений и неудач, что в совокупности позволяет обнаружить смысловые зависимости. Это может свидетельствовать о том, что жителям родной город безразличен, они очень переживают за его судьбу, надеются, что он справится с существующими проблемами.

Заключение

Сопоставление представлений о городах Мордовии, репрезентируемых в результате двух видов коммуникации — произвольного (печатные СМИ) и непроизвольного (локальные интернет-сообщества) самовыражения — позволяет выявить сложившуюся «асимметрию процесса коммуникации» [Гофман И., 2000, с. 38]. В медиaprостранстве республики наметилось расхождение между создаваемым и реальным образом города. Районные печатные СМИ репрезентируют город так, чтобы произвести на читателя благоприятное впечатление о нем, ожидая, что преимущественная публикация только положительных материалов вызовет у горожан желанный отклик. Однако в условиях информационной открытости современного общества читатели имеют возможность получать информацию по множеству каналов, анализировать ее, сопоставлять и делать выбор в пользу того или иного источника. Стремительный рост интернет-аудитории, информационная открытость современного общества, доступность и распространенность социальных сетей в совокупности с постоянно растущей стоимостью печатных изданий постепенно приводят к утрате роли традиционных СМИ как основного фактора формирования общественного мнения.

Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что наиболее четко выражена идентичность Саранска, Рузаевки и Темникова, самым же размытым оказался образ Ардатов. В репрезентации всех городов присутствует общая характерная черта — размещение публикаций, указывающих на проведенную или предстоящую работу по благоустройству, а также описывающих известных земляков. В остальном

репрезентация каждого города Мордовии имеет свои специфические черты.

В исследованном нами массиве лингвистических единиц для Саранска характерна репрезентация в печатных СМИ его «столичности»; его называют чистым благоустроенным городом, сумевшим в короткий срок развить необходимую для комфортного проживания жителей инфраструктуру и получившим право проведения чемпионата мира по футболу, разрушающим стереотипы о российской глубинке. Рузаевка предстает как динамично развивающийся город, в котором создаются рабочие места с достойной заработной платой, территория с льготными условиями ведения бизнеса, «город железнодорожников». Темников — «город дремлющей старины», старейший город Мордовии и самый ориентированный на туристический путь развития, где создан собственный бренд, ведется туристический сайт, разработаны туристические маршруты. Краснослободск — город-сад, город торговый, город старинных зданий, чтущий свою богатую историю, население которого обладает активной жизненной позицией. Ковылкино изображен местными СМИ не только как уютный провинциальный город, но и модернизирующийся и развивающийся: скоро здесь появятся виртуальный концертный зал, долгожданный фонтан. Для газет Инсара и Ардатова характерны отсылки к прошлому, традициям в различных аспектах культурно-исторической памяти.

Скрытая культурная коннотация города в социальных сетях реализуется с помощью комментариев к постам, в которых провоцируется активное обсуждение городских проблем и дается эмоциональная оценка города и городской среды: пост-обсуждение, пост-провокация, пост-хайп, пост-фотография, пост – критика власти, пост – диалог с представителем власти, пост-вопрос или пост-игра.

Анализ сообщений в социальных сетях позволяет выявить значимые для горожан идентификационные маркеры, сформированные в коммуникативном пространстве локальных городских интернет-сообществ. Для Саранска это развитие, преобразование, обновление, красота, чистота, уют. Для Рузаевки характерно преобладание отсылок к советскому прошлому, когда она была крупной узловой станцией и городом железнодорожников, и, по мнению многих, это был

лучший период в жизни города. Сообщения пользователей локальных интернет-сообществ Ардатова, Инсара, Краснослободска, Ковылкина, Темникова не позволили выявить специфические, только им присущие черты. Большинство участников локальных городских сетевых сообществ неоднократно подчеркивали необходимость решения существующих социально-экономических проблем: городского благоустройства, отсутствия рабочих мест, трудовой миграции наиболее активных и предприимчивых жителей в крупные города и мегаполисы, низкого качества жизни, отсутствия условий для воспитания детей и невозможности самореализации.

Современный молодой горожанин больше не замыкается в территориальных границах города; мобильность рассматривается как способ выживания в условиях трансформации общества. Членами локальных городских сетевых сообществ являются не только люди, проживающие в этих городах в настоящее время, но и те, кто уехал из них, однако духовную связь с ними не теряет. Это позволяет сделать вывод о том, что жителям городов Мордовии свойственны высокая степень укорененности и привязанности к городскому сообществу.

Таким образом, конструирование идентичности городов Мордовии и ее репрезентация зависят от коммуникативных практик горожан. Пронизывая все сферы социальной жизни, современные медиа не просто отражают идентичность, а оказывают на нее влияние. Печатные СМИ репрезентируют объект или явление субъективно, сквозь призму собственного представления автора статьи или редактора периодического издания о ситуации. Спонтанные мнения пользователей социальных сетей также отражают их собственное мироощущение и понимание городского пространства. Сопоставление этих взглядов способствует поиску общих ценностей, смыслов, разделяемых городским сообществом.

Список литературы

Абашев В.В., Печищев И.М. Городские сетевые издания как агенты урбанизации // Город и медиа: материалы Междунар. науч. конференции «Новые городские медиа в медиаландшафте России», Пермь, 1–2 июня 2018 г. / Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2018. С. 9–29.

- Анхольт С., Хильдрет Дж.* Бренд Америка: мать всех брендов. М.: Добрая книга, 2010. 232 с.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / пер. Е. Руткевич. М.: Academia-центр: Медиум, 1995. 323 с.
- Василенко И.А.* Современный имидж российских регионов: проблемы формирования // Мир и политика. 2012. № 12(75). С. 75–79.
- Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. А.Д. Ковалева. М.: Канон-ПРЕСС-ц: Кучково поле, 2000. 304 с.
- Дягилева Н.С.* Теоретические аспекты городской идентичности // Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы: материалы Всерос. конф. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2013. С. 54–59.
- Евстифеев Р.В., Задорин И.И., Крупкин П.Л., Лебедев С.Д.* Городские локальные идентичности: Проблемы дифференциации и факторы консолидации местных сообществ // Региональная дифференциация и консолидация социального пространства России: V Сухаревские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Саранск, 2015. С. 368–373.
- Замятин Д.Н.* Геокультурный брендинг территорий: концептуальные основы // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. С. 11–23.
- Замятин Д.Н.* Локальные истории и методика моделирования гуманитарно-географического образа города // Гуманитарная география: научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 2. М.: Институт наследия, 2005. С. 276–323.
- Коржов Г.* Территориальные идентичности: концептуальные интерпретации в современной зарубежной социологической мысли // Социология: теория, методы, маркетинг. 2010. № 1. С. 107–124.
- Крылов М.П.* Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый хронограф, 2010. 240 с.
- Маккуайр С.* Медийный город: медиа, архитектура и городское пространство. М.: Ин-т медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка», 2014. 392 с.
- Микляева А.В., Румянцева П.В.* Городская идентичность жителя современного мегаполиса: ресурс личностного благополучия или зона повышенного риска? СПб.: Речь, 2011. 160 с.
- Ньюман Л.* Неопросные методы исследования // Социологические исследования. 1998. № 6. С. 119–129.
- Пакишина И.А.* Репрезентация малых городов Мордовии пользователями социальных сетей // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2019. Т. 10, № 2. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/25SCSK219.pdf> (дата обращения: 10.12.2019).
- Полонский А.В.* Медийный текст и его статус в современной культуре // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: II Междунар. науч.-практ. конф. Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом: II Междунар. науч. семинар. Белгород, НИУ «БелГУ», 5–7 октября 2016 г.: сб. науч. работ. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. С. 68–74.
- Радина Н.К.* Город в пространстве и времени: проблемы территориальной идентичности в контексте социально-экономических изменений. Н. Новгород: Деком, 2015. 344 с.
- Современные массмедиа: проблемы и перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Краснодар, 21 апреля 2016 г. / Кубан. соц.-экон. ин-т, Краснодар, 2016. 224 с.*
- Социальные представления (социальные репрезентации) // Социология: Энциклопедия. 2003. URL: <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/sociological/articles/221/socialnye-predstavleniya-socialnye.htm> (дата обращения: 26.11.2019).*
- Федотова Н.Г.* Территориальная идентичность как символический ресурс региона // Вестник Новгородского государственного университета. 2015. № 7(90). С. 105–108.
- Федотова Н.Г.* Формирование городской идентичности: факторный и институциональный аспекты // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. 20, № 3. С. 32–49.
- Jenes B.* Theoretical and Practical Issues in Measuring Country Image Dimensions and Measurement Model of Country Image and Country Brand: Ph.D. Dissertation / Corvinus University of Budapest Doctoral School of Business Administration. Budapest, 2012. 167 p.
- Parente M.* Designing the City Identity: Strategic and Product Design for New Experiential Ways of Living, Enabling, and Interacting with the Urban Context // Design Management Journal. 2016. Vol. 10, iss. 1. P. 62–71. DOI: <https://doi.org/10.1111/dmj.12023>

Получено 17.01.2020

References

- Abashev, V.V. and Pechischev, I.M. (2018). *Gorodskie setevye izdaniya kak agenty urbanizatsii* [Urban network publications as agents of urbanization]. *Gorod i media. Materialy Mezhdunar. nauch. konf. «Novye gorodskie media v medialandshafte Rossii»* [City and media. Proceedings of the international scientific conference «New urban media in the Russian media landscape»]. Perm: PSU Publ., pp. 9–29.
- Anholt, S. and Hildreth, D. (2010). *Brend Amerika: mat' vsekh brendov* [Brand America: the mother of all brands]. Moscow: Dobraya Kniga Publ., 232 p.
- Berger, P. and Luckmann, T. (1995). *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: Traktat po sotsiologii znaniya* [The social construction of Reality. A treatise on sociology of knowledge]. Moscow: Academia-tsentr Publ., Medium Publ., 323 p.
- Dyagileva, N.S. (2013). *Teoreticheskie aspekty gorodskoy identichnosti* [Theoretical aspects of urban identity]. *Brending malykh i srednikh gorodov Rossii: opyt, problemy, perspektivy* [Branding of small and medium-sized cities of Russia: experience, problems, prospects]. Yekaterinburg: UrFU Publ., pp. 54–59.
- Evstifeev, R.V., Zadorin, I.I., Krupkin, P.L. and Lebedev, S.D. (2015). *Gorodskie lokal'nye identichnosti: problemy differentsiatsii i faktory konsolidatsii mestnykh soobshchestv* [Urban local identities: problems of differentiation and factors of consolidation of local communities]. *Regional'naya differentsiatsiya i konsolidatsiya sotsial'nogo prostranstva Rossii: V Sukharevskie chteniya* [Regional differentiation and consolidation of the social space of Russia: 5th Sukharev Readings]. Saransk, pp. 368–373.
- Fedotova, N.G. (2017). *Formirovaniye gorodskoy identichnosti: faktornyy i institucional'nyy aspekty* [The formation of urban identity: factor and institutional aspects]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 20, no. 3, pp. 32–49.
- Fedotova, N.G. (2015). *Territorial'naya identichnost' kak simvolicheskiy resurs regiona* [Territorial identity as a symbolic resource in the region]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik NovSU]. No. 7(90), pp. 105–108.
- Goffman, I. (2000). *Predstavleniye sebya drugim v povsednevnoy zhizni, per. s. angl.* [The presentation of self in everyday life, trans. from Eng.]. Moscow: Kuchkovo Pole Publ., 304 p.
- Jenes, B. (2012). *Theoretical and practical issues in measuring country image dimensions and measurement model of country image and country brand: dissertation*. Budapest, 167 p.
- Korzhov, G. (2010). *Territorial'nye identichnosti: kontseptual'nye interpretatsii v sovremennoy zarubezhnoy sotsiologicheskoy mysli* [Territorial identities: conceptual interpretations in modern foreign sociological thought]. *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing* [Sociology: Theory, Methods, Marketing]. No. 1, pp. 107–124.
- Krylov, M.P. (2010). *Regional'naya identichnost' v Evropeyskoy Rossii* [Regional identity in European Russia]. Moscow: Novyy Hronograf Publ., 240 p.
- McQuire, S. (2014). *Mediynnyy gorod: media, arkhitektura i gorodskoe prostranstvo* [The media city: media, architecture and urban space]. Moscow: Strelka Publ., 392 p.
- Miklyaeva, A.V. and Rumyantseva, P.V. (2011). *Gorodskaya identichnost' zhatelya sovremennogo megapolisa: resurs lichnostnogo blagopoluchiya ili zona povyshennogo riska?* [Urban identity of a resident of a modern metropolis: a resource of personal well-being or a high-risk zone?]. Saint Petersburg: Rech' Publ., 160 p.
- Newman, L. (1998). *Neoprosnyye metody issledovaniya* [Unexplored research methods]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6, pp. 119–129.
- Pakhshina, I.A. (2019). *Reprezentatsiya malykh gorodov Mordovii pol'zovatel'nykh setey* [Representation of small towns in Mordovia by social network users]. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya* [World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies]. Vol. 10, no. 2. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/25SCSK219.pdf> (accessed 10.12.2019).
- Parente, M. (2016). Designing the city identity: strategic and product design for new experiential ways of living, enabling, and interacting with the urban context. *Design Management Journal*. Vol. 10, iss. 1, pp. 62–71. DOI: <https://doi.org/10.1111/dmj.12023>
- Pavlova, O.A. (ed.) (2016). *Sovremennyye mass-media: problemy i perspektivy: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Modern mass media: problems and prospects: proceedings of the International scientific-practical conference]. Krasnodar, 224 p.
- Polonskiy, A.V. (2016). *Mediynnyy tekst i ego status v sovremennoy kul'ture* [Media text and its status in modern culture]. *Diskurs sovremennykh mass-media v perspektive teorii, sotsial'noy praktiki i obrazovaniya: materialy II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Aktual'nye problemy sovremennoy medialingvistiki i mediakritiki v Rossii i za rubezhom* [The discourse of modern media in the perspective of theory, social practice and education: proceedings of the 2nd International scientific-practical conference «Ac-

tual problems of modern media linguistics and media criticism in Russia and abroad». Belgorod: ID «Belgorod» NIU «BSU» Publ., pp. 68–74.

Radina, N.K. (2015). *Gorod v prostranstve i vremeni: problemy territorial'noy identichnosti v kontekste sotsial'no-ekonomicheskikh izmeneniy* [City in space and time: problems of territorial identity in the context of socio-economic changes]. Nizhny Novgorod: Dekom Publ., 344 p.

Sivukha, S.V. and Zubkovskaya O.N. (eds.) (2003). *Sotsial'nye predstavleniya (sotsial'nye reprezentatsii)* [Social representations]. *Sotsiologiya: Entsiklopediya* [Sociology: Encyclopedia]. Available at: <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/sociological/articles/221/socialnye-predstavleniya-socialnye.htm> (accessed 26.11.2019).

Vasilenko, I.A. (2012). *Sovremennyy imidzh Rossiyskikh regionov: problemy formirovaniya* [The modern image of the Russian regions: problems of

formation]. *Mir i politika* [World and Politics]. No. 12(75), pp. 75–79. Zamyatin, D.N. (2005). *Local'nye istorii i metodika modelirovaniya gumanitarno-geograficheskogo obraza goroda* [Local histories and methods of modeling the humanitarian and geographical image]. *Gumanitarnaya geografiya: nauchnyy i kyl'turno-prosvetitel'skiy al'manakh* [Humanitarian Geography: Scientific, Cultural and Educational Almanac]. Moscow: Institut Naslediya Publ., iss. 2, pp. 276–323.

Zamyatin, D.N. (2013). *Geokul'turnyy brending territoriy: kontseptual'nye osnovy* [Geocultural branding of territories: conceptual foundations]. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy* [Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Studies]. No. 5, pp. 11–23.

Received 17.01.2020

Об авторах

Пакишина Ираида Адольфовна

кандидат культурологии, ведущий научный сотрудник редакционно-издательского отдела

Научный центр социально-экономического мониторинга,
430009, Республика Мордовия, Саранск,
ул. Б. Хмельницкого, 39а;
e-mail: iraida-69@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3050-2127>

Руськина Елена Степановна

старший научный сотрудник
отдела-социопарка «Регионология»

Научный центр социально-экономического мониторинга,
430009, Республика Мордовия, Саранск,
ул. Б. Хмельницкого, 39а;
e-mail: redizd@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4436-1049>

About the authors

Iraida A. Pakshina

Ph.D. in Cultural Studies, Leading Researcher of the Editorial-and-Publishing Department

Scientific Center of Social-Economic Monitoring State Institution,
39a, B. Khmelnitckyy st., Saransk,
Republic of Mordovia, 430009, Russia;
e-mail: iraida-69@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3050-2127>

Elena S. Rus'kina

Senior Researcher of the Department –
Socio-park «Regionology»

Scientific Center of Social-Economic Monitoring State Institution,
39a, B. Khmelnitckyy st., Saransk,
Republic of Mordovia, 430009, Russia;
e-mail: redizd@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4436-1049>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Пакишина И.А., Руськина Е.С. Города Мордовии: идентичность в медийном дискурсе // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 2. С. 328–343.
DOI: 10.17072/2078-7898/2020-2-328-343

For citation:

Pakshina I.A., Rus'kina E.S. [Cities of Mordovia: identity in media discourse]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 2, pp. 328–343 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-2-328-343

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в **Перечень рецензируемых научных изданий ВАК России**.

Редакционная коллегия принимает к рассмотрению оригинальные статьи на русском и английском языке по следующим отраслям науки и соответствующим научным специальностям:

09.00.00 Философские науки (рубрика «Философия»)

09.00.01 Онтология и теория познания

09.00.11 Социальная философия

09.00.03 История философии

09.00.13 Философская антропология, философия культуры

19.00.00 Психологические науки (рубрика «Психология»)

19.00.01 Общая психология, психология личности, история психологии

22.00.00 Социологические науки (рубрика «Социология»)

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы

22.00.08 Социология управления

22.00.01 Теория, методология и история социологии

Издание включено в международные базы данных **Ulrich's Periodicals Directory** и **EBSCO Discovery Service**, в электронные библиотеки «**IPRbooks**», «**Университетская библиотека on-line**», «**КиберЛенинка**», «**Рукопт**», в электронную систему **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла — фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается строчными буквами жирным шрифтом и форматируется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 20000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и I (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

В журнал не принимаются материалы в формате эссе. Рекомендуется разбить текст статьи на **разделы**:

– введение;

– основное содержание (рекомендуется разбить тело статьи на несколько тематических частей и присвоить каждой собственное наименование);

– результаты/обсуждение;

– заключение /выводы.

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится. Русская версия заголовка, названия таблицы и примечания (при наличии) к таблице должна сопровождаться ее переводом на английский язык.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится. Подписи и примечания (при наличии) к рисункам должны приводиться как на русском, так и на английском языках. Рисунки, графики, диаграммы должны быть четкими, легко читаемыми.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографические ссылки в тексте оформляются на языке источников согласно принципами **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) с указанием страниц источника цитирования (в случае прямого цитирования на конкретных страницах или обращения к конкретному фрагменту источника без прямого цитирования). При этом ссылки на использованную литературу даются в самом тексте статьи в квадратных скобках. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи.

Постраничные сноски для ссылок на литературу *не допускаются*. Не рекомендуются и другие постраничные сноски — за исключением указания на *программу*, в рамках которой выполнена работа, или наименования *фонда поддержки*.

Ссылки в тексте оформляются в следующем виде:

– один автор: [Новиков А.М., 2002, с. 52], [Vernaleken A., 2006, p. 7];

– два автора: [Обухов, Иванова, 1999, с. 130];

– несколько авторов: указывается имя первого автора с последующим «и др.» [Иванова и др., 2002], но в списке литературы издание должно включать все имена авторов;

– несколько ссылок в алфавитном порядке разделяются точкой с запятой: [Орлов, Васильева, 2006; Рябухин, 2009], [Социология города..., 2010, с. 71; Петров, 2010, с. 55];

– две или более работ одного автора: [Береснева, 2014, 2016], [Внутских, 2017а, 2017б];

– книги под редакцией, материалы конференций, энциклопедии, словари, иные публикации: [Психолого-педагогическая..., 2014, с. 198], [Sociology and the end..., 2011].

Список литературы в соответствии с практикой международных научных журналов должен состоять как минимум из 15–20 источников.

Список литературы в конце статьи оформляется *автором (авторами)* в двух вариантах: в русском, согласно ГОСТ 7.1-2003 (<http://www.internet-law.ru/gosts/gost/1560/>), но без нумерации источников, и в *английском*, согласно принципам **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) также без нумерации источников.

Русский вариант списка литературы должен содержать все источники оформленные по ГОСТ 7.1.-2003 *в алфавитном (русского языка) порядке без нумерации*. Обязательно указывается: *для книг* — фамилия и инициалы автора (выделенные курсивом), название, город, издательство, год издания, том, *количество страниц*; *для журнальных статей, сборников трудов* — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, *страницы*; *для материалов конференций* — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, *страницы*.

Внимание: если источник, помещенный в библиографический список, имеет **идентификатор DOI**, то его указание в разделе Библиографический список в виде активной гиперссылки является обязательным! DOI указывается в конце библиографической записи, отделяясь от страниц точкой и пробелом. Информацию о DOI источников можно найти по адресу: <https://www.crossref.org/>.

Пример:

Внутских А.Ю. Глобальные катастрофические риски в свете концепции единого закономерного мирового процесса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 528–536. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2017-4-528-536>.

Bard, P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. 1934, vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

Ссылки на кириллице в не русском варианте (белорусском, украинском, словенском и т.д.) должны сопровождаться переводом на русский или английский язык.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается **только один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Английский вариант списка литературы («References») должен быть выполнен в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления** и содержать все источники *в алфавитном (английского языка) порядке без нумерации*.

Необходимо указывать всех авторов цитируемой работы, не ограничиваясь тремя или четырьмя для того, чтобы они все учитывались в базе данных. Используйте союз and для связи имен последних двух авторов. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «:», «-», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т.п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н.Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Просим сверяться с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия. Основное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, — это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления References:

а б в г д е ё ж з и й к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ь ы ь э ю я
a b v g d e e zh z i y k l m n o p r s t u f kh ts ch sh sch y e yu ya

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом <https://translitionline.com/nastrojki/> настроив транслитерацию в соответствии с указанными выше правилами (следует особо проверить транслитерированное изображение буквы щ).

Русские имена можно транслитерировать либо по приведенным правилам (например, «Ivanov», «Ignatev»), либо по другим, если их иное написание встречается в других источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi», «Marx», а не «Marks»).

По правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

Шаблон для оформления книг:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие. Сведения об издании (информация о переиздании, номер издания, серия)*, Место издания, Издательство. Объем — количество страниц.

Название русскоязычной книги приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). **Для англоязычных книг** приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Panina, T.S. and Vavilova, L.N. (2008). *Sovremennye sposoby aktivizacii obucheniya* [Modern ways of activating learning]. Moscow: Akademiya Publ., 176 p.

Black, V., Kraakman, R. and Tarasova A. (1999). *Kommentarij Federal'nogo zakona «Ob akcionernykh obshchestvakh»* [Commentary to the Federal Law «On Joint-Stock Companies»]. Moscow: COLPI Labirint, 720 p.

Porter, M. (2008). *Konkurentnaya strategiya: metodika analiza otraslei i konkurentov. Per. s angl. 3-e izd.* [Competitive strategy: methodology for analyzing industries and competitors. Trans. from Eng. 3rd ed.]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 453 p.

Turner, A. (2006). *Introduction to Neogeography*. London, O'Reilly Media, 56 p.

Шаблон для оформления статей или отдельных глав с указанием разных авторов из книги или сборника:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи: сведения, относящиеся к заглавию. *Заглавие книги: сведения, сведения, относящиеся к заглавию.* Место издания, Издательство, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). **Для англоязычных источников** приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Gonobolin, F.N. (1962) *Psihologicheskij analiz pedagogicheskikh sposobnostey* [Psychological analysis of pedagogical abilities]. *Sposobnosti i interesy* [Abilities and interests]. Moscow, APN RSFSR Publ., pp. 63–72.

Шаблон для оформления диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Ph.D. Thesis/D.Sc. Thesis*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Voskresenskaya, E.V. (2003). *Pravovoe regulirovanie otsenочноi deyatelnosti: dis. ... kand. jurid. nauk* [Legal regulation of valuation activities: dissertation]. St. Petersburg, 187 p.

Meadows, K. (2017). *Aristotle on ontological priority: Ph.D. Thesis*. Stanford: Stanford University, 185 p.

Шаблон для оформления авторефератов диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Abstract of Ph.D./D.Sc. dissertation*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Bezrodnaya, V.F. (2004). *Osobennosti formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v protsesse politicheskoi modernizatsii Ukrainy: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Features of civil society development in the process of political modernization of Ukraine: Abstract of Ph.D. dissertation]. Odessa, 16 p.

Шаблон для оформления статей из газет или журналов:

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи: сведения, относящиеся к заглавию. *Название журнала*. Номер выпуска, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Nazarchuk, A.V. (2011). *O setevykh issledovaniyakh v sotsial'nykh naukakh* [Network research in the social sciences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1, pp. 39–51.

Fedosiuk, O. (2005). Trafficking in human beings in criminal law and practice of courts. *Law*. No. 54, pp. 72–73.

Шаблон для оформления источников электронного ресурса удаленного доступа:

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год. Заглавие. Available at: URL (без знаков препинания в конце) (accessed — дата обращения).

Примеры:

Bauman, Z. (2011). *Tekuchaya modernost: vzglyad iz 2011 goda* [Flowing Modernity: view from 2011]. Available at: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (accessed 21.07.2017).

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только один, в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления**.

Для источников **на других языках** (например, немецком) данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz, F. (1892). *Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns* [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только **один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Допускается указание в формате постраничной сноски на **программу**, в рамках которой выполнена работа, или наименование **фонда поддержки**.

Статья должна сопровождаться:

- **индексом УДК;**
- **аннотацией** на русском и английском языках состоящей минимум из 200 слов;
- **ключевыми словами** (до 15 слов) на русском и английском языках (ключевые слова просим разделять запятыми) с заголовком *Ключевые слова/Keywords*;
- **информацией об авторе** в отдельном файле (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты;
- **информацией об идентификаторах автора в виде активных гиперссылок: ORCID** (в обязательном порядке, регистрация возможна на сайте <http://orcid.org/>) и **ResearcherID** (желательно);
- **рецензией** научного руководителя (только для аспирантов и соискателей).
- **скан-копией справки об обучении в аспирантуре**, заверенной руководителем учреждения (только для аспирантов).

Текст аннотации не следует разбивать на абзацы. В аннотации следует избегать лишних вводных фраз (например, «В статье рассматриваются...» или «Автором рассматривается...») Аннотация должна раскрывать содержание исследования и включать информацию о:

- предмете, теме, цели работы (если они не очевидны из названия статьи);
- метод или методологию проведения работы (если они отличаются новизной и представляют специальный интерес);
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье).

При подготовке аннотации на английском следует избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: «The study tested», а не «It was tested in the study».

Подробные рекомендации по подготовке качественной аннотации можно найти в работе эксперта БД SCOPUS О.В. Кирилловой (<http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf>).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы отправляются автором на электронный адрес fsf-vestnik@yandex.ru Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

В соответствии с «Положением об этических стандартах редакционной политики Пермского государственного национально-исследовательского университета», автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями, и готов подписать лицензионный договор с Издателем (с текстом лицензионного договора можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf/89-nauka/282-litsenzionnyj-dogovor-s-avtorami>).

Предоставление авторами сторонних рецензий не требуется (кроме аспирантов и соискателей). Все статьи в обязательном порядке подвергаются процедуре двойного «слепого» рецензирования. Принятые статьи рейтинуются и отбираются к публикации в ближайших выпусках.

Публикации для аспирантов бесплатные.

Редакционная коллегия информирует, что публикации и для остальных авторов в 2020 году будут **бесплатными**.

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2020 году:

Сроки представления рукописей статей	Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника
в № 1 — до 01 февраля	27 марта
в № 2 — до 01 мая	26 июня
в № 3 — до 01 августа	25 сентября
в № 4 — до 01 ноября	25 декабря

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Контактная информация редколлегии:

e-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, тел. +7(342) 2396-305

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) invites authors of original research to publish their findings in the journal. The journal is on the Russian list of the leading peer-reviewed scientific journals and periodicals where the results of scientific research required for getting the scientific degree of Candidate or Doctor of Sciences (PhD) must be published.

The Editorial Board of the journal receipts original papers in Russian and in English accordingly study fields as follows:

09.00.00 Philosophy

09.00.01 Ontology and Epistemology

09.00.11 Social Philosophy

09.00.03 History of Philosophy

09.00.13 Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture

19.00.00 Psychology

19.00.01 General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology

22.00.00 Sociology

22.00.04 Social Structure, Social Institutions and Processes

22.00.08 Sociology of Management

22.00.01 Theory, methodology and History of Sociology

The journal is included in the international databases *Ulrich's Periodicals Directory* and *EBSCO Discovery Service*, in the digital library *IPRbooks*, *electronic library system «The University Library On-line»*, *open access scientific library «CyberLeninka»*, *national digital resource «RUCONT»* and *national information-analytical system «Russian Science Citation Index (RSCI)»*.

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in lowercase letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use **boldface** or *italic*. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that there observed distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—). Centuries should be represented by with Roman numerals (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «...»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «...”...”...»).

The materials in the essay format are not accepted in the journal. We urge to divide the text of your article into the following parts:

– introduction;

– principal content (we recommend subdivide the article body into several components giving a title to each of them);

– results / discussion;

– conclusions / statements.

Headings of the main sections of your paper should be in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists should be done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions should be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures. Pictures, graphs, diagrams should be clear, easy to read.

Formulas should be written in Microsoft Word Equation, version 3.0 or earlier.

References should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>) If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned in square brackets, e.g.: [Vernaleken A., 2006, p. 7].

Reference list has include from 15 to 20 citations as minimum, and should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>). Generally, Harvard Reference List citations follow this format: Last name, First Initial. (Year published). *Title*. City: Publisher, Page(s), e.g.: Turner, A. (2006), *Introduction to Neogeography*, London, O'Reilly Media, 56 p.

Citations are listed in alphabetical order by the author's last name. If there are multiple sources by the same author, then citations are listed in the order of the date of publication.

Each resource should be mentioned in the list of references just once. The list of references should contain only those resources, which were cited in the text. All the resources cited in the text should be included in the list of references. Please provide Russian or English translation to non-Russian Cyrillic references.

Note: If cited source has DOI, then DOI name should be given in References as active hyperlink. DOI name should be placed at the end of the item, and it should be divided from the previous text by dot and void interval.

For example:

Bard, P. (1934). On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. Vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

For **resources in English** the imprint should be given in English only.

For example:

Head, H. and Holmes, G. (1911–1912). Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*. Vol. 34, p. 102.

For **resources in other languages** (e.g. German) the imprint should be given both in English and in the resource language

For example:

Goltz, F. (1892). Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Please do not use footnotes. You may only use a footnote to indicate a **project, scholarship or foundation**, which supported your research.

Your contribution should be accompanied by:

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 200 words (as minimum); abstract should include information about subject, objectives, methodology of the article, discussion of results and conclusion;
- key words (up to 15);
- information about the author (in separate file): surname and first name; place of work and position; academic degree; academic title; information about author's ID as active hyperlink (ORCID, ResearcherID); mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- reference letter of the academic supervisor (for PhD students only);
- scanned copy of verified certificate of study (for PhD students only).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board will not return to the authors. The editorship may edit the text of the article and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Submissions should be sent **to the e-mail address of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru**. The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

According to «Regulations of Ethical Standards of Editorial Policy of Perm State University» the author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her article the author confirms that the manuscript has not been published previously and has not been sent to other journals for consideration before and will not be sent to other journals for publication afterwards. By sending his or her article the author confirms that he or she agrees with the requirements of the Guidelines, and is ready to sign the license agreement with the Publisher (see the text of the agreement at web-site: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>).

Providing outside reviews by authors isn't obligatory (excepting PhD students). All articles are exposed to double «blind» reviewing. The approved articles are ranked for selection to the publication in the next issues.

The publication of manuscript of PhD students is **free**.

The Editorial Board informs that the publication of manuscripts is free for all authors in 2020.

Submission deadlines in 2020

Submission deadlines	Planned date of publication
No 1 February 1	March 27
No 2 May 1	June 26
No 3 August 1	September 25
No 4 November 1	December 25

Electronic versions of the previously published issues of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* may be found here: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Contacts

Phone: +7(342) 2396-305

E-mail of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru

Научное издание
Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2020
Выпуск 2

Редактор *В.А. Филимонова*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
(ответственный секретарь коллегии)
Макет обложки *Н.С. Шеколовой*

Подписано в печать 23.06.2020
Дата выхода в свет 26.06.2020
Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 20,2
Тираж 500 экз. Заказ 983/2020

Адрес учредителя и издателя:

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д.15
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Адрес редакции:

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
(Философско-социологический факультет).
Тел. +7 (342) 239-63-05

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15 Тел.+7 (342) 239-66-36

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии издательства
Пермского национального исследовательского политехнического университета.

614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 113. Тел. (342) 219-80-33

Распространяется бесплатно и по подписке